ПГИМ
Инв. № 12555/371

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

А. Я. Панафидина.

Москва, Покровка, Лялинъ пер., собств. д., № 11—13.

Продаются, между прочимъ, слѣдующія книги:

Александровъ Н.
Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ.

Чтеніе 1-е. Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы. М. 1897 г. ц. 10 к.

Чтеніе 2-е. Жители лѣсной полосы. М. 1897 г. ц. 10 к.

Чтеніе 3-е. Новороссія (Богатыя степи). М. 1898 г. ц. 10 к.

Чтеніе 4-е. Малороссія (Благодатный край). М. 1898 г., ц. 10 к.

Чтеніе 5-е. Крымъ. (Жемчужина Россіи), съ 2-мя рисунками въ текстѣ. М. 1898 г. ц. 15 коп.

Каждая книжка съ картинкою на обложкѣ соотвѣтствующая тексту.

Александровъ, П. Какъ завелись у насъ правильныя артели? ц. 10 к.

Д-ра Andrie. Зубныя болѣзни. Клиническія лекціи. Пер. съ франц. подъ ред. врача Л. Коченовскаго. Спб. Ц. 2 р. 25 к. Содержаніе: Показанія къ извлеченію зубовъ.—Объ эстракціи зубовъ.—О трудныхъ случаяхъ извлеченія зубовъ. — О случайностяхъ при извлеченіи зубовъ. — О резекціи зубовъ. — О гигіеническомъ уходѣ за полостью рта. — О провизорныхъ пломбахъ. — О выборѣ веществъ, годныхъ для пломбъ.—Объ умерщвленіи пульпы.—О пломбировкѣ корней.—О зубныхъ нарывахъ.—О воспаленіи надкостницы зубной луночки.—О пульпитѣ или воспаленіи зубной мякоти.—О прививкѣ зубовъ.—О зубныхъ фистулахъ.

Беймертъ, В. Университетское образованіе женщины, ц. 10 к.

D-r Paul Berger. Леченіе худобы на діэтетическихъ основахъ. Симптомы, сущность, распознаваніе и леченіе худобы и сопутствующихъ ей болѣзней. Съ нѣмецкаго перевелъ врачъ Б. М. Цымковскій. Спб., ц. 65 к.

Бибиковъ, Викторъ. Разсказы: Барьерная сторожихъ.—На лодкѣ.—Любочка. — Встрѣча. —Писатель. — Счастье. — Путевой альбомъ. —Приключеніе.—Всеволодъ Гаршинъ.—С. Я. Надсонъ. Спб., ц. 50 к.

Билибинъ, Н. О тригонометрическихъ функціяхъ, ц. 1 р. 25 к.

Богословскій, М. Священная исторія Новаго Завѣта. 1895 г., ц. 1 р.

Его же. Ветхаго Завѣта. 1896 г., ц. 1 р. 25 к.

Его же. Великій Канонъ святаго Андрея Критскаго въ переводѣ на русскій языкъ, ц. 20 к.

Его же. Курсъ общаго церковнаго права. Уроки преподанные воспитанникамъ Императорскаго училища Правовѣдѣнія, ц. 1 р. 25 к.

Брандтъ. Популярная Зоологическая Энциклопедія. Млекопитающія, роскошное изданіе съ 563 рисунками. Алфавитъ названій на русскомъ и латинскомъ яз. 462 страницы, ц. вмѣсто 5 р.—2 р.

Булгаковъ, О. И. Ловля, содержаніе, строеніе тѣла и жизнь комнат. и пѣвчихъ птицъ, съ 27 рис., ц. 1 р.

Д-ръ С. Бутте. Недостаточное упражненіе мускуловъ, какъ причина развитія многихъ болѣзней. Пер. съ франц. С. З. Поповой. Спб., ц. 60 к.

Быловъ. Какъ устроить самыми простыми, находящимися подъ руками средствами, разные кабинеты и учебныя пособія при сельскихъ школахъ. Спб., ц. 20 к.

Бэкеръ, Д. Г. Начальныя основанія ботанической географіи, ц. 70 к.

Бэнъ, А. проф. Наука воспитанія. Спб., 1881 г., ц. 2 р. 50 к.

Вадимъ, А. Лондонъ. Общественные и бытовые очерки. Съ иллюстр. Г. Доре. Спб., ц. 75 к.

Вильморенъ, Андріе и К°. Наставленіе какъ сѣять воздушныя цвѣточныя растенія, ц. 1 р. 50 к.

Вилъ, д-ръ. Діэта для страдающихъ желудочными болѣзнями и діэтическая поваренная книга для здоровыхъ и больныхъ, ц. 2 р.

Виноградовъ. Наставленіе къ ловлѣ рыбъ и раковъ въ нашихъ пѣсныхъ водахъ. Съ 56 рис., ц. 1 р.

Военный судъ, его защитники и разрушители, ц. 1 р. 25 к.

Воленсъ. Собраніе ариѳметическихъ задачъ (по Грубе). Учебное пособіе при первоначальномъ преподаваніи ариѳметики. Въ 2 ч. Цѣлыя числа и дроби. Издан. 18-е. Спб., 1898 г., ц. 30 к. Допущенъ къ употребленію въ низшихъ училищахъ Мин. Нар. Просв.

Его же. Методъ элементарнаго преподаванія ариѳметики въ народной школѣ. Спб., ц. 1 р.

Его же. Руководство къ ариѳметикѣ. Изд. 16-е. Спб., 1891 г., ц. 60 к.

Его же. „Элементар. геометр.“ Руководство для низшихъ учебныхъ заведеній и вообще начинающ. Спб., ц. 50 к.

Его же. Начальная геометрія. Учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, съ 6-ю литограф. табл. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Его же. Задачникъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Сборникъ простѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ и предварительныя упражненія, служащія для изученія чиселъ до 100 и дѣйствій надъ ними. Изд. 6-е. 1896 г., ц. 10 к.

Волжинскій. Замѣчательные люди. Біографіи: Ломоносова, Кулибина, Власова, Слѣпушкина, Кольцова, Ермака Тимофеича, Меншикова, Потемкина, Сперанскаго, Суворова, Минина, Пожарскаго и Сусанина, ц. 20 к.

Его же. Полезное чтеніе для грамотнаго простолюдина, ц. 20 к. Съ картинкой на обложкѣ.

ГАЙ ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ
ЗАПИСКИ
О ГАЛЬСКОЙ ВОЙНѢ.

Книга 1-я. Переводъ съ примѣчаніями. М. 1897 г., ц. 30 к.

Книга 6-я. Переводъ съ примѣчаніями. М. 1897 г., ц. 30 к.

Гаршинъ, **Евг.** Новгородскія древности, съ рис. Спб., ц. 25 к.

Его же. Критич. опыты.—Испорченная жизнь.—Наши духовные отцы.—Поэзія А. П. Полонскаго.—Драмы Островскаго, какъ основа народнаго репертуара.—Рус. драма на новомъ пути.—Рус. литература за 1886 г. Спб., 1888 г., ц. 1 р.

Георгіевскій, С. Принципы жизни Китая. 494 стр. и 16 табл. прил. Спб., ц. 2 р. 50 к.

Его же. Отвѣтъ гр. Толстому на рецензію „принципы жизни Китая", ц. 50 к.

Его же. О корневомъ составѣ китайскаго языка, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ. Спб., 1888 г., ц. 2 руб.

Его же. Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающій въ себѣ исторію жизни древн. китайск. народа. Спб., 1888 г., ц. 2 р.

Геннингъ. Справочная книжка и указатель русскаго правописанія, ц. 1 р. 25 коп.

Гинцбургъ. Русская правда. Текстъ по тремъ спискамъ, съ пред. и краткимъ объяснит. словаремъ. Спб., 1888 г., ц. 40 к.

Гирцъ. Руководство къ обученію кройкѣ, шитью, бѣлошвейному мастерству и вязанью, съ 196 рис. въ текстѣ, ц. 1 р.

Голлендеръ. Извлеченіе зубовъ; подъ редак. В. П. Діанина. Съ рис. въ текстѣ. Спб., ц. 75 к.

Гурьевъ, П. Практ. ариѳметика. Кн. I. Низшій курсъ, ц. 75 к.

Его же. Кн. II. Высшій курсъ. ц. 1 р. 25 коп.

Де-Бари, А. Ботаника. Съ 47 рисунками. Спб., ц. 40 к.

Дізъ, Авг., д-ръ. Ревматизмъ и радикальное лѣченіе его, ц. 40 к.

Древніе классики для русскихъ читателей. Лукаса Коллинза, Гомеръ Одиссея, Гомеръ Иліада; Ливій; письма Плинія, Эврипидъ; Юлій Цезарь, цѣна каждому выпуску по 1 р.

Дружокъ. Календарь для учащихся, издающійся ежегодно къ учебному времени. 170 страницъ, ц. 15 к.

Дьяконовъ, Д. Аллюминій, его свойства и техническая обработка, сплавы его съ другими металлами. Спб., 1884 г., ц. 25 к.

Дюфренъ, І. Руководство къ изученію шахматной игры для начинающихъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ указаніемъ на рисункахъ разстановки и др. ходовъ шахматъ. М., 1897 г., ц. 50 к.

Жиро, Ш. Начало геометрической теоріи механизмовъ (безъ помощи высшей математики). Съ 167 чертежами въ текстѣ. Спб., ц. 1 р. 20 к.

Заблудовскій. Матеріалы къ вопросу о дѣйствіи массажа на здоровыхъ людей. Спб., ц. 50 к.

Зандъ-Жоржъ. Орасъ. Романъ. Перев. В. Крестовскаго. Спб., ц. 1 р. 75 к.

Зиновьевъ. Наши сельскіе пожары. Наставленіе волостнымъ старшинамъ, сельскимъ старостамъ и всѣмъ грамот. крестьянамъ, какъ оберегаться отъ пожаровъ въ селеніяхъ, лѣсахъ, степяхъ и торфяникахъ и какъ ихъ тушить, съ рисунками, ц. 60 к.

Золя, Эмиль. Трясина, ром. Спб., ц. 1 р. 50 к.

Зорька. Книжка для народнаго чтенія. Годъ 1-й. Съ письменными упражненіями и задачами для правописанія въ предѣлахъ 1-го года. Добровольскаго и Цвѣткова, ц. 25 к.

Иванова, Е. Сельско-хозяйственный сборникъ, в. 1-й, ц. 20 к.

Иверсенъ. О вредныхъ насѣкомыхъ и о важности охраненія насѣкомоядныхъ птицъ, какъ даровыхъ помощниковъ въ борьбѣ съ вредными насѣкомыми. Спб., ц. 15 коп.

Изъ жизни русскихъ писателей. Разсказы и анекдоты, ц. 75 к.

Иллюстрированные разсказы для дѣтей изъ жизни животныхъ. Сост. по Брему, Жоффруа, Сент.-Илеру, Франклину и друг. въ папкѣ, съ рисунк. въ текстѣ. Спб., ц. 50 к.

Историческіе разсказы. Испанцы въ Мексикѣ. Ріенцы. Жизнь Вашингтона. 366 стр. Спб., ц. 50 к.

Какъ я поступилъ въ школу. Разсказъ, ц. 30 к.

Каченовскій, Л., врачъ. Новѣйшій способъ леченія подъостраго и остраго воспаленія пульпы зубовъ. Спб., ц. 30 к.

Кирѣевскій. Промышленность садовыхъ соединеній, вып. 1-й, ц. 1 р.

Классовскій. Замѣтки о женщинѣ и ея воспит., ц. 50 к.

Клоссе, К. Учебный Нѣмецко-Русскій Словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка, ц. 40 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ 1-й и 2-й ч. учеб. франц. языка В. Игнатовича. 2-е изд., ц. 40 к.

Тоже. Къ русскимъ упражненіямъ 1-й части (этимологія) латинской грам. Я. Кремера по Кюнеру. 1889 г., ц. 40 к.

Тоже. Къ практическ. руководству въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій, М. Массона, ц. 60 к.

Тоже. Къ учеб. Марго, ц. 40 к.

Кое-что, кое о чемъ. Дѣтскіе разсказы, ц. въ папкѣ 1 р.

Колокольниковъ, В. Кавказъ, очеркъ, М., 1898 г., ц. 15 к. Съ картиной на обложкѣ.

Его же. Церковно-славянскій словарь. — Для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтири и Часослова. Спб., 1897 г., ц. 10 к.

Его же. Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Съ портретомъ Ломоносова. М., 1897 г., ц. 10 к.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія, съ двумя статьями о немъ П. Смирновскаго. Съ портретомъ Кольцова. М., 1897 г., ц. 20 к.

Д-ра Collineau. Терапевтическія указанія къ примѣненію гимнастическихъ упражненій и ихъ критическая оцѣнка. Пер. съ франц. подъ редакціей врача Л. Каченовскаго. Спб., ц. 60 к.

Компертъ. Ходебщикъ. Разсказъ изъ еврейской жизни, ц. 50 к.

Красногорскій. Учебный курсъ синтаксиса русскаго языка, съ приложеніемъ матеріала грамматическаго разбора и письменныхъ работъ. Изд. 3-е, исправленное. 1894 г., ц. 50 к., въ перепл. 60 коп.

Его же. Орѳографическія таблицы, 3 вып., ц. 50 к.

Его же. Задачи по русскому правописанію съ приложеніемъ орѳографическаго словаря. 9-е изданіе, ц. въ перепл. 85 к.

Красный цвѣтокъ. Литературный сборникъ въ память Всеволода Гаршина, ц. 1 р. 50 к.

Кронебергъ, А. Элементарныя начала геометрическаго анализа или такъ называемой новой геометріи. Съ атласомъ чертежей. Спб., 1880, ц. 3 р.

Кругловъ, А. Дѣти лѣсовъ. Повѣсть для дѣтскаго чтенія, ц. 1 р. въ папкѣ.

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА,

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Ѳ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о баснях Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ библіотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія къ баснямъ (по В. Ѳ. Кеневичу. Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ баснях Крылова (П. Смирновскаго) Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.

Левинштейнъ. Основанія практической отіатріи, ц. 75 к.

Лесгафтъ, проф. О задачахъ физическаго воспитанія (по сообщенію проф. Лесгафта, сост. Л. Качеповскій). Спб., ц. 15 к.

Лѣтнія занятія въ полѣ съ перомъ и карандашемъ. Руководство къ самообученію умѣть рисовать планы, ландшафты и т. д. и раскрашивать рисунки. Съ 82 фигурами въ текстѣ, ц. 1 р. 50 к.

Маслова. Шевченко, біографическій очеркъ. 2-е изданіе. М., 1887 г., съ портрет., ц. 40 к.

Маслова, А. Таблицы полулощадей для подсчета земляныхъ работъ, канавъ. Москва, 1894 г., ц. 25 к.

Макъ-Карти. Исторія нашего времени съ 1837 по 1878 г. Перев. съ англійск., ц. 1 р. 50 к.

Мировой судъ. Статьи закона о веденіи гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, ц. 15 к.

W. Murrell, (Профессоръ Вестминстерской больницы). ***Массажъ,*** какъ способъ леченія. Краткое руководство по массажу. Переводъ съ третьяго англійскаго изданія д-ра В. К. Панченко. Съ предисловіемъ Dujardin-Beaumets'a къ французскому изданію и примѣчаніями французскаго и русскаго переводчиковъ. Съ 8-ю рисунками въ текстѣ. Спб., ц. 60 коп.

Михайловскій, Н. К. Сочиненія. Т. 1, 2, 3 и 6, ц. 9 р. 50 к. (т. 4 и 5 распроданы).

Михайловскій, Д. Л. Демократія. Романъ изъ америк. жизни. Спб., ц. 1 руб. 25 к.

Молешотъ Я. Форстеръ. Народный естествоиспытатель, ц. 1 р.

Проф. Моссо. Страхъ. Психофизіологическій этюдъ. Пер. съ франц. изданія, женщины-врача С. З. Поповой. Спб., ц. 1 р. 50 к.

Морли, Джс. О компромиссѣ. Съ пред. и статьей о духѣ компромисса въ Англіи. Сод.: Вступленіе. — О возможной полезности заблужденія.—Интелектуальная отвѣтственность и политическій духъ.—Религіозное согласіе.—Осуществленіе идей.—Приложеніе ученія о свободѣ Милля.—Этика и политика, статья Варрета. Спб., 1881 г., ц. 50 к.

Д-ра Nehel. О механическомъ леченіи съ разсмотрѣніемъ примѣненій шведской и механической гимнастики. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра В. К. Панченко. Спб., ц. 75 к.

Проф. Нуссбаума. Новыя средства для леченія нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣм. д-ра Панченко, съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика, ц. 30 к.

Новаковскій, В. Дивенъ Богъ въ дѣлахъ Своихъ. Спб., ц. 10 к.

Обиходная книжка для мальчиковъ. Содер.: Папочныя и переплетныя работы.—Формовка изъ гипса.—Гальванопластика.—Столярныя и плотничныя работы.—Работы изъ дерева въ натуральномъ видѣ.—Выпиливаніе изъ дерева.—Выпиливаніе изъ цинковыхъ листовъ.—Токарное искусство.—Рѣзная работа по дереву — Приготовл. физическ. прибор. и моделей. Съ 238 рис. въ текстѣ, ц. 2 р.

Оксъ, д-ръ. Дифтеритъ, чахотка и другія болѣзни, ц. 50 к.

Его же. Физіологія сна и сновидѣній, пророческія сновидѣнія, ц. 1 р.

О пещерахъ соляныхъ и каменно-угольныхъ копяхъ, ц. 10 к.

САМОУЧИТЕЛЬ

НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА

Оллендорфа.

САМОУЧИТЕЛЬ

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

Оллендорфа.

Практическое руководство къ правильному и безошибочному чтенію, письму, переводу и бѣглому разговору на этихъ языкахъ, въ 3 мѣсяца, съ практическими ключами. Приспособленные для русскихъ. М., 1898 г., ц. съ ключами 2 р. 50 к. (Цѣна каждому языку отдѣльно съ ключемъ 1 р. 25 к.).

Производство ваксы, лаковъ, мазей, маслъ и дегтя для кожи и коженен. продуктовъ (Обуви, сбруй, ремней, резин. галошъ и т. п.). Составилъ А. В. 1896 г., ц. 25 к.

Петровъ, К. „Звѣздочка", сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для постепеннаго изученія роднаго языка. М. 1896 г., ц. 40 к., изд. 7-е. Допущено Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ низшихъ классахъ гимназій, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета—для народныхъ школъ. Это 7-е изданіе дополнено еще 5-мъ отдѣл.—прибавл. славянск. текстъ.

Цѣль составителя дать обширный и разнообразный выборъ статей въ прозѣ и стихахъ, собственно для изученія языка и для развитія любви и вкуса къ роднымъ писателямъ, дать хорошіе образцы, по которымъ дѣти выучились-бы толково читать и понимать прочитанное. Поэтому выборъ здѣсь чисто литературный, не имѣющій вовсе въ виду сообщенія реальныхъ, историческихъ или географическихъ знаній. Сообразно цѣли, онъ очень хорошъ и разнообразенъ. Всѣхъ статей 217, причемъ стихи напечатаны въ два и даже въ три столбца, четкимъ шрифтомъ.

Выборъ сдѣланъ исключительно изъ лучшихъ русскихъ писателей. Порядокъ статей раздѣленъ по временамъ года, начиная съ осени. Въ началѣ первыхъ трехъ отдѣловъ (осень, зима, весна) помѣщены статьи болѣе легкія, а потомъ къ концу все труднѣе и труднѣе, такъ что, по мнѣнію составителя, преподаватель, если найдетъ нужнымъ, можетъ съ младшимъ отдѣленіемъ или классомъ пройти первыя, а со старшимъ вторыя. Въ отдѣлахъ сначала идетъ повѣствованіе какъ болѣе доступное для пересказа и интересное, далѣе—статьи съ элементомъ описательнымъ, потомъ стихотворенія и, наконецъ, басни, которыхъ въ книгѣ много. Послѣдній, четвертый отдѣлъ почти весь состоитъ изъ описательныхъ статей, о чемъ нельзя не пожалѣть; слѣдовало бы помѣстить здѣсь повѣствованій побольше, но только болѣе сложныхъ по содержанію. Въ общемъ, книжка очень хорошая и въ школахъ весьма полезная. Рецензію писалъ В. Острогорскій. „Систематич. обзоръ русской литературы", изд. 2-е. 1886 г., стр. 163.

Отзывы печати о прежнихъ изданіяхъ слѣдующіе: Сборниковъ и хрестоматій для дѣтей у насъ не мало, но дѣльныхъ и вполнѣ соотвѣтствующихъ своей цѣли почти совсѣмъ нѣтъ, поэтому появленіе всякаго новаго сборника возбуждаетъ интересъ, такъ какъ является мысль, не соотвѣтствуетъ-ли этотъ новый сборникъ тѣмъ условіямъ, которыя вправѣ предъявить заботливый преподаватель. Внимательное разсмотрѣніе сборника „Звѣздочка" приводитъ насъ къ убѣжденію, что это пособіе—одно изъ лучшихъ, попадавшихъ намъ въ руки. Большинство нашихъ составителей хрестоматій придерживаются ложнаго взгляда: они всегда хотятъ дать дѣтямъ всеобъемлющую энциклопедію, полную сокровищницу знаній. Въ виду этого, г. Петровъ помѣстилъ въ своемъ сборникѣ различныя свѣдѣнія не для того, чтобы передать ученикамъ что-нибудь новое, неизвѣстное, а главнымъ образомъ для того, чтобы дать болѣе или менѣе подходящій матеріалъ для бесѣдъ, чтобы посредствомъ книги дать тѣ же свѣдѣнія объ окружающемъ, которыя они, по всей вѣроятности, уже получили непосредственно. „Звѣздочка" дѣлится на четыре отдѣла и статьи; подборъ статей сдѣланъ такъ, что въ началѣ каждаго отдѣла статьи помѣщены болѣе легкія, а къ концу все труднѣе и труднѣе. „С.-Петербургскія Вѣдомости", № 235, 1880 г.

„Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, существующія хрестоматіи не удовлетворяютъ своему назначенію, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатковъ тѣхъ методъ, которыми руководствуются составители хрестоматій, классифицирующіе литературные образцы безъ всякаго точнаго ск. чема-

(Продолж. см. въ концѣ книги).

8П1
П62

ПОСОБІЕ

ПРИ ИЗУЧЕНІИ

ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

КУРСЪ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ

МУЖСКИХЪ И ЖЕНСКИХЪ ГИМНАЗІЙ.

СОСТАВИЛЪ

П. Смирновскій.

32926

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

(Отъ Ломоносова до Карамзина).

Изданіе девятое.

Цѣна въ перепл. 1 р. 15 коп.

МОСКВА.

Собственность книжной торговли, спеціально для иногородныхъ, А. Я. Панафидина. Москва, Покровка, Лялинъ пер., собствен. д., № 11—13

1899.

Типография И. Я. Полякова. Покровка, Лялинъ пер., д. № 13.

Предисловіе къ третьему изданію.

Третье изданіе 3-го выпуска «Пособія» (названнаго теперь второю частью Пособія) вновь обработано и дополнено соотвѣтственно программѣ мужскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Характеръ второй части такой же, какъ и первой.

Главными источниками служили труды А. Галахова и Порфирьева.

Павловскъ, 1884 г. августа 14.

П. Смирновскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ
ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ОТДѢЛЪ I.
Отъ Ломоносова до Карамзина.

Ломоносовъ 2
Сумароковъ 53
Императрица Екатерина II 105
Сатирическіе журналы Екатерининской эпохи 133
Фонвизинъ 144
Державинъ 213
Второстепенные писатели второй половины XVIII вѣка:
Херасковъ 257
Богдановичъ 260
Хемницеръ 271
Княжнинъ 277
Аблесимовъ и Капнистъ 279

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ
ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ новомъ періодѣ исторіи нашей литературы различаются слѣдующіе отдѣлы:

I. Отъ Ломоносова до Карамзина;
II. Отъ Карамзина до Пушкина;
III. Отъ Пушкина до новѣйшаго времени.

ОТДѢЛЪ I.

ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

Западно-европейская наука и литература уже въ XVII-мъ столѣтіи начали оказывать свое вліяніе на наше просвѣщеніе. Петръ Великій своими преобразованіями значительно ускорилъ то движеніе, которое началось еще до него, и, при своей неутомимой дѣятельности и геніальномъ умѣ, достигъ завѣтной цѣли: онъ водворилъ на Руси европейскую науку. Литература со времени Петра также дѣлаетъ быстрые успѣхи, и у насъ начинаютъ водворяться западно-европейскія литературныя формы. Такъ, уже въ 1729 году Кантемиръ выступаетъ со своею сатирою, а вслѣдъ за нимъ Тредьяковскій пытался ввести у насъ и другія литературныя формы—оду, поэму, идиллію, трагедію — и лишь недостатокъ поэтическаго таланта мѣшаетъ ему утвердить эти формы въ нашей литературѣ. Но за Тредьяковскимъ является Ломоносовъ, человѣкъ съ геніальнымъ умомъ и съ несравненно бо́льшимъ поэтическимъ даромъ, чѣмъ Тредьяковскій. Онъ, съ одной стороны, поправляетъ то, что уже было сдѣлано его предшественникомъ, а съ другой — прибавляетъ много новаго и самъ, и оказываетъ такія громадныя услуги нашей словесности, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, что исторія справедливо называетъ его отцомъ новой русской литературы.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

(1711 — 1765) [1]).

Біографическія свѣдѣнія.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, сынъ крестьянина, занимавшагося рыбнымъ промысломъ на Бѣломъ морѣ, родился въ Архангельской губерніи, въ Куроостровской волости (на островѣ Двины) въ деревнѣ Денисовкѣ, близъ города Холмогоръ. Отецъ Ломоносова, Василій Дороѳеевъ, рано сталъ брать сына съ собою на промыслы, и молодой Михайла, помогая отцу, раздѣлялъ съ нимъ всѣ труды и опасности, неразлучные съ жизнью нашего сѣвернаго поморянина-рыбака. Не разъ приходилось ему на легкомъ гальотѣ совершать дальніе переѣзды по Бѣлому морю, въ Колу, Соловки и другія мѣстности; случалось бывать съ отцомъ на промыслахъ даже и въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Эта жизнь среди трудовъ безпокойной промысловой дѣятельности, среди опасностей и лишеній, среди странствованій по непривѣтнымъ и бурнымъ волнамъ сѣверныхъ морей, въ непосредственной близости къ сѣверной природѣ, суровой и пустынной, но тѣмъ не менѣе величественной, не могла не оказать огромнаго вліянія на впечатлительнаго юношу: она закалила его характеръ, выработала въ немъ стойкость и желѣзную волю, пробудила страстную любовь къ природѣ и помогла окрѣпнуть тому глубокому религіозному чувству, которое начало развиваться въ Михайлѣ еще въ дѣтствѣ, подъ вліяніемъ матери, женщины доброй и религіозной, дочери дьякона изъ сосѣдняго села Матигоръ. Таковъ уже былъ Ломоносовъ еще 20-лѣтнимъ юношей, когда въ январѣ 1731 г. онъ впервые появился въ Москвѣ.

Но что же привлекло въ Москву этого закаленнаго и отважнаго «сына рыбака»?

Хотя отецъ Ломоносова самъ и не былъ грамотенъ, но былъ въ родствѣ и водилъ дружбу съ людьми грамотными. Одинъ изъ такихъ людей, крестьянинъ Иванъ Шубной, особенно полюбившій даровитаго парня—Михайлу, выучилъ его грамотѣ, и скоро молодой рыбакъ пристрастился къ чтенію.

У одного изъ крестьянъ своей деревни, Христофора Дудина, онъ

---

[1]) Подлинный годъ рожденія Ломоносова съ точностію не извѣстенъ: приблизительно можно указать на 1711 годъ (См. «Мих. Вас. Ломоносовъ». Біографич. очеркъ. Спб 1863. Соч. Вл. Ламанскаго).

досталъ себѣ грамматику Смотрицкаго, ариѳметику Магницкаго и псалтирь, переложенную въ стихи Симеономъ Полоцкимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ пріобрѣлъ Михайла эти книги, онъ уже просиживалъ надъ ними по зимамъ цѣлые дни, и въ немъ развилась необыкновенная пытливость вмѣстѣ съ страстнымъ желаніемъ учиться. Но трудно было Ломоносову, оставаясь на родинѣ, удовлетворить своему страстному желанію. Съ одной стороны, тѣхъ книгъ, которыми онъ запасся, было слишкомъ недостаточно для его любознательности, а съ другой стороны—измѣнились и самыя условія домашней жизни: мѣсто доброй матери, которой такъ рано лишился Ломоносовъ, заступила сварливая мачеха, не любившая видѣть молодого Михайлу за книгою, считая подобнаго рода занятія праздными провожденіемъ времени. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Ломоносовъ говоритъ: «всячески старалась (мачеха) произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу попусту за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы» [1]). Но Михайлу больше всего на свѣтѣ занимали книги. «Надо было, наконецъ, на что-нибудь рѣшиться—и вотъ тайный внутренній голосъ, демонъ Ломоносова, давно уже не дававшій ему покоя, манившій его куда-то вдаль, обѣщавшій ему славное будущее, внушаетъ ему мысль, рѣшительно заставляетъ его покинуть деревню, отца, товарищей, друзей, могилу матери—все, что было на родинѣ дорогого и милаго для него. Онъ ушелъ въ Москву, о которой уже давно мечталъ, знакомый съ нею изъ разсказовъ живавшихъ въ ней земляковъ, изъ своихъ любимыхъ книгъ. Онъ ушелъ изъ дому, какъ часто уходили на Руси избранные люди, которымъ дома становится тѣсно, какъ за сто лѣтъ до него ушелъ изъ села Вельдеманова такой же крестьянскій сынъ, Никита (Никонъ), отъ козней мачехи и изъ любви къ книгамъ, съ помыслами о будущемъ своемъ величіи. Ломоносовъ, благодаря своимъ учителямъ, Полоцкому и Магницкому, шелъ въ Москву не безцѣльно. Жажда знанія, смутное чувство славы, гордыя мечты не только сравниться съ *премудрыми мужами, добрѣ еллинскимъ книгамъ изученными,* по выраженію Полоцкаго, но и далеко оставить ихъ за собою, твердое упованіе на Бога и несомнѣнная увѣренность, что «Богъ все за труды намъ заплатитъ, все трудами отъ него пріобрѣсти возможно»—вотъ, кажется, чувства и представленія, волновавшія и наполнявшія умъ и сердце Ломоносова, когда онъ въ

[1]) Т.-е. Заиконоспасскія, въ Москвѣ.

1730 году оставилъ свою родину» [1]). Прибывъ въ Москву, Ломоносовъ поступилъ въ Славяно-Греко-Латинскую академію и пробылъ въ ней пять лѣтъ, начавъ ученіе съ самаго низшаго класса. Вотъ какъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ив. Ив. Шувалову описываетъ свое пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи.

Письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову [2]) отъ 10-го мая 1753 года.

«Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите, Ваше Превосходительство, мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодоленную силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей, кромѣ меня, не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали, съ другой стороны—школьники, малые ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море, и жалованье получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило, но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. И всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны... Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, ко-

---

[1]) «Мих. Вас. Ломоносовъ». Вл. Ламанскаго, стр. 44.

[2]) И. И. Шуваловъ, бывшій кураторъ Московскаго университета, случайно сблизился съ Ломоносовымъ въ 1749 г. и съ этой поры никогда уже не прерывалъ своихъ сношеній съ Мих. Васильевичемъ. Понимая важность науки и просвѣщенія, Шуваловъ заботился о распространеніи знаній, вполнѣ оцѣнилъ Ломоносова и былъ постояннымъ его покровителемъ. Разъ какъ-то Шуваловъ выразилъ Михаилу Васильевичу свое опасеніе, чтобы онъ съ обезпеченнымъ содержаніемъ не охладѣлъ къ наукамъ. Въ отвѣтъ на это Ломоносовъ послалъ Шувалову письмо, которое здѣсь приводится. Шуваловъ, покровительствуя Ломоносову, въ то же время интересовался его дѣятельностью и даже имѣлъ на нее вліяніе: онъ побуждалъ Мих. Васильевича удѣлять значительную долю времени отъ занятій естественными науками на занятія словесностью и исторіей.

торый жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны—Невтона, богатаго лорда Бойля, который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, который лекціями и подарками нажилъ больше пятисотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана, въ Англіи, который послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ штерлинговъ».

Изъ этого письма видно, какъ бѣдствовалъ Ломоносовъ въ Москвѣ, въ годы своей академической жизни. «Но вѣра въ свое призваніе и въ промыслъ Божій никогда его не покидала.—Первую ночь въ Москвѣ Ломоносовъ проспалъ на обшевняхъ [1]), у рыбнаго ряда. Радость, которую онъ ощущалъ наканунѣ при видѣ бѣлокаменной, смѣнилась теперь глубокою скорбью; онъ созналъ свое одиночество, свое безпомощное положеніе: вдали отъ родныхъ долинъ, въ большомъ городѣ, безъ знакомыхъ людей—что ему дѣлать? Горько заплакалъ онъ и, обратясь къ ближней церкви, *усердно молилъ Бога, чтобы его призрѣлъ и помиловалъ.* Святыя, великія слезы и молитва! Онѣ призвали благословеніе Божье на начала русской литературы и науки» [2]).

Проводя пять лѣтъ ученья въ трудахъ и лишеніяхъ, Ломоносовъ, предавшись со всѣмъ жаромъ занятіямъ, забывалъ за книгами и несказанную бѣдность и насмѣшки товарищей. Проходя положенный въ академіи курсъ, онъ въ то же время усердно перечитывалъ старинные сборники, хронографы и лѣтописи. Въ академіи же онъ хорошо выучился по-латыни, близко ознакомился съ римскою литературою и освоился съ священнымъ писаніемъ и съ твореніями св. отцовъ. Но болѣе всего привлекли вниманіе Ломоносова физико-математическія науки. Учителя его, большею частію воспитанники Кіевской академіи, посовѣтовали ему отправиться въ Кіевъ, указывая на Кіевскую академію, какъ на такое учебное заведеніе, въ которомъ онъ можетъ найти полное удовлетвореніе своему стремленію къ изученію этихъ наукъ. Въ 1734 г. Ломоносовъ дѣйствительно отправился въ Кіевъ, но, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, скоро снова вернулся въ Москву, гдѣ уже было сбирались постричь его и отправить священникомъ въ Корелу, какъ вдругъ изъ Петербурга пришло требованіе прислать изъ Московской академіи двѣнадцать лучшихъ воспитанниковъ для пополненія гимназіи, устроенной въ Петербургѣ при Академіи Наукъ. Въ числѣ этихъ лучшихъ воспитанниковъ былъ посланъ и Ломоносовъ, хотя еще не окончившій академическаго курса,

---

[1]) обшевни—ж. мн. розвальни, широкія сани, обшитыя лубомъ.

[2]) «Мих. Вас. Ломон.» Ламанскаго, стр 53.

и прибылъ въ Петербургъ въ январѣ 1736 года. Въ томъ же 1736 г. Ломоносовъ, вмѣстѣ съ двумя товарищами, Виноградовымъ и Рейзеромъ, былъ посланъ правительствомъ за границу, для обученія нѣкоторымъ спеціальнымъ наукамъ, сперва въ Марбургъ къ профессору Вольфу, а послѣ во Фрейбергъ къ профессору Генкелю. Въ Марбургѣ Ломоносовъ слушалъ лекціи философіи, математики, физики, химіи и минералогіи; во Фрейбургѣ изучалъ металлургію, а лѣтомъ 1740 г. занимался на Гарцѣ изученіемъ на мѣстѣ горнаго дѣла. Въ то же самое время, слѣдуя академической инструкціи, онъ изучалъ языки: латинскій, французскій и нѣмецкій, не оставляя упражненій и въ русскомъ. За границею Ломоносовъ пробылъ съ 1736 по 1741 г. Заграничная жизнь Ломоносова также была полна трудовъ и лишеній; скудное жалованье, опредѣленное молодымъ ученымъ, высылалось имъ часто очень неаккуратно, и Ломоносову приходилось много бѣдствовать. Между тѣмъ Михаилъ Васильевичъ, не смотря на всѣ невзгоды, проводилъ большую часть времени въ химической лабораторіи и въ физическомъ кабинетѣ, и никакая нужда, никакія страданія не могли отбить у него охоты къ занятіямъ науками. Черезъ три года по отъѣздѣ Ломоносова за границу, Академія Наукъ получила отъ профессора Вольфа самые лестные отзывы о способностяхъ и трудолюбіи Михаила Васильевича.

Среди своихъ спеціальныхъ занятій въ Германіи Ломоносовъ не оставлялъ и литературы, изучая преимущественно нѣмецкую. Къ этому времени относятся и его первые опыты въ стихотворствѣ, которые онъ прислалъ въ Академію Наукъ, и имя Ломоносова сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ не только какъ имя ученаго, но и какъ имя новаго русскаго поэта.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ Ломоносовъ получилъ мѣсто адъюнкта въ Академіи Наукъ и началъ читать студентамъ лекціи по физической географіи, химіи и «исторіи натуральной о рудахъ, тако же обучать въ стихотворствѣ и штилѣ россійскаго языка». Въ 1745 г. онъ былъ произведенъ въ профессоры химіи и экспериментальной физики—и оставался въ этой должности до самой смерти. О неутомимой дѣятельности профессора Ломоносова можно составить себѣ понятіе на основаніи одного изъ его писемъ къ И. И. Шувалову, гдѣ Ломоносовъ самъ говоритъ о своихъ занятіяхъ.

Письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову отъ 31-го мая 1753 года.

«Полученное вчерашняго числа отъ 21-го маія письмо Вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнной знакъ особливой Вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало, особливо тѣмъ, что Вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи

другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ наукъ мало или и ничего не спрашиваютъ, и не какъ Ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однимъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ-подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакого знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истину), имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу попусту за книгами: для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы. Нынѣ, имѣя къ тому по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство [1]), Вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе ваше и другихъ знателей и любителей наукъ и почти общее въ нихъ удовольствіе и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить передъ моимъ дѣтствомъ. Однако перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу Вашему Превосходительству о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во-первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно: одинъ господиномъ Рихманомъ [2]) чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ; первой, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты, чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе, примѣтилъ я у своей громовой машины, 25 числа сего апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождевого облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ, издалека слышнымъ, что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ господиномъ профессоромъ Рихманомъ: онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу, отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюся. Что же надлежитъ *до второй части руководства къ краснорѣчію*, то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца, уповаю, изъ печати выйдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а письменнаго не присылаю, затѣмъ, что Ваше Превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. *О первомъ томѣ россійской исторіи* по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменный изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссер-

[1]) Съ 1751 г. Ломоносовъ получалъ жалованья 1200 р.

[2]) Рихманъ—профессоръ Академіи Наукъ.

тацiи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленiямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчiю на своемъ языкѣ и исторiю своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я больше требовать не имѣю и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣнiе, когда бы только что путное родилось».

И дѣйствительно, вся профессорская жизнь Ломоносова прошла въ неутомимыхъ трудахъ, которымъ онъ предавался съ страстнымъ увлеченiемъ и съ непремѣннымъ желанiемъ принести пользу и съ твердою увѣренностiю, что онъ ее принести можетъ. Съ другой стороны, эта трудовая жизнь была въ то же время полна борьбы съ нѣмецкой партiей въ академiи, или, какъ выражался самъ Ломоносовъ, *съ непрiятелями наукъ россiйскихъ, которые не давали созрастать свободно насажденiю Петра Великаго* и которые недружелюбно смотрѣли на русскаго ученаго, прямого и подчасъ рѣзкаго нрава.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ скончался 4-го апрѣля 1765 года и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Сынъ простого рыбака, пробившiй себѣ дорогу неутомимымъ трудомъ и энергiей, съ вѣчнымъ упованiемъ въ сердцѣ на Бога, работая всегда *на пользу, честь и славу любезнаго ему россiйскаго отечества*, Ломоносовъ, знаменитый въ исторiи нашего просвѣщенiя своими заслугами, является намъ личностью въ высшей степени интересною, достойною полнаго уваженiя и глубокаго сочувствiя. Такъ

....Архангельскiй мужикъ
Но своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.

Ученая и литературная дѣятельность Ломоносова.

Труды, которые оставилъ намъ послѣ себя Ломоносовъ, представляютъ собою чрезвычайно разнообразный матерiалъ [1]): одни изъ нихъ относятся къ области естествознанiя, другiе—къ области языка и словесности, третьи — къ области исторiи, четвертые, наконецъ, суть литературныя произведенiя въ собственномъ смыслѣ. Слѣдовательно Ломоносовъ является намъ въ своихъ сочиненiяхъ какъ натуралистъ, какъ филологъ и историкъ и, наконецъ, какъ литераторъ.

[1]) Вотъ перечень всѣхъ сочиненiй Ломоносова, по которому можно судить о неутомимой дѣятельности Михаила Васильевича: 1 поэма, 2 трагедiи, 36 одъ, около 100 мелкихъ стихотворенiй, 5 похвальныхъ и благодарственныхъ словъ, 17 ученыхъ разсужденiй, 10 отчасти оригинальныхъ, отчасти переводныхъ учебниковъ, около 170 ученыхъ замѣтокъ разнаго содержанiя и объема, 76 писемъ къ разнымъ лицамъ (къ одному И. И. Шувалову 33 письма) и наконецъ болѣе 350 разныхъ официальныхъ представленiй и проектовъ.

Какъ *натуралистъ*, Ломоносовъ оставилъ послѣ себя много сочиненій, въ которыхъ онъ касался различныхъ вопросовъ изъ области естествовѣдѣнія, преимущественно изъ области физики и химіи. Онъ всецѣло отдавался этимъ любимымъ своимъ занятіямъ и не только стоялъ въ естественныхъ наукахъ наравнѣ съ передовыми учеными Запада, но въ нѣкоторыхъ вопросахъ даже опередилъ свое время. Взглядъ Ломоносова на занятія естественными науками выраженъ имъ въ одномъ изъ его сочиненій — въ «Словѣ о происхожденіи свѣта»: — испытаніе натуры трудно, говоритъ Ломоносовъ, однако *пріятно, полезно, свято*.—Прежде всего Ломоносовъ заботился о примѣненіи науки къ потребностямъ матеріальнаго быта: «испытаніе природы полезно». Знаніе, отрѣшенное отъ жизни [1]), не удовлетворяло его; онъ хотѣлъ, чтобы наука была не отвлеченностью, а орудіемъ несомнѣнныхъ выгодъ. Практическая сторона его дѣятельности выразилась многими сочиненіями, которыя онъ предлагалъ, какъ средства къ возвышенію народнаго благосостоянія — къ сохраненію здоровья и жизни, къ обезпеченію прибытковъ, къ обильнѣйшему добыванію нужныхъ вещей. Важнѣйшее изъ этихъ сочиненій: «*Письмо къ И. И. Шувалову о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа*». Ломоносовъ завелъ фабрику для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, самъ занимался мозаикой и образованіемъ мастеровъ мозаичной работы, самъ вызвался учить молодыхъ людей пробирному искусству... Въ этомъ утилитарномъ взглядѣ на знанія видимъ естественное продолженіе того же взгляда, который образовался въ эпоху реформы [2]). Признавая занятія естественными науками полезными, Ломоносовъ находилъ ихъ въ то же время въ высшей степени пріятными и предавался имъ часто вмѣсто отдыха среди своей служебной, офиціальной дѣятельности. Наконецъ онъ считалъ испытаніе природы занятіемъ святымъ, справедливо думая, что «смотря на огромность, красоту и стройность твореній, человѣкъ признаетъ божественное могущество, и чѣмъ больше разумъ постигаетъ природу, тѣмъ яснѣе открываетъ божественное всемогущество, величіе и премудрость Миросоздателя».

Труды Ломоносова по языку и словесности.

Труды Ломоносова, относящіеся къ языку и словесности, суть слѣдующіе: «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства» (1739),

[1]) Такимъ отрѣшеннымъ отъ жизни знаніемъ была схоластика.

[2]) «Ист. Рус. Словесн.» А. Галахова (изд. 2-е, т. I, отд. 2, стр. 73).

«Краткое руководство къ краснорѣчію» (1748), «Грамматика» (1755) и разсужденіе «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» (послѣ 1755 г.).

«*Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства*» было прислано Ломоносовымъ изъ Германіи въ Академію Наукъ, вмѣстѣ съ его Одою на взятіе Хотина». Характеръ этого «Письма» полемическій и направлено оно было противъ сочиненія Тредьяковскаго «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ». Соглашаясь вполнѣ съ основнымъ положеніемъ Тредьяковскаго, т.-е. съ тѣмъ, что русскому языку свойственъ размѣръ тоническій, а не силлабическій и не метрическій, Ломоносовъ расходится съ нимъ въ частностяхъ, а именно: 1) Ломоносовъ не видитъ причины, по которой хореическимъ стихамъ слѣдуетъ, какъ думалъ Тредьяковскій, отдавать преимущество предъ ямбомъ, а утверждаетъ, что русскому стиху свойственны всѣ стопы, какъ двухсложныя, такъ и трехсложныя, допускаетъ стихъ смѣшанный изъ хореевъ и дактилей, а относительно ямбическаго стиха даже говоритъ, что онъ лучше хореическаго: ямбическіе стихи «усугубляютъ благородство и великолѣпіе предмета, ими выражаемаго», и совѣтуетъ писать торжественныя оды непремѣнно ямбами. 2) Ломоносовъ опровергаетъ мнѣніе Тредьяковскаго относительно употребленія однѣхъ только женскихъ риомъ: онъ допускаетъ также и риомы мужскія и *тригласныя* (т.-е. дактилическія). По этому поводу онъ говоритъ:

> Хотя до сего времени однѣ женскія риомы въ россійскихъ стихахъ употребляемы были, а мужскія заказаны (т.-е. запрещены), однако сей заказъ толь праведенъ и нашей версификаціи такъ свойственъ и природенъ, какъ ежели бы кто обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одной скакать велѣлъ... И чѣмъ бы святѣе сіи женскія риомы: *красовулях*ъ, *ходулях*ъ, слѣдующихъ мужскихъ: *востокъ*, *высокъ* были?»

Ломоносовъ находилъ, что, для большей красоты и разнообразія стиховъ, риомы мужскія, женскія и тригласныя могутъ чередоваться между собою.

Справедливость своихъ мыслей Ломоносовъ доказалъ на дѣлѣ, въ своихъ стихотвореніяхъ [1]), и преобразованное имъ такимъ образомъ стихосложеніе утвердилось въ нашей литературѣ и держится до сихъ поръ. Самъ Тредьяковскій, какъ мы уже знаемъ, принялъ нѣкоторыя правила Ломоносова.

«*Краткое руководство къ краснорѣчію*» есть не что иное, какъ «общая риторика», т.-е. ученіе о составленіи и изложеніи сочине-

[1]) См. приведенныя ниже стихотворенія Ломоносова.

ній. Книга эта составлена по схоластическимъ учебникамъ, принявшимъ въ основаніе Аристотеля и Квинтиліана; но она замѣчательна какъ первая риторика, написанная на русскомъ языкѣ, такъ какъ до сихъ поръ въ школахъ преподавали эту науку на латинскомъ языкѣ. Притомъ же каждое риторическое правило и каждая форма рѣчи объяснены у Ломоносова примѣрами, которые онъ бралъ какъ изъ своихъ собственныхъ сочиненій, такъ и изъ писателей иностранныхъ, древнихъ и новыхъ, приводя взятыя мѣста въ чрезвычайно точномъ и близкомъ къ подлиннику переводѣ.

«*Россійская грамматика*» Ломоносова справедливо можетъ называться первою русскою грамматикою, потому что грамматики, написанныя у насъ до Ломоносова (за исключеніемъ лишь одной — студента Ададурова—«весьма несовершенной и во многихъ мѣстахъ неисправной»), разсуждали о языкѣ церковно-славянскомъ, а не объ русскомъ. Главнѣйшая сторона грамматики Ломоносова состоитъ въ томъ, что она впервые различила въ грамматическомъ отношеніи языки ц.-славянскій и русскій и опредѣлила ихъ этимологическія и синтаксическія особенности.

«*О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ*» — разсужденіе, въ которомъ Ломоносовъ главнымъ образомъ указываетъ стилическое отношеніе ц.-славянскаго языка къ русскому.

О ПОЛЬЗѢ КНИГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ древнія времена, когда славенскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ,—тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго на славенскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила еллинскаго слова коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосфеновъ и другихъ въ еллинскомъ языкѣ героевъ, витійствовали великіе христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и

другихъ творцовъ каноновъ видимъ въ славенскомъ языкѣ греческаго изобилія, и оттуду умножаемъ довольство россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славенскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что сначала переводившіе съ греческаго языка книги на славенскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ, славенскому языку страшныхъ; однако оныя чрезъ долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. Итакъ, что предкамъ нашимъ казалось не вразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство умножилось, и произошли искусные писатели. Напротивъ того, въ католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ и россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени: высокій, посредственный и низкій. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у россіянъ обще употребительны, напримѣръ: *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю.* Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю.* Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю, рясны, овогда, свѣнь* и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славенскаго языка, то-есть, въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю, ручей, который, пока, лишь.* Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ

штилѣ употребить не пристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій рождаются три штиля: высокій, посредственный и низкій. Первый составляется изъ реченій славенороссійскихъ, то-есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ, россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ россійскій языкъ передъ многими нынѣшними европейскими, пользуясь языкомъ славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средній штиль состоять долженъ изъ реченій, больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностью, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе славенское положено будетъ подлѣ россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкой штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то-есть, которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть: комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ—дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ россійскаго штиля.

Сколько въ высокой поэзіи служатъ однимъ реченіемъ славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ россійскомъ языкѣ неупотребительными, то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ бо-

гатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика, однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки, и сіе во-первыхъ по мѣсту.

Народъ россійскій, по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, баварскій крестьянинъ мало разумѣетъ мекленбургскаго, или бранденбургскій швабскаго, хотя всѣ того жъ нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами славенскаго поколѣнія, которые греческаго исповѣданія держатся. Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако, для употребленія славенскихъ книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели польскій, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По времени жъ разсуждая, видимъ, что россійскій языкъ отъ владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣку, больше семисотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было; не такъ какъ многіе народы, не учась, не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся черезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъславенскихъ въ россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности, чувствуемъ въ себѣ къ славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ коренного славенскаго языка купно съ россійскимъ отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегданней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ прекратится, и россійскій языкъ въ пол-

ной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довольно къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ ишпанскій, гальскій, британскій и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ преселенія и войны разрушились. Бывали и тамъ герои, бывали отмѣнныя дѣла въ обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣдѣніи погрузились. Горацій говоритъ:

Герои были до Атрида;
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ [1]).

Счастливы греки и римляне передъ всѣми древними европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли, однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ, слышенъ громкій голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздніе потомки, великою древностію и разстояніемъ мѣстъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?

Подобное счастіе оказалось нашему отечеству отъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно настало и основалось щедростію Великія Его Дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не дадутъ никогда прійти въ упадокъ россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣку, и равно, какъ мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть

[1]) Vixere fortes ante Agamemnona
Multi; sed omnes illacrimabiles
Urguentur ignotique longa
Nocte, carent quia vate sacro.
Horat. Od. Lib. IV. Od. 9.

нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣетъ знатныхъ и Меценату подобныхъ предстателей [1]), чрезъ которыхъ ходатайство Ея отеческій градъ снабденъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса [2]), веселится своимъ симъ украшеніемъ и показываетъ оное всѣмъ городамъ россійскимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеству своего Основателя, на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.

Что сдѣлалъ Ломоносовъ, какъ преобразователь литературнаго языка.

Труды Ломоносова—«Грамматика», разсужденіе «О пользѣ книгъ церковныхъ» и «Риторика»—имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи развитія нашего литературнаго языка, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ теоретическую сторону тѣхъ преобразованій, которыя Ломоносовъ совершилъ въ нашемъ литературномъ языкѣ путемъ практическимъ, въ своихъ сочиненіяхъ.

Чтобы понять всю важность того, что сдѣлано Ломоносовымъ по отношенію къ языку, слѣдуетъ только припомнить, что было съ нашимъ книжнымъ языкомъ до него. Нашъ книжный языкъ въ теченіе древняго періода представлялъ собою безпорядочную смѣсь двухъ элементовъ: церковно-славянскаго и русскаго разговорнаго. Впослѣдствіи юго-западные писатели, переходя въ сѣверо-восточную Русь, занесли туда и черты своего польско-русскаго языка, отчего литературный языкъ и московской Руси сталъ пестрѣть варваризмами, число которыхъ еще болѣе увеличилось со времени реформы Петра, когда, вмѣстѣ съ новыми понятіями, начали переходить къ намъ и новыя иностранныя слова. Ломоносовъ, какъ видно изъ его разсужденія «О пользѣ книгъ церковныхъ», ясно видѣлъ эти недостатки нашего литературнаго языка и поставилъ себѣ задачею преобразовать его. Въ этомъ преобразованіи слѣдуетъ различать три предмета:

1) Грамматическое отдѣленіе церковно-славянскаго языка отъ языка русскаго;

---

[1]) Напр. И. И. Шувалова.

[2]) Тутъ разумѣется Московскій университетъ, основанный при императрицѣ Елисаветѣ, въ 1755 г.

2) Стилистическое подчиненіе русскаго языка церковно-славянскому и очищеніе его отъ варваризмовъ;

3) Искусственное словорасположеніе и искусственно-періодическое построеніе рѣчи.

Прежде всего Ломоносову предстояло отдѣлить церковно-славянскій языкъ отъ русскаго. Теоретически это онъ и сдѣлалъ въ своей Грамматикѣ, которая впервые различила эти языки въ грамматическомъ отношеніи, т.-е. опредѣлила ихъ этимологическія и синтаксическія особенности.

Затѣмъ, вмѣсто безпорядочнаго смѣшенія элементовъ церковно-славянскаго и русскаго, Ломоносовъ устанавливаетъ извѣстныя правила, по которымъ церковно-славянскій элементъ соединяется съ русскимъ лишь въ извѣстныхъ случаяхъ и притомъ въ извѣстной мѣрѣ. Мысли свои объ этомъ опредѣленномъ взаимномъ отношеніи обоихъ элементовъ—церковно-славянскаго и русскаго—Ломоносовъ развилъ въ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ», въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о трехъ стиляхъ: *высокомъ*, *среднемъ* (посредственномъ) и *низкомъ*. Въ этомъ же разсужденіи Ломоносовъ говоритъ и вообще о значеніи церковно-славянскаго языка для русскаго, и въ основательномъ изученіи церковныхъ книгъ видитъ лучшее средство очистить нашу литературную рѣчь отъ массы варваризмовъ. «Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ коренного славенскаго языка купно съ россійскимъ — говоритъ Ломоносовъ— отвратятся дикія и страшныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ».

Преобразовывая литературную рѣчь и возстановляя ея чистоту, Ломоносовъ въ то же время заботился и объ изяществѣ рѣчи. Новыя правила о строеніи рѣчи и объ условіяхъ ея благозвучія онъ указалъ въ своей «Риторикѣ».

«Грамматика», «Риторика» и разсужденіе «О пользѣ книгъ церковныхъ» заключаютъ въ себѣ лишь теоретическую сторону преобразованій Ломоносова; но заслуга Ломоносова заключается не только въ указаніи теоретическихъ правилъ, но и въ проведеніи своихъ преобразованій на практикѣ. Его собственныя сочиненія были образцами преобразованнаго имъ литературнаго языка. Въ нихъ мы можемъ найти образцы всѣхъ трехъ указанныхъ имъ стилей: образцами высокаго стиля могутъ служить его похвальныя слова и оды; образцами средняго стиля—всѣ его ученыя разсужденія, напр., разсужденіе «О пользѣ книгъ церковныхъ», разсужденіе «О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа» и др.; образцами низкаго стиля могутъ служить нѣкоторыя письма Ломоносова къ И. И. Шувалову,

напр. письма отъ 10 и 31 мая 1753 г. Языкъ сочиненій Ломоносова, какимъ бы стилемъ они ни были написаны, во всякомъ случаѣ уже не прежній славяно-русскій, въ которомъ безпорядочно слиты элементы двухъ языковъ: у него мы видимъ сознательное подчиненіе одного языка другому, или чемъ нѣтъ и массы прежнихъ варваризмовъ.

Заботясь объ изяществѣ рѣчи, Ломоносовъ ввелъ искусственно-періодическую рѣчь. Правда, его періоды, построенные по латинскимъ и нѣмецкимъ образцамъ, слишкомъ искусственны и, будучи распространены многими придаточными предложеніями и замыкаясь по большей части глаголами, отличаются длиннотою и тяжелымъ ходомъ рѣчи,—но заслуга Ломоносова заключается уже въ томъ, что онъ все же усвоилъ нашему литературному языку періодическую рѣчь; а то, что у него было недостаткомъ, какъ у писателя, который первый принялся у насъ за обработку періода, было впослѣдствіи исправлено позднѣйшими писателями. Впрочемъ должно замѣтить, что искусственность не была постояннымъ складомъ рѣчи Ломоносова: она господствуетъ у него преимущественно въ похвальныхъ словахъ; въ другихъ же своихъ сочиненіяхъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, онъ соблюдалъ болѣе естественный строй.

Преобразованія Ломоносова встрѣчены были его современниками весьма сочувственно, и большинство тогдашнихъ литераторовъ смотрѣло на слогъ Ломоносова, какъ на идеалъ, къ которому должно стремиться. Но многіе изъ этихъ подражателей Ломоносова односторонне поняли его совѣтъ и впали въ крайность, допустивъ въ своемъ языкѣ гораздо болѣе славянскаго элемента, чѣмъ совѣтовалъ Ломоносовъ. Эти крайности славянщины, явившіяся у литераторовъ Ломоносовскаго періода, обусловили собою впослѣдствіи новую реформу языка, совершенную Карамзинымъ.

Литературныя произведенія Ломоносова.

Къ литературнымъ произведеніямъ Ломоносова относятся: 1) произведенія поэтическія и 2) сочиненія ораторскія.

Произведенія поэтическія. Ломоносовъ писалъ во всѣхъ родахъ поэзіи [1]), но болѣе всего удалась ему ода, такъ какъ она была болѣе сродна его лирическому таланту. Всѣхъ одъ Ломоносова 30:

[1]) Имъ написаны 30 одъ, начата поэма «Петръ Великій» (написаны лишь 2 пѣсни), 2 трагедіи: «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ» и около 100 различныхъ мелкихъ стихотвореній.

11 духовныхъ и 19 похвальныхъ. Источникомъ его поэтическаго воодушевленія были чувство религіозное и патріотическое и любовь къ природѣ и наукѣ. Глубокимъ религіознымъ чувствомъ проникнуты его духовныя оды. Изъ нихъ 8 составляютъ переложеніе псалмовъ Давида, содержаніе 9-й взято изъ книги Іова. 10-ая—утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ, 11-ая — вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, по случаю сѣвернаго сіянія. Двѣ послѣднія считаются лучшими поэтическими произведеніями Ломоносова: въ нихъ мы находимъ прекрасныя картины природы и глубокое чувство благоговѣнія и удивленія, возбужденное величіемъ и премудростью Божіей.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣть;
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О, коль пресвѣтлая лампада.
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись,
Исполненны твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лѣется радость твари всей.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И, что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ, ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ [1]).

Лицо свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы мрачна тѣнь,
Лучи отъ насъ прогнала прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Какъ перстъ между высокихъ горъ,
Такъ гибнетъ въ ней мой умъ и взоръ.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,—
Вы знаете пути планетъ;
Скажите, что нашъ умъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

Тамъ спорить жирна мгла съ водой:
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой:
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эоиръ.
Сомнѣній полонъ нашъ отвѣтъ,
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажите жъ: коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей намъ конецъ?
Кто жъ знаетъ: коль великъ Творецъ?

Въ духовныхъ одахъ Ломоносова выразились главнымъ образомъ его религіозное чувство и его любовь къ природѣ; въ одахъ же похвальныхъ выразились главнымъ образомъ его чувство патріотическое и его любовь къ наукѣ. Свое патріотическое чувство въ первый разъ Ломоносовъ выразилъ въ «Одѣ на взятіе Хотина» (1739) и затѣмъ выражалъ его въ своихъ одахъ и похвальныхъ словахъ въ продолженіе всего царствованія императрицы Елисаветы Петровны, что и дало Ломоносову имя пѣвца Елисаветы. Но любовь къ родинѣ жила въ душѣ Ломоносова неразрывно съ любовью къ наукѣ, въ которой онъ видѣлъ главный оплотъ славы и величія Россіи.

Изъ всѣхъ похвальныхъ одъ Ломоносова оба эти чувства—чувство патріотическое и любовь къ наукѣ—полнѣе всего выразились въ «*Одѣ на день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы*» (1747).

[1]) Сѣверное сіяніе Ломоносовъ неоднократно видѣлъ еще въ дѣтствѣ, на родинѣ; затѣмъ наблюдалъ его, какъ ученый, уже въ Петербургѣ. Такимъ образомъ въ этой одѣ отразились и впечатлѣнія раннихъ лѣтъ, и восторгъ, произведенный ученымъ разематриваніемъ природы. Ода эта написана въ 1743 г.

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ.
(1747).

1. Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина [1]).
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна [2])!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И класы [3]) на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.
2. Великое свѣтило міру [4]),
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ:
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя [5]).
Ты, кромѣ той, всего превыше;
Душа Ея зефира тише,
И зракъ пріятнѣе рая.
3. Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ.
Тебя въ Россію возвратила [6]),
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно [7]) тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.

---

[1]) Подъ словомъ **тишина** разумѣлъ Ломоносовъ не только мирное время, отсутствіе войнъ, но главнымъ образомъ то внутреннее спокойствіе, которое началось съ воцаренiемъ императрицы Елисаветы, положившей конецъ неурядицамъ предшествовавшаго времени, отъ смерти Петра II до паденія Анны Леопольдовны.

[2]) красна—слово, употребленное въ первомъ смыслѣ: **прекрасна, свѣтла.**

[3]) Церковно-славянскія формы слогъ весьма часты въ одахъ Ломоносова, какъ въ такихъ произведеніяхъ, которыя должны были писаться, по его же теоріи, высокимъ слогомъ.

[4]) міру—дат. пад. вм. род. принадлежности.

[5]) тебя—т.-е. тишины.

[6]) Намекъ на прекращеніе неурядицъ предшествовавшаго времени.

[7]) полно—въ значеніи: «довольно», «будетъ».

Я россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ.
О, коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ [1])!
Когда Ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ Собою
Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ [2])!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ:
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ [3]) ловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ,
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы [4]) вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира [5]) восхищенна
Гласить велики имена.

[1]) Здѣсь Ломоносовъ говоритъ о всеобщей радости при воцареніи Елисаветы, дочери Петра Великаго. Эта всеобщая радость нашла себѣ выраженіе не только въ одѣ Ломоносова, но и во многихъ другихъ современныхъ произведеніяхъ.

[2]) ликъ—въ цер.-слав. яз. кромѣ значенія: образъ, начертаніе лица, значитъ еще и хоръ, клиръ. Здѣсь слѣдуетъ принять его въ послѣднемъ значеніи.

[3]) понтъ—море.

[4]) наглый—въ церк.-слав. яз. имѣетъ значеніе: стремительный, бурный.

[5]) лира—т.-е. произведеніе лирической поэзіи, ода. Велики имена—т.-е. имена Петра Великаго и Елисаветы.

7. Ужасный [1]) чудными дѣлами
Зиждитель міра искони,
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства Онъ возшелъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ Собой возвысилъ до небесъ.
8. Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная [2]) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
9. Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
10. Но ахъ! жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ [3]) рыданій нашихъ слухъ,

---

[1]) Ужасный въ смыслѣ: великій, ужасающій величіемъ.

[2]) сомнѣнная—недоумѣвающая: церк.-слав. глаголъ: съмьнѣти—недоумѣвать.

[3]) внушивъ въ значеніи внязъ; церк.-слав. глаголъ: вънушати - слушати внимать.

Верхи Парнасски возстенали,
И музы вопленъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
11. Въ толикой праведной печали
Сомнѣвный ихъ шатался путь,
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, если бъ жизнь ея продлилась!
Давно бъ Секвана [1]) постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
12. Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ [2])
И къ счастью отверзаетъ дверь.
13. Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ [3]) можетъ воинъ
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ:
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны [4]),
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
14. Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ.

---

[1]) Секвана — Сена.

[2]) усугублять — увеличивать.

[3]) сравнить сраженьямъ — исчислить побѣды сраженьями, т. е. одержать столько же побѣдъ, сколько разъ приходилось сражаться.

[4]) смыслъ такой: слава побѣды принадлежитъ не одному вождю, но также и тѣмъ воинамъ, которые сражались подъ его предводительствомъ (подвластны).

Пространная Твоя держава
О, какъ Тебѣ [1]) благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля Твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ:
Богатство, въ оныхъ потаенно,
Наукой будетъ откровенно,
Что [2]) щедростью Твоей цвѣтетъ,
15. Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе [3]) злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
16. Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена:
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ, народы напояетъ
И breги накопецъ теряетъ,
Сравнившись морю [4]) широтой.
17. Коль многи, смертнымъ неизвѣстны,
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью [5]) животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса;
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней.

---

[1]) благодарить тебѣ — дат. пад. вм. винит. Такое управленіе словъ основано на происхожденіи самаго глагола благодарить, т.-е. дарить кому-либо благо. До сихъ поръ еще сохранилось это управленіе въ выраженіи дѣепричастіемъ: благодаря тебѣ, вамъ, имъ, благодаря обстоятельствамъ и т. п.

[2]) что—вм. которая, т.-е. наука. Здѣсь, конечно, Ломоносовъ говоритъ о горномъ дѣлѣ, которому онъ самъ обучался за границей.

[3]) Сіе—т.-е. искусство. Слово злату тутъ имя прилагательное.

[4]) сравнившись морю въ значеніи уподобившись морю.

[5]) густостью—густотою, вслѣдствіе густоты.

На пастбѣ скачущихъ еленей [1])
Ловящихъ крикъ не устрашалъ:
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ,—
18. Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ бѣгъ свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.
19. Се мрачной вѣчности запону [2])
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣдиѣетъ.
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На востокъ плывущихъ кораблей;
Колумбъ россійскій черезъ воды
Стѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости Твоей.
20. Тамъ, тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ:
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны:
Питаясь въ рощахъ ,ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
21. И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски [3]) копіемъ,

---

[1]) елени — вм. олени. Слово елень — церк.-слав. форма. Конструкція такая: крикъ ловящихъ (ловцовъ) не разгонялъ оленей, скачущихъ по пастбѣ.

[2]) запона—занавѣсъ (церк.-слав. слово)

[3]) Рифейскія горы—Уральскія горы

Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ [1]).
22. О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ [2]),
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ [3])
Россійская земля рождать.
23. Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ—утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ—не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ [4]).
24. Тебѣ, о милости источникъ,
О ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ [5])!

---

[1]) Плутонъ, живущій, по вѣрованіямъ древнихъ грековъ, въ нѣдрахъ земли, не переноситъ того дневного свѣта, который проникаетъ въ его владѣнія, когда глубоко роютъ землю, отыскивая металлы.

[2]) Тутъ Ломоносовъ говоритъ о томъ, что Россія нуждается въ такихъ природныхъ русскихъ ученыхъ, какихъ она вызываетъ изъ-за границы.

[3]) Платонъ — древній греческій философъ (429—348 до Р. Х.), славившійся своимъ обширнымъ умомъ. Невтонъ, или Ньютонъ — великій англійскій математикъ, открывшій всеобщій законъ тяготѣнія.

[4]) 23-я строфа о наукахъ есть переложеніе словъ Цицерона: Haec studia adolescentiam alunt, senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium ac solatium praebent, delectant domi, non impediunt foris, pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur (Pro Arch. Poëta, caput VII).

[5]) Обращеніе къ императрицѣ Елисаветѣ.

Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ Тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

Приведенная ода Ломоносова состоитъ изъ трехъ частей: *приступа* (строфы 1—6), *изложенія* (въ которомъ заключается главная, повѣствовательная часть оды (строф. 7—23) и *заключенія* (строф. 24).

I. Въ *приступѣ* Ломоносовъ прославляетъ тишину и изображаетъ картину того благополучія, которое даритъ народу миръ-тишина. Великое міровое свѣтило, озаряя съ своей вѣчной высоты всѣ земныя сокровища, какъ бы озирается на всѣ стороны, но не находитъ въ свѣтѣ ничего краше *тишины* и Елисаветы. Такимъ образомъ Ломоносовъ соединяетъ *тишину* съ именемъ вступившей на престолъ императрицы. На что же намекаетъ это соединеніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ слѣдующей (третьей) строфѣ оды: императрица Елисавета, по заявленію Ломоносова, вступивъ на тронъ, «возвратила въ Россію *тишину* и поставила конецъ войнѣ». Елисавета, возвращающая Россіи тишину, значеніе которой для народа уже указано Ломоносовымъ въ первой строфѣ оды, приводитъ поэта въ восторгъ—и вотъ онъ создаетъ нѣсколько строфъ (4—6), въ которыхъ мы видимъ лирическое выраженіе чувствъ Ломоносова, заканчивающаго свой приступъ обращеніемъ ко вселенной:

Въ безмолвіи внимай, вселенна·
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

II. Въ *изложеніи* Ломоносовъ прежде всего вспоминаетъ о Петрѣ Великомъ. Зиждитель міра, говоритъ онъ, искони положившій прославить Себя своими судьбами, въ наши дни послалъ въ Россію Петра, человѣка, «каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка». Петръ Великій возвеличилъ Россію и во внѣшнемъ и во внутреннемъ отношеніи:

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился.
Взирая на россійскій флагъ.

Въ то же самое время:

божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки.

Но едва Россія преисполнилась надеждъ на свое будущее, какъ жестокая судьбина уже уноситъ мужа, достойнаго безсмертія.

Умеръ Петръ — и

Верхи Парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Петра Великаго смѣнила кроткая Екатерина. Но царствованіе ея было непродолжительно, а то

если бъ жизнь ея продлилась,
Давно бъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Но вотъ снова блеснулъ лучъ радости и надежды: вступившая на престолъ

Великая Петрова Дщерь
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.

Затѣмъ, снова восхваливъ тишину, Ломоносовъ обращается къ Елисаветѣ и указываетъ ей на обширность и естественныя богатства Россіи. Но многое изъ этихъ богатствъ скрыто еще въ нѣдрахъ земли. Чтобы достать ихъ, «требуетъ къ тому Россія искусствомъ утвержденныхъ рукъ». Далѣе Ломоносовъ говоритъ о томъ, что огромное пространство Россіи представляетъ собою «широкое поле, гдѣ музамъ путь свой простирать», и высказываетъ свою надежду на предстоящее распространеніе просвѣщенія на Руси подъ скипетромъ Елисаветы. Наконецъ, указавъ на обширность и богатства Россіи, сокрытыя еще въ ея нѣдрахъ, Ломоносовъ обращается къ молодому поколѣнію и проситъ его заняться наукою и доказать, что россійская земля, богатая своими естественными произведеніями, можетъ также рождать и «собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ». Послѣ этого обращенія, поэтъ, подражая Цицерону, прославляетъ науки и—

III. Въ *заключеніи* своей оды призываетъ кару Божію на того, кто дерзнетъ нарушить покой Россіи.

Теперь, сокративъ еще болѣе нашъ перечень, передадимъ въ самомъ сжатомъ видѣ мысли Ломоносова, болѣе всего выдающіяся въ одѣ:

1) Ломоносовъ прославляетъ *тишину* и радуется, что вступила на престолъ Елисавета, дочь Петра, водворившая въ Россіи *тишину*.

2) Петръ Великій насадилъ въ Россіи науки; но ранняя его смерть и кратковременность царствованія его преемницы, Екатерины, помѣшали окрѣпнуть этому новому насажденію.

3) Елисавета, какъ дочь Петра, какъ правительница, возвратившая Россіи *тишину*, конечно, будетъ продолжать дѣло своего родителя, и науки утвердятся на Руси, принесутъ желанные плоды.

4) А наука намъ нужна: Россія, страна богатая естественными произведеніями, нуждается въ людяхъ, знакомыхъ съ наукою, для того, чтобы не гибли напрасно дары природы.

5) Молодое поколѣніе, при той тишинѣ, которую водворила Елисавета, можетъ и должно посвятить себя наукѣ и дать возможность своему отечеству обходиться безъ иностранцевъ, которыхъ до сихъ поръ безпрестанно вызываютъ въ Россію.

6) Пусть же продлится эта благословенная тишина, и пусть падетъ небесная кара на того, кто дерзнетъ ее нарушить!

Вотъ важнѣйшія мысли въ разсматриваемой одѣ. Изъ этихъ шести мыслей, по ихъ внутренней связи, уже легко вывести и основную мысль оды. Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, нужно выяснить себѣ еще одинъ вопросъ: почему Ломоносовъ такъ прославляетъ тишину, почему такъ радуется восшествію на престолъ Елисаветы и такъ много ожидаетъ отъ ея царствованія? Для разъясненія этого вопроса слѣдуетъ припомнить нѣкоторые факты изъ современной исторіи.

Время отъ смерти Петра II до паденія Анны Леопольдовны было тяжелымъ временемъ для Россіи, которая много тогда терпѣла отъ различныхъ неурядицъ и пережила тяжелую эпоху Бироновщины. Россія, по выраженію современниковъ, пребывала въ то время въ «школѣ неблагополучія». Съ воцареніемъ Елисаветы, законной наслѣдницы Петра Великаго, все измѣняется: вступивъ на престолъ, она одержала побѣду надъ врагами и освободила отечество отъ чужихъ рукъ—отъ оковъ, наложенныхъ на него Бирономъ, Остерманомъ и Минихомъ. Вотъ эту-то перемѣну и имѣлъ въ виду Ломоносовъ, когда сказалъ въ своей одѣ, что Елисавета возвратила въ Россію тишину. Отсюда понятна и та радость, которую выражалъ Ломоносовъ, видя на россійскомъ престолѣ дочь Петра, и радость эта высказывалась не однимъ Ломоносовымъ: она нашла себѣ выраженіе и во многихъ другихъ современныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Но Ломоносовъ, какъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего времени, видѣлъ въ этой перемѣнѣ къ лучшему залогъ будущаго счастья. Онъ понималъ всю важность науки и необходимость ея для

Россіи, и теперь, при наступленіи *тишины*, возвращенной Елисаветою, онъ надѣялся, что насажденію Петра Великаго, оставленному на время безъ ухода, предстоитъ окрѣпнуть, утвердиться и принести плоды. Ломоносовъ вполнѣ былъ въ правѣ ожидать этого, такъ какъ дѣйствительно многія изъ распоряженій Елисаветы клонились къ тому, чтобы возвысить Россію и образовать природныхъ русскихъ ученыхъ. Такъ новый регламентъ Академіи Наукъ, написанный въ 1747 году, требуетъ, чтобы впредь академія состояла изъ «природныхъ русскихъ ученыхъ», чтобы «во всѣхъ состояніяхъ, какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, внутри и внѣ государства, образованы были ученые русскіе».

Теперь обратимся снова къ одѣ Ломоносова и изъ внутренней связи указанныхъ выше шести мыслей выведемъ главную, основную мысль оды:

а) Россіи нужна наука и ученые люди (4-я мысль).

б) Петръ Великій насадилъ въ Россіи науку, но она не успѣла окрѣпнуть (Почему не успѣла окрѣпнуть—этого вопроса Ломоносовъ въ одѣ не касается; но извѣстные намъ историческіе факты достаточно его разъясняютъ.) (2-я).

в) Но наконецъ прошло тяжелое время; вступила на престолъ Елисавета и возвратила Россіи тишину. Да падетъ кара небесная на того, кто нарушитъ эту тишину! (1-я и 6-я).

г) При этой тишинѣ, подъ скипетромъ Елисаветы, наука утвердится (3-я).

д) Молодое поколѣніе должно заняться наукою, и изъ его среды должны образоваться «природные русскіе ученые» (5-я).

Изъ связи этихъ отдѣльныхъ мыслей становится вполнѣ ясною и главная мысль цѣлой оды: *Россіи предстоитъ среди мира и тишины въ царствованіе Елисаветы развить свои внутреннія силы до соотвѣтствія съ ея матеріальными богатствами.*

Похвальныя оды Ломоносова, не смотря на то, что въ нихъ мы находимъ искреннія чувства патріотизма и любви къ наукѣ, все же отличаются искусственностью, такъ какъ Ломоносовъ въ своей похвальной лирикѣ является послѣдователемъ ложнаго классицизма.

Со времени эпохи возрожденія, съ конца XV-го столѣтія, въ западной Европѣ началось изученіе древней классической литературы. Греческія и римскія классическія произведенія были для тогдашней Европы совершенно новыми литературными образцами, на которые тогда смотрѣли, какъ на верхъ литературнаго искусства. Этимъ образцамъ скоро начали подражать западно-европейскіе писатели и по нимъ стали составлять свои произведенія. Такимъ образомъ яви-

лась подражательная литература. Но неглубокое и одностороннее изученіе классиковъ привело къ односторонности, и при подражаніи имъ не старались заимствовать у нихъ то, что могло бы имѣть общечеловѣческое значеніе, а копировали только однѣ поэтическія формы, брали имена, слова и даже цѣлыя выраженія; наполняли свои сочиненія именами греческихъ и римскихъ божествъ; эпическія произведенія, которыя, по примѣру Гомера и Виргилія, должны были воспѣвать непремѣнно какое-нибудь важное историческое событіе, начинали всегда обращеніемъ къ музѣ—словомъ, заимствованія эти касались чисто внѣшней стороны. Вслѣдствіе такого ложнаго отношенія къ древнеклассическимъ образцамъ и самая подражательная литература получила названіе *ложноклассической*.

Ложноклассическая литература развилась во Франціи — почему она называется также и *французскимъ классицизмомъ* — и высшаго своего состоянія достигла при Людовикѣ XIV-мъ. При немъ Буало, французскій ученый, написалъ даже цѣлую дидактическую поэму: *L'art poëtique*, въ которой онъ, вмѣняя новой литературѣ въ обязанность подражать древнимъ образцамъ, предписывалъ и правила для сочиненія всякаго рода поэтическихъ произведеній.

Ложноклассическое направленіе держалось въ западно-европейской литературѣ и въ теченіе всей первой половины XVIII-го столѣтія, слѣдовательно оно держалось тамъ именно въ то самое время, когда Россія только что начала свои непосредственныя сношенія съ Европой. Отсюда понятно, что вмѣстѣ съ другими сторонами европейской культуры долженъ былъ перейти къ намъ и ложный классицизмъ. Ложноклассическое направленіе мы уже встрѣчаемъ у Тредьяковскаго, въ его одахъ и въ его «Телемахидѣ»; но дальнѣйшій толчокъ развитію у насъ ложнаго классицизма былъ данъ Ломоносовымъ. Тредьяковскій, не имѣя поэтическаго дара, не могъ утвердить въ нашей литературѣ ни одного рода поэтическихъ произведеній: Ломоносовъ, отличаясь несравненно бо́льшимъ талантомъ и притомъ по преимуществу талантомъ лирическимъ, утвердилъ у насъ на нѣкоторое время ложноклассическую лирику.

Представительницею ложноклассической лирики во всѣхъ европейскихъ литературахъ была *похвальная ода*. Правила, по которымъ должны были слагаться похвальныя оды, указалъ Буало въ своемъ сочиненіи L'art poëtique. По теоріи Буало, похвальная ода должна быть подражаніемъ одамъ Пиндара и должна отличаться извѣстными чертами [1]).

[1]) См. въ «Теоріи словесности» статью: *Исторія развитія оды*

Ломоносовъ, въ бытность свою за границей занимаясь иностранной литературой, изучилъ теорію ложнаго классицизма и впервые примѣнилъ ее въ своей «Одѣ на взятіе Хотина», въ которой онъ подражалъ одѣ Буало: «На взятіе Людовикомъ XIV Намюра» и одѣ нѣмецкаго поэта Гюнтера: «На миръ между австрійцами и турками». Съ тѣхъ поръ Ломоносовъ и всѣ свои похвальныя оды писалъ по ложноклассической теоріи. Лучшею представительницею ложноклассической оды у Ломоносова можетъ служить: «Ода на день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы». Въ ней мы находимъ все, что, по теоріи Буало, требовалось отъ похвальной оды, а именно:

1) Построеніе оды изъ трехъ частей: *приступа, изложенія* и *заключенія*. Въ заключеніи, по ложноклассической теоріи, должны былъ высказываться мысли *разительныя*. У Ломоносова соблюдено и это требованіе.

2) *Условный восторгъ*, т.-е. употребленіе восторженныхъ фразъ (восклицаній, обращеній и другихъ фигуръ) даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда на самомъ дѣлѣ восторга не было, и чувство оставалось спокойнымъ.

3) *Чрезмѣрное восхваленіе.*

4) *Лирическій безпорядокъ*, т.-е. быстрый, неожиданный переходъ отъ одной картины къ другой (напр. въ строфѣ 10-й).

5) *Эпизоды*, т.-е. вставочные разсказы (напр. о Петрѣ I и Екатеринѣ I).

6) Употребленіе *именъ греческихъ и римскихъ боговъ.*

7) Употребленіе словъ: *лира* и *пою.*

Со времени Ломоносова ложноклассическая ода стала у насъ распространяться, и хотя ближайшій его послѣдователь—Державинъ уже во многомъ отступилъ отъ своего предшественника, и его оды уже не похожи на оды Ломоносова, — тѣмъ не менѣе многіе еще увлекались желаніемъ подражать «россійскому Пиндару» [1]), пока наконецъ ложноклассическая ода не была осмѣяна Дмитріевымъ въ его сатирѣ: «Чужой толкъ».

Сочиненія ораторскія. Какъ ораторъ, Ломоносовъ прославился у современниковъ главнымъ образомъ своими двумя похвальными словами: одно—«*Слово похвальное императрицѣ Елисаветѣ*» (1749), другое—«*Слово похвальное Петру Великому*» (1755). Болѣе всего современники Ломоносова поражены были, конечно, его краснорѣчіемъ: его высокимъ слогомъ, его періодическою рѣчью. «Слово

[1]) Такъ называли Ломоносова его современники и послѣдователи.

императрицѣ Елисаветѣ» было сказано Ломоносовымъ на день ея тезоименитства, въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ. Слово это уже съ самыхъ первыхъ строкъ должно было поразить слушателей новизною рѣчи. Вотъ его начало (картина народнаго торжества):

«Естьли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ которой подъ благословенною державою всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ, и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій престолъ восшествіи, возможно было радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы: коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся! Тамъ, съ благоговѣніемъ предстоя олтарю Господню, чинъ священный съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественные плески россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ, сошедшись на праздничное пиршество, градоначальники и граждане въ любовной бесѣдѣ воспоминаютъ труды Петровы, совершаемые нынѣ бодростію Августѣйшей Его Дщери; индѣ по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ житницахъ, ликуя скачутъ земледѣльцы, и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели, покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе воспоминаютъ и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ; индѣ, по пространнымъ полямъ Азійскимъ разъѣзжая, степные обитатели хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои пускаютъ и показуютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея Повелительницы».

Такая рѣчь, совершенно новая для современниковъ Ломоносова, не могла не произвести на нихъ сильнаго впечатлѣнія, и похвальныя слова его долгое время считались лучшими образцами высокаго слога и вообще ораторскаго краснорѣчія. Но мы уже не можемъ увлекаться краснорѣчіемъ Ломоносова: мы смотримъ на его похвальныя слова, какъ на историко-литературные памятники, и понимаемъ и ихъ значеніе и ихъ недостатки.

Мы признаемъ значеніе за похвальными словами Ломоносова, во-первыхъ, настолько, насколько въ нихъ отразились его патріотическія чувства и его любовь къ наукѣ. И дѣйствительно, въ этомъ

отношеніи похвальныя слова Ломоносова имѣютъ много общаго съ его похвальными одами. Такъ, въ «Словѣ имп. Елисаветѣ» императрица прославляется не только за свое человѣколюбіе, милосердіе и другія добродѣтели, но и за свое покровительство наукамъ. Ораторъ изображаетъ ее обращающеюся къ русскому юношеству съ слѣдующими словами:

«Обучайтесь прилежно. Я видѣть Россійскую Академію, изъ сыновъ россійскихъ состоящую, желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ... Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произносить, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить мою милость».

Это мѣсто тотчасъ же напоминаетъ собою оду Ломоносова на день восшествія имп. Елисаветы: то же сознаніе необходимости науки для Россіи, то же упованіе, что въ мирное царствованіе Елисаветы наука будетъ у насъ развиваться, и русское юношество дастъ изъ своей среды и «собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ».

Въ «Словѣ Петру Великому», сказанномъ также въ Академіи Наукъ по поводу торжества коронованія имп. Елисаветы, прославляется Петръ Великій, какъ основатель славы и силы Россіи. Съ похвалою Петру ораторъ соединяетъ и похвалу его дочери—имп. Елисаветѣ, которая подражала отцу и продолжала начатое имъ дѣло возвеличенія Россіи.

В о-в т о р ы х ъ, мы признаемъ за похвальными словами Ломоносова важное историческое значеніе, какъ первыхъ попытокъ выработать у насъ изящную литературную рѣчь, преимущественно періодическую, и каковы бы ни были недостатки слога похвальныхъ словъ Ломоносова, все же въ исторіи нашего литературнаго языка они занимаютъ важное мѣсто, такъ какъ безъ этой начальной обработки нашей рѣчи не такъ легки были бы ея усовершенствованія, сдѣланныя позднѣйшими писателями.

Но, отдавая должное похвальнымъ словамъ Ломоносова, мы въ то же время не можемъ ихъ считать образцами краснорѣчія, в о-п е р в ы х ъ, уже потому, что высокій слогъ ихъ отличается слишкомъ большою искусственностью, риторизмомъ, а в о-в т о р ы х ъ—потому, что краснорѣчіе ихъ ложноклассическое: они составлены по правиламъ схоластической риторики. Такъ, напримѣръ, «Слово Петру Великому», соотвѣтственно правиламъ риторики, состоитъ изъ слѣдующихъ шести частей: 1) *приступа*, 2) *предложенія*, 3) *раздѣленія*, 4) *изложенія*

(главной, повѣствовательной части, съ доводами), 5) *патетической части* и 6) *заключенія.*

Въ *приступѣ*, который всегда имѣлъ цѣлію возбудить вниманіе слушателей и указать на поводъ, вызвавшій появленіе ораторской рѣчи. Ломоносовъ развиваетъ мысль, что Елисавета есть истинная преемница славы и дѣяній Петра Великаго. Эта мысль доказывается слѣдующими доводами, 1) *рожденіе* Елисаветы случилось въ годъ Полтавской битвы, и Провидѣніе этимъ какъ бы уже предвозвѣстило новорожденной тронъ и отеческую славу; 2) *восшествіе ея на престолъ* принесло Россіи спасеніе отъ внутреннихъ опасностей, дало возможность продолжать начатое Петромъ дѣло нашего возвеличенія и доказало, что россіяне, возведши на престолъ дочь Петра, не забыли славныхъ дѣлъ ея отца; 3) *дѣянія Елисаветы* соотвѣтствуютъ дѣяніямъ Петра. Слѣдовательно, заключаетъ ораторъ, *похваляя Петра, похвалимъ Елисавету.*

Въ *предложеніи* Ломоносовъ указываетъ задачу своего «Слова»: *представить ясными изображеніями славу и дѣянія Петра*, а

Въ *раздѣленіи* устанавливаетъ порядокъ, котораго будетъ держаться въ *изложеніи*, т.-е. въ главной, повѣствовательной части своего «Слова». Онъ говоритъ, что сперва имѣетъ въ виду перечислить *важнѣйшія дѣла* Петра, потомъ указать на тѣ *препятствія*, которыя Петръ одолѣлъ при совершеніи своихъ дѣлъ, и наконецъ выставить *добродѣтели* Петра.

Соотвѣтственно этому и самое *изложеніе* дѣлится на три части:

I) Изображеніе важнѣйшихъ дѣлъ Петра: распространеніе наукъ въ Россіи, устройство войска и флота, побѣды Петра, дѣла внутреннія.

II) Указаніе на тѣ препятствія, которыя преодолѣлъ Петръ при совершеніи своихъ великихъ дѣлъ: опасности во время путешествій по Европѣ, внѣшніе враги, стрѣлецкія возмущенія, предательство ближнихъ.

III) Указаніе добродѣтелей Петра: благочестіе, мудрость, великодушіе, мужество, справедливость, снисходительность, трудолюбіе.

Такое дѣленіе *изложенія* на три части у Ломоносова не случайно: трехчастное дѣленіе было очень любимо старинными риторами.

Въ *патетической части*, имѣющей цѣлью особенно сильно подѣйствовать на воображеніе и чувство слушателей, Ломоносовъ уподобляетъ Петра Богу. Такое уподобленіе, совершенно несвойственное христіанскому міру, сдѣлано Ломоносовымъ въ подражаніе панегирику въ честь Траяна, написанному Плиніемъ Младшимъ, который, согласно съ духомъ римской религіи, допускавшей обоготвореніе лю-

дей, возвелъ Траяна въ божество. Этотъ Плиніевъ панегирикъ вообще имѣлъ вліяніе на «Слово похвальное Петру» и служилъ Ломоносову образцомъ.

Заключеніе должно было или замыкать собою рѣчь, или заключать въ себѣ воззваніе. Въ послѣднемъ случаѣ оно, по правиламъ старинной риторики, должно сливаться съ патетической частью. Въ разсматриваемомъ похвальномъ словѣ Ломоносовъ въ заключеніи обращается къ Богу и взываетъ къ духу Петра. Поэтому у него заключеніе и сливается съ патетическою частью.

Такимъ образомъ нельзя не видѣть, что въ похвальныхъ словахъ Ломоносова много искусственнаго, риторическаго, и потому они не могутъ быть для насъ образцами краснорѣчія. Но при всемъ томъ не слѣдуетъ забывать, что въ исторіи нашего литературнаго языка похвальныя слова Ломоносова были какъ бы ступенью, ведущею отъ предшествовавшаго состоянія нашей литературной рѣчи къ послѣдующимъ ея успѣхамъ.

ИЗЪ «СЛОВА ПОХВАЛЬНАГО ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ» (1755).

Приступъ. Священнѣйшее помазаніе и вѣнчаніе на всероссійское государство Всемилостивѣйшія Самодержицы нашея празднуя, слушатели, подобное видимъ къ ней и къ общему отечеству Божіе снисхожденіе, каковому въ ея рожденіи и въ полученіи отеческаго достоянія чудимся. Дивно ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолъ восшествіе покровеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено пріятіе отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на земли обладатели поставляются, или по случаю державы достигаютъ; однако единымъ рожденіемъ Великія Государыни нашея увѣриться о томъ должно, видя, что она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическія сомнительныя гаданія, отъ положенія планетъ произведенныя, ниже другія по теченію натуры бывающія перемѣны и явленія, но ясные признаки Божія провидѣнія послужатъ сему въ доказательство. Преславная надъ непріятелями Петрова подъ Полтавою побѣда съ рожденіемъ сея великія дщери его въ единъ годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ побѣдителя приходящаго въ міръ встрѣтила Елисавета. Не перстомъ ли здѣсь указующій является Промыслъ? не слышимъ ли мысленнымъ умомъ вѣщающаго гласа? видите, видите исполненіе обѣтовавшаго вамъ предзнаменованіями благоденства. Петръ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріяте-

лей, и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; Елисавета для подобныхъ родилась тріумфовъ. Петръ, возвративъ законному государю корону, въ отеческій градъ шествовалъ; Елисавета въ общество человѣческое вступила, для возвращенія себѣ потомъ отеческой короны. Петръ, сохранивъ Россію отъ расхищенія, вмѣсто мрачнаго страха принесъ безопасную и пресвѣтлую радость; Елисавета увидѣла свѣтъ, дабы пролить на насъ сіяніе отрады, избавивъ отъ мрака печалей... Коль чудныя Божія судьбы видимъ, слушатели! съ рожденіемъ побѣду; съ облегченіемъ родительницы избавленіе отечества; съ обыкновенными при рожденіи обрядами торжественное вшествіе; съ пеленами побѣдительные лавры, и съ первымъ младенческимъ гласомъ всерадостные плески и восклицанія! Не всѣми ли сими рожденной тогда Елисаветѣ предвозвѣщены отеческія добродѣтели, предвозвѣщено отеческое царство?

Въ доступленіи опаго сколь много всемогущій Промыслъ споспѣшествовалъ ея геройству, о томъ радостныя воспоминанія вовѣки не умолкнутъ. Ибо его силою и духомъ подвигнись, героиня наша всероссійскому государству, достодолжной его славѣ, великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ, внутреннему сердецъ нашихъ удовольствію и общему блаженству знатной части свѣта принесла спасеніе и обновленіе. Велико дѣло есть избавленіе единаго человѣка, то коль несравненно больше спасеніе цѣлаго народа! Въ тебѣ, драгайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и братоубійствами раздраженный Богъ поработилъ тебя нѣкогда чужому языку и на пораженное глубокими язвами твое тѣло наложилъ тяжкія вериги! Потомъ стенаніемъ твоимъ и воплемъ преклоненный, послалъ тебѣ храбрыхъ государей, свободителей отъ порабощенія и томленія, которые, соединивъ твои раздробленные члены, возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго паденія избавила россійскій народъ предводимая Богомъ на отеческій престолъ Великая Елисавета, но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутреннія болѣзни бываютъ бѣдственнѣе наружныхъ; такъ и въ нѣдрахъ государства воспитанная опасность вредительнѣе внѣшнихъ нападеній. Удобнѣе наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но, сличивъ исцѣленіе Россіи отъ пораженія, варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ крыпцагося внутрь вреда врачеваніемъ, Елисаветиною рукою произведеннымъ, противное находимъ. Тогда для исцѣленія ранъ наружныхъ обагрены были поля и рѣки не меньше россійскою, нежели агарянскою кровію. Въ благословенные дни наши ве-

ликодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ томленій истребила въ краткое время; и болѣзнующее отечество якобы единымъ божественною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила, сказавъ: *возстани и ходи; возстани и ходи, Россія. Отряси ввои сомнѣнія и страхи, и, радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся.*

Таковыя изображенія въ мысляхъ представляетъ намъ, слушатели, воспоминаніе тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслимъ, что мы не токмо отъ утѣсненія, но и отъ презрѣнія тогда свободились. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не отзываются ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россіяне, россіяне, Петра Великаго забыли. За его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренія; не возводятъ дщерь его на престолъ отеческій; она оставлена—не помогаютъ; она отринута—не возвращаютъ; она пренебрегаема—не отмщаютъ. О коль великъ стыдъ и посмѣяніе! Но несравненная героиня восшествіемъ своимъ отняла поношеніе отъ сыновъ россійскихъ и передъ всѣмъ свѣтомъ оправдала, что не нашего усердія недоставало, но сносило ея великодушіе; не наша ревность оскудѣвала, но она не хотѣла пролитія крови: не нашему малодушію оное приписывать должно, но Божескому промыслу, который благоволилъ показать тѣмъ свою власть, ея мужество, и нашу радость усугубить. Таковыя благодѣянія устроилъ намъ Вышній вступленіемъ на отеческій престолъ Великія Елисаветы! Что жъ нынѣшній праздникъ? Верхъ и вѣнецъ преждереченныхъ. Вѣнчалъ Господь ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное восшествіе, вѣнчалъ безприкладныя добродѣтели. Вѣнчалъ благодатію, ободрилъ благонадежною радостію и благословилъ громкими побѣдами, восшествію ея подобными. Ибо какъ внутренніе враги побѣждены безъ пролитія крови, такъ и внѣшніе съ малымъ урономъ преодолѣны были.

Облачается монархиня наша въ порфиру; помазуется на царство, вѣнчается, пріемлетъ скипетръ и державу. Радуются россіяне и плесками и восклицаніями воздухъ наполняютъ; ужасаются сопостаты и блѣдиѣютъ; уклоняются, даютъ хребетъ россійскому войску, укрываются за рѣки, за горы, за болота; но вездѣ утѣсняетъ ихъ сильная рука вѣнчанныя Елисаветы; отъ единаго ея великодушія ослабу получаютъ. Коль ясныя предзнаменованія благословеннаго ея владѣнія во всемъ вышереченномъ видимъ и вожделѣнному сбытію ихъ съ радостію чудимся! По примѣру Великаго своего родителя даетъ государямъ короны, успокоиваетъ мирнымъ оружіемъ Европу, утверждаетъ россійское наслѣдство; исте-

кает злато и сребро изъ нѣдръ земныхъ къ ея и къ общему удовольствію; избавляются подданные отъ тягости; земля не обагряется россійскою кровію ни внутрь ни внѣ государства, умножается народъ, и доходы прирастаютъ; возвышаются великолѣпныя зданія, исправляются суды, насаждаются науки среди государства; повсюду возлюбленная тишина и Монархинѣ нашей подобное время господствуетъ.

Итакъ, когда несравненная Государыня наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержденное побѣдоноснымъ вѣнчаніемъ и украшенное преславными дѣлами отеческое царство возвысила,—то по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ его истинная наслѣдница. Слѣдовательно похваляя Петра, похвалимъ Елисавету.

Предложеніе. Давно долженствовали науки представить славу его живыми изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего основателя: но, вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ сму равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако наконецъ разсудилось, лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами соединить искренностік украшенное слово, нежели молчать между толикими праздничествен ными восклицаніями, наипаче когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ всевожделѣнный залогъ своея къ намъ божественныя милости, которую въ продолженіи Петрова племени почитаемъ. Итакъ, оставивъ боязливое сомнѣніе, и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духу и голоса, должно употребить, или паче истощить на похвалу нашего героя.

Сіе предпринимая, откуду начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли его дарованій, отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неисчетныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и городы, которые, славою его движимы, во срѣтеніе стекались, и дѣламъ его соотвѣтствующему и великимъ монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа приму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ ко-

тораго невозможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть; и что великій сей мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его исчислитъ; естьли бы только исчислить возможно было.

Раздѣленіе. Итакъ, сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣла его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

Изложеніе. 1) Изображеніе важнѣйшихъ дѣлъ Петра. Къ великимъ своимъ намѣреніямъ премудрый монархъ предусмотрѣлъ за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знаніе распространить въ отечествѣ, и людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножить; о чемъ его отеческое попеченіе хотя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описать обстоятельно, то цѣлое мое слово еще къ тому недостанетъ. Ибо, неоднократно облетая, на подобіе орла быстропарящаго, европейскія государства, отчасти повелѣніемъ, отчасти важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое множество своихъ подданныхъ оставить на время отечество и искусствомъ [1]) увѣриться, коль великая происходитъ польза человѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествія по чужимъ краямъ. Тогда отворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пристани, на подобіе прилива и отлива въ пространномъ океанѣ бывающаго, то выѣзжающіе для пріобрѣтенія знаній въ разныхъ наукахъ и художествахъ сыны россійскіе, то приходящіе съ разными искусствами, съ книгами, съ инструментами иностранные безпрестаннымъ текли движеніемъ. Тогда математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхованіе вмѣненному, уже одѣянному порфирою, увѣнчанному лаврами и на монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣйное почитаніе въ освященной Петровой особѣ приносилось. Таковымъ сіяніемъ величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываетъ избыточествующее изобиліе многоразличныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи просвѣтителя предки наши не токмо лишались, но о многихъ и понятія не имѣли. Коль многія нужныя вещи, которыя прежде изъ дальнихъ земель съ трудомъ и за великую цѣну въ Россію приходили, нынѣ внутрь государства производятся и не токмо

[1]) Опытомъ

насъ довольствуютъ, но избыткомъ своимъ и другія земли снабдѣваютъ. Похвалялись нѣкогда окрестные сосѣди наши, что Россія, государство великое, государство сильное, ни военнаго дѣла, ни купечества безъ ихъ спомоществованія надлежащимъ образомъ производить не можетъ, не имѣя въ нѣдрахъ своихъ не токмо драгихъ металловъ для монетнаго тисненія, но и нужнѣйшаго желѣза, къ пріуготовленію оружія, съ чѣмъ бы стать противъ непріятеля. Исчезло сіе нареканіе отъ просвѣщенія Петрова: отверсты внутренности горъ сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются изъ нихъ металлы, и не токмо внутрь отечества обильно распростираются, но и обратнымъ образомъ, яко бы заемные внѣшнимъ народамъ отдаются. Обращаетъ мужественное россійское воинство противъ непріятеля оружіе, пріуготованное изъ горъ россійскихъ, россійскими руками.

О семъ для защищенія отечества, для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенія внутрь государства важныхъ предпріятій, о семъ нужномъ учрежденіи порядочнаго войска, коль великое имѣлъ великій монархъ попеченіе, коль стремительное рвеніе, коль рачительное всѣхъ способовъ, всѣхъ путей изысканіе, тому всему когда надивиться довольно не можемъ, возможемъ ли изобразить оное словомъ?... Кто могъ помыслить, чтобы двѣнадцати лѣтъ отрокъ, отлученный отъ правленія государства, и только подъ премудрымъ покровительствомъ чадолюбивыя своея родительницы отъ злобы защищаемый, между безпрестанными страхами, между копьями, между мечами, на его родственниковъ и доброжелателей и на него самого обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, котораго могущество въ скоромъ послѣ времени почувствовали непріятели, почувствовали и вострепетали, и которому нынѣ вся вселенная по справедливости удивляется?... Паче общенароднаго чаянія, противу невѣроятія оставившихъ надежду, и свыше прегинательныхъ происковъ и язвительнаго роптанія самой зависти, загремѣли внезапно новые полки Петровы, и въ вѣрныхъ россіянахъ радостную надежду, въ противныхъ страхъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ реченіемъ, а паче всего неслыханнымъ примѣромъ. Взирая нѣкогда сенатъ римскій на Траяна кесаря, стоящаго предъ консуломъ для принятія отъ него консульскаго достоинства, возгласилъ: «Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе!» Какія восклицанія, какіе плески Петру Великому быть долженствовали для его безприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли отцы наши вѣнчаннаго своего государя не въ числѣ кандидатовъ римскаго консульства, но межъ рядовыми солдатами: не власти надъ Римомъ требующаго, но подданныхъ сво-

ихъ мановенія наблюдающаго. О вы, мѣста прекрасны, мѣста благополучны, которыя толь чуднымъ зрѣніемъ насладились! О, какъ вы удивлялись дружественному непріятельству полковъ единаго государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О, какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взятію домашнихъ новыхъ крѣпостей, не для настоящія корысти, но ради будущія славы; не для усмиренія сопротивныхъ, но ради одобренія единоплеменныхъ учиненному. Мы, нынѣ озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ государю воспалялось начинающееся войско, видя его въ своемъ сообществѣ, за однимъ столомъ, тую же пріемлющаго пищу; видя лицо его, пылью и потомъ покрытое, видя, что отъ нихъ ничѣмъ не разнится, кромѣ того, что въ обученіи и въ трудахъ всѣхъ прилежнѣе, всѣхъ превосходнѣе. Таковымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый государь, происходя по чинамъ съ подданными, доказалъ, что монархи ничѣмъ такъ величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось россійское воинство, и въ двадцатилѣтнюю войну съ короною шведскою и потомъ въ другіе походы, наполнило громомъ оружія, и побѣдоносными звуками концы вселенныя...

Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди; когда вы сіи похвалы военныхъ дѣлъ нашего героя, когда вы превозносимыя мною побѣды россійскаго воинства надъ вами услышите,—не въ поношеніе, но больше въ честь вашу приимите. Ибо стоять долгое время противъ сильнаго россійскаго народа, стоять противъ Петра Великаго, противъ мужа, посланнаго отъ Бога на удивленіе вселенныя, и наконецъ быть отъ него побѣжденнымъ, есть славнѣе, нежели побѣдить слабые полки подъ худымъ предводительствомъ...

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, и обученіе свое съ побѣдами соединившія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели; посмотримъ тамъ дѣла Господни, и чудеса его въ глубинѣ, Петромъ показанныя, и свѣтъ удивившія.

Пространная россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отвсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; тамъ стонутъ волны подъ тягостью россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышащіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли, въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усу-

губляютъ; индѣ, достигнувъ спокойнаго пристанища, плаватель удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ, для приращенія могущества и славы россійской, индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плыть дерзаетъ; со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуду толикая слава и сила россійскихъ флотовъ, по толь многимъ морямъ, въ краткое время распространилась? откуду матеріи? откуду искусство? откуду махины и орудія, нужныя въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, естьли бы такое невѣроятное и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось и не было бы въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что нельзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ, дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности, и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать. Подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ и на морской глубинѣ показать россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части. Которыя разсматривая, увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть невозможно, ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что великій государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ московскихъ, когда нашъ герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ,

въ присутствіи всего царскаго дома. при знатныхъ чинахъ россійскаго государства и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здравію его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда сначала на малыхъ водахъ московскихъ, потомъ на большей ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего государства, и, сокрывъ величество своея особы между простыми работниками, въ чужой земли корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ россіянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, которой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать; но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣлъ искусство, что Голландія не могла уже удовольствовать его глубокаго понятія. Потомъ коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой то былъ россіянинъ; но самъ толь великаго государства обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ великій государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь, великія россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь, счастливые берега, освященные Петровыми стопами и потомъ его орошенные. Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготованные члены нерѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершали великія громады! Коль чуднымъ и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались! Когда неусыпный ихъ основатель и строитель многократно то на верху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмот-

рѣнные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ, баснословная древнихъ поспѣшность, не вымыслами, но правдою, во дни Петровы показалась.

Коль радостны были великому государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства, раченіемъ его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ собою, но и безчувственному дереву показалъ преславный знакъ благодарности. Покрываются невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ береги великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ махинъ. Какое счастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на срѣтеніе монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику! но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ. Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ!

Затѣмъ, указавъ на важнѣйшія внутреннія дѣла Петра Великаго (учрежденіе сената, синода, государственныхъ коллегій, изданіе разныхъ уставовъ, улучшеніе торговли, увеличеніе доходовъ, и пр.), ораторъ заканчиваетъ первую часть своего *изложенія* и переходитъ ко второй—къ указанію тѣхъ препятствій, съ которыми пришлось бороться Петру. Вторая часть, сравнительно съ первою, гораздо короче. Ломоносовъ говоритъ, что «все подробно описать трудно и слушать небезболѣзненно», и сейчасъ же послѣ этого переходитъ къ третьей части — къ указанію добродѣтелей Петра, при помощи которыхъ монархъ одолѣлъ всѣ препятствія и возвеличилъ Россію.

III. Указаніе добродѣтелей Петра. Помогъ Всевышній Петру преодолѣть всѣ тяжкія препятствія и Россію возвысить. Споспѣшествовалъ его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ его предпріятіяхъ извѣстна; первое его веселіе былъ домъ Господень; не слушатель токмо предстоялъ божественной службѣ, но самъ чинопачальникъ. Умножалъ вниманіе и благословеніе предстоящимъ своимъ монаршескимъ гласомъ; и внѣ государскаго мѣста съ простыми пѣвцами на ряду стоялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ его

благочестія; но одинъ нынѣ довлѣетъ. Выѣзжая въ срѣтеніе тѣлу святого и храбраго князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струи невскія. Чудное видѣніе! Гребутъ кавалеры, самъ монархъ на кормѣ управляетъ, и къ простыхъ людей труду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираетъ, вѣры ради сю укрѣпляясь, избылъ многократнаго стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою его силою свыше въ день Полтавскія браши, и не допустилъ къ ней прикоснуться смертоносному металлу! Разсыпалъ передъ нимъ, какъ нѣкогда ерихонскую, нарвскую стѣну, не во время ударовъ изъ огнедышащихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненно премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ, безпритворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилежное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ, въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство. Чрезъ сіи Петровы дарованія приняла новой видъ Россія, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего отечества, и государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая непріятелями корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше вліянной ему премудрости, споспѣшествовало его геройское мужество: оною удивилъ вселенную, симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ своемъ нѣжномъ младенчествѣ показалъ при военныхъ обученіяхъ безстрашіе. Когда всѣ смотрители новаго дѣла, метанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденія, младый государь въ близости смотрѣть всѣми силами порывался, и слезами своея родительницы, прошеніемъ братнимъ и знатныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Странствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности, для обновленія Россіи. Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило ему вмѣсто увеселенія. Коль много кратъ морскія волны, возвышая гордые верхи свои, непревратной смѣлости были свидѣтели, быстро текущимъ флотомъ разсѣкаемы, въ корабли ударяли и съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху металломъ въ едину опасность совокуплялись, его не устрашали! Кто безъ ужаса представить можетъ летящаго по полямъ полтавскимъ въ устроенномъ къ бою своемъ войскѣ Петра, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы его шумящихъ, возвышающаго сквозь дымы гласъ свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И вы, знойная Персія, ни быстрыми рѣками, ни текучими болотами,

ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятить нашествію нашего героя, не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ городы.

Больше примѣровъ о геройскомъ его духѣ, для краткости, не предлагаются, слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ его присутствіи и его предводительствомъ бывшихъ; но представляю его великодушіе великимъ героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, и больше движетъ сердца человѣческія, нежели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣетъ участіе храбрость воиновъ, споможеніе союзниковъ, мѣста и времени удобность и больше всего присволетъ себѣ счастіе, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителеву все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастіе ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ великій нашъ защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ свой купно со оружіемъ и не токмо изъ непріятелей никто живота лишенъ не былъ, какъ только противъ его ополченный; но и безприкладная честь имъ показана. Скажите, шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связанія, препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посажденія въ темницы, посаждены были за столомъ побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряженно есть правосудіе. Первое званіе постановленныхъ отъ Бога на земли обладателей есть управляти міръ въ преподобіи и правдѣ, награждать заслуги, наказывать преступленія. Хотя военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препятствовали великому государю установить во всемъ непремѣнные и ясные законы; однако сколько на то трудовъ его положено, несомнѣнно удостовѣряютъ многіе его указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленные дни отдохновенія, многочисленныя ночи сна его лишили. Докончать и привести къ совершенству судилъ Богъ подобной таковому родителю дщери, въ безмятежное и благословенное ея владѣніе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства, однако въ сердцѣ его написано было правосудіе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось.

При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ его дѣламъ препятствующія злодѣянія къ строгости пришуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Противъ многихъ знатныхъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ свою сердечную радость пріятіемъ ихъ столу своему и пушечною пальбою. Не отягощаетъ его казнь стрѣлецкая. Представьте себѣ и помыслите, что ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила. Пролита [1]) неповинная кровь по домамъ и по улицамъ московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое путешествіе пресѣкли, вооружаясь явно противъ отечества. За все сіе ежели не отмщу и конечной пагубы не пресѣку казнію,—уже вижу напередъ площади наполнены труповъ, расхищаемы домы, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ и любезное отечество повержено въ дыму и въ пеплѣ. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ взыщетъ. Такого конечнаго правосудія наблюденіе пришудило его къ строгости.

Ничѣмъ не могу я больше доказать его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ его подданнымъ. Превосходенъ дарованіями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и монаршеское присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто нѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде государей рабы на плечахъ, на головахъ своихъ носили: его снисхожденіе превознесло выше самихъ государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагали дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! какое увеселеніе за столомъ его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями; и сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ съ пріятелями въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое величество; а самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣще-

[1]) Слѣдующія слова ораторъ приводитъ отъ лица самого Петра

вѣкъ. Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ. Ибо онъ привлекалъ къ тому больше притѣномъ нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принуждѣніемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его восноможеніемъ къ украшенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Что жъ его путешествія, или лучше быстронарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ азовскихъ, уже шумятъ устунающія ему каспійскія волны. И вы, великія рѣки, южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Рейнъ и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите! Я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ, такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча.

Патетическая часть и заключеніе. Съ кѣмъ сравню великаго государя? Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда, предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго: но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ.

ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ: но вмѣсто чтобы воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли волкъ: однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ—разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, отъ первой Пунической войны до Августа. Непоты. Сципіолы. Марцеллы. Регулы. Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды: прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

За великія къ отечеству заслуги названъ онъ отцомъ отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что онъ родилъ дщерь, всемилостивѣйшую государыню нашу, которая на отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила!

Услыши насъ, Боже, награди, Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатерины, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ сестры, двѣ дщери Петровы, разлучаясь проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянія, награди долгоденствіемъ и потомствомъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ наслѣдникъ; правнукъ, по желанію нашему, родился; мы тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены: сею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

Заслуги, оказанныя Ломоносовымъ русскому языку и русской словесности.

Ломоносовъ своими учеными и литературными трудами оказалъ несомнѣнныя и важныя заслуги какъ русскому языку, такъ и русской словесности.

I. Ломоносовъ создалъ «русскій» литературный языкъ. Припомнимъ

только, что было съ нашимъ книжнымъ языкомъ до Ломоносова, и какую пеструю смѣсь представлялъ онъ собою [1]). Созданіе литературнаго языка составляетъ важнѣйшую заслугу Ломоносова.

II. Ломоносовъ, не смотря на предшествующіе труды Тредьяковскаго, справедливо можетъ быть названъ творцомъ русскаго литературнаго стиха. «Стихъ Ломоносова былъ для своего времени явленіемъ необыкновеннымъ, даже безъ сравненія съ стихотвореніями Кантемира и Тредьяковскаго. Онъ выразителенъ, мужественъ и благозвученъ» [2]).

III. Наконецъ Ломоносову же принадлежитъ честь окончательнаго утвержденія у насъ новыхъ литературныхъ формъ, заимствованныхъ у западной Европы. Хотя литературныя произведенія Ломоносова и написаны по предписаніямъ ложноклассической теоріи,—тѣмъ не менѣе появленіе ихъ было большимъ шагомъ впередъ: со времени Ломоносова у насъ стали все болѣе и болѣе развиваться такіе же роды и виды словесныхъ произведеній, какіе мы встрѣчаемъ въ литературѣ западно-европейской.

За всѣ эти заслуги Ломоносова называютъ *отцомъ* новой русской литературы.

Ломоносовъ, какъ историкъ.

Въ числѣ наукъ, которыми занимался Ломоносовъ, была и русская исторія. Русской исторіей Ломоносовъ началъ заниматься по убѣжденію Шувалова и самой императрицы Елисаветы, которая выразила желаніе «видѣть россійскую исторію, его стилемъ написанную». Ломоносовъ ревностно принялся за это новое для него дѣло, скоро имъ увлекся, и результатомъ его историческихъ занятій явилось сочиненіе: «*Древняя россійская исторія*». Но Ломоносовъ успѣлъ написать только часть предположеннаго имъ труда: его «Древняя россійская исторія» обнимаетъ лишь періодъ времени отъ начала россійскаго народа до смерти Ярослава.

Въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, и въ исторіи господствовало такое же подражательное направленіе, какъ и въ поэзіи. Какъ для поэтовъ образцами были Гомеръ, Виргилій, Пиндаръ и другіе греческіе и римскіе поэты, такъ для историковъ образцами служили Геродотъ, Титъ Ливій и др. греческіе и римскіе историки. Имъ не только старались подражать въ формѣ и пріемахъ изложенія, но и любили отыскивать сходство между исторіей новѣйшихъ народовъ и исторіей Греціи и Рима.

---

[1]) Что собственно сдѣлалъ Ломоносовъ для нашего литературнаго языка—объ этомъ см. выше, стр. 16.

[2]) Ист. Рус. Слов. А. Галахова, т. I, отд 2, стр. 89 (изд. 3-ье).

Это подражательное направленіе мы находимъ и въ «Исторіи» Ломоносова. Такъ, напримѣръ, онъ сравниваетъ русскую исторію съ римской и находитъ между той и другою большое сходство.

«Владѣніе первыхъ римскихъ царей,—говоритъ онъ,—соотвѣтствуетъ числомъ лѣтъ и государей самодержавству русскихъ князей; гражданское (т.-е. республиканское) правленіе въ Римѣ подобно раздѣленію Россіи на удѣльныя княжества; единодержавіе римскихъ цезарей соотвѣтствуетъ самодержавству московскихъ государей. Одно примѣчаю несходство,—прибавляетъ онъ при этомъ,—что римское государство гражданскимъ владѣніемъ возвысилось, а самодержавствомъ пришло въ упадокъ. Напротивъ, разномышленною вольностію Россія едва не дошла до крайняго разрушенія, а самодержавствомъ какъ сначала усилилась, такъ и послѣ несчастливыхъ временъ умножилась, укрѣпилась и прославилась».

Авторы, подражавшіе древнимъ историкамъ, любили производить начало своего государства отъ греческихъ и римскихъ героевъ. Такъ, напримѣръ, начало французскаго народа и государства приписывалось Франку, яко бы потомку Гектора; начало англійскаго государства приписывали троянцу Бруту. Подобно этому и Ломоносовъ говоритъ, что Рюрикъ происходилъ отъ римскаго императора Августа.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМАРОКОВЪ.

(1718—1777).

Вслѣдъ за Ломоносовымъ самымъ выдающимся представителемъ ложнаго классицизма является Сумароковъ. Ломоносовъ былъ главнымъ образомъ представителемъ у насъ ложноклассической лирики; Сумароковъ же является главнымъ образомъ представителемъ у насъ ложноклассической трагедіи.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что литературная дѣятельность Сумарокова не ограничивалась созданіемъ однѣхъ лишь ложноклассическихъ трагедій: онъ извѣстенъ въ нашей литературѣ и какъ сатирикъ и критикъ.

Біографическія свѣдѣнія о Сумароковѣ.

Александръ Петровичъ Сумароковъ происходилъ изъ стариннаго боярскаго рода. Получивъ первоначальное образованіе въ домѣ отца, онъ 14-ти лѣтъ поступилъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ [1]). Воспитанники этого корпуса отличались большою любовью къ литературѣ. Многіе изъ нихъ составили изъ себя *Общество любителей*

[1]) Корпусъ этотъ былъ основанъ въ 1730 г. по идеѣ Миниха и имѣлъ своею цѣлію приготовлять молодыхъ людей къ военной службѣ.

русской словесности и въ свободное отъ учебныхъ занятій время читали другъ другу опыты своихъ сочиненій и переводовъ [1]). Подъ вліяніемъ этихъ литературныхъ упражненій сталъ развиваться и талантъ Сумарокова. Онъ еще въ корпусѣ началъ писать стихи, и нѣкоторые изъ нихъ были даже напечатаны корпуснымъ начальствомъ, въ поощреніе начинающаго писателя. Такая удача чрезвычайно ободрила Сумарокова, и съ тѣхъ поръ въ немъ стала все болѣе и болѣе развиваться любовь къ авторской дѣятельности.

Ко времени же пребыванія Сумарокова въ корпусѣ относятся и тѣ обстоятельства, которыя послужили первою причиною того, что Сумароковъ впослѣдствіи сдѣлался драматическимъ писателемъ. При дворѣ Анны Іоанновны давались театральныя представленія пріѣзжею итальянскою труппою. Воспитанники корпуса являлись на эти представленія не только въ качествѣ зрителей, но принимали въ нихъ участіе, а именно: они приглашались къ участію въ интермедіяхъ и балетахъ. Театральныя представленія сильно подѣйствовали на Сумарокова, и ему захотѣлось сдѣлаться драматическимъ писателемъ. И вотъ, по выходѣ изъ корпуса (1740) и будучи уже офицеромъ, онъ начинаетъ изучать Корнеля, Расина и Вольтера—этихъ корифеевъ ложноклассической трагедіи,—и затѣмъ выступаетъ уже и самъ, какъ драматическій писатель: въ 1747 г. появляется его первая трагедія: «Хоревъ». Трагедія эта была представлена кадетами въ присутствіи императрицы и встрѣтила одобреніе. Съ этимъ поръ судьба Сумарокова, какъ драматическаго писателя, была рѣшена: онъ сталъ писать трагедіи, подражая ложноклассическимъ образцамъ, и такъ ими прославился у современниковъ, что они называли его «россійскимъ Расиномъ».

Любя драматическое искусство, Сумароковъ трудился на пользу его не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ, завѣдывавшій театральными представленіями; сперва онъ завѣдывалъ театральными представленіями въ кадетскомъ корпусѣ и при дворѣ, а затѣмъ (1756—61) былъ директоромъ перваго русскаго постояннаго театра, основаннаго въ Петербургѣ въ 1756 году.

Съ назначеніемъ Сумарокова на должность директора театра, дѣятельность его, какъ драматическаго писателя, не только не уменьшилась, но, напротивъ, усилилась, такъ какъ, по понятіямъ того времени, директоръ театра долженъ былъ не только завѣдывать представленіями, но и сочинять пьесы для театра. Но энергія Сумарокова была удивительна, и онъ для всего находилъ время: упра-

[1]) См. «Очерки жизни Сумарокова» С. Глинки. С.-Пб. 1841 г., ч. I, стр. 10

вялъ театромъ, лично заботясь обо всемъ, что нужно было для театральныхъ представленій, писалъ для театра пьесы, писалъ и другія различныя сочиненія, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ и наконецъ издавалъ журналъ «Трудолюбивую Пчелу». Правда, журналъ этотъ издавался всего лишь въ теченіе одного года (1759), но прекращеніе его зависѣло не отъ самого издателя, а отъ недостатка денежныхъ средствъ.

Однако, при всей этой неутомимой дѣятельности, посвященной театру и литературѣ, Сумароковъ не могъ удержаться на той высотѣ, на которую онъ было сталъ во мнѣніи своихъ современниковъ. Черты личнаго его характера были причиною его паденія: онъ отличался болѣзненнымъ самолюбіемъ, не допускавшимъ литературнаго совмѣстничества, съ завистью смотрѣлъ на успѣхи другихъ писателей, выставлялъ себя, какъ генія, имѣющаго право на всеобщее поклоненіе. Все это приводило его во враждебныя столкновенія со многими лицами, вызывало много непріятностей, и наконецъ онъ принужденъ былъ оставить должность директора театра и переселиться въ Москву. Но и въ Москвѣ Сумароковъ не былъ счастливѣе: тамъ онъ тоже началъ ставить въ театрѣ свои пьесы, и такъ какъ онъ требовалъ, чтобы на сцену ставились только его пьесы, а не другихъ авторовъ, онъ естественно и въ Москвѣ не избѣжалъ непріязненныхъ столкновеній, которыя окончательно раздражили его, нравственныя его силы упали, здоровье пошатнулось, и онъ, со всѣми разссорившись и всѣми покинутый, провелъ послѣдніе годы своей жизни въ горькой нуждѣ. Сумароковъ умеръ, не оставивъ денегъ даже на свои похороны. Московскіе актеры похоронили его на свой счетъ и на рукахъ несли гробъ его до Донского монастыря.

Сочиненія Сумарокова.

Трагедіи Сумарокова.

Всѣхъ трагедій Сумарокова 9 [1]); изъ нихъ лучшими считались у современниковъ слѣдующія: «*Хоревъ*», «*Синавъ и Труворъ*», «*Семира*», «*Димитрій Самозванецъ*» и «*Мстиславъ*».

Сюжетъ трагедіи «Хоревъ» заимствованъ изъ баснословныхъ пре-

[1]) 1) «*Хоревъ*», 2) «*Гамлетъ*» (сюжетъ заимствованъ изъ французскаго прозаическаго перевода Шекспировой трагедіи; но «Гамлетъ» Сумарокова на Шекспировскую трагедію «едва-едва походитъ», какъ справедливо говоритъ объ этомъ и самъ Сумароковъ), 3) «*Синавъ и Труворъ*», 4) «*Аристона*», 5) «*Семира*», 6) «*Ярополкъ и Дмитза*», 7) «*Вышеславъ*», 8) «*Димитрій Самозванецъ*», 9) «*Мстиславъ*».

шій Кіева. За 16 лѣтъ до событія, изображеннаго въ трагедіи, русскій князь *Кій* разбилъ кіевскаго князя *Завлоха*, овладѣлъ Кіевомъ и взялъ въ плѣнъ дочь Завлоха — *Оснельду*, которой тогда не было еще и году. Ставши уже дѣвушкой, Оснельда полюбила брата Кія — *Хорева*, который, въ свою очередь, тоже полюбилъ Оснельду. Чрезъ 16 лѣтъ послѣ своего изгнанія, Завлохъ собралъ войско, подступилъ къ Кіеву и требуетъ выдачи Оснельды. Кій согласенъ отпустить Оснельду, но въ ней завязывается борьба между долгомъ и чувствомъ. Съ этого и начинается трагедія: Оснельда въ бесѣдѣ съ своей мамкой *Астрадой* (1-ое явленіе I-го дѣйствія) раскрываетъ свою душу и объясняетъ, что, съ одной стороны, ее влечетъ любовь къ Хореву, а съ другой—передъ нею долгъ, не позволяющій любить врага ея отца. Является Хоревъ, пытается найти исходъ для Оснельды и совѣтуетъ написать отцу письмо съ просьбою, чтобы тотъ согласился выдать ее за Хорева. Объ этой любви Хорева къ Оснельдѣ доноситъ Кію бояринъ Сталверхъ, возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе относительно вѣрности Хорева и совѣтуетъ не отпускать Оснельду. Кій призываетъ Хорева и велитъ ему сражаться съ Завлохомъ. Хоревъ, желая примирить брата съ Завлохомъ, старается отклонить его отъ сраженія, указывая на тѣ бѣдствія, какія производитъ война; но этимъ только усиливаетъ подозрѣнія Кія, и Кій приказываетъ ему идти на врага. Хоревъ идетъ сражаться. Между тѣмъ Сталверхъ доноситъ Кію о тайномъ письмѣ, посланномъ Оснельдою къ Завлоху, и Кій, подозрѣвая измѣну, осуждаетъ Оснельду на смерть и исполненіе приговора поручаетъ Сталверху. Но вскорѣ послѣ того, какъ стражи увели Оснельду, является каперсникъ Хорева—*Велькаръ* и объявляетъ, что Хоревъ побѣдилъ врага и въ доказательство приноситъ ему мечъ Завлоха. Кій, убѣдившись теперь въ несправедливости своихъ подозрѣній, приказываетъ освободить Оснельду, но посланный находитъ ее уже мертвою. Между тѣмъ является и самъ Хоревъ съ побѣжденнымъ Завлохомъ и уже согласившимся на бракъ Хорева съ Оснельдой. Но раздается ударъ грома — и Кія извѣщаютъ, что Сталверхъ, возбудившій въ немъ подозрѣніе къ Оснельдѣ, терзаясь совѣстью бросился въ Днѣпръ, произнося съ воплемъ, что онъ убійца Оснельды. Тутъ только Хоревъ узнаетъ о смерти своей невѣсты и закалывается. Кій проклинаетъ свое заблужденіе.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ «ХОРЕВЪ».

Дѣйствующія лица:

Кій, князь русскій.
Хоревъ, братъ и наслѣдникъ его.
Завлохъ, бывшій князь города Кіева.
Оснельда, дочь Завлоха.
Сталверхъ, первый боярин Кія.
Велькаръ, наперсникъ Хоревовъ.
Астрада, мамка Оснельды.
Два стража.
Три воина.
Плѣнникъ.

Дѣйствіе въ Кіевѣ, въ княжескомъ домѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1-е.

Оснельда и Астрада.

Астрада.

Княжна! сей день тебѣ свободу обѣщаетъ.
Въ послѣдній разъ тебя здѣсь солнце освѣщаетъ.
Завлохъ, родитель твой, пришелъ ко граду днесь,
И вооружаются всѣ къ оборонѣ здѣсь.
Ужъ носится молва по здѣшнему народу,
Что Кій, страшася бѣдствъ, даетъ тебѣ свободу.

Оснельда.

О день!... Когда то такъ,—день радости и слезъ!
Щедрота поздняя разгнѣванныхъ небесъ
Смѣшана съ казнію и лютою напастью!
Чрезъ горе и бѣду отверзся путь ко счастью.
Астрада! мнѣ уже свободы не видать;
Я здѣсь осуждена подъ стражею страдать,
Хотя я нѣсколько и вольности имѣю
И отъ привычки злой претерпѣвать умѣю...
А тамъ... увы!...

Астрада.

А тамъ остаточный предѣлъ,
Гдѣ множество еще во власти вашей селъ,
Наслѣдіе твое: и ты воздвигнешь племя
Безчадному отцу; уже приходитъ время
Тебѣ достойнаго супруга получить,
И жребій твой съ его судьбой соединить.
Ты будешь мать...

Оснельда.

Молчи, я счастьемъ не ласкаюсь
И жребью моему въ страданьи покоряюсь.
Довольно: я хочу изъ сихъ противныхъ мѣстъ.
О жалостна страна! о горестный отъѣздъ!
Толкуй мои слова, толкуй мои напасти
И сожалѣй о мнѣ въ такой суровой части.

Астрада.

Понять я не могу сей тайны твоея.

Оснельда.

Теперь откроется тебѣ душа моя...
Но, ахъ! объемлетъ стыдъ, всѣ мысли днесь мятутся,
И рѣчи во устахъ безгласны остаются.

Астрада.

Ужель постигла я?... любовь...

Оснельда.

Прилично ль мнѣ
Ея заразы знать въ печальной сей странѣ?
О томъ ли помышлять Оснельдѣ надлежало?
Но, ахъ! вошло во грудь любви злосчастной жало.
Ты сказывала мнѣ о тѣхъ печальныхъ дняхъ,
Когда родитель мой жизнь проводилъ въ бѣдахъ,
Какъ смерть голодная народы пожирала,
И слава многихъ лѣтъ въ одно мгновенье пала.
Благополучный Кій побѣду одержалъ,
Родитель мой тогда въ пустыню убѣжалъ;
Въ отчаяньи своемъ тревожась, унывая,
Озеры на конѣ и рѣки преплывая,
Съ послѣднимъ воинствомъ лѣсъ, горы преходя,
Разбитъ и побѣжденъ, изъ степи въ степь блудя.
Моя степяща мать, сыновъ своихъ лишася,
И наконецъ съ своимъ супругомъ разлучася,
Услыша злую вѣсть, что Кій, какъ вѣтеръ прахъ,
Народы разметавъ, во градскихъ ужъ вратахъ,—
Лицо горьчайшими слезами омывала
И кровь свою своей рукою проливала
И, лобызаючи въ послѣдній разъ меня,
Скончала бѣдну жизнь, въ сонъ вѣчный премѣня.
А я, въ плѣнъ горестный еще низвергшись году,
Не помню ни отца, ни матери, ни роду.
Однако кровь во мнѣ во всѣ шестнадцать лѣтъ,
Какъ помнить я могу, о мщеньи вопіетъ.
Я сказанное мнѣ плачевно время вижу,
И рода моего убійцу ненавижу.

Но, ахъ! Хоревъ въ тѣ дни хотя младенецъ былъ,
Онъ Кію братъ, увы!... а мнѣ, Астрада, милъ.

Астрада.

Искореняй сей ядъ, отецъ того желаетъ.

Оснельда.

Мнѣ памятенъ мой долгъ; пускай сей огнь пылаетъ;
Какимъ безчувствіемъ духъ долженъ цѣпенѣть,
Когда бъ отца могла и не хотѣла зрѣть?
Душа Оснельдина теперь тѣмъ только льстится;
Но духъ, мой слабый духъ, и рвется и мутится...

Астрада.

Давно ль, съ которыхъ дней питаешь эту страсть?
Давно ль душа твоя любви узнала власть?

Оснельда.

Увы! шесть мѣсяцевъ, Астрада, унываю.
И слезъ въ одрѣ моемъ потоки проливаю;
Достоинства его и искренния любовь
Противъ желанія зажгли внезапно кровь.
Внимательнѣй въ него я всматриваться стала,
Но что влекусь я въ сѣть, о томъ не помышляла:
Искала, чтобы мнѣ съ нимъ чаще вмѣстѣ быть,
И время горести свиданьемъ усладить.
И стало безъ него вездѣ, всегда мнѣ скучно;
Желала, чтобъ была съ Хоревомъ неразлучно.
И въ это время я узнала страсть мою,
Которую еще въ душѣ моей таю.
За слабость на меня возстала совѣсть грозно;
Пеняла я себѣ, но было уже поздно.

Астрада.

А если Кій отдастъ отцу тебя назадъ,
И будешь ты должна покинуть этотъ градъ,—
Обрадуешься ли, родителя увидя?

Оснельда.

Обрадуюсь, но жизнь мою возненавидя:
Для радости одинъ лишь будетъ веселъ часъ;
Но я узрю отца уже въ послѣдній разъ.
Но какъ бы ни было, мнѣ льститъ сія минута.
Поди и извѣстись, уже ль судьбина люта
Назначила сей день отцу свободнымъ быть?
И вѣрь, хотя она стремится приключить
Жестоку мнѣ тоску и жалкую разлуку,
Безъ трепета иду на эту злую муку.

Явленіе 2-е.

Оснельда (одна).

Къ чему, къ чему меня, судьба, ты привела?
Къ такимъ ли днямъ, любовь, во мнѣ ты кровь зажгла?
Несчастливымъ временъ жестоки всѣ премѣны...
О домъ отцовъ моихъ! О вы, противны стѣны,
Которыми пришлецъ сей городъ оградилъ!
Земля, въ которой Кій кровавы токи лилъ!
Мѣста, толь много разъ слезами орошенны,
Возлюбленнымъ моимъ Хоревомъ украшенны,
Печалей и утѣхъ собраніе и смѣсь,
Чѣмъ слабая душа обремененна днесь!
Отверзи мнѣ врата любезныя темницы,
И выпусти меня за Кіевы границы!
О честь! о долгъ! любовь! мой князь! родитель мой!
Дѣлите сердце днесь и рушьте мой покой!
А ты, жизнь скорбная! терпи бѣдъ лютыхъ ярость,
И бременемъ своимъ несчастливую старость
Потщися ободрить, какъ бѣдной небеса
Жилищемъ мнѣ дадутъ дремучіе лѣса!

Явленіе 3-е.

Оснельда и Хоревъ.

Хоревъ.

Готовься къ радостямъ, княжна! въ сей день желанный
Ужъ часъ приблизился, тобой толь часто званный;
Уже открылся путь тебѣ изъ здѣшнихъ стѣнъ;
Ступай и покидай и Кіевъ-градъ и плѣнъ.
Родитель твой въ сей день Оснельду ожидаетъ,
А Кій, мой братъ, на то согласье изъявляетъ.
Внимай изъ устъ моихъ желаемый отъѣздъ;
Свободно удались изъ сихъ противныхъ мѣстъ,
Которыя тебя въ неволѣ содержали,
Когда дни счастливы Завлоха пробѣжали.
Хоть съ Кіемъ я родства союзомъ сопряженъ,
Хотя родитель твой и былъ имъ побѣжденъ. —
Не чти меня врагомъ; мной, сколько можно было,
Несчастіе тебя подъ стражею щадило;
Старался я его вседневно облегчать...
Ты плачешь; по къ чему такъ сердце отягчать?
Или воспомнила ты Кіеву досаду?
Но я противнаго не подавалъ и взгляду.

Оснельда.

Я плачу... Безъ тебя судьба мнѣ жить велитъ;
Но вѣрь мнѣ, вѣрь, мой князь! гдѣ я ни буду жить,

Вниманья твоего вовѣки не забуду,
Воспоминать тебя, Хоревъ, до гроба буду.
О солнце! видишь ты, я правду ль говорю?
Въ послѣдній разъ тебя я въ этомъ градѣ зрю;
Но будь свидѣтелемъ, что имя милосердо
Въ душѣ моей всегда храпить я буду твердо.

Хоревъ.

Въ послѣдній разъ уже любезный слыша гласъ,
И видя предъ собой тебя въ послѣдній разъ,
Прошу тебя, скажи, скажи, княжна драгая,
Мои усердія въ умѣ воспоминая,
Возмогъ ли сердце я твое когда тронуть?
Жаръ сердца моего твоя дѣлила ль грудь?
Я думалъ, что рожденъ къ единой только брани,
Противниковъ карать и налагать имъ дани;
Но богъ любви тобой порывъ тотъ умягчилъ;
Твой взоръ меня вздыхать и въ славѣ научилъ.
Когда твои глаза надежду мнѣ давали,
А безпристрастныя слова мнѣ сердце рвали,—
Я слабости своей стыдился и стеналъ,
И въ горести моей что дѣлать—я не зналъ.
Противъ тебя, противъ себя вооружался;
Но пламень мой тобой всечасно умножался.
Я много разъ тебя старался позабыть,
Старался—и мечталъ уже свободнымъ быть;
Но, вспомнивъ о тебѣ, тобой былъ снова страстенъ;
Мой гордый духъ тебѣ навѣки сталъ подвластенъ.
Коль любишь—объяснись, сверши мое желанье;
Пускай останется хотя воспоминанье.

Оснельда.

Люблю... доволенъ ли? поди отъ глазъ моихъ,
Оставь меня въ тоскѣ, останься въ мысляхъ сихъ.
Для вздоховъ я твоихъ часы напрасно трачу.
Мнѣ время отъѣзжать, а я лишь только плачу.
Ищи другой любви; довольно въ свѣтѣ дѣвъ,
Которымъ будетъ милъ любезный мой Хоревъ.
Люби, которая меня счастливѣй станетъ;
А та тебя по гробъ безъ слезъ не воспомянетъ,
Которой эту часть хотѣло небо дать,
Чтобъ ей тебя по смерть любить и не видать.

Хоревъ.

Ты любишь, а меня смертельно поражаешь?
Ты плачешь, а сама отселѣ отъѣзжаешь?
О боги! о княжна! явите жалость днесь!...
Счастливѣй будь меня; княжна, останься здѣсь!

Оснельда.

Мой рокъ такой, чтобъ я Хорева покидала,
И чтобы никогда его ужъ не видала.

Хоревъ.

Вѣщаешь о любви ты только мнѣ маня?

Оснельда.

Какъ я тебя люблю, люби ты такъ меня!
Или вини меня въ своей смущенной мысли,
И эту мнѣ бѣду къ бѣдамъ моимъ причисли.
Какихъ ты требуешь свидѣтелей глазамъ,
Когда не вѣришь ты ни стону ни слезамъ?

Хоревъ.

Чего желаемъ мы и что намъ толь пріятно,
То кажется всегда для насъ невѣроятно,
И кажется намъ сномъ; но то ужасный сонъ!
Какое множество въ семъ счастіи препонъ!
Пріятные часы! вы сладки мнѣ и люты:
Какими я могу назвать сіи минуты?
Несчастными почесть—мнѣ много счастья въ нихъ;
За счастливы припять—что злѣй минутъ мнѣ сихъ?
Оснельда! естьли бракъ любви не разрушаетъ,
И должность пламени сердецъ не угашаетъ,—
Почто жъ намъ обрекать другъ другу вѣчный стонъ?
И что препятствуетъ взойти тебѣ на тронъ,
Который ждетъ меня?... Ты мнѣ не отвѣчаешь;
Иль скиптръ въ моихъ рукахъ стыдомъ ты почитаешь?

Оснельда.

Престань себя, мой князь, надеждой этой льстить:
Судьба мнѣ жизнь велитъ въ несчастіи влачить;
Судьба меня съ тобой навѣки раздѣлила,
И тщетно насъ любовь съ тобой соединила.
Оснельда можетъ ли супруга зрѣть того,
Чей съ трона братъ отца низвергнулъ моего,
И трупы братіевъ моихъ влачилъ безстыдно,
Взирая на престолъ Завлоховъ звѣровидно;
Гражданъ безъ жалости казнилъ и разорилъ
И кровью нашею весь городъ обагрилъ,
Оснельду въ пленахъ невольницей оставилъ.
Перунъ! почто меня отъ смерти ты избавилъ,
А жизнь оставя, далъ ты чувствовать мнѣ честь?
Или—чтобъ было мнѣ труднѣе его несть?
Мнѣ бъ лучше умереть, чѣмъ въ тяжкой жить неволѣ,
И видѣть хищника на отческомъ престолѣ.

Хоревъ.

Такой ли рѣчи я изъ устъ Оснельды ждалъ?
Завлоха я еще, еще не побѣждалъ;
Но можетъ быть... увы! ты плачъ усугубляешь.

Оснельда.

Какими ты меня словами поражаешь!
Довольствуйся моей ты слабостью и рви
Во мнѣ печальный духъ, жестокій, въ сей любви;
Оставь невольницей Оснельду въ жизни слезной;
Терзай меня, сразись съ отцомъ своей любезной:
Оружіе я вамъ противъ себя дала.
Но, ахъ! Хоревъ! скажи, того ли я ждала?
Твоя рука еще Оснельду не губила;
Такъ сдѣлай, чтобъ она Хорева не любила,
Разрушь враждой любовь, будь счастливъ, побѣждай,
Взносись моей бѣдой; лишь только вспоминай:
Противъ кого, мой князь, ты въ брани гнѣвъ сугубишь:
Ты противъ той идешь, которую ты любишь.

Хоревъ.

А если изъявитъ отецъ согласье твой,
Смягчишь ли ты тогда рокъ нестерпимый мой?

Оснельда.

Какую силу ты имѣешь надо мною!
Не чувствую обидъ, оказанныхъ тобою.

Хоревъ.

Всесильны небеса! подайте помощь намъ,
Оставьте духъ во мнѣ и свѣтъ моимъ очамъ!
Завлоховъ будетъ родъ тобой опять возставленъ,
И твой постыдный плѣнъ моимъ вѣнцомъ прославленъ,
А Кій препятствовать не будетъ намъ ни въ чемъ,
И брань окончится любовью, не мечомъ.

Оснельда.

Изъ нашихъ подданныхъ, стоящихъ въ здѣшнемъ градѣ,
Пошли съ сей вѣстію къ Завлоховой засадѣ,
Чтобъ вѣдалъ онъ, хоть я преступницей кажусь,
Что я въ моей любви враговъ его таюсь,
И только лишь съ тобой однимъ я согласилась.
О небо! что за мысль въ мой слабый умъ вселилась!

Хоревъ.

Оснельда! поспѣши и грамоту готовь!
Пиши къ родителю, что вложитъ въ умъ любовь

Изобрази отцу, стоящу въ ратномъ полѣ,
Что родъ его опять здѣсь будетъ на престолѣ.
И плѣнники своихъ покинутъ тягость узъ,
Когда соединитъ желанный насъ союзъ.
Посолъ тебѣ въ сей часъ, любезная, предстанетъ...
Но горе намъ, когда надежда насъ обманетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Явленіе 1-е.

Кій и Сталверхъ.

Кій.

Ужель къ отшествію?..

Сталверхъ.

Готово все теперь.
По ты обманамъ симъ не вѣрь, о князь, не вѣрь!
Съ отшествіемъ ея бѣда во градъ готова;
Завлохъ, пріявши дочь, не сдержитъ данна слова,
И съ тою жъ яростью пойдетъ противу стѣнъ:
Брегися, государь, нечаянныхъ измѣнъ.

Кій.

Когда, чтобъ дочь узрѣть, избралъ такое средство,
То превратится лесть и вѣроломство—въ бѣдство.
Что можетъ, разсуди, измѣнникъ учинить?
Народъ безчисленный удобно ль возмутить,
Въ которомъ множество мнѣ сердцемъ покоренно?
Владычество мое любовью утвержденно;
Меня подвластные непринужденно чтятъ,
Отца во мнѣ сердца ихъ преданныя зрятъ.
Хотя моя рука отъ старости слабѣетъ,
И хладна кровь во мнѣ силъ прежнихъ не имѣетъ,—
Возлюбленный мой братъ, наслѣдникъ мой и сынъ,
Соизволеніе прещедрыхъ мнѣ судьбинъ,
Своею силою исполнитъ, и съ размаху
Противъ враговъ моихъ пойдетъ, какъ левъ безъ страху.

Сталверхъ.

Великій государь! но мужество его
Ты будешь ли имѣть намѣсто своего?

Кій.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ. Строптивые сосѣды
По сѣверу гласятъ до волнъ его побѣды...

Тутъ Кій исчисляетъ славные военные подвиги Хорева; Сталверхъ на это отвѣчаетъ:

Сталверхъ

Весь сѣверъ знаетъ то; но онъ великъ собѣ:
Какъ славенъ мужествомъ, такъ вреденъ онъ тебѣ.

Кій.

Хоревъ?... мой братъ?... мой сынъ?... Хоревъ меня обманетъ?
Опомнися: Хоревъ противъ меня возстанетъ?

Сталверхъ.

А естьли будетъ такъ, что скажешь ты тогда?
Раскаянье живетъ и поздно иногда.
Питай водами лавръ, доколѣ не увянетъ,
И скройся грозныхъ тучъ, доколѣ громъ не гряпетъ.

Кій.

Чѣмъ можешь ты меня, Сталверхъ увѣрить въ томъ,
И предвѣщаешь ты, скажи, какой мнѣ громъ?

Сталверхъ.

Внемли, что̀ я внималъ, и разсуждай безстрастно,
Правдиво ли мое сумнѣнье, иль напрасно.
Когда я шелъ сюда, Хоревъ отселѣ шелъ,
И изъ чертоговъ сихъ съ собой Оснельду велъ,
Которая тебя убійцей называла,
И, плача, вотъ какой совѣтъ она давала:
«Коль дорога, мой князь, тебѣ любовь моя,
«Такъ будь Завлоху другъ, а я навѣкъ твоя».
Услыша ихъ слова, я тотчасъ притаился,
Чтобъ ясно разговоръ начатый мнѣ открылся.
Онъ ей отвѣтствовалъ... что злѣй сего сказать!
«Я родъ отцовъ твоихъ взнесу на тронъ опять,
«И, воспріявъ съ тобой странъ кіевскихъ державу,
«Завлоха падшую возстановлю я славу».

Кій.

Сталверхъ! ты вѣренъ мнѣ: но то, что слышу я,
Едва ли можетъ мысль сообразить моя.
Кому на свѣтѣ семъ повѣрить вдругъ возможно?
Хочу равно и ложь и истину внимать,
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мнѣ жаль и лютаго злодѣя видѣть въ горѣ.
Князь—кормщикъ корабля, власть княжеская—море
Гдѣ вѣтры, камни, мель препятствуютъ судамъ,
Желающимъ пристать къ спокойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдалекѣ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать,

Но, горы ль то, иль нѣтъ—искусствомъ разбирать.
Хоть всѣ бъ вѣщали мнѣ: тамъ горы, мели там ,—
Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо.

Явленіе 2-е.

Кій и Хоревъ.

Кій.

Возьми оружіе, твой долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и устремись на брань.
Ступай и побѣди и возвратися славно,
Какъ съ скиѳскія войны подъ лаврами недавно.

Хоревъ.

Наукѣ бранной ты Хорева самъ училъ,
Я имя славное тобою получилъ,
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,—
Страшился ль я враговъ во время гнѣвно.
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ,
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
И безпокойствовать безскучно научился.
Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала!
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трупы ихъ въ крови противничьей тонули?
Ахъ, сколько въ снѣдь звѣрямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечомъ! и сколько душъ взялъ адъ!
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,—
Умремъ; но жертвы сей теперь она не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть сниdемъ всѣ, и первый сниду я:
Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ;
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.

Кій.

Когда Завлохъ дерзнулъ сей городъ осадить,
Такъ должно воинство ко брани учредить.

Хоревъ.

Онъ дочери своей одной отъ насъ желаетъ,
А прочее намъ все безбранно оставляетъ.

Недавно ты еще людей своихъ щадилъ:
Что сталося, что вдругъ ты мысль перемѣнилъ?

Кій.

Нѣтъ, князь, пети на брань не ту вину имѣешь.
Что ты о воинствѣ печешься и жалѣешь.
Твою я вижу мысль, и что въ умѣ твоемъ,
О чемъ ты сѣтуешь въ смятеніи своемъ:
Ты хочешь, чтобъ княжна свободу восприяла.

Хоревъ.

Хотя бы и того душа моя желала,
Чтобы намъ въ тишинѣ, а ей въ свободѣ жить;
Желаньемъ симъ тебя могу ли прогнѣвить?
Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ,
И человѣчество въ душахъ изображаетъ.
Или подобиться, во бранныхъ дѣйствахъ намъ,
Въ пустыняхъ яростно воюющимъ звѣрямъ,
Которые щадить невинныхъ не умѣютъ?
Не звѣри, люди мы! пусть звѣри свирѣпѣютъ.
Довольно безъ того мы кровь взаимно пьемъ.
Когда по должности сражаемся съ врагомъ—
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ:
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя злу лесть низкая дала?
Убійство и грабежъ геройствомъ назвала!
Мы, брани окончавъ, отмстительны въ удачѣ,
Не попечительны, зря бѣдныхъ въ горькомъ плачѣ,
Чувствительны всегда, ненасытимы въ вѣкъ.
Каковъ вамъ кажется, о боги, человѣкъ?
Почто вы такова его природѣ дали?
Въ такомъ ли образѣ его вы созидали?
Ахъ! нѣтъ, не можетъ быть: конечно, божество
Иное тщилось въ немъ устроить естество;
Но нѣкая ему противящася сила
Толико мерзко насъ предъ нимъ преобразила.
Внемли, вѣтръ бурный, стонъ несчастливой души,
Оспельдинъ жалкій гласъ, и небесамъ внуши,
Воскликни истину въ селеніяхъ воздушныхъ,
И жалобой тропи боговъ великодушныхъ.

Кій.

Она Завлоху дщерь, весь родъ ихъ истребленъ,
А ею можетъ быть опять возстановленъ.
Кто знаетъ, что она отмщеніе забудетъ?
И, можетъ быть, супругъ ея таковъ мнѣ будетъ.
Какъ иногда былъ ты трепещущимъ ордамъ,
Бѣгущимъ отъ тебя по блатамъ и лѣсамъ.

Хоревъ.

Народъ нашъ научепъ надежно побѣждати;
Какой опасности отъ нихъ намъ ожидати?

Кій.

Не внемлю ничего, ступай въ сей часъ за градъ;
Какъ хочешь мечъ простри—напредъ или назадъ.
Коль хочешь измѣнять, такъ измѣняй скоряе,
Когда врагъ общества тебѣ всего миляе.

Хоревъ.

Какая вышла рѣчь ко мнѣ изъ устъ твоихъ?
Я подозрѣніевъ достоинъ ли такихъ?
За что, любезный братъ, ты такъ мнѣ премѣнился?
Когда бывало то, чтобъ ты на мя озлился?
Не жди, о государь, Хоревовыхъ измѣнъ!
Въ сей часъ, въ сей злѣйшій часъ иду изъ градскихъ стѣнъ.
И ежели рука не дрогнетъ среди бою,
Узришь мя подъ стѣной съ Завлоховой главою.
Разгнѣванный Перунъ! къ чему я приведенъ!
Смущается мой духъ, и умъ мой раздѣленъ.

Кій.

Ступай и оправдись, въ чемъ я подозрѣваю;
Я жизнь тебѣ и честь еще вручить дерзаю.

Хоревъ.

Ты вскорѣ разберешь, о князь! вину мою,
Когда я за тебя всю кровь мою пролью;
Увидишь, знала ли душа моя обманы,
Какъ станешь исчислять мои кровавы раны,
И будешь отмщевать тому, кто насъ смутилъ,
И прежней милости твоей меня лишилъ.

Остальная часть второго дѣйствія состоитъ главнымъ образомъ въ изображеніи страданій Оспельды: она страдаетъ, во-первыхъ потому, что надежда на освобожденіе уже исчезла, а во-вторыхъ, потому, что Хоревъ идетъ сражаться съ ея отцомъ, хотя въ то же время она сознаетъ, что Хореву поступить иначе и нельзя: отказавшись отъ борьбы съ Завлохомъ, онъ покрылъ бы себя безчестіемъ, какъ измѣнникъ. Это безвыходное положеніе мучитъ Оспельду, и она восклицаетъ:

«За что, о время, насъ караешь такъ ужасно!
«Или за то, что мы другъ друга любимъ страстно?»

Этимъ заканчивается второе дѣйствіе.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе 1-е.

Оснельда (одна).

Скрывай свою печаль, скрывай и утоляй,
И воздыханіе и стоны удаляй.
Ужъ предсказаніе сердечное свершилось,
И сердце съ прежнею надеждой разлучилось;
Желаю я любви, но узъ страшусь ея.
Страдай теперь, душа, страдай, душа моя!
Что будетъ сказано родительскою властью? [1])
Терзаюсь объ отцѣ, терзаюсь я и страстью;
Со всѣхъ сторонъ напасть, нѣтъ помощи нигдѣ.
Гдѣ скрыться? что начать въ несносной мнѣ бѣдѣ?
Когда подвергнусь я родительскому гнѣву,
Какую вѣсть скажу любезному Хореву?
Вотъ часть Оснельдина!... о солнце! о луна!
Къ чему, увы! къ чему родилася она!
Оставлена въ стыдѣ, оставленная въ гнѣвѣ.
О младость! о краса, дающа гордость дѣвѣ!
Прельщающая тѣнь! вреднѣйшій дѣвамъ даръ!
Мнѣ ты, ты нанесла жестокій сей ударъ.
Порокъ и счастливымъ бываетъ въ жизни вреденъ;
А кто несчастливъ, тотъ и безъ пороковъ бѣденъ.
А я въ дни бранные на свѣтъ произошла,
Позналася въ бѣдахъ, въ неволѣ возрасла,
Крушусь безъ помощи, стенаю безнадежно,
Стѣсненна я людьми; мнѣ горе неизбѣжно!
Терплю и мучуся безъ всякихъ оборонъ;
Ни людямъ ни богамъ не жалостенъ мой стонъ.

Явленіе 2-е.

Оснельда и Астрада.

Оснельда.

Прочти сіе письмо; вотъ новыя напасти,
За то, что не могла преодолѣть я страсти.
Какая это казнь!

Астрада.

Покорствуй временамъ;
Раскается потомъ родитель твой и самъ.
Не сѣтуй; все пройдетъ, когда душа въ чемъ права.

---

[1]) Тутъ Оснельда говоритъ о письмѣ, посланномъ ею къ Завлоху: она ждетъ отвѣта, но не знаетъ, будетъ ли онъ благопріятенъ или нѣтъ.

Оснельда.

Хотя душа чиста, но погибаетъ слава;
Хоть противъ совѣсти порока въ томъ не зрю,
Что пламенемъ любви къ Хореву я горю,—
Но свѣтъ, превратный свѣтъ, того не разсуждаетъ;
Неразведнымъ судомъ невинность поражаетъ.
О нравы лютые! о дни, о времена!
Щедрота! зелина! ты—праздны имена.
Злодѣйство въ жизни сей безперестанно жаждетъ,
А бѣдная душа, жалуяся въ тѣлѣ, страждетъ.
О чемъ жалѣемъ мы, что наша жизнь кратка.
И чѣмъ намъ кажется она быть столь сладка?
Приди, желанна смерть, закрой слезящи очи
И растворя врата Оснельдѣ вѣчной ночи!
Но что такое смерть? порогъ изъ свѣта вонъ:
Мечтаніе одно и преходящій сонъ.
А ты, о счастливыхъ дражайшая утѣха—
Любовь! прости; мнѣ нѣтъ, мнѣ нѣтъ въ тебѣ успѣха!
Возлюбленнѣйшій видъ! престань мечтаться мнѣ;
Не привлекай меня къ мучительной странѣ!
Не привлекай моихъ смущенныхъ мыслей къ свѣту,
И тщетно не давай пріятнаго обѣту!
Подите отъ меня вы, нѣжны мысли, прочь!
Не представляйте мнѣ бѣдою тиху ночь!
Не рушьте моего желаннаго покою;
Пусть нетрепещущей скончаю жизнь рукою.
А ты родителю дай знать...

(Возноситъ руку съ кинжаломъ).

Астрада (отнимаетъ кинжалъ изъ рукъ ея).

Дай смерть себѣ,
Коль хочешь, чтобъ Хоревъ послѣдовалъ тебѣ.

Оснельда.

Какое имя ты, Астрада, вспоминаешь!
Почто мои пути ты къ смерти преграждаешь?
Иль кажется тебѣ, что мало въ жизни мукъ?
Когда ужъ власти нѣтъ надъ жизнію своею,
Такъ что жъ осталося подъ властію моею?
На что мнѣ жизнь, когда Хоревъ моимъ не будетъ,
Когда Оснельду онъ навѣки позабудетъ,
А честь владычества съ иною раздѣлитъ.
Но, ахъ! не то, не то терзаться мнѣ велитъ:
Не скипетръ, не вѣнецъ мнѣ льститъ въ отцовскомъ градѣ.
Я съ нимъ готова бъ жить была въ убогомъ стадѣ,
Питаться былiемъ, одну лишь воду пить.
Хотѣла одного, чтобъ только съ нимъ мнѣ быть.
Но что я зрю! увы!

Далѣе содержаніе третьяго дѣйствія состоитъ въ слѣдующемъ: Хоревъ, готовясь сразиться съ Завлохомъ, спѣшитъ еще разъ взглянуть на Оспельду. Астрада, указывая на кипжалъ, говоритъ Хореву, что Оспельда, получивъ отъ отца грозный приказъ и не думать о своемъ бракѣ съ Хоревомъ, посягала на свою жизнь. Хоревъ страшно пораженъ отказомъ Завлоха. Оспельда убѣждаетъ его жить надеждою на лучшую участь въ другомъ мірѣ, а затѣмъ проситъ, чтобы Хоревъ отпустилъ ее къ отцу. Хоревъ на эту просьбу отвѣчаетъ:

Помысли, разсуди.
Могу ль я тѣмъ тебѣ свободу возвратить?
Что будетъ обо мнѣ тогда весь градъ глаголать?
Что скажешь ты сама? какой примѣръ я дамъ
Подъ властію моей отечества сынамъ?
Тѣ люди, коими законы сотворенны,
Закону своему и сами покоренны.
Ты имя мнѣ мое велишь теперь губить:
Оспельда можетъ ли измѣнника любить?

Въ концѣ дѣйствія Велькаръ извѣщаетъ Хорева, что полки уже собраны, и все готово къ бою. Хоревъ уходитъ, стараясь утѣшить Оспельду надеждою на то, что счастье ихъ еще устроится.

Надѣйся, что еще несчастье прекратится,
И что къ тебѣ Хоревъ на радость возвратится.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ началѣ четвертаго дѣйствія Кій освѣдомляется о движеніи войска. Хитрый Сталверхъ даетъ князю чувствовать, что все кіевское ополченіе во власти Хорева, которому, какъ говоритъ Сталверхъ, не слѣдуетъ довѣрять, и при этомъ разсказываетъ Кію о тайно посланномъ письмѣ Оспельды къ Завлоху. Кій начинаетъ мучиться подозрѣніемъ, призываетъ невольника, относившаго письмо, разспрашиваетъ его, но, не узнавъ ничего положительнаго, объясняется (въ 8-мъ явленіи) съ самою Оспельдою

Явленіе 8-е.

Кій, Сталверхъ и Оспельда.

Кій.

Скажи же, для чего
Невольникъ посланъ былъ, Велькаромъ свобожденный,
Къ предательству твоимъ Хоревомъ возбужденный?

Оспельда.

Ты самъ себя бранишь, невиннаго браня.
Довольно и того, что ты винишь меня!
И я молчаніе невольно оставляю.

И таинство души предъ всѣми объявляю:
Твой братъ мнѣ милъ, и я мила ему равно;
Любовь сія въ сердцахъ несчастливыхъ давно.
И ежели она во гнѣвъ тебя приводитъ,—
Пускай отмщеніе лишь на меня исходитъ.
Я дщерь Завлохова, меня къ врагамъ причисль;
Не мни лишь, чтобъ Хоревъ питалъ коварну мысль.
Затѣмъ къ родителю Оснельда посылала,
Что брата твоего супругой быть желала.
Но, ахъ! родитель мой къ тому не допустилъ,
И мнѣ Завлохъ любить Хорева запретилъ.

Кій.

Не видя грамоты, тебѣ я не повѣрю.

Оснельда.

Клянусь священнымъ всѣмъ, что я не лицемѣрю:
Когда печальная мной вѣсть получена,
Мной грамота была тогда же раздрана,
Чтобы завистники ее не прочитали
И смыслъ въ ней искажать къ безславью мнѣ не стали...
Казни меня, казни, и смертью утуши
Воспламененіе несчастнѣйшей души;
Но лишь въ отмщеніи храни ты мѣру гнѣва,
И пощади, о князь, невиннаго Хорева!

Кій (говоритъ Сталверху на ухо; Сталверхъ выходитъ, а Кій потомъ возвращаетъ).

Не льстися и не жди въ обманахъ сихъ успѣха;
Погибла вся твоя надежда и утѣха,
И смерть твоя близка.

Оснельда.

Чего мнѣ больше ждать?
Но нечего уже мнѣ смерти злой отдать.
Родительскій престолъ, владычество, держава,
Величіе мое и наша прежня слава —
Давно въ твоихъ рукахъ; духъ встрѣтить смерть готовъ;
И взять ужъ нечего ей, кромѣ сихъ оковъ.
На что мнѣ больше жить? Безстрашно умираю.
Но, ахъ! когда о томъ себѣ я представляю,
Что въ подозрѣніи останется Хоревъ,—
Тогда лишь, государь, мнѣ твой ужасенъ гнѣвъ.

Кій.

Ты хочешь мнѣ еще предписывать уставы!

Оснельда.

Хоревъ не помрачитъ своей дѣлами славы:
Быть можетъ, въ градъ войдетъ въ лавровомъ онъ вѣнцѣ,
Съ самодовольствіемъ, сіявшимъ на лицѣ,
И клики передъ нимъ побѣды раздадутся,
И плѣнники за нимъ въ оковахъ повлекутся.
Межъ ними, можетъ быть, Завлохъ, родитель мой,
Пойдетъ въ отчаяньи, съ поникшею главой;
И упрекать себя въ жестокости ты станешь,—
Но тщетно обо мнѣ ты съ жалостью вспомянешь.

Кій.

Умри, обманщица!.. Вступите, стражи, къ ней.
Возьмите!

Явленіе 9-е.

Кій и Столпоръ (съ кубкомъ)

Кій.

Вотъ кубокъ для нея, и вотъ награда ей.
Но отчего въ душѣ смущаюся моей?
О боги! можете ль вы злобу эту видѣть?
Вселенная должна меня возненавидѣть.
Но можно ли царю безчестіе снести?
Нѣтъ! нѣтъ! нельзя тебя, Оснельда, мнѣ спасти!
Съ какими я въ дѣлахъ равняюся князьями!
Я вашими иду, мучители, стезями!
Но льзя ли требовать, чтобъ я ее жалѣлъ?—
Поди и исполняй, что я тебѣ велѣлъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе 1-е.

Кій (одинъ).

О время тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всѣхъ трудней его законы.
Во всей подсолнечной онъ славою гремитъ;
Но часто долженъ онъ и судъ употребить.
А милость винному, преступнику прощенье—
Нерѣдко и царю и всѣмъ въ отягощенье.
Но мѣру правоты всегда ли льзя найти,
Чтобъ къ общему по ней блаженству намъ идти?..

Явленіе 2-е.

Кій и Велькаръ (съ Завлоховымъ мечомъ, и нѣсколько воиновъ съ нимъ).

Кій.

Что вижу я?

Вельмаръ.

Взятъ мечъ Завлоха побѣжденна,
Отдаться плѣнникомъ Хореву принужденна.

Кій (одному изъ воиновъ).

Бѣги скорѣй къ княжнѣ, къ владычицѣ своей,
Къ невѣстѣ княжеской, скажи свободу ей,
И чтобъ Сталверхъ пришелъ.

Вельмаръ.

Бѣдъ кончилось непастье;
Хорева новое въ сей день вѣнчаетъ счастье.

Кій.

Дай небо, чтобъ его Хоревъ, мой братъ, узрѣлъ!

Вельмаръ.

Хоревъ парилъ орломъ и славою гремѣлъ!
Еще полки на брань не двинулись изъ града,—
Завлохъ ужъ былъ у стѣнъ, и началась осада.
Тронулось воинство; по ужъ у каждыхъ вратъ
Спиралися враги, бросая смерть во градъ.
Дружина медленно къ защитѣ собиралась,
Подъ свистомъ вражьихъ стрѣлъ отъ страха волновалась;
Но какъ уже Завлохъ во градъ войти хотѣлъ,—
Хоревъ, зря бѣдство то, противъ него летѣлъ:
Встрѣчается, разитъ съ отважностью героя.
Такъ средь шумящихъ водъ корабль, пучину роя,
Натужитъ паруса, въ опасностяхъ своихъ,
Дерзаетъ на валы и попираетъ ихъ.—
Ихъ стрѣлы такъ, какъ градъ, противу насъ неслися;
Казалося, поля отъ ужаса тряслися.
Воспоминаніемъ прошедшія войны,
Гдѣ гибли дщери ихъ, родители, сыны,
Они на грозну смерть съ безстрашіемъ бѣжали:
Спѣшили умирать и смерть уничтожали.
Дружину малую Хоревъ съ собою велъ,
И противъ бури, съ ней свирѣпствующей, шелъ.
Узрѣвъ его, враги: «То онъ, то онъ!» сказали,
И силы на него свои всѣ устремляли;
Метались на него; но смерть на мѣстѣ томъ
Ужасна имъ была Хоревовымъ мечомъ.
Хотя они его отвсюду окружали,
Но длани надъ главой его съ мечьми дрожали,
Когда ихъ дерзости сопротивлялся рокъ,
И лился отъ меча острѣйша кровный токъ.

Несется страшный гласъ по воинству во градѣ:
Хоревъ сражается—и у враговъ въ осадѣ.
Сей гласъ, стенящій гласъ, какъ нѣкій новый богъ,
Воинскія сердца еще жарчѣе жегъ.
Приходитъ новая во всѣ ихъ сила члены,
И вмѣсто вратъ пути открыли черезъ стѣны.
Всѣ жертвуютъ собой, разя враговъ своихъ,
И смерть со всѣхъ сторонъ заполонила ихъ:
На копья, на мечи свергаются съ размаху,
Не чувствуя въ сердцахъ ни гибели ни страху.
На избавленіе къ нему весь градъ предсталъ;
Смятенный имъ народъ мечами заблисталъ;
Геройско мужество всѣхъ къ бою вызывало.
Противъ Оснельдина отца такъ братъ твой шелъ
И слѣдомъ за собой вездѣ побѣду велъ.
Геройской храбростью онъ войско удивлялъ,
И всѣ свои полки далеко оставлялъ.
Когда жъ копье свое въ щиты Хоревъ вонзалъ,—
Два раза конь подъ нимъ отъ стрѣлъ вонзенныхъ палъ;
Отъ третьей онъ стрѣлы упавъ—не могъ встать болѣ,
И всадника на смерть оставилъ пѣша въ полѣ.
Въ опасности Хоревъ уже вторичной былъ.
Но, тьмой враговъ объятъ, вокругъ себя рубилъ.
Шеломъ съ главы упалъ; на гибель князь остался;
Однако на враговъ своихъ, какъ левъ, метался.
Все воинство опять за нимъ на смерть спѣшитъ,
И жара воиновъ страхъ смерти не тушитъ.
Бѣгутъ разсѣянно враждебные народы,
Бѣгутъ—и гробомъ ихъ днѣпровски стали воды.
Имѣя при себѣ все войско и меня,
Хоревъ вооруженъ садится на коня;
Враговъ, какъ вѣтеръ прахъ, онъ бурно возметаетъ,
И быстрой молніей въ поляхъ съ мечомъ блистаетъ.
Тутъ новую въ полкахъ онъ силу возбудилъ,
Отважнаго врага низвергъ и побѣдилъ.

Явленіе 3-е.

Тѣ же и посланный къ княжнѣ.

Посланный.

Укрѣпися, государь!

Кій.

О злое рока жало!

Велькаръ.

Что сдѣлалося здѣсь?

Посланный.

Оснельды ужъ не стало.

Далѣе слѣдуетъ появленіе Хорева съ Завлохомъ, извѣстіе о гибели Сталверха, трагическій конецъ Хорева и отчаяніе Кія.

Сюжетъ траг. «Синавъ и Труворъ» также заимствованъ изъ старинныхъ преданій и состоитъ въ изображеніи соперничества въ любви двухъ братьевъ. Новгородскій посадникъ *Гостомыслъ* убѣждаетъ свою дочь *Ильмену* отдать руку князю *Синаву*, спасителю Новгорода; но Ильмена уже любитъ брата Синава—*Трувора*, и сама имъ любима. Труворъ объясняетъ Синаву о своей любви къ Ильменѣ; Синавъ и самъ замѣчаетъ расположеніе къ себѣ Ильмены, но не можетъ побѣдить своей страсти. Во время объясненія братья съ мечами бросаются другъ на друга, но Ильмена разнимаетъ ихъ. Гостомыслъ убѣждаетъ Ильмену преодолѣть свою страсть и выйти за Синава: она согласилась, но Труворъ, не бывъ въ состояніи перенести своего горя, закололъ себя мечомъ. Ильмена, узнавъ объ этомъ, сама закололась. Синавъ, считая себя виновникомъ ихъ смерти, хочетъ также заколоться, но Гостомыслъ и воины вырываютъ мечъ изъ рукъ его. Падая въ кресло, Синавъ горько жалуется на свою судьбу.

Сюжетъ траг. «Семира» заимствованъ изъ временъ Олега. Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ *Олегъ* взялъ Кіевъ; но прежній кіевскій князь *Оскольдъ* никакъ не хочетъ ему покориться и, пользуясь свободой, которую далъ ему Олегъ, задумалъ возстать противъ своего побѣдителя и возвратить себѣ кіевскій престолъ. Намѣренію Оскольда сочувствуетъ сестра его *Семира*, не смотря на то, что она любитъ сына Олегова—*Ростислава*. Свою любовь къ нему Семира приноситъ въ жертву любви къ отечеству и говоритъ:

«Отъ знатной крови я на свѣтъ изведена;
Должна ль я тако быть страстьми побѣждена,
Чтобъ дѣлали онѣ премѣны тѣ въ Семирѣ,
Какія свойственны другимъ дѣвицамъ въ мірѣ.
Гдѣ жизни хвальные примѣры находить,
Коль въ княжескихъ сердцахъ пороки будутъ жить?
Иль преимущество имѣемъ предъ другими
Одними титлами лишь только мы своими?
Хоть кровь моя горитъ,—но болрствуетъ мой умъ
И противляется отравѣ нѣжныхъ думъ.
Безсильствуетъ любовь: ей сердце покорено,
Но силъ лишилося своихъ не совершенно,
И столько я еще во ономъ силъ брегу,
Что я противиться любви легко могу».

Но планы Оскольда не удались: Олегъ узналъ о нихъ, заключилъ Оскольда въ темницу и приговорилъ его къ смерти, если онъ не покорится. Семира проситъ Ростислава, чтобы онъ изъ любви къ ней

спасъ Оскольда, давъ ему возможность бѣжать; но Ростиславъ не желаетъ быть измѣнникомъ, и тогда Семира выхватываетъ у него мечъ и хочетъ заколоться. Ростиславъ соглашается исполнить ея просьбу и освобождаетъ Оскольда. Когда Олегъ узнаетъ о бѣгствѣ Оскольда, онъ требуетъ отъ Семиры, чтобы она открыла ему, кто освободилъ Оскольда, и грозитъ ей смертію. Ростиславъ, желая спасти Семиру, самъ сознается, а Олегъ, пораженный этимъ открытіемъ, впадаетъ въ сильнѣйшую скорбь и, не смотря на свою любовь къ сыну, осуждаетъ его на смерть, какъ измѣнника. Тогда Семира, въ свою очередь, пытается спасти Ростислава, говоря, что во всемъ виновата она одна:

«Кого даешь на смерть! Сей смерти я достойна,
И мною толь твоя днесь участь безпокойна.
Когда бы Ростиславъ очей моихъ не зналъ,
По сей бы день невинепъ пребывалъ:
Отъ нихъ отъемли свѣтъ! прости любезна сына!
Прости, о государь! вины сей я причина».

Трагедія оканчивается разсказомъ о сраженіи между Олегомъ и Оскольдомъ, во время котораго Оскольдъ былъ смертельно раненъ. Умирая, онъ проситъ Олега простить Семиру и Ростислава и соединить ихъ брачными узами.

Сюжетъ траг. «Димитрій Самозванецъ», въ которой, въ лицѣ Самозванца, Сумароковъ хотѣлъ представить типъ злодѣя, состоитъ въ слѣдующемъ: *Димитрій Самозванецъ*, не смотря на то, что уже имѣетъ супругу, хочетъ жениться на *Ксеніи*, дочери *Шуйскаго*. Но Ксенія любитъ *Георгія*, князя галицкаго, котораго сперва заключаютъ въ оковы, а потомъ, по ходатайству *Пармена*, Димитріева наперсника, освобождаютъ. Между тѣмъ Шуйскій втайнѣ возмущаетъ народъ, и Димитрій, въ отчаяніи, поражаетъ себя кинжаломъ.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ «ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ».

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1-е.

Димитрій и Пармен.

Пармен.

Разрушь монархова наперсника незнанье!
Дней тридцать лишь твое внимаю я стенанье,
И зрю, что мучишься на тронѣ завсегда;

Какая предстоитъ Димитрію бѣда?
Блаженству твоему какая грусть мѣшаетъ?
Или уже тебя престолъ не утѣшаетъ?
Хоть былъ несчастливъ ты, но вѣкъ твой нынѣ новъ;
То небо отдало, что отнялъ Годуновъ:
Не могъ тебѣ злодѣй во гробъ дверей отперти;
Судьбиною ты взятъ изъ челюстей злой смерти,
А истина на тронъ отцовъ тебя взвела;
Какія жъ горести судьба тебѣ дала?

Димитрій.

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ

Пармен.

Ты много варварства и звѣрства сотворилъ.
Ты мучишь подданныхъ, Россію разорилъ,
Тирански плаваешь во дѣйствіяхъ безчинныхъ,
Ссылаешь и казнишь людей ни въ чемъ невинныхъ;
Противъ отечества неутомимъ твой жаръ;
Прекрасный сталъ сей градъ темницею бояръ.
Отечества сыны всѣ счастьемъ одинаки,
А здравіе твое брегутъ одни поляки.
Восточной церкви здѣсь законъ совсѣмъ падетъ:
Подъ иго папское царь росскій насъ ведетъ
И ежели ко злу влечетъ тебя природа,—
Преодолѣй се и будь отецъ народа!

Димитрій.

Въ закопѣ Климентъ мя присягой обязалъ,
А польскій мнѣ народъ услуги показалъ;
Такъ милости моей Россія не причастна,
Коль папской святости не хочетъ быть подвластна.

Пармен.

Мнѣ мнится, человѣкъ себѣ подобнымъ братъ;
И лжеучители разсѣяли развратъ,
Дабы лжесвятости ихъ черни возвѣщались,
И ко прибытку имъ ихъ басни освящались.
Намъ наши пастыри того не говорятъ,
И, съ ними развратясь, судьбу благодарятъ.
Сложила Англія, Голландія то бремя
И полъ-Германіи; наступитъ скоро время,
Что и Европа вся откинетъ прежній страхъ,
И съ трона свергнется прегордый сей монахъ,
Который толь себя отъ смертныхъ отличаетъ,
И чернь котораго, какъ Бога, почитаетъ.

Димитрій.

Такъ дерзостно о немъ, Парменъ, не говори:
Сіе свѣтило чтутъ и князи и цари!

Продолжая этотъ разговоръ съ Парменомъ о папѣ, Димитрій говоритъ:

За дерзость [1]) будешь тамъ ты мучиться вовѣки,
Гдѣ жажда, гладъ, тоска и огненныя рѣки,
Гдѣ скорбь душевная и неисцѣльныхъ ранъ.

Парменъ.

Димитрій будетъ тамъ, когда онъ сталъ тиранъ.

Димитрій.

Я вѣдаю, что я нежалостный зла зритель,
И всѣхъ на свѣтѣ семъ безстудныхъ дѣлъ творитель.

Парменъ.

Такъ должно отъ такихъ дѣлъ страшныхъ убѣгать.

Димитрій.

Нѣтъ силъ и не могу себя превозмогать.
Затмится росска честь и дѣйствія геройски:
Почтутъ отцомъ отцовъ моп всѣ папу войски,
Оружіемъ ему я церковь покорю;
Коль хочетъ царь того, удобно то царю.

Парменъ.

Во треволненное вдаешься, царь, ты море;
А, тщася учредить Москвѣ и россамъ горе,
Готовишь ты себѣ несчастливый конецъ;
Колеблется твой тронъ, съ главы падетъ вѣнецъ.

Димитрій.

Россійскій я народъ съ престола презираю,
И власть тиранскую неволей простираю.
Возможно ли отцомъ мнѣ быти въ той странѣ,
Котора, мя гоня, всего противняй мнѣ?
Здѣсь царствуя, я тѣмъ себя увеселяю,
Что россамъ ссылку, казнь и смерть опредѣляю.
Сыны отечества поляки будутъ здѣсь;
Отдамъ подъ иго имъ народъ россійскій весь.
Тогда почувствую, послѣдуя успѣху,
Я санъ величества и царскую утѣху,
Когда притомъ и то я въ добычь получу,

[1]) Т.-е. за неуваженіе къ папѣ.

Что я давно уже имѣть себѣ хочу.
А ежели сіе, мой другъ, не совершится,
Димитрій множества спокойствія лишится.
Грызеньемъ совѣсти я много мукъ терплю;
Но мука мнѣ и то, что Ксенію люблю.

Парменъ.

У Ксеніи женихъ, а у тебя супруга...

Димитрій.

Я чту тебя, Парменъ, какъ вѣрнаго мнѣ друга;
Такъ я не кроюся: могу прервати бракъ,
И тайный ядъ мою жену пошлетъ во мракъ.

Парменъ.

Объемлетъ трепетъ...

Димитрій.

Ты пугаешься напрасно.

Парменъ.

О дѣйствіи такомъ помыслити ужасно.

Димитрій.

Я къ ужасу привыкъ, злодѣйствомъ разъяренъ,
Наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1-е.

Георгій и Ксенія.

Георгій.

Языкъ мой долженъ я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостнымъ лукавцамъ я подобенъ.
Вотъ поступь, естьли царь неправеденъ и злобенъ

Ксенія.

Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни;
Страшатся коего злодѣи лишь одни.

Георгій.

О ты, печальный Кремль! сталъ нынѣ ты свидѣтель,
Что днесь низвержена съ престола добродѣтель.
Томящаясь Москва въ унынiи дрожитъ,
Блаженство въ горести изъ стѣнъ ея бѣжитъ:
Дни свѣтлы кажутся густой темняе нощи;
Прекрасны вкругъ Москвы покрыты мракомъ рощи.
Когда торжественный шумитъ во градѣ звонъ,
Намъ мнится, что твердитъ онъ града общiй стонъ,
И церкви нашея паденье возвѣщаетъ,
Которое она отъ папы ощущаетъ.
О Боже, ужасъ сей отъ россовъ отведи!
Уже разносится молва на площади,
Что Климентъ обѣщалъ на небеси награду
Мятежникамъ, врагамъ отеческому граду,
И что имъ всѣ грѣхи прощаетъ напередъ;
Постраждетъ такъ Москва, какъ страждетъ новый свѣтъ.
Тамъ кровью землю всѣ паписты обагрили,
Побили жителей, оставшихъ разорили,
Средь ихъ отечества стремясь невинныхъ жечь,
Въ рукѣ имѣя крестъ, въ другой кровавый мечъ.
Что съ ними дѣлалось въ незапной ихъ судьбинѣ,
Отъ папы будетъ то тебѣ, Россія, нынѣ.

Ксенія.

Всѣ силы пагубны—Димитрій, Климентъ, адъ—
Изъ сердца моего тебя не истребятъ.
О небо, удали свирѣпство папской власти,
А съ нимъ и Ксенiи несносныя напасти,
Дабы свою главу Россія подняла,
А я бъ супругою любовнику была!
Дай намъ увидѣти монарха на престолѣ,
Подвластна истинѣ, не беззаконной волѣ!
Увяла правда вся; тирану весь законъ—
Едино только то, чего желаетъ онъ;
А праведныхъ царей, для ихъ безсмертной славы,
На счастьи подданныхъ основаны уставы.
Намѣстникъ Божества быть долженъ государь.
Рази, губи меня, немилосердый царь!
Изъ тартара тебя Мегера возметала,
Кавказъ тебя родилъ, Ирканiя питала.
Извержетъ еретикъ, толпой своихъ рабовъ,
Тѣла святыхъ мужей, ругаясь, изъ гробовъ.
Въ Россiи имена ихъ вѣчно сокрушатся,
И домы Божiи въ Москвѣ опустошатся.
Народъ, сорви вѣнецъ съ главы творца злыхъ мукъ;
Спѣши, исторгни скиптръ изъ варваровыхъ рукъ;
Избавь отъ ярости себя непобѣдимой,
И мужа украси достойна діадимой.

Явленіе 7-е.

Димитрій (одинъ).

Не твердо на главѣ моей лежитъ вѣнецъ,
И близокъ моего величія конецъ.
Повсеминутно жду незапныя премѣны.
О устрашающи меня Кремлевы стѣны!
Мнѣ мнится, что всякъ часъ вѣщаете вы мнѣ:
Злодѣй, ты врагъ, ты врагъ и намъ и всей странѣ.
Гласятъ граждане: мы тобою разоренны;
А храмы вопіютъ: мы кровью обагренны.
Уныли вкругъ Москвы прекрасныя мѣста,
И адъ изъ пропастей разверзъ на мя уста;
Во преисподнюю зрю мрачныя степени,
И вижу въ тартарѣ мучительскія тѣни;
Уже въ геенпѣ я и въ пламени горю;
Воззрю на небеса—селенье райско зрю:
Тамъ добрые царп природы всей красою,
И ангели кропятъ ихъ райскою росою;
А мнѣ, отчаянну, на что надежда днесь!
Вѣкъ буду мучиться, какъ мучуся я здѣсь.
Не вѣнценосецъ я въ великолѣпномъ градѣ,
Но беззаконникъ злой, терзаемый во адѣ.
Я гибну, множество народа погубя.
Бѣги, тиранъ, бѣги... кого бѣжать?... себя:
Не вижу никого другого предъ собою.
Бѣги!... куда бѣжать?... твой адъ вездѣ съ тобою.
Убійца здѣсь—бѣги!... но я убійца сей.
Страшуся самъ себя и тѣни я моей.
Отмщу!... кому?... себѣ... себя ль возненавижу?
Люблю себя... люблю... за что?... того не вижу
Все вопитъ на меня: грабежъ, неправый судъ,
Всѣ страшныя дѣла, всѣ купно вопіютъ.
Живу къ несчастію, умру ко счастью ближнихъ,
Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ:
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда;
А я здѣсь царствую—и мучуся всегда.
Терпи и погибай, восшедъ на тронъ обманомъ!
Гони и будь гонимъ; живи, умри тираномъ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе 5-е.

Димитрій (одинъ).

Блаженная душа идетъ въ объятье Бога;
А мнѣ показана съ престола въ адъ дорога.

Сія послѣдня ночь—ночь вѣчна будетъ мнѣ:
Увижу наяву, что страшно и во снѣ.
Скончаетъ неба мракъ народныя напасти:
Отниметъ у меня и жизнь и силу власти.
Багряная заря спѣшитъ на небеса,
И солнце, утомясь, нисходитъ за лѣса,
Дабы свѣжай себя природѣ возвратило...
Помедли въ небеси, горящее свѣтило!
Во учрежденный часъ ты спустишься всегда,
А мнѣ уже тебя не зрѣти никогда.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе 1-е.

Димитрій (одинъ).

Занавѣсъ поднимается: Димитрій спящій сидитъ на креслахъ; возлѣ него столъ на которомъ царскія утвари, и проснувся говоритъ):

Довольно я терплю душевныхъ огорченій;
Не умножайте вы, мечты, моихъ мученій:
Мнѣ все приснилося, чѣмъ страшенъ сей мнѣ градъ,
И весь передъ меня предсталъ ужасный адъ.
(Слышенъ колоколъ).
Въ набатъ біютъ! сему біенью что причина?
(Возстаетъ).
Въ сей часъ, въ сей страшный часъ пришла моя кончина.
О ночь! о грозна ночь! о ты, противный звонъ!
Вѣщай мою бѣду, смятеніе и стонъ.
Трепещетъ духъ во мнѣ... сего не зналъ я прежде...
Объятъ отчаяньемъ—и нѣтъ путей къ надеждѣ.
Домъ царскій зыблется, колеблется чертогъ...
О Боже!... но меня оставилъ вѣчно Богъ,
А люди моего гнушаются и виду...
Смотрю прибѣжища... не зрю... въ геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! и тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ изъ адскія утробы;
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы;
И человѣчества я врагъ и Божества;
Противъ я шелъ Тебя, противъ и естества...
Весь воздухъ возшумѣлъ: враги вооруженны
У стѣнъ моихъ палатъ ярятся приближенны;
А я безсильствую, ихъ наглости внемля...
Все, все противъ меня: и небо и земля...
О градъ, которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты по мнѣ такому же злодѣю!

Явленіе 2-е.

Димитрій, стражи и страженачальникъ.

Начальникъ.

Весь Кремль народомъ полнъ, домъ царскій окруженъ,
И гнѣвъ во всѣхъ сердцахъ противъ тебя зажженъ.
Вся стража сорвана, остались мы едины.

Димитрій.

Не можетъ быть ничто жесточе сей судьбины!
Пойдемъ... повержемъ... стой... ступай... будь здѣсь... бѣги —
И мужествомъ число враговъ превозмоги!
Бѣгите! тщитеся Димитрія избавить!
Куда бѣжите вы?... хотите мя оставить?
Не отступайте прочь и защищайте дверь!...
Убѣгнемъ... тщетно все и поздно все теперь...
Введите Ксенію.

Явленіе 4-е.

Ксенію приводятъ къ Димитрію, и онъ объявляетъ ей, что ей суждено быть послѣднею жертвою его жестокости; Ксенія сокрушается и удивляется рѣшенію Димитрія именно на нее обрушить всю злобу свою. Отвѣчая на слова ея, онъ говоритъ:

Димитрій.

Прельстившемуся мнѣ, прекрасная, тобою,
Однѣ ужъ мысли зрѣть тя мертву предъ собою.
Зрю самъ, колико ты въ сіи часы бѣдна;
Но ты къ отмщенью мнѣ осталася одна;
Винна ли ты иль нѣтъ—будь винна града жертва;
Доколь не свергнуся съ престола, буди мертва....
Въ предверіи моемъ я слышу стукъ и трескъ:
Пришли минуты злы, короны тмится блескъ.
Готовься ощущать караемую злобу.

(Хватаетъ ее за руку, вынимаетъ кинжалъ и подымаетъ на нее).

Жди смерти и умри, предшествуй мнѣ ко гробу!

Явленіе послѣднее.

Димитрій, Ксенія, Шуйскій, Георгій и воины.

Георгій.

Какое зрѣлище!

Шуйскій.

Свирѣпая душа!

Димитрій.

Лишайтеся ея, престола мя лиша!

Георгій (нѣсколько приближаясь къ нему).

Когда ты чьей-нибудь погибели желаешь,
Смягчи суровство мной, въ которомъ ты пылаешь!
Георгій твой злодѣй.

Шуйскій.

Не онъ, не дочь моя
Виновны предъ тобой: начальникъ бунтовъ—я.

Димитрій.

Когда содѣяти хотите ей пощаду,
Ступайте вонъ отсель и объявите граду,
Что я имъ дарствую и милость и пріязнь,
Или надъ сей княжной свершится града казнь.

Шуйскій.

За градъ отеческій вкушай, княжна, смерть люту!

Георгій.

Стремится на меня зло все въ сію минуту!..
Судьбина, ждалъ ли я столь страшнаго часа!..
Вельможи и народъ!.. Димитрій!.. небеса!..
Оставь невинную; моей лей токи крови,
И сотвори конецъ несчастнѣйшей любови!

Димитрій.

Мнѣ жертва та мала къ отмщенью моему.

Георгій (отступивъ и обратясь къ народу).

Спасенія лишенъ, на смерть лечу къ нему.
(Бросаясь на него).
Прости, любезная!

Ксенія.

Прости!

Димитрій (устремився Ксенію заколоть).

Увяньте, розы!

Парменъ (съ обнаженнымъ мечомъ, вырывая Ксенію изъ рукъ его).

Прошли уже твои жестокости и грозы.
Избавленъ нашъ народъ смертей, гоненій, ранъ:
Не страшенъ никому въ безсиліи тиранъ.

Димитрій.

Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!
(Ударяетъ себя въ грудь кинжаломъ и падаетъ на руки стражей).
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!

Сюжетъ траг. «Мстиславъ» слѣдующій: Тмутороканскій князь *Мстиславъ* ищетъ руки псковской княжны *Ольги*, которая не отвѣчаетъ

его страсти, такъ какъ любитъ Мстиславова брата—кіевскаго князя *Ярослава*. Между братьями начинается соперничество: Мстиславъ борется, съ одной стороны, между желаніемъ мстить Ярославу, а съ другой—между желаніемъ быть справедливымъ, милостивымъ и великодушнымъ. Великодушіе подъ конецъ одерживаетъ верхъ — и Мстиславъ прощаетъ брата и отказывается отъ Ольги.

Характеръ и значеніе трагедій Сумарокова. Сумароковъ въ своихъ трагедіяхъ подражалъ Корнелю, Расину и Вольтеру, и потому трагедіи его носятъ на себѣ характеръ ложноклассическій. Въ нихъ мы находимъ всѣ тѣ признаки, которые отличаютъ ложноклассическую трагедію [1]), а именно:

1) *Сюжеты* для своихъ трагедій Сумароковъ бралъ *или изъ исторіи, или изъ старинныхъ преданій.*

2) Въ его трагедіяхъ строго соблюдены *три единства: времени, мѣста и дѣйствія.*

3) Умышленно сохранены у него *элементы эпическій и лирическій.* Элементъ эпическій является въ видѣ длинныхъ разсказовъ *вѣстниковъ* (или лицъ, замѣняющихъ вѣстниковъ) о событіяхъ, происходящихъ внѣ сцены (напр. въ «Хоревѣ» разсказъ Велькара о сраженіи Хорева съ Завлохомъ; дѣйств. V, явл. 2). Элементъ лирическій является въ видѣ разговоровъ *наперсниковъ* и *наперсницъ* (напр. разговоры Пармена въ «Димитріи Самозванцѣ»). Эти наперсники и наперсницы, какъ извѣстно [2]), у ложноклассиковъ замѣнили собою хоры древней трагедіи.

4) У него мы находимъ и *погрѣшности противъ правды общечеловѣческой и исторической.* Правда общечеловѣческая нарушена тѣмъ, что вмѣсто живыхъ характеровъ, герои трагедіи Сумарокова представляютъ собою лишь олицетвореніе какого-нибудь чувства или страсти, какой-нибудь добродѣтели или порока (напр. Димитрій Самозванецъ представленъ неестественнымъ злодѣемъ, говорящимъ и думающимъ только о злодѣяніяхъ). Правда историческая нарушена не только несоблюденіемъ колорита даннаго времени и даннаго мѣста, но и смѣшеніемъ чертъ одной эпохи съ чертами другой. Вслѣдствіе этого герои трагедій Сумарокова хотя и взяты изъ древней русской жизни, но ничѣмъ о ней не напоминаютъ и часто высказываютъ такія идеи, которыя проводились гораздо позднѣе въ сочиненіяхъ европейскихъ писателей: они разсуждаютъ о вѣротерпимости, о воспитаніи и образованіи, о власти и управленіи государ-

[1]) О ложноклассической трагедіи см. въ изданной мною «Теоріи словесности».

[2]) См. тамъ же, въ статьѣ о трагедіи.

ствомъ, и проч. и проч. Такъ, напримѣръ, Парменъ въ «Димитріи Самозванцѣ» разсуждаетъ о папской власти (дѣйств. I, явл. 1); Кій въ «Хоревѣ» представляетъ идеалъ князя-правителя (дѣйств. II. явл. 1); Мстиславъ, въ трагедіи того же имени, развиваетъ мысли Монтескье о томъ, что честь должна служить основой славы и всѣхъ геройскихъ подвиговъ.

«Мнѣ честь моя велитъ покорствовать судьбѣ;
Но сердце одному покорствуетъ себѣ.
О честь! единственный источникъ нашей славы,
На коей истины основаны уставы,
Геройска дѣйствія и общей пользы мать!
Сильна едина ты санъ царскій воздымать».

Подобныя разсужденія въ трагедіяхъ Сумарокова, какъ и въ трагедіяхъ тѣхъ писателей, которымъ онъ подражалъ, встрѣчаются очень часто.

5) Наконецъ, вліяніе ложнаго классицизма выразилось и въ желаніи автора придать своимъ трагедіямъ характеръ *величавости*. Это стремленіе къ величавости у ложноклассиковъ также было слѣдствіемъ подражанія древней трагедіи. Греческая трагедія, возникнувъ изъ религіознаго культа, въ глазахъ грековъ была дѣломъ священнымъ. Отсюда понятно, почему она отличалась величавымъ характеромъ и почему къ ней не примѣшивалось ничего комическаго [1]. Ложноклассики, желая, чтобы и ихъ трагедіи были величавы, хотѣли достичь этого, между прочимъ, напыщенностью языка. Всего комическаго они также тщательно избѣгали. У Сумарокова тоже видимъ и *полное отсутствіе комическаго элемента*, и *желаніе придать своему языку торжественность*, для чего и введено у него много славянскихъ словъ и оборотовъ.

Но стремленіе Сумарокова подражать корифеямъ французской ложноклассической трагедіи не ограничивалось этими вышеуказанными пріемами, болѣе или менѣе общими всѣмъ ложноклассическимъ трагикамъ; Сумароковъ пошелъ гораздо далѣе: онъ заимствовалъ у Корнеля, Расина и Вольтера даже планъ, драматическія положенія, характеры, идеи, а иногда и цѣлые монологи, цѣлыя сцены [2]. Та-

[1]) См. тамъ же.

[2]) Такъ, напримѣръ, «Хоревъ» Сумарокова походитъ на «Федру» Расина; драматическія положенія въ трагедіяхъ Сумарокова, какъ и во французскихъ трагедіяхъ, основаны главнымъ образомъ на столкновеніи чувства любви съ долгомъ; многіе герои Сумарокова похожи на героевъ французскихъ трагедій, напр. Ильмена похожа на Вольтерову Альзиру (въ трагедіи того же имени); разсказъ вѣстника о смерти Трувора напоминаетъ разсказъ Терамена о смерти Ипполита въ «Федрѣ», и мн. др.

кимъ образомъ Сумароковъ былъ правъ, когда сказалъ о себѣ, что онъ «явилъ россамъ Расиновъ театръ». Это перенесеніе на русскій театръ ложноклассической французской трагедіи Сумароковъ ставилъ себѣ въ заслугу и говорилъ, что «пиша на малоизвѣстномъ, хотя и прекрасномъ языкѣ, онъ оставляетъ своему праху славу Расина и Вольтера».

Хотя талантъ Сумарокова, не смотря на то, что современники называли его «россійскимъ Расиномъ», нельзя ставить на одинъ уровень съ талантомъ этого замѣчательнаго французскаго писателя,— тѣмъ не менѣе нельзя и не признать, что Сумароковъ дѣйствительно оказалъ заслуги русской сценѣ и своими трагедіями принесъ не малую пользу современному ему обществу. Въ его трагедіяхъ, не смотря на недостатки ихъ, какъ произведеній ложноклассическихъ, встрѣчаются эффектныя сцены, встрѣчаются мѣста, проникнутыя живымъ чувствомъ. Несомнѣнное достоинство трагедій Сумарокова заключается и въ ихъ отношеніи къ тѣмъ идеямъ XVIII вѣка, которыя занимали образованныхъ людей какъ въ Европѣ, такъ и у насъ. Дѣйствующія лица въ своихъ разсужденіяхъ часто касаются этихъ идей; при каждомъ поводѣ славятся правосудіе и человѣколюбіе, порицаются неправда и жестокосердіе. Публика охотно посѣщала театръ, когда давались трагедіи Сумарокова, приходила отъ нихъ въ восторгъ, и многіе заучивали наизусть лучшія тирады. Трагедіи Сумарокова развивали въ обществѣ вкусъ къ сценическому искусству, способствовали къ распространенію просвѣщенныхъ идей и возбуждали въ зрителяхъ чувства патріотизма, правды, чести, великодушія, гуманности.

Въ этомъ воспитательномъ вліяніи трагедій Сумарокова, которое онѣ оказывали на современное общество, и состоитъ ихъ значеніе.

Сатирическія сочиненія Сумарокова.

Къ сатирическимъ сочиненіямъ Сумарокова относятся 1) *комедіи*, 2) *сатиры въ тѣсномъ смыслѣ*, 3) *басни*.

Комедіи Сумарокова. Всѣхъ комедій Сумарокова 12 [1]). Лучшія изъ нихъ: «*Опекунъ*» и «*Лихоимецъ*».

Въ комедіи «*Опекунъ*» раскрываются коварство и злоупотребленія

[1]) 1) «*Опекунъ*», 2) «*Лихоимецъ*», 3) «*Три брата совмѣстники*», 4) «*Ядовитый*», 5) «*Нарциссъ*», 6) «*Приданое обманомъ*», 7) «*Чудовищи*», 8) «*Трессотиніусъ*», 9) «*Пустая ссора*», 10) «*Рогоносецъ по воображенію*», 11) «*Мать совмѣстница дочери*», 12) «*Вздорщица*».

опекуна двухъ сиротъ—*Чужехвата*, который въ концѣ комедіи и наказывается закономъ. Сюжетъ этой комедіи состоитъ въ слѣдующемъ. Двое малютокъ-близнецовъ, *Валерій* и несчастный братъ его, осиротѣвъ, попадаютъ подъ опеку Чужехвата, который, отдавъ брата Валеріева въ другія руки, показалъ его умершимъ и присвоилъ себѣ его имѣнье. *Полемонъ*, другъ отца сиротъ, вступается за невиннаго младенца, но Чужехватъ подкупомъ привлекаетъ на свою сторону одно значительное лицо, и Полемону намекаютъ, что если онъ вмѣшается въ дѣло, то этимъ погубитъ и себя и малютку. Между тѣмъ братъ Валерія, въ продолженіе 20 лѣтъ скитаясь изъ дома въ домъ, очутился наконецъ слугою въ домѣ Чужехвата. Полемонъ все время слѣдилъ за нимъ, но дѣйствовать не смѣлъ, пока жило лицо, подкупленное Чужехватомъ. Наконецъ оно умираетъ, и Полемонъ входитъ съ жалобою въ тогдашнюю Коллегію правосудія. Вслѣдствіе этой жалобы имѣнье Чужехвата описывается, и самъ онъ попадаетъ подъ судъ.

Въ комедіи «*Лихоимецъ*» выведенъ скупецъ-ростовщикъ, по имени *Кащей*. У этого лихоимца «полны сундуки, а въ сердцѣ запустѣніе всѣхъ чувствъ» [1]), хотя онъ и твердитъ часто о честности и справедливости. Сюжетъ этой комедіи состоитъ въ томъ, что Кащей, не хотѣвшій, чтобы племянница его *Изабелла* выходила замужъ за *Доранта*, принужденъ согласиться на ихъ бракъ и, кромѣ того, возвратить *Леандру*, другу Доранта, имѣніе, которымъ завладѣлъ незаконно. Изабеллѣ и Доранту помогаютъ служанка *Клара* и слуга одного добродѣтельнаго лица—*Пасквина*.

ИЗЪ КОМЕДІИ «ЛИХОИМЕЦЪ».

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 3-е.

Пасквинъ и Клара.

Пасквинъ.

Спесивъ господинъ вашъ: дожидайся его въ передней, будто вельможи; а онъ потому только вельможа, что у него много денегъ и торгуетъ лихоимствомъ, за которое по малой мѣрѣ достоинъ онъ каторги. Несчастлива ты, дѣвушка, что этакому служишь господину.

Клара.

Я его племянницы, а не его, и служу ей. А ежели бы его была, такъ бы я

[1]) Выраженіе С. Глинки («Очерки жизни Сумарокова», ч. III, стр. 177).

давно удавилась. Я думаю, что другого этакого гнуснаго человѣка на свѣтѣ нѣтъ, и удивляюся, какъ его по это время громъ не убьетъ. Я получаю все отъ госпожи своей, а его люди въ мясоѣдъ питаются протухлою ветчиной, а въ посты толокномъ.

Пасквинъ.

Это что за причина, скажи мнѣ, дѣвушка, что на вашихъ нѣкоторыхъ людяхъ бѣлые кафтаны съ черными заплатами?

Клара.

Кащей охотникъ до пѣгихъ лошадей: такъ онъ и любимыхъ у себя служителей такъ одѣваетъ.

Пасквинъ.

Ты въ шутку говоришь, а я не въ шутку спрашиваю.

Клара.

Какая шутка! у нихъ кафтаны изорвалися: такъ на починку бѣлыхъ кафтановъ, сошитыхъ ради того, чтобы ихъ мыть было можно, далъ онъ имъ, за неимѣніемъ бѣлаго сукна, старый свой черный камзолъ; а когда они докладывали ему, что черныя заплаты на бѣлыхъ кафтанахъ некрасивы, такъ онъ имъ точно такъ отвѣчалъ: «Когда мои воронопѣгія лошади въ каретѣ красивы, такъ и воронопѣгіе слуги красивы будутъ; а на пересмѣшниковъ нечего смотрѣть: у насъ де и свѣтъ на томъ стоитъ только, что другъ друга пересмѣхаютъ».

Пасквинъ.

Какая чудная у него карета и какая скаредная ливрея!

Клара.

Въ этой каретѣ ѣздилъ его дѣдъ: такъ онъ говоритъ, будто онъ ее держитъ за диковинку; а нынѣ этотъ рыдванъ выкрасилъ его стряпчій, дворецкій и камердинеръ своими руками. А потому, что они съ роду ничего не крашивали, такъ, старался сдѣлать его зеленымъ, выкрасили его такою краскою, которая еще и названія не имѣетъ. А ливрея эта дѣлана еще ко свадьбѣ его, сорокъ лѣтъ уже тому, а нынѣ выворочена: нынѣ де, говоритъ онъ, такой доброты суконъ не вывозится. И надѣваютъ лакеи тѣ кафтаны только тогда, когда онъ выѣзжаетъ; а дома ходятъ они въ такомъ платьѣ, какъ бобыли въ деревняхъ, исключая пѣгихъ его офиціантовъ, которые красили его карету.

Пасквинъ.

Почтенный человѣкъ!

Клара.

А къ друзьямъ своимъ возитъ онъ, на именины: зимою мерзлой плотвы, рыбы по три, а лѣтомъ даритъ онъ именинниковъ и именинницъ рѣпою, хрѣномъ и кочнами капусты.

Пасквинъ.

Какая это подлость!

Клара

Онъ себя такъ не называетъ, а говоритъ то, что у него всѣ лучшія фамиліи въ сундукѣ, потому что они у него деньги занимаютъ и подписываютъ на крѣпостяхъ имена свои.

Пасквинъ.

Вотъ еще какая гордость!

Клара.

Даетъ себѣ титло великороднаго.

Пасквинъ.

Этакой!

Клара.

Ужъ нынѣ по постамъ и мясо зачалъ ѣсть.

Пасквинъ.

Этакой!

Клара.

Намнясь подарилъ онъ пріятеля не мерзлой уже плотицей: привезъ ему въ карманѣ убитаго сырого цыпленка, да и самъ половину убралъ, а это было въ пятницу.

Пасквинъ.

Модный человѣкъ!

Клара.

Въ другой домъ привезъ онъ артишокъ, а не хрѣнъ уже, и хотѣлъ такъ же половину подарка убрать, а не ѣвъ никогда артишоковъ, чуть было не подавился.

Пасквинъ.

Туда бы и дорога.

Клара.

Поставилъ у себя передъ дворомъ столбъ—и ежели продаетъ когда сѣно, или овесъ, или какіе другіе деревенскіе припасы, такъ прибиваетъ на этомъ столбѣ цыдулки, что то-то или то-то продается.

Пасквинъ.

Конечно, быть ему самому у столба и имѣти на себѣ цыдулку: преступникъ законовъ и лихоимецъ.

Клара.

А когда его товары станутъ торговать, такъ ради того, чтобы не обманули его, выходитъ онъ самъ за ворота и слушаетъ, какъ торгуютъ; а сверхъ того самъ переторговываетъ товары свои, какъ посторонній, чтобы цѣну возвысить.

Пасквинъ.

Этакая свинья достойна ли господскаго имени!

Клара.

Крестовому [1]) изъ деревни своей священнику даетъ онъ за всепощну по три копейки и подноситъ ему, ежели всепощна съ акафистомъ, еще по чаркѣ водки, а естьли безъ акафиста, такъ тогда и водки нѣтъ. А молебны заставляетъ онъ такъ пѣти, чтобы многимъ угодникамъ вдругъ, хотя бы и Спасу притомъ; и ради того ежегодно торжествуетъ онъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ болѣе всѣхъ праздниковъ: всѣмъ де Святымъ я сдѣлаю угожденіе одною свѣчою. Днемъ лампады у него предъ образами не зажигаются, а горятъ онѣ ночью вмѣсто ночниковъ.

[1]) *Крестовыми священниками* назывались тѣ священники, которые принадлежали къ господскимъ домамъ.

Пасквинъ.

О мерзавецъ! неслыханный мерзавецъ! думаю, что твоей душѣ и во адѣ мѣста не будетъ.

Клара.

Что это я съ тобою такъ заговорилась!

Явленіе 4-е.

Пасквинъ (одинъ).

Не постижимы судьбы! сверчки и тараканы никакой пользы естеству не приносятъ: на что они созданы? но то еще не столько удивительно: отъ нихъ только мерзость; черти-то, ябедники и лихоимцы на что созданы? А этакого скареднаго лихоимца, каковъ Кащей, на свѣтѣ не бывало. Чудно это, что о его лихоимствѣ по сіе время при дворѣ не знаютъ. Со всѣхъ лупитъ по двѣнадцати, по пятнадцати процентовъ [1]), и всѣ молчатъ, будто какъ бы заимодавцы въ непристойной вѣрности ему присягали. Не опасаются ли они, чтобы ихъ не назвали доводчиками? Ежели опасаются, такъ надобно молчать и видя вора, разбойника и предателя своего отечества. Поэтому и мошенниковъ не надобно ловить; а Кащей всѣхъ мошенниковъ гаже.

Явленіе 5-е.

Кащей, Дорантъ и Пасквинъ.

Дорантъ.

Сверхъ излишнихъ процентовъ, вы требовали отъ меня, чтобы я заплатилъ уже по пятнадцати со ста; занявъ у васъ мѣдными грошевиками, заплатилъ вамъ рублевиками; а ежели я платить буду мѣдными, такъ бы я придалъ по гривнѣ па рубль; а наконецъ положили, что хотя бы я вамъ заплатилъ и серебряными, однако за пожданье на каждый бы рубль отдалъ вамъ безъ отговорки по гривнѣ.

Кащей.

Но въ твою пору плачивали мнѣ по двадцати по пяти процентовъ со ста: а ты что за выскочка? Ты человѣкъ молодой, такъ тебѣ надобно заслуживать себѣ честное имя. Мнѣ дѣдъ твой другъ былъ; я съ нимъ грамотѣ вмѣстѣ учился, такъ видя такое твое упрямство, сердце мое разрывается. Какой ты скупентяй! жаль тебѣ бездѣлицы—одной гривны.

Дорантъ.

На четыре тысячи рублевъ такихъ гривенъ много будетъ.

Кащей.

Фу, какая причина! да вить тебѣ жити съ добрыми людьми, а не съ деньгами: а деньги прахъ; вить какъ умремъ, такъ ничего съ собою не возьмемъ.

Дорантъ.

Такъ на что же вы лишняго съ меня требуете?

---

[1]) Уставомъ о банкахъ 1754 г. мая 13 положено взимать за ссуду не свыше 6%.

Кащей.

Да это порядокъ только.

Дорантъ.

Этотъ порядокъ вамъ неправедно прибыленъ, а мнѣ неправедно убыточенъ.

Кащей.

Отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ.

Дорантъ.

Да вить и у меня такія же руки.

Кащей.

Ты человѣкъ молодой, такъ разбогатѣть можешь; а я уже на страшный судъ готовлюся и смотрю во гробъ: такъ некогда мнѣ разживаться, и только о томъ пекуся, чтобы чѣмъ мою грѣшную душу помянуть.

Дорантъ.

Много на ваши поминки останется, а дѣтей у васъ только три дочери, и никто изъ нихъ по міру не пойдетъ.

Кащей.

Да вить деньги-то метать и грѣшно, и должно ихъ почитать и беречь, потому что на нихъ царскій ликъ.

Дорантъ.

На голландскихъ червонныхъ и царскаго лика нѣтъ, а ты ихъ съ меня требуешь, говоря, мнѣ де все равно—хоть голландскія, хоть русскія.

Кащей.

Да вить изъ золота и церковные сосуды дѣлаются: такъ какъ его не почитать?

Дорантъ.

Я вамъ лишняго больше платить не хочу, какъ вы изволите; а по договору лишку я заплатилъ довольно; въ закладной написано шесть процентовъ, а вы вычли сверхъ того по девяти рублевъ со ста при дачѣ мнѣ.

Кащей.

Этакой упрямецъ! мнѣ казалося, что ты самый добрый человѣкъ и о такой мелочи и слова не скажешь. Вотъ говорятъ, будто науки людей просвѣщаютъ! намнясь у меня былъ хотя и безграмотный, однако весьма ученый человѣкъ, и сказывалъ-то мнѣ, что за моремъ какая-то напечатана книга, въ которой ясно изображено, что науки человѣка портятъ [1]). И подлинно такъ: ежели бы жилъ по-дѣдовски, такъ бы ты не былъ таковъ упрямъ; подлинно то, что науки всему злу корень.

Дорантъ.

На чемъ же мы разстанемся?

Кащей.

На томъ, что я своего честнаго слова ни для какого прибытка не перемѣню,

---

[1]) Разсужденіе Руссо о томъ, что будто съ развитіемъ наукъ и искусствъ портятся нравы.

и меньше того, какъ и положилъ, не приму, и честію моею тебѣ клянуся, что я твоихъ закладовъ инако тебѣ не отдамъ: вить я не вертопрахъ, и говоривъ бы и то и другое; что молвлено, то и сдѣлано.

Дорантъ.

Такъ я деньги свои при доношеніи внесу, куда надлежитъ.

Кащей.

Поди жъ вонъ, ябедникъ!

Дорантъ.

Ты меня не высылай, государь мой: или будетъ худо.

Кащей.

Какъ! худо мнѣ въ моемъ домѣ будетъ?

Дорантъ.

Тебѣ когда-нибудь, ежели твоя жизнь попродлится, худо будетъ и на площади.

Кащей.

Люди, люди! дубья! я тебя, другъ мой, управлю; я тебя доѣду; я тебя проучу.

Дорантъ.

Право, я тебя не боюся.

Изъ остальныхъ комедій Сумарокова болѣе замѣчательна комедія «*Чудовищи*», гдѣ авторъ касается той слабости, которая въ тѣ времена встрѣчалась довольно часто между людьми, схватившими лишь самыя верхушки европеизма, а въ сущности бывшими большими невѣждами: это слѣпое поклоненіе всему французскому и полное презрѣніе ко всему нефранцузскому, въ особенности ко всему русскому. Такой невѣжда-галломанъ выведенъ въ комедіи «Чудовищи» подъ именемъ *Дюлижа*. Дюлижъ презираетъ все нефранцузское. Услышавъ объ «Уложеніи», онъ говоритъ:

«Уложеніе!... Что это за звѣрь?... я не только не хочу знать русскія права, я и русскаго языка знать не хотѣлъ. Скаредный языкъ!... Для чего я родился русскимъ! о натура! не стыдно ль тебѣ, что ты, произведя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ русскаго отца!»

О своихъ достоинствахъ Дюлижъ говоритъ такъ.

«Научиться этому, какъ одѣться, какъ надѣть шляпу, какъ табакерку открыть, какъ табакъ нюхать—стоитъ цѣлаго вѣку; а я этому формально учился, чтобъ мочь я тѣмъ отечеству своему дѣлать услуги; однако неблагодарное мое отечество все то презираетъ, что выше здѣшняго превосходитъ разсужденія».

Характеръ комедій Сумарокова. Какъ въ своихъ трагедіяхъ Сумароковъ подражалъ французскимъ трагикамъ, такъ въ своихъ комедіяхъ онъ подражалъ французскимъ комикамъ, въ осо-

бенности Мольеру [1]. Остальныя черты въ комедіяхъ Сумарокова, которыя вообще присущи комедіямъ писателей ложноклассической школы [2], а именно:

1) Въ нихъ также удержано *единство времени, мѣста и дѣйствія.*

2) Дѣйствующія лица въ нихъ дѣлятся на *добродѣтельныхъ* и *порочныхъ.*

3) Введены *резонеры*, которые не дѣйствуютъ, а *разсуждаютъ.*

4) Недостатки часто представляются *карикатурно.*

Эта послѣдняя черта — карикатурность — во многихъ комедіяхъ Сумарокова доведена уже до излишества, вслѣдствіе чего комедія превращается въ смѣхотворный фарсъ. Образцомъ такого фарса можетъ служить его одноактная пьеса «*Трессотиніусъ*», въ которой, въ лицѣ краснобая и педанта Трессотиніуса, выведенъ Тредьяковскій, съ его краснорѣчіемъ, ороографическими нововведеніями и эротическими пѣснями.

ИЗЪ КОМЕДІИ ТРЕССОТИНІУСЪ.

Явленіе 3-е.

Кларисса и Трессотиніусъ.

Трессотиніусъ.

Прекрасная красота, пріятная пріятность, по премногу кланяюсь вамъ.

Кларисса.

И я вамъ по премногу откланиваюсь, преученое ученіе.

Трессотиніусъ (вынявъ пѣсню изъ кармана).

Эта бумажка ясніе вамъ скажетъ, какую язву въ сердцѣ моемъ пріятство ваше, то-есть красота ваша, мнѣ учинило, то-есть сдѣлало.

Кларисса.

Я вѣрю вамъ, сударь.

Трессотиніусъ

Однакожъ, не поскучите ль послушать, а пѣсенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо; да еще и хореическими, сударыня, стопами [3].

Кларисса.

Очень, сударь, хорошо; я вамъ вѣрю, что эта пѣсня хороша.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, главное лицо въ комедіи Онекуинъ—Чужехватъ—списано съ Мольеровскаго *Тартюфа*, а Кащей въ «Лихоимцѣ»—съ Мольеровскаго *Гарпагона*.

[2]) О комедіи подъ вліяніемъ ложнаго классицизма см. въ изданной мною «Теоріи словесности».

[3]) Хорей, какъ извѣстно, былъ любимымъ размѣромъ Тредьяковскаго (см. «Поэтика», ч. I).

Трессотиніусъ.

Она сочинена на голосъ: *о мѣста, мѣста драгія;* изволите послушать: да послушайте жъ, сударыня.

Клариса (особливо).

Боже милосердый!

Трессотиніусъ (читаетъ).

Красоту на вашу смотря, распалился я ей-ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажегъ.
Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлою сшибла съ ногъ.
Видѣть мнѣ тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мнѣ есть не благо,
Что живешь въ моей крови.
Иль ты меня спесиха слатенька. любезный свѣтъ,
Завсегда такъ презираешь, о! увы! монхъ злыхъ бѣдъ!
Хоть, Климена, изъ-подъ тиха покажи мнѣ склонный видъ,
И не дѣлай больше сердцу преобидныхъ ты обидъ.
Не теряй свою тѣмъ младость,
Преклони ко мнѣ себя,
Мысль моя увидитъ сладость,
Буду жить ся не губя.

Клариса.

Очень пѣсня хороша...

Трессотиніусъ.

Изволь-ка подалѣ послушать.

Клариса.

Нѣтъ, я уже довольна.

Трессотиніусъ.

Какъ вамъ это слово кажется: *и не дѣлай больше сердцу преобидныхъ ты обидъ!* Не сильно ли это сказано? Изволь-ка далѣе-то ты послушать...

Клариса.

Пожалуй не трудись для меня больше, я уже довольна.

Трессотиніусъ.

Хоть одинъ куплетъ еще прочесть мнѣ позволь.

Клариса.

Пожалуй мнѣ, я сама послѣ прочту.

Трессотиніусъ.

Изволь, красота моя, да только изволь прочесть съ разсужденіемъ: это вить не *о мѣста, мѣста драгія;* эту пѣснь и содержаніе ея не всякъ разумѣть будетъ; тутъ такія есть тонкости, что онѣ отъ многихъ и ученыхъ закрыты. Правда, многимъ покажется, что это бездѣлка; однако позвольте, моя сударыня, сказать, что въ этой бездѣлкѣ много дѣла, что я аргументально доказать могу.

Клариса.

Я доказательствъ вашихъ не требую, и до споровъ я не охотница.

Явленіе 4-е.

Тѣ же и Бобембіусъ [1]).

Бобембіусъ.

Всякое дерзновеніе, которое происходитъ не отъ злоумышленія, должно быть отпущено: ибо не дѣйствіе, но основаніе дѣйствія презрительно; не то худо, что худымъ кажется, но то худо, что дѣйствительно худо: ерго то, что я дерзнулъ сюды прійти, не худо; и для ради того, не имѣя я причины просить у васъ прощенія, что я, хотя я вамъ и незнакомъ, пришелъ въ домъ вашъ; однако, по обыкновенію, прошу въ томъ на меня не прогнѣваться.

Клариса.

Милости просимъ.

Бобембіусъ.

Я роскошь, забавы и красоту презираю,—и для этого пріятность ваша меня не прельщаетъ; я сюды пришелъ для важной нужды, а не для бездѣлки, чтобъ на вашу посмотрѣть красоту. У меня дѣло до высокоученаго и высокомудраго Трессотиніуса, а не до васъ.

Клариса.

Извольте говорить, а я пойду въ свою комнату, чтобъ вамъ не помѣшать.

Бобембіусъ.

Нѣтъ, высоко-милостиво-прекрасно-пріятная госпожа, я требую себѣ вашего посредства. Мы о дѣлахъ ученыхъ говорить хотимъ.

Клариса.

Мнѣ, право, недосужно. Вотъ онъ съ вами останется.

Явленіе 5-е.

Тѣ же и Кимаръ.

Трессотиніусъ.

Что за дѣло имѣете вы до меня, государь мой?

Бобембіусъ.

Нѣкакой невѣжа спорилъ со мною, а споръ нашъ состоялъ о литерѣ *твердо*, которое *твердо* правильняе—о трехъ ли ногахъ, или объ одной.

Трессотиніусъ.

Вы, государь мой, задали мнѣ многотрудную задачу, на что прошу дать мнѣ время; для того что это дѣло не малое, подлинно говорю, что не малое. Ежели я смѣю спросить, вы, государь мой, котораго мнѣнія?

Бобембіусъ.

Какъ ваша высоко-ученость и велико-мудрость думаете?

Трессотиніусъ.

Я содержу, что *твердо* объ одной ногѣ правильняе; ибо у грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно объ одной ногѣ, а треножное *твердо* есть нѣкакой уродъ, не имущій съ греческимъ *твердомъ* ни малаго свойства.

---

[1]) Бобембіусъ—тоже ученый педантъ.

Бобембіусъ (Кимару).

Ты, высоко-благородный и высоко-почтенный господинъ, котораго мнѣнія.

Кимаръ.

Я противнаго мнѣнія, и *твердо* треножное *тверду* одноножному предпочитаю. У этого, ежели нога подломится, такъ его и брось: а у того хотя и двѣ ноги переломятся, такъ еще третья останется.

Бобембіусъ (Кимару).

Хотя ты и не тѣмъ доводишь, однако правильно разсуждаешь.

Трессотиніусъ.

А я противъ васъ обоихъ спорю, да хотя бъ васъ и еще было больше, что прямое *твердо* есть *твердо* одноножное, а треножное *твердо* есть уродъ.

Бобембіусъ.

Ты спорь, да не бранись, *тверда* моего не поноси, я за него вступиться долженъ.

Трессотиніусъ.

А я до послѣдней капли чернилъ свое *твердо* защищать буду.

Бобембіусъ.

Этакой защитникъ малъ.

Трессотиніусъ.

У меня этакіе ученики, каковъ ты ученъ.

Бобембіусъ.

Я, какъ философъ, за себя не разсержусь; но за *твердо* свое, такъ какъ риторъ, кровь свою пролить готовъ.

Трессотиніусъ.

Твое *твердо* есть подлое и по премногу подлое, а мое благородное, и не только славено-россійское, но и греческое.

Бобембіусъ.

Мое *твердо* о трехъ ногахъ и для того стоитъ *твердо*, ерго оно *твердо;* а твое *твердо* не твердое, ерго оно не *твердо.* Твое *твердо* слабое, ненадежное, и потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное..

Трессотиніусъ.

А твое *твердо* не русское, не арапское, не сирское, не халдейское...

Однако, не смотря на подражательное направленіе комедій Сумарокова, не смотря на излишнюю въ нѣкоторыхъ изъ нихъ карикатурность, онѣ все-таки отражаютъ въ себѣ русскую современность: въ нихъ осмѣиваются пороки и недостатки современнаго общества, съ цѣлію исправить или очистить его нравы.

Сатиры Сумарокова. Осмѣивая пороки и недостатки современнаго общества въ своихъ комедіяхъ, Сумароковъ осмѣивалъ ихъ и въ сатирахъ. Его сатира, какъ онъ самъ говоритъ, имѣла цѣлію «обличеніе презрительныхъ вещей»: несправедливость судей, высокомѣріе знатныхъ родовъ, ханжество, суевѣріе, слѣпое подражаніе иностран-

цамъ и другія различныя темныя стороны жизни. Такъ, напримѣръ, въ сатирѣ «*Хоръ ко превратному свѣту*» осмѣиваются пороки и недостатки современнаго русскаго общества чрезъ противоположеніе его такому обществу, какимъ оно должно быть по идеѣ.

ХОРЪ КО ПРЕВРАТНОМУ СВѢТУ.

Прилетѣла на берегъ синица
Изъ-за полночнаго моря,
Изъ-за холодна Океяна.
Спрашивали гостейку пріѣзжу,
За моремъ какіе обряды.
Гостья пріѣзжа отвѣчала:
Все тамъ превратно на свѣтѣ.
За моремъ Сократы добронравны,
Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ:
Никогда не суевѣрятъ,
Не ханжатъ, не лицемѣрятъ.
Воеводы за моремъ правдивы;
Дьякъ тамъ цугами не ѣздитъ,
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцевъ не просятъ;
За носъ тамъ судей писцы не водятъ;
Сахаръ подьячій покупаетъ;
За моремъ подьячіе честны;
За моремъ писать они умѣютъ.
За моремъ въ подрядахъ не крадутъ;
Откупы за моремъ не въ модѣ,
Чтобы не стопало государство.
Завтремъ тамъ истца не питаютъ.
За моремъ почетные люди
Шеи назадъ не загибаютъ.
Люди отъ нихъ не погибаютъ.
Въ землю деньгъ за моремъ не прячутъ.
Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ;
Деревень на карты тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.
За моремъ старухи не брюзгливы;
Четокъ онѣ хотя не носятъ,—
Добрыхъ людей не злословятъ.
За моремъ противно указу
Росту заказного не емлютъ.
За моремъ пошлины не крадутъ.
Въ церкви за моремъ кокетки
Бредить, колобродить не ѣздятъ.
За моремъ бездѣльникъ не входитъ
Въ домы, гдѣ добрые люди.
За моремъ людей не смучаютъ,
Сору изъ избы не выносятъ.
За моремъ ума не пропиваютъ;
Сильные безсильныхъ тамъ не давятъ;
Предъ большихъ бояръ ламиадъ не ставятъ.
Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:
Ихъ отцы и сами учились.
Учатся за моремъ и дѣвки:
За моремъ того не болтаютъ:
Дѣвушкѣ де разума не надо,
Надобно ей личико да юбка,
Надобны румяны да бѣлилы.
Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣньи:
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ,
Кои, долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ некстати
Головы пустыя набивая,
Пузыри надутые вывозятъ.
Вздору тамъ ораторы не мелютъ:
Стихотворцы вирши не кропаютъ;
Мысли у писателей тамъ ясны.
Рѣчи у слагателей согласны.
За моремъ невѣжа не пишетъ,
Критика злобой не дышитъ.
Ябеды за моремъ не знаютъ.

. . . . . .

Тамъ купецъ—купецъ, а не обманщикъ
Гордости за моремъ не терпятъ,
Лести за моремъ не слышно,
Подлости за моремъ не видно,
Ложь тамъ—велико беззаконіе.
За моремъ нѣтъ тунеядцевъ:
Всѣ люди за моремъ трудятся,
Всѣ тамъ отечеству служатъ;
Лучше работящій тамъ крестьянинъ,
Нежель господинъ-тунеядецъ;
Лучше нерасчесаны кудри,
Нежель парикъ на болванѣ.
За моремъ почтенныя свиньи,
Нежели безстыдны сребролюбцы.

Въ сатирѣ «*Кривой толкъ*» представлены типы льстеца, глупца и невѣжды. Невѣжда отрицаетъ ученье, подобно Кантемировскому Сильвану:

Невѣжа говоритъ: я помню, чей я внукъ;
По-дѣдовски живу, ненадобно наукъ;
Пускай убытчатся, уча ребятокъ, моты.
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣ жъ пойдетъ вороты.
На прикладъ: о звѣздахъ потребны ль вѣсти мнѣ,
И знать, Ерусалимъ въ которой сторонѣ,
Пль съ кѣмъ Темираксакъ имѣлъ войны кровавы?
На что мнѣ, чтобы знать чужихъ народовъ правы,
Или вперятися въ чужіе языки?
Какъ будто безъ того ужъ мы и дураки.

Въ сатирѣ «*О худыхъ судьяхъ*» Сумароковъ представляетъ взяточниковъ безчестнѣе и виновнѣе всѣхъ воровъ.

О взяткахъ такъ иной стремится бредни плесть·
«Присягу рушу ль я, когда даютъ за честь?»
За честь! и подлинно ты далъ ее въ продажу.
Я взяткамъ предпочту бездѣльникову кражу:
Ему не ввѣрило отечество суда,
И честныхъ онъ людей не судитъ никогда.

Въ сатирѣ «*О французскомъ языкѣ*» Сумароковъ нападаетъ на ту же слабость, которую онъ осмѣиваетъ и въ своей комедіи «Чудовищи»: на пристрастіе къ французскому языку и на невѣжественное презрѣніе къ русскому.

Взращенъ дитя твое—и сталъ уже дѣтина:
Учился, наученъ, учился—сталъ скотина.
Къ чему, что твой сынокъ чужой языкъ постигъ,
Когда себѣ плода не собралъ онъ со книгъ?
Болтать и попугай, сорока, дроздъ умѣютъ.
Но больше ничего они не разумѣютъ
. . . . . .
И есть родители, желающи того,
По-русски бъ дѣти ихъ не знали ничего.
Французски авторы почтенье заслужили,
Честь вѣку принеся, они въ которомъ жили.
Языкъ ихъ вычищенъ; но всякъ ли Моліеръ
Между французами, и всякъ ли въ нихъ Вольтеръ?
Во всѣхъ земляхъ умы великіе родятся,
А глупости всегда жъ и болѣе плодятся,
И мода странъ чужихъ Россіи не законъ;
Мнѣ мнится, все равно: присядка и поклонъ.
Объ этомъ никако Екатерина мыслитъ:
Обрядъ хорошій намъ она хорошимъ числитъ;
Стремится насъ она наукой озарить,

А не въ французовъ насъ некстати претворить.
. . . . . .
Не въ формѣ истина на свѣтѣ состоитъ;
Насъ краситъ вещество, а не по модѣ видъ:
По модѣ ткутъ тафты, парчи, обои, штофы;
Однако люди тѣ—ткачи, не философы.
А истина нигдѣ еще не знала модъ:
Имъ слѣпо слѣдуетъ безумный лишь народъ.
. . . . . .
Языки чужды намъ потребны для того,
Чтобъ мы читали въ нихъ, на русскомъ нѣтъ чего.

Вообще въ сатирахъ Сумарокова очень много яркихъ изображеній современной жизни, и критика ставитъ сатиры его выше сатиръ Кантемира: хотя Сумароковъ тоже во многомъ подражалъ Буало, но онъ писалъ самостоятельнѣе Кантемира, и изображеніе недостатковъ у него полнѣе, живѣе и разнообразнѣе.

Басни Сумарокова въ большинствѣ случаевъ сатирическаго характера, но въ художественномъ отношеніи онѣ не могутъ равняться съ баснями Крылова; многія изъ нихъ даже не имѣютъ одного изъ существенныхъ признаковъ басни—аллегоріи [1]), и потому онѣ скорѣе не басни, а просто сатиры, въ которыхъ мысль высказывается безъ всякаго покрова. Но, не смотря на это, басни Сумарокова далеко не лишены историческаго интереса: 1) это басни перваго русскаго баснописца, который не только переводилъ и передѣлывалъ Эзопа, но писалъ и самостоятельно, оригинально; 2) басни Сумарокова интересны какъ сатиры, въ которыхъ авторъ касается своей современности. Въ этомъ отношеніи басни Сумарокова могутъ служить дополненіемъ къ его комедіямъ и сатирамъ. Вотъ образцы его басенъ, изъ тѣхъ, которыя можно назвать лучшими.

ДВѢ ДОЧЕРИ ПОДЬЯЧИХЪ.

Подьячій былъ, и былъ онъ доброй человѣкъ,
Чего не слыхано вовѣкъ:
Умъ рѣзвой
Имѣлъ,
Мужикъ былъ трезвой,
И сверхъ того еще писать умѣлъ.
Читатель этому, конечно, не повѣритъ,
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ лицемѣритъ;
А мой читателю отвѣтъ:
Я правду доношу, хоть вѣрь, хоть нѣтъ;

[1]) См. въ изданной мною «Теоріи словесности» статью о *баснѣ*.

Что Хамово то племя
И что кропивно сѣмя [1]),
И что не возлетятъ ихъ души къ небесамъ,
И что наперсники подьячіе бѣсамъ,—
Я все то знаю самъ.
Въ убожествѣ подьячаго вѣкъ минулъ.
Хотя подьячій сей работалъ день и ночь;
По смерти онъ покинулъ
Дочь.
И могъ надежно тѣмъ при смерти онъ [illegible],
Что будетъ дочь его ввѣкъ по міру таскаться.
Другой подьячій былъ—и взятки бралъ.
Былъ пьяница, дуракъ и грамотѣ не зналъ;
Покинулъ дочь и тьму богатства онъ при смерти:
Взяла богатство дочь, а душу взяли черти.
Та дѣвка по міру таскается съ сумой,
А эта чванится въ каретѣ.
О Боже, Боже мой,
Какая честности худая мзда на свѣтѣ!

ПОРЧА ЯЗЫКА.

Послушай басенки, Мотонисъ [2]), ты моей.
Смотри въ подобіи на истину ты въ ней
И отвращеніе имѣй
Отъ тѣхъ людей,
Которые ругаются собою,
Чему смѣюся я съ Козицкимъ и тобою

Въ дремучій вшедши лѣсъ,
Въ чужихъ краяхъ былъ песъ,
И, согражданъ своихъ поставивъ за невѣжей,
Жилъ въ волчьей онъ странѣ и во странѣ медвѣжьей.
Не лаялъ больше песъ, медвѣдемъ онъ ревѣлъ
И волчьи пѣсни пѣлъ.
Пришедъ оттоль ко псамъ обратно,
Отеческій языкъ некстати украшалъ:
Медвѣжій ревъ и вой онъ волчій въ лай мѣшалъ,
И началъ говорить собакамъ непонятно.
Собаки говорили:
«Не надобно твоихъ намъ новенькихъ музыкъ:

---

[1]) «Хамовымъ племенемъ» и «кропивнымъ сѣменемъ» Сумароковъ часто называлъ подьячихъ.

[2]) Мотонисъ—сынъ придворнаго капельмейстера, обучавшійся сперва въ Кіевской духовной академіи, а послѣ за границей. Козицкій—издатель сатирическаго журнала «Всякая всячина». Оба они помѣщали свои статьи въ «Трудолюбивой Пчелѣ» и были уважаемы Сумароковымъ.

Ты портишь ими нашъ языкъ»—
И стали грызть его — и уморили.
А я надгробіе читалъ у пса сего:
«Вовѣкъ отеческимъ языкомъ не гнушайся
И не вводи въ него
Чужого ничего,
Но собственной своей красою украшайся».

Въ первой изъ приведенныхъ басенъ Сумароковъ касается тѣхъ порокевъ, которые онъ осмѣивалъ и въ своихъ комедіяхъ и въ своихъ сатирахъ: лихоимства, взяточничества, неправды; особенно доставалось отъ него подьячимъ. Во второй баснѣ—«Порча языка»—Сумароковъ вооружается противъ варваризмовъ, справедливо видя въ нихъ искаженіе отечественнаго языка. Басня эта, безъ сомнѣнія, находится въ связи со всѣми тѣми сатирическими произведеніями Сумарокова, въ которыхъ онъ осмѣиваетъ слѣпое поклоненіе всему иностранному и презрѣніе къ своему, русскому.

Сумароковъ, какъ критикъ.

Сумароковъ былъ первымъ по времени критикомъ въ новой русской литературѣ. Отсюда понятно, что и критика его должна была представлять самую первоначальную ступень въ этой области. И дѣйствительно критика Сумарокова останавливается лишь на внѣшней сторонѣ сочиненія: на правописаніи, языкѣ и слогѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ критикуетъ Сумароковъ оду Ломоносова «На день восшествія императрицы Елисаветы»:

«*Возлюбленная тишина, блаженство селъ, градовъ ограда*»... «Градовъ ограда» сказать не можно. Можно молвить: «селенія ограда», а не «ограда града»; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ. Я не знаю сверхъ того, что за ограда града тишина? Я думаю, что ограда града войско и оружіе, а не тишина.

«*На бисеръ, злато и порфиру*»: съ бисеромъ и златомъ порфира весьма малое согласіе имѣетъ...

«*Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ*»: летитъ межъ водныхъ нѣдръ не одна корма, но весь корабль...

«*И грому трубъ ея мѣшаетъ плачевный побѣжденныхъ стонъ*»: трубный гласъ не гремитъ, гремятъ барабаны; а ежели позволено сказать вмѣсто трубнаго гласа трубный громъ, такъ можно сказать и громъ скрыпицы и громъ флейты.

Въ такомъ родѣ разобрана вся ода. Но, не смотря на эту поверхностность, не смотря на ту самоувѣренность, съ какою Сумароковъ, критикуя современныхъ ему русскихъ писателей, ставилъ себя неизмѣримо выше ихъ,—критическія статьи его все же достойны вниманія, какъ первое начало, положившее основаніе русской критикѣ.

Заслуги Сумарокова.

Литературная дѣятельность Сумарокова заслуживаетъ самой благодарной памяти. Правда, съ художественной точки зрѣнія, въ произведеніяхъ Сумарокова можно найти много недостатковъ; но на нихъ нельзя смотрѣть такъ односторонне: ихъ надо оцѣнивать съ исторической стороны, имѣя въ виду ихъ значеніе для своего времени. Сочиненія Сумарокова, при формѣ, часто недодѣланной, а иногда и грубой, содержатъ въ себѣ весьма много образовательныхъ элементовъ, которые не могли не имѣть вліянія на нравственное воспитаніе тогдашняго общества. Его трагедіи вполнѣ удовлетворяли своему времени, развивали вкусъ къ театральнымъ представленіямъ, возбуждали благородныя и гуманныя чувства, и способствовали къ распространенію просвѣщенныхъ идей. Его сатирическія сочиненія осмѣивали пороки и недостатки современной русской жизни. Ихъ справедливо называютъ критикой современныхъ нравовъ, а самого Сумарокова «защитникомъ истины, гонителемъ и бичомъ пороковъ» [1]).

Сумароковъ значительно подвинулъ у насъ развитіе многихъ родовъ и видовъ поэзіи: его драматическія произведенія стоятъ выше такихъ же произведеній Ломоносова и Тредьяковскаго; его сатиры ставятъ выше сатиръ Кантемира. Сумароковъ былъ первымъ русскимъ баснописцемъ и первымъ критикомъ.

Наконецъ Сумароковъ оказалъ большія заслуги русскому театру не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ, завѣдывавшій театральными представленіями. Съ его именемъ связано воспоминаніе объ основаніи у насъ постояннаго театра.

Основаніе въ Петербургѣ постояннаго театра.

Театральныя представленія начались у насъ вмѣстѣ съ появленіемъ школьныхъ драмъ. Школьныя драмы представлялись сначала только въ Кіевѣ, а потомъ и въ Москвѣ. При Петрѣ Великомъ стали появляться и чисто свѣтскія переводныя пьесы, напр. «Докторъ принужденный» (Le médecin malgré lui)—Мольера, «Сципіонъ Африканскій»—съ нѣмецкаго, и др. При дворѣ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны давались пріѣзжими иностранными труппами не только трагедіи и комедіи, но и оперы и балеты. Кромѣ того, театральныя представленія давались тогда еще и въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Но отдѣльнаго и постояннаго театра еще не было въ Пе-

[1]) Такъ назвалъ Сумарокова Елагинъ въ своей сатирѣ на петиметровъ.

тербургѣ, и первый отдѣльный театръ явился не въ столицѣ, а въ Ярославлѣ, и именно вотъ какъ. Сынъ костромского купца *Ѳедоръ Волковъ*, по смерти отца переселившійся въ Ярославль, гдѣ мать его вышла замужъ за богатаго кожевеннаго заводчика, во время своихъ побывокъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ познакомился съ театральными представленіями: въ Москвѣ—съ школьными драмами, которыя онъ и самъ разыгрывалъ вмѣстѣ съ воспитанниками академіи, а въ Петербургѣ—съ представленіями иностранной трупы и съ представленіями Сумароковскихъ трагедій, которыя давались кадетами. Театральное искусство такъ увлекло Волкова, что онъ собралъ въ Ярославлѣ трупу изъ своихъ братьевъ и знакомыхъ купцовъ и подьячихъ, и въ кожевенномъ сараѣ своего вотчима представилъ драму «Есоирь». Представленіе чрезвычайно понравилось зрителямъ, и ярославцы рѣшились построить театръ. Устройствомъ его занимался самъ Волковъ. Театръ оказался прекраснымъ и вмѣщалъ въ себѣ до 1000 зрителей. Въ трупѣ Волкова скоро оказались талантливые актеры: братья *Волковы*—Ѳедоръ и Григорій, трагикъ *Дмитревскій*, комикъ *Шумскій*, и др. Слухъ объ ихъ игрѣ дошелъ до Петербурга, и императрица Елисавета вызвала ихъ ко двору (1752) и велѣла сыграть Сумароковскаго «Хорева». Игра ярославскихъ актеровъ очень понравилась императрицѣ; но такъ какъ они не имѣли надлежащаго образованія, то лучшихъ изъ нихъ помѣстили въ кадетскій корпусъ для обученія иностраннымъ языкамъ и словесности. Въ 1756 г. былъ основанъ уже постоянный театръ, и директоромъ былъ назначенъ Сумароковъ, а первыми актерами были братья Волковы, Дмитревскій и Шумскій.

За Ломоносовымъ и Сумароковымъ, въ періодъ времени до Карамзина, выдвигаются слѣдующіе писатели: *императрица Екатерина II*, издатели сатирическихъ журналовъ—*Козицкій* и *Новиковъ*; затѣмъ *Фонъ-Визинъ*, *Державинъ*, *Херасковъ*, *Богдановичъ*, *Хемницеръ*, *Княжнинъ*, *Аблесимовъ*, *Капнистъ*.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Однимъ изъ многихъ вопросовъ, государственныхъ и общественныхъ, поднятыхъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, былъ вопросъ о воспитаніи. Этотъ вопросъ подняла сама императрица. Находясь подъ вліяніемъ идей западно-европейскихъ писателей [1]),

[1]) Монтескье, Беккарія, Локкъ, Руссо и др.

указавшихъ на важное значеніе нравственнаго воспитанія. Екатерина не могла удовлетвориться тѣмъ направленіемъ нашихъ школъ, которое далъ имъ Петръ Великій. Петръ смотрѣлъ на школы, какъ на такія учрежденія, въ которыхъ учащіеся должны пріобрѣсти извѣстныя знанія, нужныя для той или другой спеціальности, и слѣдовательно школы, заведенныя имъ, имѣли значеніе лишь практическое. Екатерина же иначе смотрѣла на школы: на первомъ планѣ она ставила нравственное воспитаніе, а затѣмъ уже пріобрѣтеніе знаній.

Придавая важное значеніе нравственному воспитанію, Екатерина не мало труда посвятила этому дѣйствительно важному вопросу: она работала надъ нимъ и какъ правительница, и какъ писательница.

I. Какъ правительница, императрица Екатерина II, в о-п е р в ы х ъ, позаботилась провести свои идеи законодательнымъ путемъ. Съ этою цѣлію въ своемъ «*Наказѣ*» [1]) (1767) она помѣстила особую главу: «О воспитаніи». Вотъ что говорится въ этой главѣ:

ИЗЪ «НАКАЗА» ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Глава XIV. О воспитаніи.

348. Правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами.

349. Каждая особенная семья должна быть управляема по примѣру большой семьи, включающей въ себѣ частныя [2]).

350. Невозможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ: и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ.

1.

351. Всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страха Божія, какъ начала всякаго цѣломудрія, и вселяти въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десятословіи своемъ, и православная наша восточная греческая вѣра во правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ.

352. Также внерять въ нихъ любовь къ отечеству и повадить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ и почитать правительства своего отечества, какъ пекущіяся по волѣ Божіей о благѣ ихъ на земли.

---

[1]) Полное заглавіе этого сочиненія импер. Екатерины II такое: «Наказъ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія». Этотъ «Наказъ» служилъ инструкціей комиссіи, собранной по повелѣнію императрицы изъ депутатовъ отъ всѣхъ званій и сословій, для сочиненія проекта новаго уложенія. «Наказъ», обнародованный въ 1767 г., состоитъ изъ 20 главъ, раздѣленныхъ на 526 пунктовъ. Въ 1768 г. къ нему были сдѣланы дополненія, вслѣдствіе чего пунктовъ стало 655.

[2]) Пункты 348 и 349 взяты изъ Монтескье.

2.

353. Всякій родитель долженъ воздерживаться при дѣтяхъ своихъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насильству, какъ-то: брани, клятвы, драки, всякой жестокости и тому подобныхъ поступкамъ [1]), и не позволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей его, давать имъ такіе дурные примѣры.

3.

354. Онъ запретить долженъ дѣтямъ и тѣмъ, кои около нихъ ходятъ, чтобы не лгали, ниже въ шутку: ибо ложь изо всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ.

355. Мы присовокупимъ здѣсь для наставленія всякому особо человѣку то, что уже напечатано [2]), какъ служащее общимъ правиломъ отъ Насъ уже установленнымъ для воспитанія училищамъ и всему обществу.

356. «Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждати въ нихъ охоту ко трудолюбію и чтобъ они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія: научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ: всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ».

Придавая важное значеніе *воспитанію*, Екатерина, конечно, ничуть не умаляла значенія школьнаго *обученія;* она хотѣла только, чтобы, при всестороннемъ развитіи человѣка, т.-е. при развитіи его тѣлесныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, главнѣйшимъ образомъ обращено было вниманіе на нравственную сторону, или, какъ тогда выражались, на *благонравіе.*

Во-вторыхъ, не ограничиваясь однимъ только выраженіемъ своихъ педагогическихъ идей, императрица позаботилась и объ ихъ осуществленіи. Она поручила президенту Академіи художествъ *Бецкому* привести въ исполненіе задуманный ею планъ воспитанія. Бецкій началъ свою работу, и результатомъ ея было учрежденіе Воспитательнаго дома въ Москвѣ, учрежденіе новыхъ училищъ и преобразованіе по новой идеѣ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыя уже существовали раньше. Кромѣ того, исходя изъ той мысли, что въ семьѣ на дѣтей наибольшее вліяніе можетъ имѣть мать, императрица позаботилась

---

[1]) Поступокъ—род. п. мн. ч. отъ поступка (жен. р.).

[2]) Напечатано въ Докладѣ Бецкаго о воспитаніи юношества (1764). Пункты 356 и взятъ изъ этого Доклада, въ которомъ мысли принадлежатъ самой Екатеринѣ, такъ какъ Бецкій лишь приводилъ въ исполненіе ея идеи.

и о женскомъ воспитаніи и образованіи: по ея волѣ было основано въ Петербургѣ закрытое воспитательное заведеніе для дѣвицъ при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ.

Таковы были мѣры Екатерины II, какъ правительницы, желавшей создать у насъ «новую породу людей», людей, у которыхъ «съ изящнымъ разумомъ соединялось бы и изящное сердце».

II. Трудясь надъ вопросомъ о воспитаніи, какъ правительница,— Екатерина II не мало послужила ему и какъ писательница. Какъ писательница, она проводила свои идеи и положительно—въ своихъ *педагогическихъ сочиненіяхъ*, и отрицательно—въ своихъ *комедіяхъ* и *сатирическихъ статьяхъ*.

Изъ педагогическихъ сочиненій императрицы Екатерины II одни излагаютъ ея понятія о воспитаніи, другія, согласно этимъ понятіямъ, даютъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія. Къ первому отдѣлу относится *«Инструкція князю Салтыкову»* при назначеніи его воспитателемъ внуковъ императрицы — великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича. Главная мысль этой «Инструкціи» слѣдующая: все воспитаніе состоитъ въ развитіи здороваго тѣла и умонаклоненія къ добру. Умонаклоненіе же къ добру заключаетъ въ себѣ 4 предмета: добродѣтель, учтивость, доброе поведеніе и знаніе. Первые три и составляютъ то благонравіе, о которомъ такъ заботилась императрица и которое она цѣнила выше всего. Поэтому, говоря въ «Инструкціи» о главныхъ достоинствахъ воспитанія, она заявляетъ:

«Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему (не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благородномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустого опасенія, боязливости, подозрѣнія, невмѣстнаго вездѣ туть, гдѣ усмотрится».

«Требуется, чтобы съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобъ вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основанномъ на размышленіи, здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ».

«Когда дѣти наполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ, довѣренностью къ приставникамъ, совокупленными съ любовію и съ опасеніемъ прогнѣвать ихъ, и къ тому соединяютъ благоволеніе ко всѣмъ людямъ. тогда уже много сдѣлано. Чѣмъ болѣе дѣти укрѣпятся въ добродѣтели, тѣмъ болѣе готовятся къ познанію того, что отродію ихъ прилично».

Второй отдѣлъ педагогическихъ сочиненій Екатерины составляетъ *дѣтская библіотека*, написанная императрицею для своихъ внуковъ.

Эта библіотека состоитъ изъ назидательныхъ разсказовъ, наставленій и пословицъ, имѣющихъ въ виду воспитательныя цѣли. Въ свое время наибольшею извѣстностью пользовались ея сказки: «Сказка о царевичѣ Хлорѣ» и «Сказка о царевичѣ Февеѣ».

Въ «*Сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ*» аллегорически развивается та мысль, что истинное счастье пріобрѣтается добродѣтелью, которая невозможна безъ путеводства разума. Содержаніе этой сказки слѣдующее: *Хлоръ*, сынъ кіевскаго царя, жившаго еще до временъ Кія, былъ во время отсутствія отца похищенъ киргизскимъ ханомъ, плѣнившимся красотою мальчика. Желая повѣрить молву о способностяхъ мальчика, ханъ приказалъ ему отыскать *розу безъ шиповъ*. Царевичъ отправился съ этимъ порученіемъ. Дорогой попалась ему на встрѣчу дочь хана—веселая и любезная *Фелица*. Она хотѣла сопровождать Хлора, но ей помѣшалъ въ томъ суровый мужъ ея—султанъ *Брюзга*. Тогда Фелица выслала къ хану сына своего—*Разсудокъ*. Продолжая путь, Хлоръ подвергся разнымъ искушеніямъ, и между прочимъ его зазвалъ въ избу свою мурза *Лентяй*, который соблазнами роскоши старался отклонить царевича отъ его труднаго предпріятія. Но Разсудокъ насильно увлекъ его далѣе. Наконецъ они увидѣли передъ собою крутую каменистую гору, на которой растетъ *роза безъ шиповъ*, или, какъ одинъ юноша объяснилъ Хлору, *добродѣтель*. Съ трудомъ взобравшись на гору, царевичъ сорвалъ этотъ цвѣтокъ и поспѣшилъ къ хану. Ханъ отослалъ его вмѣстѣ съ розой въ Кіевъ къ отцу.

Въ «*Сказкѣ о царевичѣ Февеѣ*» описывается воспитаніе, свойства и дѣла царевича Февея, который жилъ въ послушаніи при своихъ родителяхъ, потомъ женился, и премудрымъ правленіемъ заслужилъ себѣ славу и народную любовь. Вообще въ этой сказкѣ изображается идеальное воспитаніе, совершенно такое же, о какомъ говорится въ «Инструкціи», и результаты этого воспитанія: физическое здоровье и, выражаясь словами Екатерины, «умонаклоненіе къ добру», при чемъ благонравіе выставляется, какъ главнѣйшее и самое цѣнное свойство Февея.

Комедіи императрицы Екатерины II. Въ своихъ комедіяхъ Екатерина въ сущности выражала тѣ же идеи, какія она выражала и въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ, но лишь не положительнымъ образомъ, а отрицательнымъ, т.-е. она останавливала свое вниманіе на тѣхъ явленіяхъ современной ей русской жизни, которыя противорѣчили ея понятіямъ и идеаламъ, выставляла ихъ въ своихъ комедіяхъ и осмѣивала. Такъ, напримѣръ, въ комедіи «*О время!*» осмѣиваются главнымъ образомъ хапжество, суевѣріе, страсть къ сплетнямъ и недостатки современнаго воспитанія. Въ комедіи «*Именины*

госпожи Ворчалкиной» осмѣивается, съ одной стороны, ворчливость и неразумное недовольство настоящимъ временемъ, вытекающее изъ непониманія правительственныхъ преобразованій, а съ другой стороны—безтолковое модничанье свѣтскихъ щеголей и щеголихъ, постоянно мѣшающихъ русскія фразы съ французскими. Въ комедіи «*Госпожа Вѣстникова съ семьею*» главнымъ образомъ осмѣивается дурное воспитаніе: здѣсь, кромѣ гувернера, бывшаго прежде кучеромъ, выставляется молодая дѣвушка, отупѣвшая отъ безпрестанныхъ побоевъ своей матери, которая била ее по головѣ за дѣло и за бездѣлье и наконецъ довела до полоумія.

Лучшею изъ всѣхъ комедій Екатерины (ихъ болѣе десятка) признается комедія: «*О время!*» (1772).

О ВРЕМЯ!

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица.

Ханжахина.
Вѣстникова.
Чудихина.
Христина, внучка Ханжахиной.

Мавра, служанка Ханжахиной.
Непустовъ.
Молокососовъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ г. Ханжахиной.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1-е.

Непустовъ, Мавра.

Мавра. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

Непустовъ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ: не время; поутру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра. И все такъ у насъ время проходитъ.

Непустовъ. Молиться хорошо; однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужели она и день и ночь насквозь молится?

Мавра. Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все идетъ своимъ порядкомъ: иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе Миней-Четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

Непустовъ. Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.

Мавра. Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо—при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней, должники требуютъ отъ нея за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ одиножды въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ расшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была; а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. «Проклятая безбожница,—кричала она на меня:—такой ли теперь часъ? Пришла ты, какъ сатана искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удалены!» Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть; но я мушкою залѣпливаю его. Не можно никакъ къ ней примѣниться; странный весьма человѣкъ: иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безумолку и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы, по мнѣнію ея, дѣлать надлежало.

Непустовъ. Радъ я узнать ея нравъ: это знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. Но правду сказать, трудно жъ ему будетъ уживаться съ этакою бабушкою: она или изъ дому его выживетъ, или въ могилу вгонитъ. Сама жъ она требовала, чтобъ мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ условиться о внучкиной свадьбѣ. Мы для того, отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга сюда прискакали: и тому уже три недѣли, какъ, живучи здѣсь, всякій день о томъ домогаемся, а она всякій день новыя находитъ къ тому препятствія. Намъ приходитъ уже срокъ, и мы должны немедленно возвратиться. Что-то будетъ сегодня? Она сегодня обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

Мавра. Потерпите, сударь, немного; послѣ вечерни, можетъ быть, вы ее увидите; а прежде этого времени она неохотно гостей принимаетъ.

Непустовъ. Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею, и для того скажи ей, что я здѣсь; авось-либо она и пуститъ меня къ себѣ.

Мавра. Нѣтъ, сударь; я ни изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или, по крайней мѣрѣ, браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается и называетъ меня бусурманкою за то, что иногда читаю я «Ежемѣсячныя сочиненія», а иногда и Клевеланда [1]).

Непустовъ. Да ты можешь ей сказать, что я усильно прошу ее видѣть.

Мавра. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстьми, изо всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и

---

[1]) «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія» — это первый учено-литературный журналъ въ Россіи, издававшійся подъ редакціей академика Миллера, съ 1755 по 1764 г.—«Клевеландъ»—англійскій романъ.—Служанка, читающая подобныя книги и разсуждающая такъ, какъ разсуждаетъ Мавра, есть не что иное, какъ снимокъ съ подобныхъ же личностей, выводившихся во французскихъ ложноклассическихъ комедіяхъ.

злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ наперечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; одне убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали и что къ тому примыслили.

Непустовъ. Да по крайней мѣрѣ оставятъ ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

Мавра. Сомнѣваюсь. Какіе у постницъ ужины?

Непустовъ. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы поститесь? Вѣдь сегодня и день непостный.

Мавра. Я того точно не говорю, только... только... мы лишнихъ гостей не любимъ.

Непустовъ. Говори со мною, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, а притомъ и весьма зла.

Мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничные; къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ праздника всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ... да не подумайте, что изъ скупости... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ, а любитъ и хвалитъ старину и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была, чему уже теперь, благодатіею Божіею, годиковъ пятьдесятъ и слишкомъ минуло.

Непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, по истинѣ жаль, что нынѣ ничему не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки, дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются.

Мавра. Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и немалую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Непустовъ. Да почему это прародительскіе нравы? Это не что иное, какъ ничего не значащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различать не умѣетъ.

Мавра. Однакожъ, по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Непустовъ. Скажи жъ мнѣ, пожалуй: что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

Мавра. Да гдѣ мнѣ это все упомнить? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ разскажу. Она встаетъ поутру въ шесть часовъ, и, слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: *блаженъ, кто и скоты милуетъ!* А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ: иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на ко-

нюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить, то... А! Постойте, сударь, я слышу шумъ: пора мнѣ отсюда убираться. Конечно, госпожа моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застала: вѣдь и Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ.

(Отходитъ).

Явленіе 2-е.

Ханжахина, Непустовъ.

Ханжахина. А, господинъ Непустовъ, я и не знала, что вы здѣсь, сударь.

Непустовъ. Не погнѣвайтесь, сударыня, что я пришелъ отдать вамъ мой поклонъ. Вы изволите знать, какую я до васъ нужду имѣю. Въ вашей волѣ теперь выдать внучку вашу за господина Молокососова и со мною о приданомъ условиться.

Ханжахина. Ахъ, батюшка мой! Да какъ мнѣ на это рѣшиться сегодня? вѣдь подумай-ка самъ: это дѣло таково, что требуетъ многаго размышленія. Я должна и того посмотрѣть, съ чѣмъ бы мнѣ и самой остаться. Человѣкъ я бѣдный; вдовье мое дѣло: откуда мнѣ что взять? Пусть злые люди хоть и говорятъ, хоть и кричатъ о моемъ богатствѣ, да Богъ-то вѣдаетъ, что я не могу наградить внучку свою большимъ приданымъ. Къ тому жъ сегодня духъ мой такъ безпокоенъ, что я и съ мыслями не могу собраться. У меня столько печали, столько нуждъ, что и конца имъ нѣтъ, такъ что и при молитвѣ злой свѣтъ покою мнѣ не даетъ. Разсудите сами, какъ мнѣ бѣдной не горевать: все дорого, да къ тому жъ люди...

Непустовъ. Правда, сударыня, злыхъ людей много на свѣтѣ; но намъ ихъ не передѣлать; оставимъ ихъ и станемъ о своемъ дѣлѣ говорить. Вы знаете, что намъ долго здѣсь жить не можно. Срокъ близокъ: къ командѣ ѣхать надобно. И такъ уже три дни вы изволили меня и Молокососова обнадеживать, что сегодня дадите намъ рѣшительный отвѣтъ; пожалуйте, исполните свое слово. Жалокъ этотъ молодой человѣкъ будетъ, если онъ попусту взадъ и впередъ проскакать былъ долженъ!

Ханжахина. Я не то, сударь, говорю: изволь самъ разсудить, можно ли спокойному быть духу, если съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось сегодня со мною? Я обѣщалась, чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила покойную мою матушку—помяни ихъ, Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ [1]) сынъ и стоитъ, какъ демонъ, въ горницѣ. Я ему говорю: «поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться»; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: «поди ты, сатана, вонъ»; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете, что въ этой бумажкѣ написано? О несмысленная тварь! О демонское навожденіе!... Онъ осмѣлился просить позволенія—жениться. Мнѣ, дескать, тридцать уже лѣтъ; мать де моя умерла, обшить, обмыть некому... И для того жениться! Экая негодница! И онъ жениться вздумалъ! Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла, и не знаю, сколько положила, и сколько еще класть надобно.

---

[1]) Мама—кормилица.

Однакожъ велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны!

Непустовъ. Да вѣдь и онъ человѣкъ, сударыня; въ томъ только его неосторожность, что помѣшалъ вамъ считать поклоны; а можетъ быть, онъ и не зналъ, что вы на молитвѣ.

Ханжахина. Что за неосторожность! Какъ ему не знать, что я молюся? Я вить всегда молюся. Зачѣмъ ему жениться? Я бъ его постригла, но то бѣда что нынѣ и не... О, я такъ осердилась, что вся и теперь дрожу!

Непустовъ. Такое великое движеніе можетъ повредить ваше здоровье. Оставимъ это; станемъ говорить о нашемъ дѣлѣ и о приданомъ внучки вашей.

Ханжахина. Вы не можете повѣрить, какъ много мнѣ досаждаютъ! Я не вѣдаю, какъ я отъ сердца по сю пору еще не умерла. На малаго-то я не столько еще сержуся; но поганая дѣвка, которая—прости меня, Господи!—ему на шею вѣшается, та-то мнѣ досадна! Да дамъ же я ей замужство!

Непустовъ. А для чего жъ бы ей нейти замужъ, коли ея лѣта уже такія?

Ханжахина. О, какая она скверная тварь!

Непустовъ. Вы почитаете, сударыня, молитву должностью, равно какъ и я; но вѣдь и снисхожденіе и любовь къ ближнему есть также должности, закономъ намъ предписанныя.

Ханжахина. Очень хорошо! Изрядное показалъ онъ ко мнѣ снисхожденіе и любовь! Мерзкій малый! Помѣшалъ мнѣ въ счетѣ поклоновъ!

Непустовъ. Дѣвицу выдать замужъ стоитъ поклоновъ, сударыня.

Ханжахина. Хорошо, батька мой, со стороны такъ разсуждать. А мнѣ вѣдь не бросать же на улицу деньги! Гдѣ ихъ возьмешь? Вотъ внучку надобно выдать, и самой также пожить еще хочется, да еще и этакихъ мерзкихъ жени; а все-таки дай что-нибудь: только и затвердили, что дай да дай; вѣдь что больше дашь, то больше у самой убудетъ. Надлежало бы правительству-то сдѣлать такое учрежденіе, чтобъ оно вмѣсто насъ людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало. Правду сказать, вѣдь оно обо всемъ въ государствѣ-то печися должно. Да полно, что! Нынѣ ничего не смотрятъ!

Непустовъ. Правительство имѣетъ довольно попеченія и расходовъ и безъ того, чтобъ снабжать нашихъ людей, которые намъ служатъ, и слѣдовательно на нашихъ рукахъ быть должны. Но, пожалуй, сударыня, забудь это, и станемъ говорить о нашей свадьбѣ и приданомъ внучки вашей. Господинъ Молокососовъ скоро сюда будетъ и станетъ просить вашего на то соизволенія.

Ханжахина. Онъ молодецъ изрядный; я его ни въ чемъ не хулю и ничего порочнаго въ немъ не вижу. Когда бъ эти проклятые меня не разсердили, то можетъ быть, что я и подумала бы, что бы за внучкою-то дать... *(Мавра входитъ).* Чего ты хочешь, Мавра?

Явленіе 3-е.

Ханжахина, Непустовъ, Мавра.

Мавра. Васъ спрашиваютъ, сударыня. Сосѣдка ваша имѣетъ нужду слова два-три съ вами молвить.

Ханжахина *(Непустову).* Не прогнѣвайся, пожалуй: я на часъ выйду; бѣдная вдова, жена дворянская, меня спрашиваетъ; отказать не могу, люблю бѣднымъ помогать... Мавра, побудь ты здѣсь; я тотчасъ назадъ приду.

Явленіе 4-е.

Непустовъ, Мавра.

Непустовъ. Чудная женщина!

Мавра. Знаете ли, въ чемъ состоитъ помощь, которую она бѣдной подать хочетъ дворянкѣ? Эта бѣдняжка отъ крайней нищеты заложила ей во стѣ рубляхъ золотую табакерку, которая втрое того стоитъ, и платитъ ей по полуполтинѣ на недѣлю росту. Теперь пришелъ срокъ; заплатить ей нечѣмъ; такъ боится, чтобъ и вовсе еще табакерка та не пропала.

Непустовъ. Возможно ли столь безсовѣстно поступать? По полуполтинѣ со ста на недѣлю!... Сказываютъ, что госпожа твоя чрезъ мѣру богата, что у ней тысячъ со сто въ росту ходитъ; какъ ей не стыдно брать по полуполтинѣ росту на недѣлю? Да еще съ кого? Съ бѣдной вдовы! Сходно ли это съ ея молитвами и постомъ?

Мавра. Какъ бы то ни было, только это такъ... Давеча, сударь, я не досказала вамъ, какъ она день провождаетъ; изволишь ли дослушать окончаніе?

Непустовъ. Изрядно. Я готовъ и любопытенъ дослушать.

Мавра. Остановились мы у заутрени, послѣ которой читаетъ она какія-то особливыя отъ сильнаго искушенія молитвы.

Непустовъ. Какъ? Она искушенія боится? Она отъ искушенія молится? Да вѣдь ей уже семьдесятъ лѣтъ!

Мавра. До того нѣтъ нужды... Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже, кромѣ кошки, никто къ ней въ образную войти не смѣетъ... По окончаніи отъ соблазна молитвъ, изволитъ она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль и чиститъ вещи, кои у ней въ закладѣ, пересматриваетъ крѣпости и закладныя, считаетъ деньги и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ. Тутъ, кромѣ Бога, какъ она говоритъ, никто свидѣтелемъ быть не долженъ; а мнѣ кажется, кромѣ черта, никто тамъ не бываетъ... Потомъ она одѣнется, то-есть чулки на ноги да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ—и поѣдетъ къ обѣднямъ. Отслушаетъ она по разнымъ церквамъ раннихъ и позднихъ обѣдни двѣ-три и столько же отпоетъ молебновъ. Въ церквахъ даетъ она свиданья подобнымъ себѣ старушкамъ, разсказываетъ имъ и отъ нихъ сбираетъ вѣсти разныя, и здѣшнія и петербургскія, словомъ, изо всѣхъ домовъ сплетни, которыя она, выправивъ, прибавивъ и украсивъ благочиніемъ, развозитъ. послѣ обѣда и послѣ обыкновеннаго съ часъ времени на канапе отдыха, изъ дома въ домъ, разсказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ слушать. Потомъ, или мимоѣздомъ гдѣ въ церкви или дома, отслушаетъ вечерню, послѣ которой сберутся къ ней любимыя ея гостейки и навезутъ новыхъ еще вѣстей.

Непустовъ. Кто жъ эти любимыя ея гости?

Мавра. Сестрица ея, госпожа Вѣстникова, да госпожа Чудихина. Первая жеманна, всезнающа, высокомѣрна, вѣстовщица, злорѣчива и любитъ при старости наряды, а послѣдняя очень забавна: всякій день новыя у ней примѣты, всего она боится, ото всего обмираетъ, суевѣрна до безконечности, богомольна изъ пышности, мотовка безразсудная, а молебны однакожъ поетъ всегда въ долгъ; ссорщица, сплетница, безстыдна и лжива такъ, какъ болѣе никто быть не можетъ. Вотъ ихъ харак... Но тш... тш... барыня идетъ.

Явленіе 5-е.

Ханжахина, Непустовъ, Мавра.

Ханжахина. Жалка бѣдная вдова! Пятеро у нея ребятишекъ, а пить-ѣсть

нечего. Я не знаю, для чего правительство не запрещаетъ такимъ бѣднымъ жениться. Да полно, что? Нынѣче и ни въ чемъ смотрѣнья-то нѣтъ; да кому и смотрѣть?... А изъ этакихъ свадебъ, кромѣ нищихъ, ничего не выходитъ. Мавра, вели-тка сварить намъ кофе.

Явленіе 6-е.

Ханжахина, Непустовъ.

Ханжахина. Я такъ теперь испужалась, что чуть жива. Какъ разговаривала я съ сосѣдкой, то вдругъ услышала, что въ спальнѣ моей что-то необычайно застучало. Я побѣжала туда, и... ахъ! горе мое... бѣдная я грѣшница!... и увидѣла, что упалъ съ полки любимый покойнаго моего мужа муравленый горшечекъ, изъ котораго онъ всегда молочную кашу кушивать изволилъ; упалъ, батюшка, да и въ дребезги разбился; а въ горницѣ-то никѣмъ никого не было. Это не передъ добромъ! Боюсь, не умереть ли мнѣ или внучкѣ моей?

Непустовъ. Чего этого бояться, сударыня? Можетъ быть, кошка или мышь сронила горшокъ съ полки... Пора, сударыня, говорить намъ о дѣлѣ нашемъ.

Ханжахина. Такъ, батька; вы ничему нынѣче не вѣрите; у васъ все натура... все натура...[1]). *(Вошедъ, перебиваетъ рѣчь Мавра).*

Явленіе 7-е.

Тѣ жъ и Мавра.

Мавра. Сестрица ваша пріѣхала, сударыня, и сюда идетъ.

Явленіе 8-е.

Вѣстникова, Ханжахина, Непустовъ, Мавра.

Вѣстникова. Здравствуй, сестрица матушка. Я безъ души къ тебѣ скакала. Знаешь ли ты, какую чудную сложили свадьбу? По всему городу сказываютъ (да уже и къ знатнымъ боярамъ дошло), что будто ты за Молокососова внучку свою выдаешь! Статочное ли это дѣло? Выдать дѣвку за такого несноснаго дурака! Да еще и нашей фамиліи дѣвку! Я его... вотъ этакого *(указываетъ)* еще знала; онъ и тогда и глупъ и спесивъ былъ. Однажды пріѣхала я... я!—къ матери его, хотѣла ей эту милость сдѣлать... Онъ былъ тогда лѣтъ девяти... Вошедъ въ горницу... вѣдь мы-таки не подлыя.... поклонилась я всѣмъ; а онъ, стоя въ углу, играетъ мячикомъ, а на меня и не глядитъ; да и во весь вечеръ—подумай, матка!—во весь вечеръ ко мнѣ и не подошелъ, какъ будто я уродъ какой! Съ того времени я терпѣть его не могу. Какая жъ и нянюшка у него была! Да и матушка изрядная... не у кого, правду сказать, и научиться-то было. Няня была дѣвчища высокая, худощавая, косая, глупая; а мать, ты сама помнишь, дурища была непомѣрная... О, сестрица, ты не вѣдаешь со мною бѣды! Я бъ давно уже здѣсь была, да вотъ что сегодня со мною сдѣлалось. Я сѣла въ карету и не успѣла еще со двора съѣхать, какъ кучеръ мой, зашатавшись, упалъ съ козелъ. Я думала... не здѣсь будь сказано! *(Онъ оплевываются, подергиваютъ себя за ухо и одумаются; Ханжахина, дѣлая то же, говоритъ:* Ахъ! сестрица!...) Я думала, что

[1]) Тутъ Ханжахина намекаетъ на то, что люди образованные объясняютъ многія явленія иначе, не суевѣрятъ, а, слѣдуя наукѣ, объясняютъ ихъ законами природы.

черная немочь его убила; анъ онъ, плутъ, пьянъ былъ. Я кликнула людей, велѣла его сѣчь; а поваришкѣ спасибо: онъ сѣлъ на его мѣсто, однако ѣхалъ какъ сумасбродный, то вправо, то влѣво, а все невпопадъ. Ужъ я думала, что сегодня и до тебя не доѣду. Два раза спало колесо; два раза бурыя лошади выпрягались; а сѣрыя, поскользнувшись, упали. Да полно, въ томъ не кучеръ виноватъ. Полиція, слава Богу! полиція ничего не смотритъ. Улицы такъ склизки, такъ скверны, что и ѣздить нельзя...

Мавра *(въ сторону)*. А того не скажемъ, что лошади не кованы, у колесъ чекъ нѣтъ, и что упряжка скверная!

Вѣстникова. Что ты ворчишь, Мавра?

Мавра. Ничего, сударыня, я о полиціи говорю.

Вѣстникова. Да и ни въ чемъ нынѣ смотрѣнія нѣтъ. О, какія нынѣче времена! Что-то изъ этого будетъ! А я чуть жива доѣхала... Сестрица, я всѣмъ божилась, что ты внучки своей за Молокососова не выдашь.

Ханжахина. Все Божья воля, сестрица... Мавра, подай-ка стулья
(Мавра даетъ стулья и выходитъ).

Вѣстникова. Мы можемъ, сестрица, и здѣсь сѣсть *(указывая на кресла, и садятся)*. А вы не изволите ль тутъ? *(Указываетъ на стулъ; садится и Непустовъ)*.

Явленіе 9-е.

Ханжахина, Вѣстникова и Непустовъ.

Вѣстникова. Письма изъ Петербурга пришли. Пишутъ, что вода тамъ такъ была высока, что весь городъ потопила, и люди на кровляхъ насилу мѣсто себѣ находили.

Непустовъ. Какъ же, сударыня? Развѣ водою почта оттуда отправлена, когда такое несчастіе случилось?

Вѣстникова. Такъ, сударь, ваши братья ничему не хотятъ вѣрить; однакожъ это такъ, какъ я сказываю; да пусть и не потонули, такъ по крайней мѣрѣ съ голода тамо люди мрутъ. Во всемъ недостатокъ, ни о чемъ ни правительство, ни полиція и никто не думаетъ. Я и еще кое-что знаю похуже этого: много оттуда вѣстей; хорошихъ-то только нѣтъ; да и не все сказывать надобно. Пишутъ ко мнѣ нѣчто подъ обинякомъ; однако я догадалась, что это значитъ.

Ханжахина. А что жъ такое, сестрица, къ тебѣ пишутъ?

Вѣстникова. Очень можно сказать. Пишутъ... да... точно этими словами пишутъ... «Если бъ вы знали, какія у насъ къ масленицѣ готовятся крутыя горы, то бъ вы удивились и испужались!» Вотъ какой обинякъ! Да я разумѣю, что онъ значитъ: крутенька гора-то затѣвается! Вы увидите. Я ничего не говорю; однакожъ я точно догадываюсь, что это значитъ.

Непустовъ. Все пустое, сударыня; гора, какъ гора, и всякую масленицу бываетъ; а ваша мнимая гора, кромѣ мыши, ничего не родитъ. Въ прежнія времена за болтанье дорого плачивали: притупляли язычокъ, чтобъ меньше онъ пустого бредилъ; а нынѣ благодарить вамъ Бога надобно, что уничтожаютъ этакія бредни. Разумно бы и съ нашей стороны было, если бъ мы сами себя отъ глупостей, а паче отъ несбытныхъ затѣй и новостей воздерживали.

Вѣстникова. Ахъ, батька мой, куда какъ ты строгъ! да нѣсколько и...

Явленіе 10-е.

Тѣ жъ и Мавра.

Мавра. Госпожа Чудихина пріѣхала, сударыня, да не изволитъ идти сюда и не хочетъ переступить черезъ порогъ, для того, что услышала сверчка. Если желаете, чтобъ она не уѣхала, то проситъ, чтобъ вы къ ней вышли въ другую горницу, а сюда войти боится, пока сверчка не поймаютъ; я уже и за печникомъ послала, который ловитъ сверчковъ.

Ханжахина. Изрядно, мы къ ней выйдемъ. *(Ханжахина и Вѣстникова встаютъ).* Пожалуй, не погнѣвайся, сударь; она намъ искренняя пріятельница.

Явленіе 11-е.

Непустовъ и Мавра.

Непустовъ. Терпѣнья моего недоставало слушать всѣ ихъ бредни, и если бъ долгъ дружбы моей къ Молокососову меня не обязывалъ, давно бы я уже ушелъ отсюда.

Мавра. Ха! ха! ха! *(Смѣется).* Что, сударь? Вы уже скучаете. Извольте-тка подолѣ съ нами пожить; вы еще не столько услышите басенъ.

Непустовъ. Боюся я, чтобъ Вѣстникова не повредила въ мысляхъ твоей госпожи Молокососову. Она уже зачала его всякими браньми костить

Мавра. Есть способъ къ молчанію ее принудить, сколько бы она его ни бранила.

Непустовъ. Да какой же это способъ? Скажи, пожалуй.

Мавра. Она любитъ деньги и подарки; словомъ, она корыстолюбива. Даромъ, что она сердита и зла; однако за деньги не одну уже свадьбу сложила, и не только свадьбы умѣетъ сводить, но и прочее, и прочее. Подарите ее чѣмъ-нибудь; а я думаю, что рублевъ сто на платье, къ которому она охотница, довольно силы имѣть будетъ унять ее отъ брани и принудить еще служить господину Молокососову.

Непустовъ. Если это такъ, то она намъ не страшна.

Явленіе 12-е.

Прежніе и Молокососовъ.

Молокососовъ. Что, сударь? Какъ наше дѣло идетъ?

Непустовъ. Плохо. Я не знаю, что мнѣ съ мнимою вашею бабушкою дѣлать. Лучше бъ я желалъ, чтобъ опекунъ вашъ самъ здѣсь былъ; онъ это сватанье началъ, пусть бы онъ и окончалъ, а мнѣ бы дѣла не было въ такомъ домѣ, гдѣ здравый разумъ почти невмѣстимъ. Разъ десять заговаривалъ я о свадьбѣ и о приданомъ и ничего въ отвѣтъ не получилъ, кромѣ пустыхъ бредней, которыя ни конца, ни начала не имѣютъ.

Молокососовъ. Мнѣ бы до приданаго и нужды не было... Я недавно съ невѣстою видѣлся; куда какъ она хороша, прекрасна, ужасть какъ прекрасна!... Да только...

Непустовъ. Что только?... Что это «только» значитъ?

Молокососовъ. Она чрезъ мѣру пригожа!... Да только...

Непустовъ. Да что жъ?... Развѣ она тебѣ отказала?

Молокососовъ. Нѣтъ; я съ нею долго говорилъ; она прекрасна, богата, не безъ знати... да...

Непустовъ. Тфу, пропасть какая! Да что жъ она тебѣ сказала?

Молокососовъ. Ничего! Она на всѣ мои слова... ни слова не молвила.

Непустовъ. Ну, такъ чего жъ ты боишься? Развѣ она глупа?

Молокососовъ. Того я не знаю. Только то знаю, что она ничего не говоритъ.

Непустовъ. Если она глупа, такъ это по наслѣдству... И государыня ея бабушка не премудра: яблочко отъ яблоньки недалеко, видно, пало! Но вѣдь... она, помнится мнѣ, еще за полгода предъ симъ тебѣ понравилася?

Молокососовъ. Красота ея, безспорно, прелестна. И кто бъ могъ себѣ представить, что эта красота безмолвна! Она или нѣма, или глупа, или дурно воспитана.

Непустовъ. Чудно! Нашлась и въ Москвѣ молчаливая дѣвица! Ну... такъ буде изволишь, мы перервемъ это сватовство.

Молокососовъ. Нѣтъ. Я бы лучше женился; да хочется мнѣ...

Непустовъ. Мнѣ кажется, что ты и самъ не знаешь, чего тебѣ хочется.

Молокососовъ. Пожалуй, не гнѣвайся; я и такъ довольно несчастливъ. Невѣста моя мила мнѣ; красота ея ни съ чѣмъ несравненна; опекуну моему далъ я слово на ней жениться; она богата, хотя мнѣ до того и нужды нѣтъ; вотъ сколько притяженій! О, если бъ столько была она умна, сколько пригожа! Не усумнился бъ я въ сію минуту быть ея мужемъ!

Непустовъ. Какое жъ твое намѣреніе?

Молокососовъ. Я не знаю. Дай ты мнѣ совѣтъ, что мнѣ дѣлать.

Непустовъ. Вѣдь тебѣ надобна жена, а не мнѣ: слѣдуй склонности и разсудку своему. При вступленіи въ такое обязательство, всего нужнѣе согласіе нравовъ; если находишь ты это между собою и невѣстою твоею, то я совѣтую тебѣ на ней жениться.

Мавра *(въ сторону)*. Сколько жъ и они пустоши бредятъ!

Молокососовъ. Умилосердись; какъ я могу это знать? Я съ нею говорю, она ни слова не отвѣчаетъ; я изъясняю мою страсть—она безъ всякаго движенія слушаетъ; я горячностію, я вѣрностію моею ее увѣряю—она безчувственно то пріемлетъ; я спрашиваю: не противенъ ли я ей?—она молчитъ; наконецъ, сталъ я въ отчаяніи о посторонняхъ говорить вещахъ, и тогда, кромѣ да и нѣтъ, ничего добиться отъ нея не могъ. Да и это произносила она одинакимъ голосомъ, съ одинакимъ движеніемъ, съ одинакимъ ощущеніемъ, и если бъ не были прелестные ея открыты глаза, то бъ можно подумать было, что она спитъ и во снѣ иногда въ полслова молвитъ. Такъ она и черты лица ея были неподвижны! О!... Я въ отчаяніи!...

Мавра. О, какъ вы мнѣ жалки, что такъ много ошибаетесь! Невѣсту вашу я сердечно люблю и для того изъ заблужденія васъ выведу. Она сердце имѣетъ ангельское, но воспитана дурно. Въ безпредѣльномъ содержана она страхѣ, а отъ того сдѣлалась толь робка и застѣнчива, что ни съ кѣмъ говорить не можетъ и покажется всякому, кто ее не знаетъ, кускомъ дерева. Къ сему прибавьте и совершенное ея невѣжество, въ которомъ она содержана. Она ничему не учена и грамотѣ украдкою у меня училась, для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ. Никого она не видала и до двѣнадцати лѣтъ и платья не знала, а бѣгивала для легкости всегда въ одной сорочкѣ; когда жъ пріѣзживали посторонніе къ намъ люди, то прятали

ее въ спальнѣ за печкою. Несчастлива она, что въ младенчествѣ и матери и отца лишилась!

Молокососовъ. Что жъ въ этомъ? Развѣ ты думаешь облегчить этимъ печаль мою?

Мавра. Нѣтъ, сударь, по подождите немного и дайте мнѣ договорить... Хотя барышня моя толь дурно и воспитана, но она, конечно, не дура; правда, она не новосвѣтская госпожа и, какъ ужъ я сказала, не только по-французски, но и по-русски мало она знаетъ, а потому и языка русскаго не портитъ; но, говоря по-русски, брата называетъ братцемъ, а не mon frère, сестру сестрицею, а не ma soeur; не знаетъ и другихъ вытверженныхъ, подобно попугаю, словъ, ни кривлянья, ни презрѣнія къ людямъ, почтенія достойнымъ. Некстати не хохочетъ, кушанья за столомъ не называетъ блюдомъ славнымъ; словомъ, она не знаетъ того языка, котораго и я, когда молодыя боярыни говорятъ, не разумѣю, хотя я и весьма долго въ домѣ новомодной француженки служила. Но при всемъ томъ она не глупа, и естественный разумъ въ ней есть; и когда вы на ней женитесь и будете ее любить, то хотя она ни болванчикомъ, ни mon mari называть васъ не станетъ, однако, конечно, стараться будетъ вамъ угождать и добродѣтелью столько васъ прельститъ, сколько другіе свободнымъ обхожденіемъ прельщаются, забывъ и лбы, и глаза свои. Между тѣмъ она, увидя свѣтъ, конечно, выровняется, какъ и многія другія. Умъ ея таковъ, что она всякое наставленіе отъ любимаго человѣка съ охотою приметъ. Это я по себѣ знаю: она во всемъ совѣтамъ моимъ послѣдуетъ. Но, чуръ, не жить съ ней по модѣ; берегитесь, и вы будете заплачены тою же монетою, какъ и другіе.

Непустовъ. Да не прильнуло ли и къ ней ханжество бабушки ея?

Мавра. Нѣтъ, того не бойтеся. Она не ханжа и не скупа. Она еще молода, и не больше пятнадцати ей лѣтъ, и если употребится съ нею ласка и снисхожденіе, то будетъ она такова, какову будущій мужъ ея имѣть похочетъ, и какъ ее поведетъ, къ добру или худу. Удобно разумному мужу, съ малымъ терпѣніемъ и любовію, подвесть добросердечную жену подъ всѣ свои правила и сдѣлать ее волѣ своей послушною. Много этому образцовъ на свѣтѣ!

Молокососовъ. О, если бъ уже была она такова, какову я желаю ее видѣть! Колико бы я счастливъ былъ!

Мавра. Имѣйте терпѣніе. Она тѣмъ еще милѣе вамъ будетъ, чѣмъ болѣе вы примѣтите, что она всѣ совершенства свои отъ вашихъ пріобрѣтаетъ совѣтовъ.

Молокососовъ. Ты всю мою надежду возстановляешь; ты возвращаешь мнѣ покой, котораго я совсѣмъ почти лишился.

Мавра. Извольте быть увѣрены и подите теперь къ старушкѣ.

Непустовъ. Ну, такъ пойдемъ же къ ней, не тратя времени.

Молокососовъ. Дай Боже, чтобъ она столь была разумна, сколь и прекрасна!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1-е.

Христина и Мавра.

Мавра. Что жъ, развѣ вы не хотите идти замужъ?

Христина. Я не знаю. Кажется, я никакого желанія не имѣю.

Мавра. Да развѣ господинъ Молокососовъ вамъ не нравится?

Христина. Этого не могу сказать. Нѣтъ... Ну... да какъ онъ тебѣ кажется?

Мавра. Неужто вы хотите замужъ идти по моему выбору? Вѣдь вамъ съ нимъ жить, а не мнѣ.

Христина. Ты меня любишь, Маврушка, такъ скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать.

Мавра. Я васъ люблю, это правда; однако въ этомъ дѣлѣ вы болѣ на себя полагаться должны. Должны вы прежде себя разобрать, чувствуете ли вы къ нему склонность, или нѣтъ.

Христина. Лицомъ онъ не дуренъ; да только говоритъ такъ, что я и половины словъ его не разумѣю. Онъ говоритъ или не по-русски, или по книжному; а ты вѣдь знаешь, что я чужихъ языковъ не знаю, да и грамотѣ худо умѣю.

Мавра. Любовь и безграмотныя разумѣютъ. На что тутъ грамота? Надобно только сердце.

Христина. Я думаю, что сердце-то у меня есть, и я пойду за него, если онъ меня возьметъ; а ежели не возьметъ, то и я не желаю быть за нимъ.

Мавра. Какое это равнодушіе! Если бъ вы его любили, то бы не такъ говорили.

Христина. Я не могу сказать, чтобы онъ мнѣ противенъ былъ. Я не знаю, люблю ли я его, только мнѣ хочется его видѣть; да однако...

Мавра. Что однако? Когда онъ говорилъ вамъ о своей страсти, что онъ васъ любитъ, что вы прекрасны... вы тогда сидѣли, потупя глаза, и молчали, какъ будто бы у васъ языка не было: онъ перемѣнялъ рѣчи, онъ то то, то се вамъ говорилъ, а вы-таки все въ одномъ, и глазами, и тѣломъ, и языкомъ, остались положеніи и его съ равногласнымъ «да» и «нѣтъ» отвѣтомъ и отпотчевали.

Христина. Мнѣ было стыдно, Маврушка; ты вѣдь знаешь, что я съ мужчинами, кромѣ Фалелея, бабушкина дурака, ни съ кѣмъ не говаривала; да бабушка съ другими и говорить не приказываетъ. Я взросла въ дѣвичьей горницѣ и оттуда никогда не выхаживала: такъ что жъ мнѣ дѣлать? Пожалуй, душенька, читай мнѣ почаще «Памелу» [1]), чтобъ я могла перенять, какъ съ людьми говорить. Съ тобой—такъ говорится, а съ другимъ ни съ кѣмъ, право, не умѣю.

Мавра. Дорого бы я дала, чтобы вы счастливы были. Я васъ люблю за ваше чистосердечіе. Вы не лживы, сударыня; обѣщаетесь ли вы все то дѣлать, что я вамъ велю?

Христина. Съ радостію обѣщаюсь и стану все то дѣлать, что ты велишь; я знаю, что ты ничему худому не научишь.

Мавра. Подите же теперь отсюда. Я послѣ переговорю съ вами, теперь мнѣ недосугъ.

Христина. Да увижу ль я его?

Мавра. А, невинная! Сердчишко-то ужъ тронуто!

Христина. Нѣтъ... Я не знаю...

Мавра. Изрядно, изрядно, подите теперь.

(Христина отходитъ.)

Явленіе 2-е.

Мавра *(одна)*. О, природа! Сильны твои дѣйствія! Любовь, ты входишь въ

---

[1]) «*Памела*»—романъ англійскаго писателя Ричардсона, писавшаго въ сантиментальномъ направленіи.

сердца человѣческія прежде, нежели человѣкъ узнаетъ, что есть любовь! Моя невинная боярышня познаётъ уже тебя, не зная сама, что она чувствуетъ, и...

Явленіе 3-е.

Мавра и Молокососовъ.

Молокососовъ. Отъ роду такой бабы не видывалъ!... Ну... вся моя теперь надежда исчезла! Я погибъ, Мавра! Старая твоя барыня наотрѣзъ мнѣ отказала.

Мавра. Что ей сдѣлалось? За что?

Молокососовъ. За проклятаго кузнечика! О, кабы его чертъ взялъ!

Мавра. Что это такое? Я не понимаю.

Молокососовъ. Не легко и разсказать это... Много въ отказѣ участія имѣютъ и г-жа Вѣстникова и Чудихина, а наипаче моя собственная неосторожность.

Мавра. Если ваша неосторожность, то сами на себя и пеняйте.

Молокососовъ. Да кому придетъ на умъ, что можно подобною бездѣлицею досадить людямъ, и чтобъ свадьба могла изъ-за кузнечика разойтися? Разсуди сама, вотъ въ чемъ дѣло. Ханжахина разсказывала, что не токмо за годъ передъ кончиною покойнаго ея супруга пѣтухъ снесъ яйцо, но и дни за три кузнечикъ въ стѣнѣ безумолку стучалъ; что она изъ того неизбѣжно заключить могла, что супругъ ея умретъ, и потому, не упуская времени, къ смерти приготовить его велѣла. Я, слыша этакій вздоръ, не могъ удержаться и громко захохоталъ; господинъ Непустовъ, со всею своею твердостію, также, не преодолѣвъ себя, треснулъ и онъ, и оба мы взаходы смѣялись. Старухи всѣ три разсердились; вдругъ стали креститься, вдругъ плевать и одуваться, вдругъ, и въ одинъ голосъ, кричать и бранить насъ, называя насмѣшниками, бусурманами, безбожниками, которые ничему не вѣрятъ. Ханжахина съ подругою своей Чудихиной напали на г-на Непустова, а Вѣстникова опрокинулась со всею жестокостію на меня, и лучшее отъ нея слово мнѣ было: «спесивый дуракъ!» Я хотѣлъ съ учтивствомъ ей доказать, что суевѣріе есть порокъ, что нравоученіе закона запрещаетъ такимъ нелѣпымъ вѣрить баснямъ; а она съ яростію доказывала, что кузнечиково предсказаніе сбылось смертію г. Ханжахина, и потому оно истинно, и что, кромѣ такого дурака, какъ я, всякій тому вѣрить долженъ. Въ то же время съ другой стороны Чудихина наступала съ бѣшенымъ изступленіемъ на г. Непустова; а милостивая твоя госпожа, раздувшись и запыхавшись отъ гнѣва, то въ ту, то въ другую сторону на помощь къ обѣимъ злобнымъ бабамъ поспѣшая, словами, вдовѣ неприличными, уважала ихъ доказательства. И наконецъ изъ всего сего шума вышло то, что она ясно объявила намъ, что мы, то-есть и сватъ и женихъ, невѣрные, беззаконники, бусурманы, и чтобъ изъ дому ея убирались; что она внучки своей никогда не отдастъ за такого шалуна, каковъ я, и чтобъ впредь мы и дому ея не знали.

Мавра. Вотъ каково глупымъ противорѣчить!

Молокососовъ. Я всталъ, поклонился и вышелъ отъ нихъ вонъ... Теперь не знаю, что мнѣ дѣлать... И что я въ страсти моей начну? Отъ непочтенія къ проклятому кузнечику погибла вся моя надежда.

Явленіе 4-е.

Прежніе и Непустовъ.

Непустовъ. Пойдемъ изъ этого скареднаго дома.

Мавра. Погодите, сударь, немного; авось-либо все дѣло поправится.

Непустовъ. Какъ поправится? И видѣть насъ не хотятъ.

Мавра. Господинъ Молокососовъ, развѣ вы хотите оставить Христину? Развѣ вы ея не любите?

Молокососовъ. Никогда она столь прелестна мнѣ не воображалась; никогда столько я не любилъ ея, какъ теперь, когда вся надежда моя исчезаетъ, и когда я не могу имѣть ее себѣ женою!

Мавра. Ну, такъ если вы ее столько любите, то, вмѣсто празднословія и пустыхъ жалобъ, помогайте мнѣ искать способовъ къ поправленію испорченнаго дѣла, между тѣмъ не мѣшайте, дайте мнѣ подумать: на выдумки я довольно способна бывала. *(Думаетъ и говоритъ сама себѣ).* Да!... Нѣтъ... это не такъ... Ну... неловко... А!... Хорошо! Слушайте: Вѣстникову всѣхъ легче склонить, а чрезъ нее авось-либо намъ удастся; она за деньги за все примется, и все, что мы хотимъ, сдѣлаетъ.

Молокососовъ. Вспомни, Мавра, что она меня терпѣть не можетъ.

Мавра. Нѣтъ, ничего.

Непустовъ. А!... Да вотъ она и идетъ.

Явленіе 5-е.

Вѣстникова, Непустовъ, Молокососовъ и Мавра.

Вѣстникова *(съ сердцемъ)*. Вы еще здѣсь? Вонъ! Что вы здѣсь дѣлаете?

Мавра. Если бъ вы знали, сударыня, что они говорятъ, то бъ вы и не гнѣвались и не дивились, что они еще здѣсь.

Вѣстникова. Какъ сестрица узнаетъ, что ты съ такими бусурманами, коихъ она изъ дому выгнала, говоришь, то достанется и тебѣ; а я тебѣ сказываю, что быть худу.

Мавра. Ахъ, сударыня, какъ мнѣ съ пріятностію не слушать было ихъ разговоровъ? Они все объ васъ говорили.

Вѣстникова. Обо мнѣ? А что они обо мнѣ говорили?

Мавра. Они васъ хвалятъ, что вы разумны, что и въ самомъ гнѣвѣ вашемъ видно доброе ваше сердце и снисхожденіе. Г. Непустовъ и то еще примолвилъ: видно, дескать, что смолоду она и прекрасна была! А г. Молокососовъ сказалъ, что и теперь еще хороша.

Вѣстникова. Непустовъ дуракъ... а Молокососовъ, видно, поправляется; изъ него можетъ хорошій молодецъ быть.

Мавра. Да, сударыня, онъ говоритъ, что онъ не знаетъ, какъ бы заслужить нечаянную свою предъ вами проступку и своимъ почтеніемъ поправить себя въ вашихъ мысляхъ. Пожалуй, сударыня, не сказывайте боярынѣ, что я съ ними здѣсь остановилась. Она станетъ гнѣваться; а я вѣдь для васъ это сдѣлала, чтобъ вывѣдать изъ нихъ, сколько хорошо объ васъ отзываются. Вы изволите знать, какъ я васъ почитаю.

Вѣстникова. Но впрямь ли, Мавра, такъ хорошо они думаютъ?

Мавра. Право, сударыня; извольте хоть сами у нихъ спросить.

(Мавра имъ мигаетъ и дастъ знаки, чтобъ ей ласкали).

Молокососовъ. Я помню, сударыня, что милость ваша и къ матери моей была велика; если бъ я могъ ласкаться, чтобъ вы...

Вѣстникова. Да, мы-таки дружненько живали. Да ты, батька мой, спесивымъ мнѣ казался; а я-таки и весь родъ-атъ вашъ знаю.

Непустовъ. Вы ошибаетесь, сударыня; онъ, право, не спесивъ, его видитаковъ! А къ тому еще онъ и молодъ.

Вѣстникова. И подлинно еще молодъ: я ребенкомъ его зазнала, а и я не выстарокъ... Ха! ха!... *(Молокососову).* Батюшка твой не таковъ былъ: онъ, помилуй Богъ, какъ меня любилъ!... *(Увидя на пальцѣ Молокососова перстень).* А, мой свѣтъ, да это еще отцовскій на тебѣ перстенекъ-отъ! Тотъ, право, самый; онъ, покойникъ, бывало шучивалъ, что на помнинъ душѣ своей его мнѣ оставитъ. Я знаю этотъ перстень.

Непустовъ. И я слыхалъ, что онъ съ вами въ короткой былъ дружбѣ.

Вѣстникова. Камешекъ-то не великъ, да чистехонекъ!

(Мавра мигаетъ Молокососову, чтобъ онъ подарилъ перстень Вѣстниковой).

Вѣстникова. Право, свѣтъ мой, чистехонекъ!

Молокососовъ. Позвольте сударыня, чтобъ я слово родителя своего сдержалъ, и примите отъ меня этотъ перстень въ знакъ моего почтенія.

Вѣстникова. И... батька... вѣдь я не для того говорила... *(не отдавая)* Никакъ, мой свѣтъ, на что такъ убытчишься...

Молокососовъ. Пожалуйте, сударыня, сдѣлайте мнѣ это одолженіе; я должностью почитаю себѣ исполнить обѣщанія родительскія и радоваться стану, исполня столь пріятное завѣщаніе.

Вѣстникова. Благодарствую, благодарствую, мой свѣтъ; ежели могу сама чѣмъ отслужить, съ охотою, ото всего сердца исполню.

Непустовъ. Вы можете, сударыня, великую ему сдѣлать милость.

Вѣстникова. Да какую бы?...

Непустовъ. Уговорите, сударыня, сестрицу вашу, чтобъ она внучку свою за него выдала. Онъ ее любитъ и свое счастіе въ ней почитаетъ.

Вѣстникова *(Молокососову).* Добро, душенька, добро; стану ей говорить и она, можетъ быть, меня послушаетъ.

Непустовъ. Надобно знать, сударыня, что время не терпитъ продолженія. Срокъ нашъ приходитъ; ѣхать надобно скоро въ Петербургъ...

Вѣстникова. Я въ сію минуту бъ ее уговорила, да нельзя теперь: у нея Чудихина сидитъ; а при ней говорить я не буду: все дѣло испортить можно.

Мавра. Если это только мѣшаетъ, то извольте безъ сомнѣнія идти къ сестрицѣ, а Чудихину я тотчасъ изъ комнаты ея выживу.

Вѣстникова. Не скоро ее съ мѣста подымешь, гдѣ она усядется, особливо теперь: вѣдь она на картахъ загадываетъ.

Мавра. Это мое дѣло. Я заведу рѣчь, что прежній этого дома хозяинъ за тридцать тому лѣтъ назадъ умеръ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она теперь сидитъ и гадаетъ. Вы увидите, какъ скоро она вскочитъ, броситъ и карты и все, и уйдетъ изъ комнаты.

Вѣстникова. Хорошо, я пойду туда.

(Отходитъ).

Мавра. Извольте и вы удалиться, а я пришлю вамъ сказать, когда время будетъ; оставьте здѣсь слугу вашего.

Явленіе 6-е.

(Когда Непустовъ и Молокососовъ сходятъ, тогда съ противной стороны входятъ:)

Христина и Мавра.

Христина. Маврушка, Маврушка, знаешь ли что?

Мавра. Что такое, сударыня?

Христина. Вѣдь бабушка приказала серебряную ту парчу отослать назадъ къ купцу, также и пунцовыя ленты отдала назадъ; а Молокососову во мнѣ совсѣмъ отказала.

Мавра. Послѣднее знаю, а первое—слѣдствіе тому; да вы о чемъ больше жалѣете: о парчѣ или о женихѣ?

Христина. Какіе у тебя всегда мудреные вопросы! Ты все шутишь; а бабушка очень гнѣвна! Гнѣвна такъ, что она всѣхъ дѣвокъ выгнала изъ спальни и осталася одна съ Чудихиной и съ Вѣстниковою.

Мавра. Какая жъ это диковинка?

Христина. Какъ не диковинка! Вѣдь ты знаешь, что бабушка хоть часто на дѣвокъ гнѣвается, однако отъ нихъ ничего тайнаго не имѣетъ и обо всемъ она при всѣхъ говоритъ; а теперь и входить никому не велѣла до тѣхъ поръ, пока сама не кликнетъ.

Мавра. И впрямь это странно! Пойду я посмотрѣть, что-то у нихъ дѣлается?

Христина. Я тебѣ скажу, только ты не промолвься.

Мавра. Да вы почему жъ знаете? Вѣдь и васъ также туда не впускаютъ...

Христина. Почему...

Мавра. Конечно, вы у дверей подслушали, или въ замочную дырочку высмотрѣли?

Христина. Да, да! Только, пожалуй, бабушкѣ не сказывай.

Мавра. Этакая воровочка! Я, право, и не думала, что за вами это ремесло водится! Что жъ онѣ говорятъ тамъ?

Христина. Вѣстникова уговариваетъ бабушку, чтобъ она за Молокососова меня выдала, а Чудихина отговариваетъ; онѣ двѣ спорятъ. А бабушка держитъ сторону Чудихиной и выдавать меня не хочетъ.

Мавра. Да вамъ въ этомъ и нужды нѣтъ. Вѣдь для васъ все равно, идти ли замужъ, или нѣтъ! Не правда ли?

Христина. То... такъ... однакожъ..

Мавра. Изрядно, изрядно; пойдемъ отсюда; я пойду къ нимъ и чѣмъ-нибудь потщусь разорвать это сонмище.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе 1-е.

Чудихина бѣжитъ, а за нею Христина.

Чудихина. Ахъ! Погибла я!... Умереть мнѣ, умереть!... Ахъ... Ужъ умираю, чуть жива... чуть дышу... нѣтъ больше мочи!

(Кидается у кулисъ на кресла).

Христина. Что вамъ это сдѣлалось?

Чудихина. Проклятая Мавра меня уморила своими разсказами. Подумай, пожалуй, свѣтъ мой: я сижу да гадаю въ карты, и въ самое то время, какъ у меня винновый-отъ король съ крестовою кралею передо мною лежали, и я тому порадовалась, а она и сказала, что я на томъ мѣстѣ сижу... ахъ, тошно мнѣ!... на томъ будто мѣстѣ, на которомъ человѣкъ назадъ тому тридцать лѣтъ умеръ.

Христина. Такъ развѣ вы этого боитеся?

Чудихина. Да. Какъ этого не бояться! Видно, что ты еще молодехонька

и свѣта еще не знаешь. Я вѣдь испорчена, душа моя; злые люди меня смолоду испортили: всего боюся! Да какъ и не бояться? Вотъ гдѣ *(указываетъ на животъ)* у меня порча-то сидитъ и нынѣ.

Христина. Такъ вы животомъ недомогаете?

Чудихина. У меня, свѣтъ мой, въ животѣ щука; смолоду впустила ее туда мнѣ, сонной, мачеха моя,—она была колдунья и меня не любила,—а въ спину засадила мнѣ собаку, и когда онѣ тамо ссорятся, такъ я чувствую... таки точнешенько слышу, какъ щука хвостомъ хлеснетъ по собакѣ, а собака отгрызается и ворчитъ. Ужасть какая у меня тогда боль сдѣлается! Охъ... охъ!... Боюсь... умру... Вѣрно умру...

(Христина, увидѣвъ, что у Чудихиной на концѣ шейнаго платка два маленькіе узелка завязаны).

Христина. Что это за узелки, матушка, у васъ завязаны?

Чудихина. И... душа моя... ничего. Въ одномъ четверговая соль... а въ другомъ росный ладанъ, отъ уроковъ [1]).

(Въ это время вынимаетъ платокъ изъ кармана, и съ нимъ выпадаютъ два корешка, крестъ-на-крестъ волосами перевязанные).

Христина *(поднявъ)*. А это что такое?

Чудихина. А это корешки, свѣтъ мой, на которыхъ нашептано. Я ихъ ношу всегда, чтобъ и меня-таки любили.

Явленіе 2-е.

Прежнія и Мавра.

Мавра *(Чудихиной)*. Что, сударыня, вы такъ стонете?

Чудихина. Окаянная, ты меня разсказами своими уморила!

Мавра. Да можно ль было мнѣ вообразить, что вы отъ одного слова, которое ничего не значитъ, испугаетесь?

Чудихина. Ахъ! Умереть мнѣ нынѣшній годъ всемѣрно *(плачетъ)*, всемѣрно умереть. Не даромъ третьяго дни курица у меня пѣтухомъ кричала. Я, правду сказать, приказала ее отъ того мѣста, гдѣ она сидѣла, черезъ голову до порога кувыркать, чтобъ узнать, голову ли, или хвостъ у ней отрубить. Жеребій палъ на голову, и какъ мнѣ сказали, такъ велѣла ей отрѣзать голову. Хоть насѣдка и добра была, да—провались она,—свой животъ всего дороже! Однако мнѣ умереть... хоть еще и не такія лѣта... а многія живутъ себѣ... да веселятся... которымъ бы и давно уже умирать надобно. Охъ! охъ!

Явленіе 3-е.

Вѣстникова, Ханжахина, Христина, Чудихина и Мавра.

Чудихина. Сядемте хоть здѣсь; Мавра, подай на чемъ сѣсть.

Вѣстникова *(Маврѣ не вслухъ)*. Мавра, пошли къ Непустову, чтобъ онъ и съ Молокососовымъ поскорѣе сюда пріѣхалъ. *(Садятся. Мавра уходитъ. Чудихиной)*. Неужто ты по сю пору не опомнилась? ништо тебѣ! Для чего ты отговариваешь сестрицѣ выдать внучку за Молокососова? Вотъ Богъ тебя за то и наказалъ.

Чудихина. Я грѣшна! Что мнѣ дѣлать! Люблю разбивать свадьбы и при-

[1]) Урокъ то же, что *сглазъ*.

знаюсь, что для меня ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ видѣть въ сватаньѣ разладъ. Вѣдаю, что дурно это, да удержаться не могу: какъ-таки не промолвить словца? А молвится всегда худое. Я ужъ и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ каялась. Всѣхъ амурщиковъ я съ природы ненавижу, и гдѣ только ни услышу про любовь, такъ тутъ врагъ меня и всунетъ!

Вѣстникова. Ну, такъ я утѣшу. Вѣдь у Принковой разошелся ладъ съ Краткобрадымъ. Мужъ свѣдалъ и, сказываютъ, жену-то прибилъ, да и бросилъ; а никто не знаетъ, какой дьяволъ ему на ухо шепнулъ. Кажется, онъ не изъ премудрыхъ и передъ ногами мало видитъ, а жена-то сама у себя... Какъ бы ему догадаться?... Не вѣдаю.

Чудихина. А я такъ вѣдаю, да и не дешево мнѣ стало это узнать.

Вѣстникова. Скажи, пожалуй, какъ?

Чудихина. Я согрѣшила, окаянная; научила своего дворецкаго, чтобъ онъ подкупилъ ихъ людей. Онъ это сдѣлалъ, а люди все и проболтали.... Высказали, гдѣ у нихъ съѣзды, какъ и долго ли они видятся. А послѣ я сама посылала за ними своего человѣка верхомъ—подсматривать, и знала всегда объ ихъ свиданьи. Потомъ удалось мнѣ и письма ихъ получить въ свои руки, да какъ мнѣ до ихъ нужды нѣтъ, такъ я, чрезъ третьи руки, приказала ихъ вмѣсто жены отдать мужу. Вѣдь все равно, у жены ли они, или у мужа въ рукахъ: одинъ домъ, одна семья.

Вѣстникова. Да тебѣ-то что въ томъ прибыли? Ни она твоя дочь, ни она твоя племянница: кто тебя къ ней приставилъ? Ну, пусть бы поразсказать кому, это иное дѣло: слово на вороту не виситъ. А то... отдать мужу письма! На что это?

Чудихина. Можно ли этакой срамъ въ городѣ терпѣть?... Никто за этакими пакостьми не смотритъ; вчужѣ, право, досадно. Однакожъ я сдѣлала по своему: таки разорвала; а право, мой свѣтъ, сто рублей мнѣ это стало! И жаль денегъ-то, да радуюсь, что удалось... Боялись-же они меня очень.

Ханжахина. Сто рублей! Куда какая бѣда! Какая ты мотовка! Не диво, что у тебя почти никогда копейки въ домѣ нѣтъ. Лучше бъ ты сто-то рублей отдала въ ростъ; такъ однихъ указныхъ процентовъ дошло бы тебѣ по полтинѣ съ рубля въ мѣсяцъ, а закладъ закладомъ.

Чудихина. Что мнѣ въ полтинѣ? Свое удовольствіе стоитъ полтины. Чѣмъ нынѣче позабавиться? Вѣдь и такъ въ безконечной живемъ скукѣ и печали; таки нигдѣ радости-то нынѣче не увидишь! Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ, и науки-то чужія врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно, и время-то безтолково. Охъ-хо-хо! Хоть бы эту-то горесть съ рукъ сбыть, да пристроить бы малаго-то куда-нибудь къ мѣсту! Николашку-то моего бѣднаго... Онъ меня съѣдаетъ.

Вѣстникова. Вѣдь время еще не ушло. Сынъ твой Николашка еще молодъ.

Чудихина. Осьмнадцать уже лѣтъ, матушка.

Вѣстникова. А собою очень хорошъ?

Чудихина. Хорошъ, по несчастію: ты не повѣришь, сколько и пригожство-то его мнѣ слезъ навело. Кто ни увидитъ, всякъ ему дивится: куда какъ хорошъ, куда какъ пригожъ! Всякій это и говоритъ: а онъ урочливъ, мой свѣтъ, такъ урочливъ [1]), что нельзя больше. То-и-дѣло и я, и мама поперемѣнно его

---

[1]) Урочливый—подверженный сглазу.

слизываемъ... Только и то уже не помогаетъ. Не одну уже и огневую [1]) онъ схватилъ отъ уроковъ и отъ пригляда.

Ханжахина. Да ты бы лучше за нимъ смотрѣла, да не всюду бы пускала, такъ и онъ бы, и лошадки-то бы здоровы были.

Чудихина. И такъ, кажется, какъ глазъ свой его берегу. Во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходитъ, а когда боленъ, то, кромѣ блиновъ и сластей, ничѣмъ не кормлю. Одинъ разъ такъ-то въ болѣзни пивѣсть какъ захотѣлось ему теши съ кислыми щами; это любимое его кушанье, да еще тѣльное также онъ любитъ; однако я не дала, какъ онъ ни сердился. Какъ не беречь, свѣтъ мой? Онъ у меня одинъ, какъ порохъ въ глазу! Еще до самой прошлой осени все мама у него въ головахъ спала, чтобы-таки и почью бъ-то чего не причудилось. Больше никакъ уже смотрѣть нельзя; а онъ со всѣмъ тѣмъ все худѣетъ, все печалится. Вѣдь онъ здѣсь въ командѣ, такъ нападки на него великія...

Вѣстникова. Отъ кого напалки?

Чудихина. Отъ командировъ. Онъ въ Питерѣ-то не бывалъ, а все въ здѣшней командѣ числится; да не могу выпросить, чтобъ и капраломъ-то его сдѣлали. Ужъ я и даривала, кому надлежитъ, да все не помогаетъ: говорятъ, что неграмотенъ; а онъ мой голубчикъ, и азбуку уже доучилъ, да скоро и часословъ начнетъ.

(Христина, закрываясь, смѣется, а Ханжахина говоритъ).

Ханжахина. Ты чему, матка моя смѣешься?

Христина. Да какъ, бабушка сударыня, не смѣяться: восемнадцати лѣтъ парень часовникъ учитъ! Вѣдь онъ не дѣвушка, ему не стыдно умѣть письма писать.

Ханжахина. А ты бы этого не примѣчала! Перестань!

Чудихина. Кабы и у меня дочь была, меньше бы и я имѣла заботы. На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота ненадобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно, что! нынѣче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ... Быть добру! *(Христинѣ)* А ты еще молоденька; тебѣ бъ и не надобно надъ нами, старушками, смѣяться: сама, мой свѣтъ, стара будешь... Эхъ, какъ я засидѣлась! А мнѣ пора ѣхать; нужда великая! Надобно мѣстахъ въ двухъ побывать, да кое о чемъ поговорить. Прощайте.

(Поклонясь, уходитъ).

Ханжахина *(вслѣдъ)*. Прости, Богъ съ тобой! Не забудь, что услышишь, и намъ сказать.

Явленіе 4-е.

Вѣстникова, Ханжахина и Христина.

Вѣстникова. Насилу эту дуру выжили.

Ханжахина. За что ты ее бранишь, сестрина?

Вѣстникова. За то, что она вздоръ несетъ, а тебя, сестрина, съ пути сбиваетъ.

Ханжахина. Да вѣдь и сама ты давича отговаривала мнѣ выдавать

---

[1]) Огневая—горячка, лихорадка.

внучку за Молокососова; за что жъ теперь всю вину кладешь на Чудихину? Куда сестрица, какъ ты вѣтрена!

Вѣстникова. Ужъ будто я вѣтрена! Я немножко жива только. Да какъ бы то ни было, оставимъ это. Христина родилась въ сорочкѣ, ты это сама мнѣ сказывала; а Молокососовъ и хорошъ, и пригожъ, и богатъ, и знатенъ, такъ чего жъ этого лучше! Она и будетъ счастлива.

Ханжахина. Да, сестрица, у меня у самой пятнадцать было дѣтокъ, считая и отца Христинина, да всѣ за грѣхи мои померли. Одна она отъ покойнаго сына моего Василья осталась; да, правду сказать, и родилась она со всѣми счастливыми примѣтами: и въ сорочкѣ, и въ волоскахъ, и три раза, родясь, прокричала, и для того, сестрица, я всю надежду мою на старости въ ней полагаю.

Явленіе 5-е.

Ханжахина, Вѣстникова, Христина и Непустовъ.

Вѣстникова. Добро пожаловать, сударь; сестрица моя желаетъ васъ видѣть, чтобъ окончать начатое дѣло.

Непустовъ. Мнѣ весьма это пріятно, сударыня; а паче, что намъ нельзя долѣе здѣсь жить. И давича бъ къ концу мы пришли, если бъ вы этого молодого человѣка столько не оскорбили.

Вѣстникова. И, батька! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Ханжахина. Да, хорошо бъ сегодня окончать! И я съ благословеніемъ Божіимъ сама того желаю, только одно меня страшитъ...

Непустовъ. А что жъ бы это такое? Чего вы опасаетесь?

Ханжахина. Сегодня вѣдь понедѣльникъ, да къ тому жъ и первое число мѣсяца, а я ничего въ такіе дни никогда не начинаю. Примѣта худа! Много образовъ бывало, да и покойный мой мужъ меня утвердилъ въ этомъ; за десять лѣтъ до смерти своей—помяни его, Господи!—предсказалъ онъ однажды въ понедѣльникъ, что онъ умретъ. А то и сбылось!

Непустовъ. Да это дѣло надлежитъ окончать, а не начинать сегодня.

Вѣстникова. Это правда, сестрица, сватовство-то вѣдь не сегодня началось! Такъ скажи начисто, отдаешь ли ты за Молокососова внучку, или нѣтъ. Но вотъ онъ и самъ идетъ.

Явленіе 6-е.

Ханжахина, Вѣстникова, Христина, Непустовъ,

Молокососовъ и Мавра.

Молокососовъ. Я бы не осмѣлился, сударыня, еще разъ передъ вами показаться, если бъ другъ мой не увѣдомилъ меня, что вамъ это противно не будетъ.

Вѣстникова. Полно, батька мой, объ этомъ говорить; старое все позабыто. Скажи-тка намъ: имѣешь ли ты прежнее намѣреніе жениться?

Молокососовъ. Я бъ весьма былъ счастливъ, если бъ желаніе мое исполнилось, и могъ бы я получить соизволеніе отъ той, въ чьей власти и невѣста моя и благополучіе мое состоитъ.

Вѣстникова *(Ханжахиной)*. Слышишь ли ты, сестрица? Что жъ ты не отвѣтствуешь? Видишь ты, какой это изрядный молодецъ!

Ханжахина. Я еще и съ Христиною не говорила: вѣдь надобно и ее спросить, не противенъ ли ей женихъ-атъ.

Вѣстникова. Какъ быть противну? Я бъ, право, и сама его полюбила,—таковъ-то онъ! Однако спросимъ Христину. *(Христинѣ).* Христинушка, не противенъ ли тебѣ суженый, котораго мы тебѣ выбрали?

Мавра. Я за нее отвѣтствую, сударыня, что она изъ воли бабушкиной не выступитъ.

Вѣстникова. Да для чего жъ ты, душа моя, сама не говоришь? Скажи: милъ ли онъ тебѣ?

(Между тѣмъ Ханжахина шепчетъ).

Христина. Воля бабушкина, сударыня.

Вѣстникова. Да долго ли этому быть, сестрица? Ну-тка, благословясь, да рука въ руку. *(Беретъ Ханжахиной руку и даетъ ее насильно Непустову).* А я за тебя скажу: господинъ Непустовъ, сестра моя согласна; внучку свою отдаетъ за господина Молокососова и при благословеніи Божескомъ ей въ приданыя пятьдесятъ тысячъ рублей: это ужъ я давно знаю.

Ханжахина *(дергая Вѣстникову за платье).* Сестрица, съ умомъ ли ты? Этого много. Я не могу столько дать. Охъ!... бѣдная я!

Молокососовъ. Не приданое меня прельщаетъ, сударыня; вы хоть сколько дайте, хотя нѣтъ,—для меня все равно; лишь только внукомъ своимъ меня называйте.

Ханжахина. Ну... быть такъ... что дѣлать, разставаться съ деньгами... разставаться съ душою... Христина... охъ!... горе мнѣ! Христина, вотъ тебѣ женихъ!

Непустовъ. Для прекращенія лишнихъ убытковъ, не согласитесь ли, сударыня, въ будущую среду въ моей подмосковной сдѣлать свадьбу?

Ханжахина. Хорошо, батюшка, я согласна. Середу я паче прочихъ дней отмѣнно всегда любила; да вѣдь и коштъ-атъ вашъ тамо будетъ. Мнѣ не изъ чего, не изъ чего, право, дѣлать теперь банкетовъ.

Непустовъ. Объ этомъ не заботьтесь, сударыня.

Ханжахина *(Молокососову).* Да деньги-то приданыя отдашь ли въ ростъ? Вѣдь не шутка, мой свѣтъ! Потомъ они наживаны... потомъ... Охъ!

Вѣстникова. Полно объ этомъ говорить, пойдемъ рядную писать. Да въ крестовой [1]) священникъ есть, такъ благословясь да помолвимъ.

Ханжахина. Ну... что жъ дѣлать... пойдемте.

(Отходитъ).

Явленіе послѣднее.

Мавра *(одна).* Вотъ такъ нашъ вѣкъ проходитъ! Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣпимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а этого не видимъ, что и смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучокъ въ глазу ближняго, а въ своемъ и бревна не видимъ.

---

[1]) Крестовая—комната, съ образами и крестами, предназначенными для молитвы и церковной службы.

Достоинства и недостатки своихъ комедій Екатерина опредѣлила сама. Посылая Вольтеру французскій переводъ комедій «О время!» и «Именины г-жи Ворчалкиной», она писала:

«У автора много недостатковъ: онъ не знаетъ театра; интриги его пьесъ слабы. Нельзя того же сказать о характерахъ: они взяты изъ природы и выдержаны...; мораль его чиста, и ему хорошо извѣстенъ народъ».

Дѣйствительно, главное значеніе комедій Екатерины и заключается въ ихъ отношеніи къ современной эпохѣ: онѣ суть сатиры, осмѣивающія пороки и недостатки своего времени, при чемъ авторъ въ самомъ дѣлѣ хорошо знакомъ съ современными нравами, и мораль его дѣйствительно чиста. Этими достоинствами и окупаются художественные недостатки комедій Екатерины, недостатки, зависѣвшіе отчасти отъ того, что у нея не было сильнаго поэтическаго таланта, а отчасти и отъ того, что она, какъ и другіе современные ей комики, находилась подъ вліяніемъ теоріи ложнаго классицизма.

Впрочемъ о послѣднемъ надо сдѣлать оговорку: при общемъ подраженіи французскому ложному классицизму, Екатерина въ нѣкоторыхъ своихъ драматическихъ пьесахъ подражала и Шекспиру. Такъ, ея комедія «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье» есть не что иное, какъ передѣлка на русскіе нравы Шекспировскихъ «Виндзорскихъ проказницъ».

Сатирическія статьи императрицы Екатерины II извѣстны подъ именемъ «*Былей и небылицъ*» [1]). Это рядъ небольшихъ статеекъ, осмѣивающихъ различные недостатки и слабости. Характеръ сатиры «Былей и небылицъ» шутливый, веселый. Вмѣсто себя авторъ часто заставляетъ говорить своего вымышленнаго дѣдушку и двухъ его пріятелей, изъ которыхъ одинъ «болѣе плачетъ, нежели смѣется», а другой «болѣе смѣется, нежели плачетъ». Вотъ нѣсколько статеекъ изъ «Былей и небылицъ».

ИЗЪ «БЫЛЕЙ И НЕБЫЛИЦЪ».

1.

Дѣла тяжебныя, кои за грѣхи мои родственникъ со мною завелъ, принудили меня, перенеся оныя на аппеляцію, ѣхать въ Петербургъ. Тамъ, по обыкновенію, старался я найти покровителя и, успѣвъ въ ономъ, къ благосклонному мнѣ вельможѣ нерѣдко ѣздилъ. Я встрѣчался часто съ чужестранными и съ большими нашими боярами; и какъ въ домѣ моего благодѣтеля между иностранными я примѣтилъ одну особу отмѣн-

[1]) «Были и небылицы» печатались въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова»—журналѣ, издававшемся при Академіи Наукъ, подъ редакціей княгини Дашковой (1783—84).

наго права и заботливости, я тогда же у себя не карандашомъ, но перомъ его портретъ написавъ, нынѣ здѣсь сообщаю. Онъ всегда чувствовалъ и скрывать не могъ нетерпѣнія своего, когда кто тихо говорилъ съ кѣмъ-нибудь, для того, что онъ все знать и слышать желалъ. Изъ дома въ домъ переѣзжалъ для того только, чтобъ слышать новости, а услышавъ оныя, давалъ имъ смыслъ собственной своей выдумки, прибавляя къ нимъ важность, которой онѣ никакъ въ себѣ не содержали, и выводилъ изъ оныхъ заключенія, кои одна его заботливая голова или старая сплетница дѣлать можетъ. Безпокоился также очень, когда куда-нибудь товарищей его позовутъ обѣдать или ужинать, а его не пригласятъ. Себя и санъ свой ставилъ онъ очень высоко, отчего часто былъ недоволенъ, думая, что не все ему должное почтеніе воздается, выдумывалъ басни, и потомъ съ важнымъ видомъ и будто по отличной довѣренности, ихъ разсказывалъ за слышанную имъ быль. Самыя бездѣлицы вывѣдывать желалъ такъ охотно, что наконецъ не только остерегъ всѣхъ противъ себя, но пронырливость и мелкости, кои въ его нравѣ такъ видимы были, содѣлывали его не только непріятнымъ, но и возбуждали противъ него отвращеніе.

2.

Отъ самаго дня изданія «Собесѣдника» [1]) примѣчена повсюду великая перемѣна и исправленіе во нравахъ: да какъ тому и быть иначе? Прибавилось въ рукахъ покупающихъ рубли на полтора шутки, проповѣди, нравоученія. Будучи занятъ сею мыслію, вставъ на сихъ дняхъ рано, пошелъ я прохаживаться по улицамъ; вѣтрено было, несло по городу пыль, щепки, известь, перья, мочалки, и между прочимъ упала къ ногамъ, оберпясь нѣсколько разъ около башмаковъ моихъ, печатная бумажка. Я великій охотникъ читать и обыкновенно не пропускаю ни единой вывѣски ни прибитаго листа къ дому о наймѣ или продажѣ, ни мастерового щита, чтобы не прочесть оныхъ; давно бы я всѣ наизусть сказать могъ, буде бы не перемѣняли ежедневно своего пребыванія. Наклонясь, поднялъ я для прочтенія печатную бумажку, которую вѣтеръ повергнулъ къ стопамъ моимъ. При первомъ взглядѣ не вѣрилъ я глазамъ своимъ, когда увидѣлъ, что та бумажка не что иное было, какъ папиліотъ, сдѣланный изъ листа «Собесѣдника»; съ ужасомъ читалъ я точныя слова «Были и небылицы»; прочее передрано и припекательными щипцами сожжено было! Я остолбенѣлъ на улицѣ и, стоя, впалъ въ размышленіе, какъ бы то случиться могло? Въ самое то время мимо меня прошелъ разносчикъ съ лоткомъ апельсиновъ и сушеныхъ французскихъ лакомствъ; взглянувъ на оныя, усмотрѣлъ я паки обвертки печатныя. Любопытство принудило меня, подошедъ къ разносчику, притвориться, будто бы покупать хочу; разглядя поближе, получилъ я полное свѣдѣніе обширнаго употребленія той драгоцѣнной книги, которая издается для исправленія нравовъ, очищенія языка и пользы общества [2]): не только апельсины и сушеные фрукты были листами оной обвернуты, но оные служили имъ еще, сверхъ моха, листа въ три толщины, постилкою! Не утерпя, спросилъ я: «Откуда взялись сіи листы?», и разносчикъ, улыбаясь, сказалъ, что нашелъ онъ ихъ на крыльцѣ, между сору, въ одномъ знатномъ домѣ, куда ходилъ онъ, дня два тому назадъ, для требованія долгу съ барыни, которая ему три года четыре рубли пятьдесятъ копеекъ не платитъ за апельсины; но онъ не могъ ее видѣть иначе, какъ сквозь двери передней, которыя часто

[1]) См. примѣч. на стран. 131-й.

[2]) Тутъ рѣчь идетъ о «Собесѣдникѣ».

растворялъ слуга ея, бѣгая взадъ и впередъ съ горячими щипцами, кои, спѣша пробовать, припекалъ къ печатнымъ тѣмъ листамъ, попеже барыня тогда завивала волосы. Соображая сіе съ летавшимъ по вѣтру папиліотомъ, несомнѣнно почитаю, что оные одному принадлежали хозяину. Я, свѣдавъ сіе, тотчасъ пошелъ домой и, описавъ такое достойное примѣчанія происшествіе, спѣшу отдать оное въ печать, дабы доброе употребленіе книгъ извѣстно быть могло. Я же тѣмъ удовольствіемъ заплаченъ, что изданіе мое прочту въ печатной книгѣ, а тамъ желаю ему счастливаго пути, и да употребитъ его красавица, какъ ей самой угодно.

3.

Дѣдушка зналъ одну дѣвицу, хорошую и разумную, которая была нѣсколько смугла; къ ней приняли мадамъ. Мадамъ умѣла рисовать, пѣть, играть на клавикордахъ; нравомъ была тиха и скромна, паче иныхъ прежде бывшихъ, но сильно притомъ бѣлилась. Мадамъ показывала все, что умѣла, той хорошей дѣвушкѣ; также выучила ее и бѣлиться. Мадамъ отъ бѣлилъ получила чахотку и скончалась; вскорѣ потомъ хорошая дѣвица зачала жаловаться грудью, и какъ она пѣвала много, то думала родня, что она отъ того больна грудью, не велѣла ей пѣть, бѣлиться же не запретила. Мѣсяца съ два спустя, она вышла замужъ и часъ-отъ-часу стала чахнуть больше и умерла прежде года. По всѣмъ признакамъ дѣдушка изволитъ говорить, что ей чахотка приключилась отъ бѣлилъ, ибо зубы почернѣли, глаза стали болѣть, и кожа сморщилась.

Дѣятельность императрицы Екатерины II, связанная съ вопросомъ о воспитаніи, имѣла чрезвычайно важное значеніе. Какъ правительница, она продолжала начатое Петромъ просвѣщеніе Россіи, довершая то, что еще не было сдѣлано великимъ преобразователемъ и его преемниками: «Петръ создалъ въ Россіи людей, Екатерина вложила въ нихъ души», какъ сказалъ Бецкій. Какъ писательница, Екатерина проводила въ сознаніе общества свои просвѣщенныя, гуманныя идеи какъ путемъ положительнымъ, такъ и осмѣяніемъ того, что противорѣчило ея идеаламъ. Наконецъ она оказала большое вліяніе на современную ей нашу литературу: подъ вѣяніемъ распространяемыхъ ею идей, наша литература значительно оживилась и пришла, со своимъ благороднымъ оружіемъ, на помощь императрицѣ въ ея борьбѣ съ темными сторонами современной русской жизни. Изъ такихъ борцовъ-сподвижниковъ Екатерины болѣе другихъ замѣчательны издатели сатирическихъ журналовъ и Фонвизинъ.

САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХИ.

Толчкомъ, послужившимъ къ появленію усиленной сатирической дѣятельности въ Екатерининскую эпоху, былъ «Наказъ» императрицы, давшій поводъ къ осмотру русской жизни съ точки зрѣнія его на-

чалъ. «Наказъ» былъ изданъ въ 1767 году, а съ 1769 г. уже начали появляться одинъ за другимъ сатирическіе журналы, осмѣивавшіе недостатки современнаго общества. Такъ какъ недостатки эти вытекали изъ дурного воспитанія, то понятно, что на это послѣднее болѣе всего и нападали тогдашніе сатирическіе журналы, усиленная дѣятельность которыхъ относится къ годамъ 1769—74. Лучшими сатирическими журналами въ эту пору были «Всякая всячина», издававшаяся адъюнктомъ Академіи Наукъ *Козицкимъ*, и «Трутень» и «Живописецъ», издававшіеся Николаемъ Ивановичемъ *Новиковымъ*, большимъ ревнителемъ отечественнаго просвѣщенія. Вотъ нѣсколько статей изъ этихъ журналовъ.

изъ «всякой всячины» козицкаго.

(1769—70).

Поѣхалъ я однажды ко другу моему и, не нашедъ его дома, вошелъ къ женѣ. Она на тотъ часъ сошла въ дѣтскую. Какъ я въ домѣ очень знакомъ, и я туда же пошелъ и увидѣлъ ее посреди четырехъ дѣтей. Самый маленькій заплакалъ, и, чтобъ его растѣшить, мама заставила его платкомъ бить няню. Сія притворилася, будто плачетъ; а мама приговаривала: хорошенько, батюшка, хорошенько дуру бей; она, видишь, дитяти досадила. Дитя же старалося крѣпко ударить няню; и чѣмъ крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя тому смѣялося. Погодя, другое дитя упало: мать ему велѣла плюнуть на полъ и топтать ногою то мѣсто, гдѣ онъ споткнулся. Я подошелъ къ матери и сказалъ ей на ухо: Степанида Богдановна, боишься ли Бога, что съ одной стороны, дозволяешь мамѣ поваживать сына бить людей и смѣяться волю, да лгать притомъ, будто няня досадила ему; въ самомъ же дѣлѣ его обманываютъ. Какое онъ можетъ получить воображеніе о справедливости? и не искореняетъ ли все сіе въ самой нѣжной молодости въ сынѣ твоемъ милосердія и основаній справедливости, когда, съ другой стороны, ты сама другого сына учишь мщенію и велишь бить и топтать мѣсто, гдѣ онъ зацѣпился? Она мнѣ на то отвѣтствовала: «Ихъ, батька! ты всегда умничаешь; будто то же и съ тобою и со мною не было. Какъ же инако съ ребятами быть?» Я старался ей доказать, что и она и я лучше бы были, если бы съ нами инако обходились, и что намъ весьма трудно было отстать отъ дурныхъ и суровыхъ привычекъ, а еще труднѣе основать свои ежедневные поступки на самой истинѣ. Окончя я сіи слова, услышалъ визгъ собаки. Я оглянулся и увидѣлъ, что третье дитя щиплетъ щенка, а возлѣ него большенькій

пугаетъ канарейку, бивъ рукою по клѣткѣ; птичка же бѣдненькая билася изъ угла въ уголъ. Я вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ матери: ты сдѣлаешь изъ дѣтей тирановъ, если ихъ не повадишь миловать ни людей ни звѣрей; я, право, мужу скажу; и вышелъ вонъ, захлопнувъ дверью. Пришедши домой, я написалъ слѣдующее, дабы барыню отпугать отъ подобнаго воспитанія, показавъ ей слѣдствія, коимъ она по степенямъ дѣтей своихъ подвергаетъ. Суровость есть страсть безчеловѣчная, коя заключаетъ въ себѣ строгость, жестокость для другихъ, немилосердіе, мщеніе, скверное удовольствіе дѣлати зло съ безчувственнымъ сердцемъ или находить веселіе бѣса въ страданіи другого. Сей омерзѣнія достойный порокъ происходитъ отъ привычки, коя производитъ подлость души и трусость; сія—тиранство съ истребленіемъ естественной чувствительности. Привычка видѣти ужасъ мученій и другихъ безчеловѣчныхъ позорищъ, повадка проливати кровь звѣрей, дурные примѣры другихъ производятъ наконецъ жестокосердіе, къ коему поваживаются съ ребячества уже, когда матери и хожатые таковы умны, какъ вышеписанная.

ИЗЪ «ТРУТНЯ» НОВИКОВА.

(1769—70).

I. Рецептъ для Его Превосходительства г. Недоума.

Сей вельможа ежедневную имѣетъ горячку величаться своею породою. Онъ производитъ свое поколѣніе отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего по крайней мѣрѣ за пятьсотъ лѣтъ доказать не могутъ; а которые сдѣлалися дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говорить онъ гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, естьли кто предъ нимъ упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность модная парѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церковь ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, который непремѣнно, думаетъ онъ, съ нимъ случится, встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ. Вотъ для чего сей вельможа, подобясь дикому медвѣдю, сосущему свои лапы, сдѣлалъ домъ свой навсегда лѣтнею и зимнею для себя берлогою; или, лучше сказать, онъ сдѣлалъ домъ свой домомъ бѣшеныхъ, въ которомъ, отдавая себѣ справедливость, добровольно заключился. Затворникъ нашъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что опредѣлила она его тѣмъ же пользоваться воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, которымъ пользуется простой народъ. Онъ желаетъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и

чтобъ простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ, о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которые многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы, а многими были опорочены для того, что изобрѣтатель, для произведенія въ дѣйство своей выдумки, требовалъ напередъ трехсотъ милліоновъ рублей. Вельможа нашъ ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію, всякій шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учася; философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, не стоящія вниманія дворянскаго. Гербовники и патенты, едва-едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть одни книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ. Александрійскіе листы, на которыхъ имена его предковъ расписаны въ кружкахъ, суть одни картины, коими весь домъ его украшенъ; короче сказать, деревья, чрезъ которыя онъ происхожденіе своего рода означаетъ, хотя многія сухія имѣютъ отрасли, но нѣтъ на нихъ такого гнилого сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ такой во всѣхъ фамильныхъ его гербахъ скотины, каковъ Его Превосходительство. Однако г. Недоумъ о себѣ думаетъ противное, и по крайней мѣрѣ въ разумѣ великимъ человѣкомъ, а въ породѣ божкомъ себя почитаетъ; а чтобы и весь свѣтъ тому вѣрилъ, ради того онъ старается не чрезъ полезныя и славныя дѣла отъ другихъ быть отличнымъ, но чрезъ великолѣпные домы, экипажи и ливрею, не смотря, что онъ для поддержанія своей глупости проживаетъ уже тѣ доходы, кои бы еще чрезъ десять лѣтъ проживать надлежало. Для излѣченія г. Недоума отъ горячки

Рецептъ.

Надлежитъ больному довольную мѣру здраваго привить разсудка и человѣколюбія, что истребитъ изъ него пустую кичливость и высокомѣрное презрѣніе къ другимъ людямъ: ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество, но она всегда будетъ обезчещена, когда не подкрѣпится достоинствомъ и знатными къ отечеству заслугами. Мнится, что похвальнѣе бѣднымъ быть дворяниномъ или мѣщаниномъ и полезнымъ государству членомъ, нежели знатной породы тунеядцемъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, экипажамъ и ливреѣ.

2. Смѣющійся Демокритъ.

Ба! это тотъ въ изорванномъ идетъ лохмотьѣ скупяга, который во весь свой вѣкъ собираетъ деньги и расточаетъ совѣсть; умираетъ съ голоду и холоду; который подчиненныхъ ему слугъ пріі-

учаетъ ѣсть для жизни: то-есть, сколько потребно для удержанія души въ тѣлѣ; который беззаконнымъ лихоимствомъ вездѣ прославился; который наложилъ на себя и на прочую дворовую его скотину постъ во весь годъ; который зимою поднажды въ недѣлю топитъ печь въ своей лачугѣ; который радъ продать самого себя за гривну, и который накопилъ сорокъ тысячъ рублей на то только, чтобы по смерти своей оставить ихъ глупому племяннику, тому семнадцатилѣтнему сквернавцу, который скупостію и безсовѣстнымъ лихоимствомъ превзошелъ шестидесятилѣтняго своего дядю, который самъ у себя крадетъ деньги и беретъ съ самого себя за ту кражу штрафъ, и который во весь свой вѣкъ не хочетъ жениться для того только, чтобы на содержаніе жены и дѣтей не тратить излишняго дохода. О! они достойны, чтобы надъ ними посмѣяться. Ха! ха! ха!

Кажется, что я вижу ему противоположника. Конечно, это *Мотъ*? Такъ, онъ и есть. О! этотъ молодецъ не имѣетъ пороковъ своего батюшки, но вмѣсто того зараженъ другими, не лучше тѣхъ. Батюшка его беззаконно собиралъ деньги; а сей безумно ихъ расточаетъ. Скупой его родитель съѣдалъ то въ мѣсяцъ, чтобы надлежало въ одинъ день скушать: напротивъ того, *Мотъ* то въ день съѣдаетъ, что бы въ годъ ему съѣсть надлежало; тотъ хаживалъ пѣшкомъ для того только, чтобъ не тратить денегъ на кормъ лошади; а сей держитъ шесть каретъ и шесть цуговъ лошадей, опричь верховыхъ и санныхъ, для того, чтобы не наскучило въ одномъ ѣздить экипажѣ. Тотъ двадцать лѣтъ таскалъ одинъ кафтанишко, а *Мотъ* и въ одинъ годъ двадцати паръ кажется мало. Короче сказать, отецъ всякими непозволенными средствами, лихоимствомъ, обидою ближнихъ и разореніемъ безпомощныхъ, собралъ себѣ великія сокровища; а *Мотъ*, разоряя самого себя, другихъ надѣляетъ. Оба они дураки, и обоимъ имъ посмѣюся. Ха! ха! ха! ха!

Вотъ еще кавалеръ, достойный смѣха. Это *Надменъ*. Онъ имѣетъ знатный чинъ, великій достатокъ и малый умъ; ему велѣно дѣлать людей блаженными, поелику можно, но онъ и послѣднее спокойство у нихъ отнимаетъ. *Надменъ* не говоритъ ни съ кѣмъ ласково затѣмъ, что не хочетъ себя до того унизить. Милостей никому не дѣлаетъ, но иногда обѣщаетъ. Онъ хочетъ, чтобы всѣ его искали покровительства: но подъ оное никого почти не принимаетъ; а ежели бы и вздумалось ему сію милость кому сдѣлать, такъ тотъ ничего бы не выигралъ: ибо *Надменъ* кого больше любитъ, того больше и наказываетъ. Въ заключеніе, *Надменъ* всѣхъ глупяе; а думаетъ, что всѣ его глупяе. Какъ надъ нимъ не посмѣяться! Ха! ха! ха!

Это кто такъ прытко скачетъ? ба! *Плохъ*. Онъ спѣшитъ пока-

вать свою глупость въ какомъ ни-на-есть знатномъ домѣ. *Плохъ* тщеславится тѣмъ, что имѣетъ входъ къ знатнымъ господамъ, таскается къ нимъ сколько возможно чаще, и дѣлаетъ въ угодность ихъ разныя дурачества, думая оказать другимъ свое у нихъ могущество. Вмѣшивается въ ихъ разговоры и, ничего не зная, думаетъ оказать себя разумнымъ; онъ читаетъ книги, но ничего не понимаетъ; ходитъ въ театръ, критикуетъ актеровъ и, по наслышкѣ затвердя, споритъ: этотъ актеръ хорошъ, а этотъ худъ. Знатнымъ господамъ разсказываетъ разныя небылицы и старается говорить острыя слова, но всегда некстати: словомъ, *Плохъ* старается себя увѣрить, что поступки его разумны; однакожъ всѣ думаютъ, что они глупы. Ха! ха! ха!

Ханжа выступаетъ смиренно изъ церкви, раздаетъ по полушечкѣ бѣднымъ, его окружающимъ, и считаетъ оныя по четкамъ. Идучи, читаетъ молитвы; отъ женщинъ свой взоръ отвращаетъ, оберегая свои очи: ибо онъ говоритъ, что бы конечно оба ихъ исткнулъ, ежели бы они его соблазнили. *Ханжа* грѣшитъ поминутно, но показываетъ себя праведникомъ, идущимъ по пути, устланному терніемъ. Притворныя молитвы, набожность и посты не мѣшаютъ ему разорять и утѣснять сколько возможно подобныхъ себѣ. *Ханжа* грабилъ тысячами, а раздаетъ полушками. Такою наружностію онъ многихъ обманываетъ. Молодымъ людямъ ежечасно толкуетъ девять блаженствъ, но самъ въ шестьдесятъ лѣтъ своей жизни ниоднажды никотораго не успѣлъ сдѣлать. *Ханжа* ходитъ всегда смиренно и не возводитъ никогда своихъ глазъ на небо, затѣмъ, что не надѣется обмануть тамъ живущихъ: но, смотря въ землю, обманываетъ ея обитателей. Ха! ха! ха!

Я вижу двухъ человѣкъ: одинъ другого увѣряетъ въ своей дружбѣ и обманываетъ; а другой притворяется, будто тому вѣритъ и будто онъ не знаетъ, какъ тотъ его поноситъ. Оба обманываютъ и оба обманываются. Ха! ха! ха!

Вотъ *г. Кривотолкъ*: онъ торопится сдѣлать досаду одному бумагомарателю, перетолковавъ написанное имъ въ худо безъ малѣйшаго основанія. По несчастію, онъ въ силахъ сіе исполнить, но я сему дурачеству посмѣюся. Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

изъ «живописца» новикова.

(1772.)

Письма къ Θалалею.

Сыну моему Θалалею.

Такъ-то ты почитаешь отца твоего, заслужешнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому ли я тебя, проклятаго, училъ и того

ли отъ тебя надѣялся, чтобы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ, окаянному, въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать. Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханное ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ? меня Богъ и государь тѣмъ пожаловали; я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты это позабылъ! Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки: вѣдь не далеко великій постъ, попоститься мнѣ не мудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать.—Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ я бы далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее не послушалъ, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впередъ берегись: вѣдь ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ и не жди никакой пощады; я не Сидоровнѣ [1]) чета: у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы только мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, это бы свое дѣло; а то вѣдь ты знаешь, что нынѣче время военное [2]); неравно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копейку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не плошись; уберись-ка въ сторонку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай домой: ѣшь досыта, спи сколько хочешь, а дѣла за тобой никакого не будетъ. Чего тебѣ лучше этого? За честью, свѣтъ, не угоняешься: честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты зато поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частенько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышатъ: у кого руки перестрѣлены, у кого ноги, а иного голова: такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка не убогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка: у нея ни синій порохъ даромъ не пропадетъ; такую-то, сынокъ, я тебѣ не-

[1]) Мать Өалалея.

[2]) Первая турецкая война.

вѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой: тебѣ будетъ чѣмъ жить и опричь невѣстина приданаго; я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣдь это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумна: то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всѣмъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай! Да полно! что тебя учить: ты вѣдь уже не малый ребенокъ, пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригодиѣе. Да и дядя твой Ермолай чуть не то же ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ бывало ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ смолоду! бывало животики надорвемъ со смѣха. Молись, другъ мой, Богу! ума у тебя довольно: можно вѣкъ прожить. Не испугайся, Ѳалалеюшка: у насъ не здорово: мать твоя Акулина Сидоровна лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ соборовалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту божьяго не взвидѣла: такъ и повалилась! А послѣ, какъ опомнилась, то пошла это дѣло разыскивать; и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да къ тому же выпила студеной воды цѣлый жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! Я того и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать что, Ѳалалеюшка, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою. Тебѣ, другъ мой, все-таки легче моего: Налеткины щенята, славу Богу, живы; авось-таки, который-нибудь удастся по матери; а мнѣ ужъ этакой жены не нажить. Охти мнѣ, пропала моя головушка! Гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокрушн ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка. Тошно, Ѳалалеюшка, съ женою разставаться: я было ужъ къ ней привыкъ; тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ: какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну, да какъ безъ этого? живучи столько вмѣстѣ и горшокъ съ горшкомъ столкнется; какъ безъ того! я крутъ больно, а она неуступчива;

такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынокъ, какъ жить съ женою; мы хоть и дирались съ нею, да все-таки живемъ вмѣстѣ; и мнѣ ее теперь, право, жаль. Худо, другъ мой; и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

Свѣтъ мой Ѳалалей Трифоновичъ!

Что ты это, другъ мой сердечный, накудесилъ? пропала бы твоя головушка; вѣдь ты уже не теперь знаешь Панкратьевича: какъ ты себя не бережешь? ну кабы ты, бѣдненькой, попался ему въ руки: такъ вѣдь бы онъ тебя изуродовалъ пуще Божьяго милосердія. Нечего, Ѳалалеюшка: норовокъ-атъ у него, прости Господи, чертовской; ужъ я ли ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралеситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты, батька мой, что это сдѣлалъ! отдай письмо его напечатать! вѣдь ему всѣ сосѣди смѣются: экой де у тебя сынокъ, что и надъ отцомъ ругается. Да полно вѣдь, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешь; мало ли что лихіе люди говорятъ: Богъ съ ними, у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо: наши лучше всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Побереги ты, мой батько, самъ себя, не разсерди отца-то еще: съ нимъ и чертъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хоть солги что-нибудь: вѣдь это не какой грѣхъ, не чужого будешь обманывать, своего родного; и всѣ дѣти не праведники: какъ передъ отцомъ не солгать. Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему по неволѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечной, здоровье, а я лежу на смертной постелѣ; не умори ты меня безвременно: пріѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя насмотрѣться въ послѣдній разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ; нечего, очень худо; обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вѣдь у меня одинъ одинехонекъ, какъ синій порохъ въ глазѣ; какъ мнѣ тебя не любить? кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живою: я тебя благословлю твоимъ ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои деньжонки, которыя украдкою отъ Панкратьевича накопила: вѣдь для тебя же, мой свѣтъ; отецъ-атъ тебѣ не сколько даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское: какъ не полакомиться, какъ не повеселиться? твои, другъ

мой, такія еще лѣта, чтобъ забавляться: мы и сами смолоду таковы же были. Веселись, мой батюшка, веселись: придетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Послала я къ тебѣ, Ѳалалеюшка, сто рублей денегъ, только ты объ нихъ къ отцу ничего не пиши: я это сдѣлала украдкою: кабы онъ свѣдалъ про это, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-то всегда таковы: только что брюзжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское: послѣднюю копейку изъ-за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой, Ѳалалей Трифоновичъ, дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою разставаться будетъ? на кого я тебя покину? Погубитъ онъ, супостатъ, мою головушку! Этотъ старый хрычъ когда-нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, тебя, какъ можно береги: плетью обуха не перебьешь; что ты съ этакимъ чертомъ, прости Господи, сдѣлаешь! Пріѣзжай, мой батька, къ намъ въ деревню, какъ-таки можно, пріѣзжай: дай мнѣ на тебя насмотрѣться; сердце мое послышало, что приходитъ мой конецъ. Прости, мой батюшка, прости, свѣтъ мой: благословеніе тебѣ посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайшій, мой свѣтъ, поклонъ приношу. Прости, голубчикъ мой: не позабудь меня.

Любезному племяшику моему Ѳалалею Трифоновичу отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкій поклонъ и великое челобитье: и желаю тебѣ многолѣтнаго здравія и всякаго благополучія.

Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпускъ сего письма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; тако жъ и отецъ твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же; только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: что подымешь, то и есть, а сама ни на волосъ не ворохнется. Вчерась отнялись у нея и руки и ноги, а теперь чай уже и не говоритъ; и при мнѣ-то такъ ужъ черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ ангеломъ, да Фарсульской [1]) Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племяшикъ, мать-то твоя и передъ смертью не тороватѣя стала! Оставила на помнѣ душѣ такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-то и своихъ есть сотня мѣста, да не этакихъ: какъ жаръ вызолочены; а эта, братъ, Неопалима подлинно что не опалитъ, и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спасибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣ-

[1]) Корсунской.

далась и масломъ особоровалась; хоть и умретъ, такъ ужъ по-христіански. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Ѳалалеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: эй, Сидоровна, исповѣдайся; вѣдь уже ты въ гробъ глядишь; такъ нѣтъ-ста, насилу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужъ зато въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать, что у нея многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили, правда, и ворожей: нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли. А послѣ исповѣди привели было еще одного, да ужъ и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Аще ежели ему угодно будетъ прекратить дни ея, то пріѣзжай погребсти ее. Да и кромѣ того намъ до тебя есть дѣло. Ну, Ѳалалеюшка! вѣдь матушка твоя скончалась: поминай какъ звали. Я только теперь получилъ объ этомъ извѣстіе: отецъ твой, сказываютъ, воетъ, какъ корова. У насъ такое повѣрье: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее, какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ, будто по любимой лошади. Пріѣзжай, другъ мой, Ѳалалеюшка, пріѣзжай Бога ради поскорѣе, хоть ненадолго, а буде можно, такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе петербургскаго. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, на прикладъ въ экономическіе казначеи или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда-нибудь къ подрядными, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удавалось побыть, такъ всѣ, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ проносъ сказать о нашемъ Авдулѣ Еремѣевичѣ: хотя онъ не долго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ замужъ. За одной, я слышалъ, чистыми денежками три тысячи далъ, да деревню тысячъ въ пять. А не совсѣмъ-таки разорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да его не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ эту пору... Не житье имъ, масленица. Я бы-ста и самъ не побрезговалъ пойти въ этакіе управители. Перепало бы кое-что и мнѣ въ карманъ: кресты да перстни—все тѣ же деньги, только умѣй кошцы хорошить. Я и понынѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? Кто передъ царемъ не виноватъ? не нами свѣтъ начался,

не нами и окончается. Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. Лишь только подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Неужто всѣхъ станутъ вѣшать? въ чемъ кто попадется, тотъ тѣмъ и спасется. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Я и самъ попался было одиножды подъ судъ; однако дѣло-то пошло иною дорогою, и я очистился, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Но кабы ты самъ сюда пріѣхалъ, такъ бы мы обо всемъ поговорили лучше на словахъ; а писать-то страховато: неравно кому попадется въ руки, такъ напляшешься досыта. При семъ во ожиданіи тебя остаюсь дядя твой

Ермолай***

ДЕНИСЪ ИВАНОВИЧЪ ФОНВИЗИНЪ.

(1744—1792)

Біографическія свѣдѣнія о Фонвизинѣ.

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ родился въ 1744 году. О нѣкоторыхъ подробностяхъ своей жизни Фонвизинъ самъ разсказалъ въ своей автобіографіи, которую онъ, впрочемъ, не успѣлъ докончить. Эта автобіографія Фонвизина извѣстна подъ именемъ: «*Чистосердечнаго признанія въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ*».

Родъ Фонвизиныхъ не коренной русскій, хотя и совершенно обрусѣвшій въ нашей странѣ. Предки ихъ владѣли въ нѣмецкихъ земляхъ разными городами и въ XVI столѣтіи были рыцарями ордена Меченосцевъ. Въ царствованіе Іоанна Грознаго, во время войны съ Ливоніей, баронъ Петръ фонъ-Визинъ былъ взятъ въ плѣнъ, поселился въ Россіи, и внукъ его принялъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, православіе. Отецъ Дениса Ивановича былъ уже вполнѣ русскимъ человѣкомъ. Вотъ что разсказываетъ о немъ Фонвизинъ въ своемъ «Чистосердечномъ признаніи»:

«Отецъ мой — говоритъ Денисъ Ивановичъ — былъ человѣкъ большого здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученіемъ... Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и истинный христіанинъ, любилъ правду и такъ не терпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгать при немъ не устыжался».

О первоначальномъ своемъ образованіи Фонвизинъ разсказываетъ слѣдующее:

«Родители мои были люди набожные; но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно

какъ на первой и послѣдней недѣляхъ Великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро я выучился читать, такъ отецъ мой у крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бывало, когда я стану читать бѣгло: «Перестань молоть», кричалъ онъ мнѣ: «или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье». Сего не довольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ ученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ [1]), какъ скоро онъ учрежденъ сталъ».

Хотя состояніе университетскаго благороднаго пансіона въ первые годы его существованія было неудовлетворительное,—все-таки же Фонвизинъ положилъ въ немъ основаніе своимъ первымъ знаніямъ, выучился нѣмецкому языку, а главное—развилъ въ себѣ вкусъ и любовь къ словесности. Въ 1759 г. Фонвизинъ поступилъ въ число студентовъ Московскаго университета и началъ заниматься переводами на русскій языкъ иностранныхъ писателей и нѣкоторые изъ этихъ переводовъ помѣщалъ въ современныхъ журналахъ. Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса Фонвизинъ былъ опредѣленъ переводчикомъ въ Иностранную Коллегію, и всю жизнь свою прослужилъ по дипломатической части. Однако служебныя обязанности не мѣшали ему продолжать свои занятія литературою, и въ 1764 г. появилась его первая оригинальная комедія—«*Бригадиръ*», доставившая громкую извѣстность автору, который не только имѣлъ талантъ писателя, но и отличался умѣньемъ художественно читать. Дворъ и аристократическіе дома наперерывъ приглашали къ себѣ Фонвизина, желая насладиться его мастерскимъ чтеніемъ. Но слава Фонвизина возросла еще болѣе съ появленіемъ въ 1782 г. его другой знаменитой комедіи—«*Недоросль*». Эти двѣ комедіи—«Бригадиръ» и «Недоросль» — самыя важныя произведенія Фонвизина: на нихъ-то и основывается его значеніе въ нашей литературѣ.

Еще до появленія «Недоросля» Фонвизинъ успѣлъ побывать за границей и между прочимъ во Франціи. Изъ Франціи онъ писалъ

---

[1]) Собственно въ университетскій благородный пансіонъ, открытый въ Москвѣ въ 1755 году.

письма къ графу Петру Ивановичу Панину о состояніи французскаго общества. Письма эти важны главнымъ образомъ, какъ матеріалъ для характеристики личности самого Фонвизина и его недружелюбнаго отношенія ко всему французскому. Умеръ Фонвизинъ 1792 г. (1-го декабря).

Сочиненія Фонвизина.

Комедіи: «Недоросль» и «Бригадиръ».

Важнѣйшія сочиненія Фонвизина—двѣ его комедіи: «*Недоросль*» (1782 г.) и «*Бригадиръ*» (1764 г.). Онѣ находятся въ самой тѣсной связи съ дѣятельностью императрицы Екатерины по вопросу о воспитаніи, которое и служитъ темою обѣихъ комедій Фонвизина.

Комедія «**Недоросль**», въ художественномъ отношеніи, признается выше «Бригадира». Въ этой комедіи мастерски изображаются невѣжественные родители и то дурное воспитаніе, которое они даютъ своему сыну Митрофану.

НЕДОРОСЛЬ [1]).

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

Простаковъ.
Г-жа Простакова, жена его.
Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль.
Еремѣевна, мама Митрофанова.
Правдинъ.
Стародумъ.
Софья, племянница Стародума.
Милонъ.
Скотининъ, братъ г-жи Простаковой.
Кутейкинъ, семинаристъ.
Цыфиркинъ, отставной сержантъ.
Вральманъ, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинеръ Стародума.

Дѣйствіе въ деревнѣ Простаковыхъ.

---

[1]) Недоросль—не достигшій совершеннолѣтія. Первые указы о «недорослихъ» относятся ко времени Петра I: дворянскимъ дѣтямъ было повелѣно явиться на службу немедленно; въ случаѣ неповиновенія, ихъ высылало мѣстное начальство; не получившіе свидѣтельства въ томъ, что обучались наукамъ, не имѣли права жениться. Въ послѣдующія царствованія эти указы не разъ подтверждались; въ царствованіе Елисаветы (въ 1742 и 1747 г.) недорослямъ приказано было два раза являться на смотръ въ столицы: въ первый разъ семи лѣтъ, во второй—двѣнадцати. По осмотрѣ распредѣляли ихъ въ школы; появившихся предписано отдавать въ солдаты и матросы. Укрыватели недорослей подвергались наказанію. Но старая привычка, противъ которой ратовалъ Петръ I, долго сохранялась въ русскомъ дворянствѣ: родители неохотно разставались съ своими дѣтьми, отдаляя по возможности срокъ поступленія ихъ на службу (Полн. собр. сочин. Фонвизина, изд. подъ редакціей Ефремова).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе I.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтанъ на Митрофанѣ).* Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку *(Еремѣевна отходитъ).* Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой! я чаю, тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца *(Митрофанъ отходитъ).*

Явленіе II.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-жа Простакова *(Тришкѣ).* А ты, скотъ, подойди поближе.— Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ: чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько. Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова. Еще онъ же и споритъ! Портной учился у другого, другой у третьяго; да первоетъ портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первоетъ портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ *(вбѣгаетъ).* Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова. Такъ поди же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ. Да вотъ и батюшка.

Явленіе III.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ. сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанецъ? Тришка сшилъ изволилъ.

Простаковъ *(отъ робости запинаясь).* Мѣ... мѣшковатъ немного

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь: не смыслитъ самъ разобрать, что̀ широко, что́ узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ, и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

Явленіе IV.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Кого? за что? Въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтрева, а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что жъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова. Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, пойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣтъ.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-жа Простакова *(Тришкѣ)*. Выйди вонъ, скотъ *(Еремѣевнѣ)*. Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители придутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! Изволь смотрѣть.

Еремѣевна. Да во здравіе, матушка. Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія! Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что? солонины ломтика три, да подовыхъ [1]). не помню—пять, не помню—шесть.

Еремѣевна. Ночью то-и-дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю така дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Какъ же это?

Митрофанъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ *(въ сторону)*. Ну, бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ *(разнѣжась)*. Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова *(съ досадою)*. Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ—одно мое утѣшеніе.

Скотининъ. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ. По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, отъ радости, самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось-либо...

Г-жа Простакова. Такъ авось-либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка *(Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ)*.

Явленіе V.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ. Что жъ я не вижу моей невѣсты? Гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ.

Г-жа Простакова. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ей доклады-

[1]) Подовой—приготовленный на поду. Подъ—нижняя площадка внутри печей.

ваемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ *(Скотинину)*. Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ...

Г-жа Простакова *(показываетъ будто креститъ сердце)*. Съ нами сила крестная!

Простаковъ. Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее въ нашу деревеньку и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня такъ разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ. Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Скотининъ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ: а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ,—такъ и концы въ воду [1]).

Простаковъ. То правда, братецъ: весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Простакова. Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка; а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали: ничего ужъ содрать не можемъ. Такая бѣда!

Скотининъ. Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь же ните меня на Софьюшкѣ.

Г-жа Простакова. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

---

[1]) Жалкое положеніе крестьянъ того времени подтверждается многими свидѣтельствами. Между прочимъ въ «Наказѣ» въ одномъ мѣстѣ сказано: «ново заведенный способъ отъ дворянъ сбирати свои доходы въ Россіи уменьшаетъ народъ и земледѣліе; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже по пяти рублей, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги. Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ законъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы».

Скотининъ. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Простаковъ. Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Скотининъ. И не деревеньки, а то, что въ деревенькахъ-то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего, братецъ?

Скотининъ. Люблю свиней, сестрица: а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, котора, ставъ на задни ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою.

Простаковъ. Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ! Митрофанушка нашъ весь въ дядю — и онъ до свиней сызмала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ бывало, увидя свинку, задрожитъ отъ радости.

Скотининъ. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братецъ. Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое-нибудь сходство: да отчего же я къ свиньямъ такъ сильно пристрастился?

Простаковъ. И тутъ есть какое-нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

Явленіе VI.

Тѣ же и Софья.

(Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселый видъ).

Г-жа Простакова *(Софьѣ)*. Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю, какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ.—Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Г-жа Простакова *(испугавшись, съ злобою)*. Какъ! Стародумъ. твой дядюшка, живъ? И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядный вымыселъ!

Софья. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа Простакова. Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка де человѣкъ умный, онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись; дядюшка твой, конечно, не воскресалъ.

Скотининъ. Сестра! ну да коли не умиралъ?

Простаковъ. Избави Боже, коли онъ не умиралъ.

Г-жа Простакова *(къ мужу)*. Какъ не умиралъ? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ заупокой поминали? Неужто-таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили? *(Къ Софьѣ)*. Письмецо-то мнѣ пожалуй *(почти вырываетъ)*. Я объ закладъ бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь, отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться [1]) и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма? Я доберусь. Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья. Прочтите его сами, сударыня: вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня! я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому. *(Къ мужу)*. Читай.

Простаковъ *(долго смотря)*. Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти, потрудись.

Скотининъ. Я! Я отъ роду ничего не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа Простакова. О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро придетъ: ему велю...

Скотининъ. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка братецъ! ужъ года четыре какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: тронъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячокъ отъ Покрова—Кутейкинъ. Ариѳметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ—Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ—Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно—лошадь; за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Ѳомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ: онъ ребешка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще

[1]) Галлицизмъ (c'est de l'officier qui a cherché à t'épouser).

въ недорослѣхъ, пота его и понѣжить; а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастье на роду написано, братецъ! Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотри-тка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! да вотъ пожаловалъ кстати дорогой нашъ постоялецъ.

Явленіе VII.

Тѣ же и Правдинъ.

Г-жа Простакова. Братецъ, другъ мой, рекомендую вамъ дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдинъ. Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство [1]).

Скотининъ. Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? Я не дослышалъ.

Правдинъ. Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Скотининъ. Какой уроженецъ, государь мой? гдѣ деревеньки?

Правдинъ. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Скотининъ. А смѣю спросить, государь мой, имени и отечества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. *(Къ Правдину).* Вотъ, батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ; къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ вслухъ.

Правдинъ. Извините меня, сударыня, я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Софья. Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Правдинъ. Если вы приказываете *(читаетъ)*.

«Любезная племянница! Дѣла мои принудили меня жить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ моими ближними, а дальность лишила меня удовольствія имѣть о васъ извѣстія. Я теперь въ Москвѣ, прожившъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. Я могу служить примѣромъ, что «трудами и честностію состояніе свое сдѣлать можно [2]). Сими сред

[1]) Галлицизмъ (je suis charmé или: je suis bien aise d'avoir fait votre connaissance).

[2]) Галлицизмъ (faire sa fortune).

ствами, съ помощію счастія, нажилъ я десять тысячъ рублей дохоДу»...

Скотининъ и оба Простаковы. Десять тысячъ!

Правдинъ *(читаетъ)*. «Которымъ тебя, моя любезная племянница. тебя дѣлаю наслѣдницею»...

Г-жа Простакова. Тебя наслѣдницею! }
Простаковъ. Софью наслѣдницею! } *Вмѣстѣ.*
Скотининъ. Ее наслѣдницею! }

Г-жа Простакова *(бросясь обнимать Софью)*. Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я внѣ себя съ радости!—Теперь тебѣ надобенъ жешихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его храшитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Скотининъ *(протянувъ руку)*. Ну. сестрица! скорѣй же по рукамъ.

Г-жа Простакова *(тихо Скотинину)*. Постой, братецъ. Сперва надобно спросить ее, хочетъ ли она за тебя выйти.

Скотининъ. Какъ! Что за вопросъ! Неушто ты сей докладываться станешь?

Правдинъ. Позволите ли письмо дочитать?

Скотининъ. А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Г-жа Простакова *(къ Софьѣ)*. Софьюшка. душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобою поговорить. *(Увела Софью)*.

Скотининъ. Ба! такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть ли.

Явленіе VIII.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, слуга.

Слуга *(къ Простакову, запыхавшись)*. Баринъ! баринъ! солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ. Какая бѣда! Ну! разорятъ насъ до конца!

Правдинъ. Чего вы испугались?

Простаковъ. Ахъ ты, отецъ родной! мы ужъ видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Правдинъ. Не бойтесь. Ихъ, конечно, ведетъ офицеръ, который не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно. *(Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ)*.

Скотининъ. Всѣ меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный дворъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе I.

Правдинъ, Милонъ.

Милонъ. Какъ я радъ, мой любезный другъ, что нечаянно увидѣлся съ тобою! Скажи, какимъ случаемъ...

Правдинъ. Какъ другъ, открою тебѣ причину моего здѣсь пребыванія. Я опредѣленъ членомъ въ здѣшнемъ намѣстничествѣ. Имѣю повелѣніе объѣхать здѣшній округъ; а притомъ изъ собственнаго подвига сердца моего не оставляю замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно. Ты знаешь образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды высшей власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ «Учрежденіи», тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно [1]). Я живу здѣсь уже три дня. Нашелъ помѣщика дурака безсчетнаго, а жену презлую фурію, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго ихъ дома [2]). Ты что задумался, мой другъ? Скажи мнѣ: долго ль здѣсь останешься?

Милонъ. Чрезъ нѣсколько часовъ иду отсюда.

Правдинъ. Что такъ скоро? Отдохни.

Милонъ. Не могу. Мнѣ велѣно и солдатъ вести безъ замедленія... да сверхъ того я самъ горю нетерпѣніемъ быть въ Москвѣ.

Правдинъ. Что причиною?

Милонъ. Открою тебѣ тайну сердца моего, любезный другъ. Я влюбленъ и имѣю счастіе быть любимъ. Больше полугода, какъ

---

[1]) Въ «Учрежденіи для управленія губерній», 1755 г., сказано: «Намѣстникъ не есть судья, но оберегатель изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ... Онъ умѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишество, мотовство, жестокость и тиранство». Какъ представитель намѣстника. Правдинъ, въ концѣ комедіи, отбираетъ въ опеку имѣнье Простакова «за безчеловѣчіе жены его» (Прим. къ изд. подъ ред. Ефремова).

[2]) Галлицизмъ (faire le malheur).

я въ разлукѣ съ тою, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и что еще горестнѣе, ничего не слыхалъ я о ней во все это время. Часто, приписывая молчаніе ея холодности, терзался я горестью; но вдругъ получилъ извѣстіе, которое меня поразило. Пишутъ ко мнѣ, что, по смерти ея матери, какая-то дальняя родня увезла ее въ свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Можетъ быть, она теперь въ рукахъ какихъ-нибудь корыстолюбцевъ, которые, пользуясь сиротствомъ ея, содержатъ ее въ тиранствѣ. Отъ одной этой мысли я внѣ себя.

Правдинъ. Подобное безчеловѣчіе вижу и въ здѣшнемъ домѣ. Ласкаюсь однако положить скоро границы злобѣ жены и глупости мужа. Я увѣдомилъ уже обо всемъ нашего начальника и не сомнѣваюсь, что унять ихъ возьмутся мѣры [1]).

Милонъ. Счастливъ ты, мой другъ, будучи въ состояніи облегчать судьбу несчастныхъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать въ горестномъ моемъ положеніи!

Правдинъ. Позволь мнѣ спросить объ ея имени.

Милонъ (*въ восторгѣ*). А! вотъ она сама.

Явленіе II.

Тѣ же и Софья.

Софья. Милонъ! тебя ли я вижу?

Правдинъ. Какое счастіе!

Милонъ. Вотъ та, которая владѣетъ моимъ сердцемъ. Любезная Софья, скажи мнѣ, какимъ случаемъ здѣсь нахожу тебя.

Софья. Сколько горестей терпѣла я со дня нашей разлуки! Безсовѣстные мои свойственники...

Правдинъ. Мой другъ! не спрашивай о томъ, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь отъ меня, какія грубости...

Милонъ. Недостойные люди!

Софья. Сегодня однакожъ въ первый разъ здѣшняя хозяйка перемѣнила со мною свой поступокъ. Услыша, что дядюшка мой дѣлаетъ меня наслѣдницею, вдругъ изъ грубой и бранчивой сдѣлалась ласковою до самой низкости, и я по всѣмъ ея обиняkамъ [2]) вижу, что прочитъ меня въ невѣсты своему сыну.

---

[1]) Въ «Наказѣ» читаемъ: «Петръ Первый узаконилъ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ; по первой статьѣ сего указа чинится исполненіе; а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася—неизвѣстно». (Прим. къ изд. подъ ред. Ефремова).

[2]) Обиняки—умышленная неясность рѣчи. Говорить обиняками, значитъ говорить неясно, дѣлать лишь намеки.

Милонъ *(съ нетерпѣніемъ)*. И ты не изъявила ей тотъ же часъ совершеннаго презрѣнія?...

Софья. Нѣтъ...

Милонъ. И не сказала ей, что ты имѣешь сердечныя обязательства, что...

Софья. Нѣтъ.

Милонъ. А! теперь вижу мою погибель. Соперникъ мой счастливъ. Я не отрицаю въ немъ всѣхъ достоинствъ: онъ можетъ быть, разуменъ, просвѣщенъ, любезенъ; но чтобъ могъ со мною сравниться въ моей къ тебѣ любви, чтобъ...

Софья *(усмѣхаясь)*. Боже мой! Если бъ ты его увидѣлъ, ревность твоя довела бъ тебя до крайности!

Милонъ *(съ негодованіемъ)*. Я воображаю всѣ его достоинства.

Софья. Всѣхъ и вообразить не можешь. Онъ хотя и шестнадцати лѣтъ, а достигъ уже до послѣдней степени своего совершенства, и далѣ не пойдетъ.

Правдинъ. Какъ далѣ не пойдетъ, сударыня? Онъ доучиваетъ часословъ; а тамъ, думать надобно, примутся и за псалтырь.

Милонъ. Какъ? Таковъ-то мой соперникъ! А! любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, какъ легко страстный человѣкъ огорчается и малѣйшимъ подозрѣніемъ. Скажи жъ мнѣ: что ты ей отвѣчала? *(Здѣсь Скотининъ идетъ по театру задумавшись, и никто его не видитъ)*.

Софья. Я сказала, что судьба моя зависитъ отъ воли дядюшкиной, что онъ самъ сюда пріѣхать обѣщалъ въ письмѣ своемъ, котораго *(къ Правдину)* не позволилъ вамъ дочитать господинъ Скотининъ.

Милонъ. Скотининъ!

Скотининъ. Я.

Явленіе III.

Тѣ же и Скотининъ.

Правдинъ. Какъ вы подкрались, господинъ Скотининъ! Этого бы я отъ васъ и не чаялъ.

Скотининъ. Я проходилъ мимо васъ. Услышалъ, что меня кличутъ, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнетъ — Скотининъ! а я ему: я! Что вы, братцы, и за правду? Я самъ служивалъ въ гвардіи и отставленъ капраломъ. Бывало на съѣзжей въ

перекличкѣ какъ закричатъ: Тарасъ Скотининъ! а я вовсе горло: я!

Правдинъ. Мы васъ теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотининъ. Я никуда не шелъ, а брожу задумавшись. У меня такой обычай, какъ что заберу въ голову, то изъ нея гвоздемъ не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло въ умъ, тутъ и засѣло. О томъ вся и дума, то только и вижу во снѣ, какъ наяву, а наяву, какъ во снѣ.

Правдинъ. Что жъ бы васъ такъ теперь занимало?

Скотининъ. Охъ, братецъ, другъ ты мой сердечный! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро-наскоро изъ моей деревни въ свою, а коли такъ же проворно вывезетъ меня изъ своей деревни въ мою, то могу предъ цѣлымъ свѣтомъ по чистой совѣсти сказать: ѣздилъ я ни по-што, привезъ ничего.

Правдинъ. Какая жалость, господинъ Скотининъ! Сестрица ваша играетъ вами, какъ мячикомъ.

Скотининъ *(озлобясь)*. Какъ мячикомъ? Оборони Богъ! Да я и самъ зашвырну ее такъ, что цѣлой деревней въ недѣлю не отыщутъ.

Софья. Ахъ, какъ вы разсердились!

Милонъ. Что съ вами сдѣлалось?

Скотининъ. Самъ ты, умный человѣкъ, поразсуди. Привезла меня сестрица сюда жениться. Теперь же сама подъѣхала съ отводомъ: «Что де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы де у тебя, братецъ, хорошая свинья».—Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешь.

Правдинъ. Мнѣ самому кажется, господинъ Скотининъ, что сестрица ваша помышляетъ о свадьбѣ, только не о вашей.

Скотининъ. Эка притча! Я другому не помѣха. Всякій женись на своей невѣстѣ. Я чужу не трону, и мою чужой не тронь же. *(Софьѣ)*. Ты не бойсь, душенька: тебя у меня никто не перебьетъ.

Софья. Это что значитъ! Вотъ еще новое!

Милонъ *(вскричавъ)*. Какая дерзость!

Скотининъ *(къ Софьѣ)*. Чего жъ ты испугалась?

Правдинъ *(къ Милону)*. Какъ ты можешь осердиться на Скотинина!

Софья *(Скотинину)*. Неужели суждено мнѣ быть вашею женою?

Милонъ. Я насилу могу удержаться!

Скотининъ. Суженаго конемъ не объѣдешь, душенька! Тебѣ на свое счастье грѣхъ пенять. Ты будешь жить со мною припѣваючи. Десять тысячъ твоего доходу! Эко счастье привалило! Да я столько родясь и не видывалъ; да я на нихъ всѣхъ свинеи со бѣла свѣта выкуплю; да я, слышь ты, то сдѣлаю, что всѣ затрубятъ: въ здѣшнемъ де околоткѣ и житье однѣмъ свиньямъ.

Правдинъ. Когда же у васъ могутъ быть счастливы одни только скоты, то женѣ вашей отъ нихъ и отъ васъ будетъ худой покой.

Скотининъ. Худой покой! Ба! ба! ба! Да развѣ свѣтлицъ у меня мало? Для нея одной отдамъ угольную съ лежанкой. Другъ ты мой сердечный! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки хлѣвокъ особливый, то женѣ найду свѣтелку.

Милонъ. Какое скотское сравненіе!

Правдинъ (*Скотинину*). Ничему не бывать, господинъ Скотининъ. Я скажу вамъ, что сестрица ваша прочитъ ее за сынка своего.

Скотининъ (*озлобясь*). Какъ! племяннику перебивать у дяди. Да я его на первой встрѣчѣ, какъ черта, изломаю! Ну, будь я свиной сынъ, если я не буду ея мужемъ, или Митрофанъ уродомъ.

Явленіе IV.

Содержаніе этого явленія состоитъ въ слѣдующемъ: Еремѣевна предлагаетъ Митрофану поучиться хоть немножечко. Митрофанъ отвѣчаетъ ей грубо и гонитъ прочь. Является Скотининъ и начинаетъ допрашивать племянника, дѣйствительно ли онъ хочетъ жениться на Софьѣ. Когда же Митрофанъ далъ утвердительный отвѣтъ, Скотининъ бросается на него, но Правдинъ его останавливаетъ.

Явленіе V.

Тѣ же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова (*мужу, идучи*). Тутъ перевирать нечего. Весь вѣкъ, сударь, ходишь, развѣся уши.

Простаковъ. Да онъ самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у меня сгибъ да пропалъ. Я чѣмъ виноватъ?

Г-жа Простакова (*къ Милону*). А, мой батюшка, господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ: мужа съ ногъ сбила, чтобъ принести вамъ, батюшка, нижайшее благодареніе за добрую команду.

Милонъ. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Какъ за что, мой батюшка? Солдаты такіе

добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся, мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣвалъ. Отъ роду никого угостить не смыслитъ. Ужъ такъ рохлею [1]) родился, мой батюшка.

Милонъ. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находитъ такой, по нѣмецкому сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза, стоитъ битый часъ, какъ вкопаный. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала; чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

Правдинъ. По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нравъ. Онъ смиренъ...

Г-жа Простакова. Какъ телепокъ, мой батюшка; оттого-то у насъ въ домѣ все и избаловано. Вѣдь у него нѣтъ того смыслу, чтобъ въ домѣ была строгость, чтобъ наказать путемъ виноватаго. Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то браюсь, то дерусь; тѣмъ и томъ держится, мой батюшка!

Правдинъ *(въ сторону)*. Скоро будетъ онъ держаться инымъ образомъ.

Митрофанъ. И сегодня матушка все утро изволила провозиться съ холопями.

Г-жа Простакова *(къ Софьѣ)*. Убирала покои для твоего любезнаго дядюшки. Умираю, хочу видѣть этого почтеннаго старичка. Я объ немъ много наслышалась. И злодѣи его говорятъ только, что онъ немножечко угрюмъ, а такой де преразумный; да коли де ужъ кого и полюбитъ, такъ прямо полюбитъ.

Правдинъ. А кого онъ не возлюбитъ, тотъ дурной человѣкъ. *(Софьѣ)*. Я и самъ имѣю честь знать вашего дядюшку. А сверхъ того отъ многихъ слышалъ объ немъ то, что вселило въ душу мою истинное къ нему почтеніе. Что называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то есть одно дѣйствіе его прямодушія. Отъ роду языкъ его не говорилъ *да*, когда душа его чувствовала *нѣтъ*.

Софья. Зато и счастье свое долженъ онъ былъ доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость Божія къ намъ, что удалось. Ни чего такъ не желаю, какъ отеческой его милости къ Митрофанушкѣ. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотрѣть дядюшкиной комнаты? *(Софья отходитъ)*.

---

[1]) рохля—вялый, лѣнивый, неповоротливый человѣкъ.

Г-жа Простакова (*Простакову*). Опять затѣвалась мой батюшка. Да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаковъ (*отходя*). Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова (*къ гостямъ*). Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Его готовлю въ люди. (*Здѣсь появляются Кутейкинъ съ часословомъ, а Цыфиркинъ съ аспидной доской и грифелемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремѣевну, входить ли. Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ*).

Г-жа Простакова (*не видя ихъ, продолжаетъ*). Авось-либо Господь милостивъ, и счастье на роду ему написано.

Правдинъ. Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается.

Г-жа Простакова. А! Это, батюшка, Митрофанушкины учители: Сидорычъ Кутейкинъ...

Еремѣевна. И Пафнутьичъ Цыфиркинъ.

Митрофанъ (*въ сторону*). Пострѣлъ [1]) ихъ побери и съ Еремѣевной.

Кутейкинъ. Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Цыфиркинъ. Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да еще пятнадцать, несчетны годы.

Милонъ. Ба! это нашъ братъ, служивый! Откуда взялся, другъ мой?

Цыфиркинъ. Былъ гарнизонный, ваше благородіе! А нынѣ пошелъ въ чистую.

Милонъ. Чѣмъ же ты питаешься?

Цыфиркинъ. Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ то счетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь: праздно жить не люблю. На досугѣ ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломаными [2]) бьемся, да что-то плохо клеится: ну, и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты это, Пафнутьичъ, врешь? Я не вслушалась.

---

[1]) пострѣлъ—1) рана отъ пули, изъ стрѣльнаго оружія; 2) ударъ, апоплексія; 3) непосѣда, повѣса, шалунъ, сорванецъ (Словарь Даля). Здѣсь слово пострѣлъ употреблено во второмъ значеніи.

[2]) надъ ломаными, т.-е. надъ дробями. (Прим. къ изд. подъ ред. Ефремова).

Цыфиркинъ. Такъ. Я его благородію докладывалъ, что въ иного шня въ десять лѣтъ не вдолбишь того, что другой ловитъ на полетѣ.

Правдинъ *(къ Кутейкину)*. А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

Кутейкинъ. Изъ ученыхъ, ваше благородіе! Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до Риторики [1]), да, Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: «Такой-то де семинаристъ, изъ церковничьихъ дѣтей, убояся бездны премудрости, проситъ отъ нея объ увольненіи». На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: «Такого-то де семинариста отъ всякаго ученія уволить: писано бо есть — не мечите бисера предъ свиніями, да не попрутъ его ногами».

Г-жа Простакова. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Еремѣевна. Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ.

Кутейкинъ. Пустое, Еремѣевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

Правдинъ *(въ сторону)*. Кутейкинъ еще и умничаетъ!

Кутейкинъ. Во многихъ книгахъ разрѣшается: во Псалтирѣ, именно напечатано: «И злакъ на службу человѣкомъ».

Правдинъ. Ну, а еще гдѣ?

Кутейкинъ. И въ другой Псалтирѣ напечатано то же. У нашего протопопа маленька, въ осьмушку, и въ той то же.

Правдинъ *(г-жѣ Простаковой)*. Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего; слуга покорный.

Милонъ. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда жъ вы, государи мои?...

Правдинъ. Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-жа Простакова. А кушать гдѣ изволите: съ нами или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только что своя семья съ Софьюшкой...

Милонъ. Съ вами, съ вами, сударыня.

Правдинъ. Мы оба эту честь имѣть будемъ.

Явленіе VI.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

---

[1]) т.-е. былъ въ самомъ младшемъ классѣ семинаріи.

Митрофанъ. Да, зады! Какъ не такъ.

Г-жа Простакова. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ. Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты бъ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофанъ. Да, того и смотри, что отъ дядюшки таска; а тамъ съ его кулаковъ, да за часословъ. Нѣтъ, такъ я спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова *(испугавшись)*. Что, что ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну—такъ поминай какъ звали!

Г-жа Простакова *(внѣ себя)*. Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремѣевна. Все дядюшка напугалъ: чуть было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што, ни про што...

Г-жа Простакова *(въ злобѣ)*. Ну...

Еремѣевна. Присталъ къ нему: хочешь ли жениться?..

Г-жа Простакова. Ну...

Еремѣевна заявляетъ, какъ дядюшка накинулся на племянника. Госпожа же Простакова начинаетъ бранить Еремѣевну въ грубыхъ выраженіяхъ, укоряя ее въ недостаткѣ заботливости о Митрофанѣ. Это обстоятельство вызываетъ соболѣзнованіе со стороны Кутейкина.

Кутейкинъ. Житье твое, Еремѣевна, яко тьма кромѣшная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку...

Цыфиркинъ. А тамъ другую,—вотъ-те и умноженье.

Еремѣевна *(въ слезахъ)*. Нелегкая меня не приберетъ. Сорокъ лѣтъ служу, а милость все та же...

Кутейкинъ. А велика ль благостыня?

Еремѣевна. По пяти рублей на годъ, да по пяти пощечинъ на день. *(Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ руки).*

Цыфиркинъ. Смекнемъ же за столомъ, что тебѣ доходу въ круглый годъ.

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе I.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ

къ вамъ на встрѣчу, обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе...

Стародумъ. Оно мнѣ драгоцѣнно. Повѣрь мнѣ.

Правдинъ. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Стародумъ. Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины—перестаетъ искренность.

Правдинъ. Ваше обхожденіе...

Стародумъ. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. Зато ноиче многіе не стоятъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго...

Правдинъ. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ...

Стародумъ. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцомъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Правдинъ. Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Стародумъ. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу—и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа.

Стародумъ. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница — жалкая тварь. *(Съ чувствомъ).* Невѣжда безъ души—звѣрь. Самый мелкій подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я освободить...

Правдинъ. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

Стародумъ. Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Правдинъ. Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стародумъ. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О,

если бъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Правдинъ. Какимъ же образомъ? Происшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть не могутъ [1]). Вы меня крайне одолжите, если разскажете...

Стародумъ. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и имѣлъ особливый случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостью. «Любезный графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода». Вдругъ мой графъ сильно наморщился и, обнявъ меня сухо: «Счастливый тебѣ путь», сказалъ мнѣ: «а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мною разстаться». Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту жъ минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница; что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души, и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Правдинъ. Сущая истина.

Стародумъ. Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я тщусь вспомнить, произведенъ чиномъ, а обойденъ я—я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни! Такое неправосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку [2]).

Правдинъ. Что жъ бы иное и дѣлать надлежало?

Стародумъ. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко вы-

[1]) Галлицизмъ (être indifférent).

[2]) Галлицизмъ (prendre [illegible].

пранваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожалованну.

Правдинъ. Но развѣ дворяшину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Стародумъ. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Правдинъ. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина [1]).

. . . . . .

Явленіе II.

Тѣ же и Софья.

Софья *(къ Правдину)*. Силъ моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Стародумъ *(въ сторону)*. Вотъ черты лица ея матери. Вотъ моя Софья!

Софья *(смотря на Стародума)*. Боже мой, онъ меня назвалъ! Сердце мое меня не обманываетъ...

Стародумъ *(обнявъ ее)*. Нѣтъ! Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья *(бросаясь въ его объятія)*. Дядюшка! я внѣ себя съ радости.

Стародумъ. Любезная Софья! я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собой довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случалось вырвать добычу изъ рукъ порока.

Правдинъ. Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья. Дядюшка! ваши ко мнѣ милости...

Стародумъ. Ты знаешь, что я одной тобой привязанъ къ

---

[1]) Въ «Наказѣ» говорится: «Добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства. Добродѣтель и честь должны быть, по моему, правилами, предписывающими любовь къ отечеству, ревность къ службѣ; послушаніе и вѣрность къ государю и безпрестанно внушающими не дѣлать никакого безчестнаго дѣла... Лишити дворянства никого не можно, кромѣ того, который самъ себя лишилъ онаго своими, основанію его достоинства противными, поступками и сдѣлался чрезъ то званія своего недостойнымъ». (Прим. къ изд. подъ ред. Ефремова).

жизни. Ты должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченія твое счастье [1]). Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему воспитанію; но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоей матерью и съ тобою.

Софья. Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

Стародумъ *(къ Правдину)*. Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосудніе людей, лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

Правдинъ. Вы могли бъ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Стародумъ. А на что?

Правдинъ. Чтобъ быть богату, какъ другіе.

Стародумъ. Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты, что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой, все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

Софья. Дядюшка, какую правду вы говорите!

Стародумъ. Я нажилъ столько, чтобъ при твоемъ замужствѣ не остановляла насъ бѣдность жениха достойнаго.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Правдинъ. Но, выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ.

Стародумъ. Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ? Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ него обойдутся; а глупому сыну не въ помощь богатство. Видалъ я молодцовъ въ золотыхъ кафтанахъ, да съ свинцовой головой. Нѣтъ, мой другъ! наличныя деньги — не наличныя достоинства. Золотой болванъ—все болванъ.

Правдинъ. Со всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

Стародумъ. Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку—душевное; а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Правдинъ. Заключеніе ваше неоспоримо.

Стародумъ. Ба! Это что за шумъ?

---

[1]) Галлицизмъ (tu dois faire la consolation de ma viellesse, et mes soins doivent faire ton bonheur).

Явленіе III.

Тѣ же, г-жа Простакова, Скотининъ и Милонъ.

(Милонъ разнимаетъ г-жу Простакову со Скотининымъ).

Г-жа Простакова. Пусти! пусти, батюшка! дай мнѣ до рожи, до рожи...

Милонъ. Не пущу, сударыня. Не прогнѣвайся!

Скотининъ *(въ запальчивости. оправляя парикъ)*. Отвяжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ломки: ногну, такъ затрещишь.

Милонъ *(г-жѣ Простаковой)*. И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, сердце взяло! дай додраться!

Милонъ *(Скотинину)*. Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ. Что грѣха таить, одного помету, да вишь какъ развизжалась.

Стародумъ *(не могши удержаться отъ смѣха, къ Правдину)*. Я боялся разсердиться, теперь смѣхъ меня беретъ.

Г-жа Простакова. Кого-то? Надъ кѣмъ-то? Это что за выдѣжій?

Стародумъ. Не прогнѣвайся, сударыня: я отъ роду ничего смѣшнѣе не видывалъ.

Скотининъ *(держась за шею)*. Кому смѣхъ, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

Милонъ. Да не ушибла ль она васъ?

Скотининъ. Передъ-отъ заслонялъ обѣими, такъ вцѣпилась въ зашеину...

Правдинъ. И больно?...

Скотининъ. Загривокъ немного пронозила.

(Въ слѣдующую рѣчь г-жи Простаковой Софья сказываетъ взорами Милону, что передъ нимъ Стародумъ. Милонъ ее понимаетъ).

Г-жа Простакова. Пронозила?.. Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнять господина офицера [1]): а кабы не онъ, то бъ ты отъ меня не заслонился. За сына вступлюсь: не спущу отцу родному. *(Стародуму)*. Это, сударь, ничего и не смѣшно. Не прогнѣвайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтобъ сука щенятъ своихъ выдавала? Изволилъ пожаловать невѣдомо къ кому, невѣдомо кто.

Стародумъ *(указывая на Софью)*. Пріѣхалъ къ ней ея дядя, Стародумъ.

---

[1]) Вымѣнять образъ господина офицера—купить образъ того святого, имя котораго носитъ офицеръ (Прим. къ изд. подъ ред. Ефремова).

Г-жа Простакова *(обрѣвъ и струя)*. Какъ! это ты! ты, батюшка! Гость нашъ безцѣнный! Ахъ, я дура безсчетная! Да такъ ли бы надобно было встрѣтить отца родного, на котораго вся надежда, который у насъ одинъ, какъ порохъ въ глазѣ. Батюшка, прости меня: я дура. Образумиться не могу. Гдѣ мужъ? Гдѣ сынъ? Какъ въ пустой домъ пріѣхалъ! Наказаніе Божіе! Всѣ обезумѣли. Дѣвка! дѣвка! Палашка! дѣвка!

Скотининъ *(въ сторону)*. Тотъ-то! онъ-то! дядюшка-то!

Явленіе IV.

Тѣ же и Еремѣевна.

Еремѣевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А, ты развѣ дѣвка? собачья ты дочь! Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и служанокъ нѣтъ! Палашка гдѣ?

Еремѣевна. Захворала, матушка: лежитъ съ утра.

Г-жа Простакова. Лежитъ! Ахъ, она бестія! Лежитъ! Какъ будто благородная!

Еремѣевна. Такой жаръ розняло, матушка; безъ умолку бредитъ...

Г-жа Простакова. Бредитъ, бестія! Какъ будто благородная! Зови же ты мужа, сына. Скажи имъ, что по милости Божіей дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки. Ну, бѣги, переваливайся!

Стародумъ. Къ чему такъ суетиться, сударыня, когда по милости Божіей я вамъ вовсе не знакомъ.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой пріѣздъ, батюшка, умъ у меня отнялъ; да дай хотя обнять себя хорошенько, благодѣтель нашъ.

Явленіе V.

Тѣ же, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

(Въ слѣдующую рѣчь Стародума Простаковъ съ сыномъ, вышедшіе изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ его обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремѣевна взяла мѣсто [1]) къ сторонѣ и, сложа руки, стала какъ вкопаная. выпяля глаза на Стародума, съ рабскимъ подобострастіемъ).

Стародумъ *(обнимая неохотно г-жу Простакову)*. Милость

[1]) Галлицизмъ (prendre place).

совсѣмъ лишняя, сударыня; безъ нея могъ бы я весьма легко обойтися.

(Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоящій уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ).

Стародумъ. Это къ кому я попался?

Скотининъ. Это я, сестринъ братъ.

Стародумъ *(увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ).* А это кто еще?

Простаковъ *(обнимая).* Я женинъ мужъ.

Митрофанъ *(ловя руку).* А я матушкинъ сынокъ. } *Вмѣстѣ.*

Милонъ *(Правдину).* Теперь я не представлюсь.

Правдинъ *(Милону).* Я найду случай представить тебя послѣ.

Стародумъ *(не давая руки Митрофану).* Этотъ ловитъ цѣловать руку: видно, что готовятъ въ него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка: какъ де, сударь, мнѣ не цѣловать твоей ручки? ты мой второй отецъ.

Митрофанъ. Какъ не цѣловать, дядюшка, твоей ручки: ты мой отецъ... *(Къ матери).* Который бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофанъ. Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Стародумъ. Я, сударь, тебѣ ни отецъ ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, вѣдь ребенокъ; можетъ быть, свое счастье пророкаетъ: авось-либо сподобитъ Богъ быть ему и впрямь твоимъ племянничкомъ.

Скотининъ. Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану. *(Къ Стародуму).* Отъ роду, батюшка, ни съ кѣмъ не бранивалась. У меня такой нравъ: хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня бѣдную обижаетъ.

Стародумъ. Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Правдинъ. А я уже три дня свидѣтелемъ ея добронравія.

Стародумъ. Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же поутру ѣду съ тобою въ Москву.

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, за что такой гнѣвъ?

Простаковъ. За что немилость?

Г-жа Простакова. Какъ? Намъ разстаться съ Софьюшкой, съ сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Простаковъ. А я уже тутъ сгибъ да пропалъ.

Стародумъ. О! Когда же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ

обрадовать: я везу ее въ Москву для того, чтобъ сдѣлать ея счастье [1]). Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человѣкъ большихъ достоинствъ; за него ее и выдамъ.

Г-жа Простакова. Ахъ! уморилъ! } *Всѣ вмѣстѣ.*

Милонъ. Что я слышу! } *Всѣ вмѣстѣ.*

(Софья кажется пораженною). } *Всѣ вмѣстѣ.*

Скотининъ. Вотъ-те разъ! } *Всѣ вмѣстѣ.*

(Простаковъ всплеснулъ руками). } *Всѣ вмѣстѣ.*

Митрофанъ. Вотъ тебѣ на! } *Всѣ вмѣстѣ.*

(Еремѣевна печально кивнула головою. Правдинъ показываетъ видъ огорченнаго удивленія). } *Всѣ вмѣстѣ.*

Стародумъ *(примѣтя всѣхъ смятеніе).* Что это значитъ? *(Къ Софьѣ).* Софьюшка, другъ мой, и ты мнѣ кажешься въ смущеніи? Неужель мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Они нейдутъ далѣе какъ отвращать несчастную склонность дочери; а выборъ достойнаго человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой: твой мужъ, тебя достойный, кто бъ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди, за кого хочешь *(Всѣ принимаютъ веселый видъ).*

Софья. Дядюшка, не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

Милонъ *(въ сторону).* Почтенный человѣкъ!

Г-жа Простакова *(съ веселымъ видомъ).* Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди, за кого хочешь, лишь бы человѣкъ ея стоилъ. Такъ, мой батюшка, такъ. Тутъ лишь только жениховъ пропускать не надобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ, малый молодой...

Скотининъ. Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ...

Г-жа Простакова. У кого достаточекъ хоть и небольшой...

Скотининъ. Да свиной заводъ не плохъ...

Г-жа Простакова. Такъ и въ добрый часъ, въ архангельской. } *Вмѣстѣ.*

Скотининъ. Такъ веселымъ пиркомъ, да и за свадебку. } *Вмѣстѣ.*

Стародумъ. Совѣты ваши безпристрастны. Я это вижу.

Скотининъ. То ль еще увидишь, какъ опознаешь меня покороче. Вишь ты—здѣсь содомно. Черезъ часъ мѣста приду къ тебѣ одинъ, тутъ дѣло и сладимъ. Скажу не похвалялсь, каковъ я, право, такихъ мало *(отходитъ).*

---

[1]) Галлицизмъ (pour faire son bonheur).

Стародумъ. Это всего вѣроятнѣе.

Г-жа Простакова. Ты, батюшка, не диви [1]) что братецъ мой родной...

Стародумъ. Родной?...

Г-жа Простакова. Такъ, батюшка: вѣдь и я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ; она была по прозванію Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восемнадцать человѣкъ; да, кромѣ меня съ братцемъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальные сами не стояли, батюшка!

Стародумъ. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ничему не учили. Бывало добры люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу,—кстати ли? Покойникъ-свѣтъ и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало изволитъ закричать: прокляну ребенка, который что-нибудь перейметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ.

Правдинъ. Вы однакожъ своего сынка кое-чему обучаете?

Г-жа Простакова. Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка! *(Къ Стародуму).* Послѣднихъ грошъ не жалѣемъ, лишь бы сына всему выучить. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все-таки учители ходятъ, часа не теряютъ; и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. *(Мигнула Еремѣевнѣ, чтобъ ихъ позвать).* А въ Москвѣ приняли иноземца на пять лѣтъ, и чтобъ другіе не смапили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ—учи, чему самъ умѣешь. Мы весь родительскій долгъ исполнили! Немца приняли и деньги по третямъ напередъ ему платимъ. Желала бъ я душевно, чтобъ ты самъ, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрѣлъ бы, что онъ выучилъ.

Стародумъ. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова *(увидя Кутейкина и Цыфиркина).* Вотъ и учители! Митрофанушка мой ни днемъ ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безсчастна будетъ та, которую приведетъ Богъ быть его женою.

Правдинъ. Это все хорошо. Не забудьте однакожъ, сударыня,

---

[1]) не диви—не дивись, не удивляйся. Въ народномъ языкѣ этотъ глаголъ всегда употребляется съ предлогомъ на и винит. падежомъ, «не диви на насъ».

что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ, и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Стародумъ. Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги и отъ всего того, что слышалъ и что видѣлъ.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! все готово; сама для тебя комнату убирала.

Стародумъ. Благодаренъ! *(Къ Правдину).* Когда же мы увидимся? Отдохнувъ, я сюда приду.

Правдинъ. Такъ я здѣсь и буду имѣть честь васъ видѣть.

Стародумъ. Радъ душою. *(Увидя Милона, который ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво).*

Г-жа Простакова. Такъ милости просимъ.

(Кромѣ учителей, всѣ отходятъ: Правдинъ и Милонъ въ сторону, а прочіе въ другую).

Явленіе VI.

Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Кутейкинъ. Что за бѣсовщина! Съ самаго утра толку не добьешься. Здѣсь каждое утро процвѣтетъ и погибнетъ.

Цыфиркинъ. А нашъ братъ и вѣкъ такъ живетъ. Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіанту не стало...

Кутейкинъ. Да кабы не умудрилъ и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепутьѣ къ нашей просвирнѣ, взалкахъ бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ. Здѣшни господа добры командеры!...

Кутейкинъ. Слыхалъ ли ты, братецъ, каково житье-то здѣшнимъ челядищамъ? Даромъ, что ты служивый, бывалъ на баталіяхъ,—страхъ и трепетъ пріидетъ на тя...

Цыфиркинъ. Вотъ на, слыхалъ ли? Я самъ видалъ здѣсь бѣглый огонь въ сутки съ ряду часа по три. *(Вздохнувъ).* Охъ-ти мнѣ! Грусть беретъ.

Кутейкинъ *(вздохнувъ).* О, горе мнѣ грѣшному!

Цыфиркинъ. О чемъ вздохнулъ, Сидорычъ?

Кутейкинъ. И въ тебѣ смятеся сердце твое, Нафнутьевичъ?

Цыфиркинъ. За неволю призадумаешься! Далъ мнѣ Богъ ученичка, боярскаго сынка. Бьюсь съ нимъ третій годъ: трехъ пересчесть не умѣетъ.

Кутейкинъ. Такъ у насъ одна кручина. Четвертый годъ мучу

свой животъ. Посесть часъ [1]), кромѣ задовъ, новой строки не разберетъ; да и зады мямлитъ [2]), прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ [3]).

Цыфиркинъ. А кто виноватъ? Лишь онъ грифель въ руки, а нѣмецъ въ двери: ему шабашъ изъ-за доски, а меня рады въ толчки.

Кутейкинъ. Тутъ мой ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, бусурманъ въ глаза: ученичка по головкѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ *(съ жаромъ)*. Я далъ бы себѣ ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкинъ. Меня хоть теперь шелепами [4]), лишь бы вью грѣшничу путемъ накостылять.

Явленіе VII.

Тѣ же, г-жа Простакова и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я те потѣшу, поучусь; только, чтобъ это былъ послѣдній разъ, и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. Придетъ часъ воли Божіей!

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. *(Цыфиркинъ очиниваетъ грифель).*

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было въ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе, завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

---

[1]) **посесть** — простонародное слово, составившееся, вѣроятно, изъ сей есть (Прим. къ изд. подъ ред. Ефремова).

[2]) **мямлить**—1) не проворно жевать; 2) говорить, читать не внятно, медлительно (Академ. словарь).

[3]) **Читать по толкамъ**—читать бѣгло, въ противоположность медленному чтенію **по складамъ**.

[4]) **шелепъ**—веревочная, лычная или мочальная плеть. Въ нашихъ былинахъ встрѣчается слово: **шелепуга**—тоже зн. плеть. И-то и другое слово произведено отъ глагола: **шелепать**.

Г-жа Простакова *(работая)*. Ахъ, Господи Боже мой! ужъ ребенокъ не смѣй и избрашить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе? У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ *(пишетъ)*. Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ *(пишетъ)*. Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смекни-тка, по чему на брата.

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. Единожды три—три; единожды ноль—ноль. Единожды ноль—ноль.

Г-жа Простакова. Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что-нибудь перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ *(пишетъ)*. Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. Нуль да нуль—нуль; одинъ да одинъ... *(Задумался)*.

Г-жа Простакова. Не трудись попустому, другъ мой, гроша не прибавлю, да и не за что; наука не такая: лишь тебѣ мученье; я все, вижу, пустота. Денегъ нѣтъ—что считать, деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на поверку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Не бось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ *(открываетъ часословъ. Митрофанъ беретъ указку)*. Начнемъ благословясь. За мною со вниманіемъ. «Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ. «Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ *(учебнымъ голосомъ)*. «А не человѣкъ

Митрофанъ *(такъ же)*. «А не человѣкъ.

Кутейкинъ. «Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. «Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. «И уши...

Явленіе VIII.

Тѣ же и Вральманъ.

Вральманъ. Аа! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умаритъ хатятъ репенка! Матушка ты мая! спалься натъ сфаей утропой... Тай фолю этимъ преклятымъ слатѣямъ, исъ такой калафы толго ль палфанъ? Ушь диспозисіонъ, ушь все есть.

Г-жа Простакова. Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ. А по мнѣ и подавно.

Кутейкинъ *(затворяя часословъ)*. Конецъ и Богу слава.

Г-жа Простакова. Богъ съ нимъ, батюшка Адамъ Адамычъ! Онъ же и такъ вчера небережно поужинамъ.

Вральманъ. Разсутишь, мать моя, нашлъ прюхо лишне — нѣда. А фить калоушка-то у нефо караздо слапѣ прюха; напить ее лишне—да и захрани Ноже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адамъ Адамычъ! Да что ты станешь дѣлать? Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ: скажутъ, дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много. Ихъ-то я боюсь.

Вральманъ. Чефо паяться, мая матушка? Расумнай шеловѣкъ никахта сфо не сатеретъ, никахта зъ нимъ не саспоритъ: а онъ съ умными лютьми не сфясывайся, такъ и путетъ плаготенствіе Ноже.

Г-жа Простакова. Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ. Я и самъ, матушка, до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ завсегда лучше.

Вральманъ. Сфая кампанія то ли тѣло.

Г-жа Простакова. Адамъ Адамычъ! да изъ кого жъ ты ее выберешь?

Вральманъ. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; каковъ тфой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ милліоны, милліоны. Какъ ему не фыпрать сепѣ кампаній.

Г-жа Простакова. То даромъ, что мой сынъ: малый острый, проворный.

Вральманъ. То ли ны тѣло, каны не самарили ефо на ушеньѣ? Россиска краматъ! Арихметика! Ахъ, Хосподи Ноже мой! Какъ туша фъ тѣлѣ остается! Какъ путто ны россиски тфорянинъ ушъ и не могъ фъ сфѣтѣ авансировать [1]) пезъ россиской краматъ!

Кутейкинъ *(въ сторону)*. Подъ языкъ бы тебѣ трудъ и болѣзнь.

Вральманъ. Какъ путто ны до арихметики ныли люти тураки несчетные!

Цыфиркинъ *(въ сторону)*. Я тѣ ребра-то пересчитаю. Попадешься ко мнѣ.

Вральманъ. Ему потрешно снать, какъ шить фъ сфѣтѣ. Я снаю сфѣтъ наизусть; я самъ терта калашъ.

Г-жа Простакова. Какъ тебѣ не знать большого свѣту, Адамъ Адамычъ? Я чай, и въ одномъ Петербургѣ ты всего наглядѣлся.

Вральманъ. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотникъ пылъ смотрѣть публикъ. Пыфало, о прасникѣ съѣтутца въ Катрингофъ кареты съ хосподамъ; я фсе на нихъ смотру. Пыфало, не сойту ни на минуту съ коселъ.

Г-жа Простакова. Съ какихъ козелъ?

Вральманъ *(въ сторону)*. Ай, ай, ай, ай! Што я зафралъ. *(Вслухъ)*. Ты, матушка, снаешь, што сматрѣть фсегта лофче зновыши: такъ я, пыфало, на снакому карету и сасѣлъ, та и сматру польшой сфѣтъ съ коселъ [2]).

Г-жа Простакова. Конечно, видиѣе. Умный человѣкъ знаетъ, куда влѣзть.

Вральманъ. Вашъ тражайшій сынъ также на сфѣтѣ какъ-нипуть всместитца лютей насматрѣть и сеня пакасать. Уталецъ! *(Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается)*.

---

[1]) авансировать (отъ франц. avancer)—занимать первыя мѣста, выдвигаться впередъ.

[2]) Вральманъ до своего поступленія въ домъ Простаковыхъ былъ кучеромъ. Подобныя явленія у насъ въ старину были не рѣдки.

Вральманъ. Уталецъ! Не постоитъ на мѣстѣ, какъ тикой конь безъ усды. Ступай! Фортъ! *(Митрофанъ убѣгаетъ).*

Г-жа Простакова *(усмѣхаясь радостно).* Ребенокъ, право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ однакожъ, чтобъ онъ съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ-нибудь гостя не прогнѣвалъ.

Вральманъ. Поти, мая матушка! Салетна птиса! Са нимъ тфои гласа патопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адамъ Адамычъ! *(Отходитъ).*

Явленіе IX.

Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Цыфиркинъ *(насмѣхаясь).* Эка образина!

Кутейкинъ *(насмѣхаясь).* Притча во языцѣхъ!

Вральманъ. Чему фы супы-то скалите, пефѣжи!

Цыфиркинъ *(ударивъ по плечу).* А что ты брови-то нахмурилъ, чухонска сова?

Вральманъ. Ой, ой, шелѣсны лапы!

Кутейкинъ *(ударивъ по плечу).* Филинъ треклятый, что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральманъ *(тихо).* Пропалъ я. *(Вслухъ).* Што фы истѣфаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркинъ. Самъ праздно хлѣбъ ѣшь, и другимъ ничего дѣлать не даешь: да ты жъ еще и рожи не уставишь.

Кутейкинъ. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый!

Вральманъ *(оправляясь отъ робости).* Какъ фы терсаете пефѣшничать перетъ ушоной персоной? Я накраулъ сакричу.

Цыфиркинъ. А мы тѣ и честь отдадимъ: я доскою...

Кутейкинъ. А я часословомъ.

Вральманъ. Я хоспожѣ на фасъ пошалаюсъ.

(Цыфиркинъ, замахиваясь доскою, а Кутейкинъ часословомъ).

Цыфиркинъ. Раскрою тебѣ рожу напятеро.
Кутейкинъ. Зубы грѣшника сокрушу. } *Вмѣстѣ.*

(Вральманъ бѣжитъ).

Цыфиркинъ. Ага! поднялъ трусъ ноги!

Кутейкинъ. Направи стопы своя, окаянный!

Вральманъ *(въ дверяхъ).* Што фсяли, нестія? Сюта сунтесь.

Цыфиркинъ. Уплелъ! Мы бы дали тебѣ таску.

Вральманъ. Лихъ не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкинъ. Засѣлъ пребеззаконный! Много ль тамъ васъ басурмановъ-то? Всѣхъ высылай.

Вральманъ. Съ атпимъ не слатили! Эхъ, пратъ, фсяли! } *Всѣ*
Цыфиркинъ. Одинъ десятерыхъ уберу. } *вдругъ*
Кутейкинъ. Во утріе избію вся грѣшныя земли. } *кричатъ.*

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе I.

Софья *(одна, глядя на часы)*. Дядюшка скоро долженъ выйти *(Садясь)*. Я его здѣсь подожду. *(Вынимаетъ книжку и прочитавъ нѣсколько)*. Это правда. Какъ не быть довольну сердцу, когда спокойна совѣсть! *(Прочитавъ опять нѣсколько)*. Нельзя не любить правилъ добродѣтели: они способы къ счастію. *(Прочитавъ нѣсколько, взглянула и, увидавъ Стародума, къ нему подбѣгаетъ)*.

Явленіе II.

Софья и Стародумъ.

Стародумъ. А! ты уже здѣсь, другъ мой сердечный!

Софья. Я васъ дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародумъ. Какую?

Софья. Французскую: Фенелона, о воспитаніи дѣвицъ.

Стародумъ. Фенелона? Автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ правовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель. Сядемъ. *(Оба сѣли)*. Мое сердечное желаніе видѣть тебя столько счастливою, сколько въ свѣтѣ быть возможно.

Софья. Ваши наставленія, дядюшка, составятъ все мое благополучіе. Дайте мнѣ правила, которымъ я послѣдовать должна. Руководствуйте сердцемъ моимъ; оно готово вамъ повиноваться.

Стародумъ. Мнѣ пріятно расположеніе души твоей. Съ радостью подамъ тебѣ мои совѣты. Слушай меня съ такимъ вниманіемъ, съ какою искренностію я говорить буду. Поближе. *(Софья подвигаетъ стулъ свой)*.

Софья. Дядюшка, всякое слово ваше врѣзано будетъ въ сердце мое.

Стародумъ *(съ важнымъ чистосердечіемъ)*. Ты теперь въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ душа наслаждаться хочетъ всѣмъ бытіемъ своимъ, разумъ хочетъ знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшитъ часто судьбу цѣлой жизни; гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ: умы развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенныя въ своихъ чувствіяхъ. О, мой другъ! умѣй различить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была бы надежною порукою за твой разумъ и сердце.

Софья. Все мое стараніе употреблю заслужить доброе мнѣніе людей достойныхъ. Да какъ мнѣ избѣжать, чтобъ тѣ, которые увидятъ, какъ отъ нихъ я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтобъ мнѣ никто на свѣтѣ зла не пожелалъ?

Стародумъ. Дурное расположеніе людей, не достойныхъ почтенія, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ; а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобъ ушизить его до себя самихъ, и разумъ, не имѣвшій испытанія, обольщаютъ до того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. Мнѣ казалось, дядюшка, что всѣ люди согласились, въ чемъ полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародумъ. Такъ, мой другъ! И я согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ. У меня мой расчетъ. Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ; богачъ мой тоже. По моему расчету, не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго.

Софья. Возможно ль, дядюшка, чтобъ такія истины не для всѣхъ сердецъ чувствительны были? Неужель объ нихъ никто не размышляетъ? Гдѣ жъ умъ, которымъ такъ величаются?

Стародумъ. Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы

худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много—и много разныхъ. Умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого-нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели недостаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца неразлѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ.

Софья. Ваше изъясненіе, дядюшка, сходно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, котораго я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честнаго человѣка и его должность.

Стародумъ. Должность! А, мой другъ, какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его понимаютъ! Всечасное употребленіе этого слова такъ насъ съ нимъ ознакомило, что, выговоря его, человѣкъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ, когда, если бъ люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтенія. Подумай, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Если бъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ,—всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бы совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестіе не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, не достойный быть дворяниномъ—подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!

Софья. Возможно ль такъ себя унизить?...

Стародумъ. Другъ мой, что сказалъ я о дворянинѣ, распространимъ теперь вообще на человѣка. У каждаго свои должности. Посмотримъ, какъ онѣ исполняются, каковы, напримѣръ, большею частію мужья нынѣшняго свѣта; не забудемъ, каковы и жены. О, мой сердечный другъ! теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастный домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый съ своей стороны своротили съ пути добродѣтели. Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своего грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены-добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія.

Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія. Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ своемъ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, не достойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ? Въ минуты, когда мысль ихъ обращается на ихъ состояніе, какому аду должно быть въ душахъ и мужа и жены!

Софья. Боже мой! отчего такія страшныя несчастія?

Стародумъ. Оттого, мой другъ, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о благонравіи вопроса нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большого чина—презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ. Признаюсь тебѣ, что сердце мое тогда только будетъ спокойно, когда увижу тебя за мужемъ, достойнымъ твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да какъ достойнаго мужа не любить дружески?

Стародумъ. Такъ. Только, пожалуй, не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походила бъ; имѣй къ нему дружбу, которая на любовь бы походила: это будетъ гораздо прочнѣе. Тогда, послѣ двадцати лѣтъ женитьбы, найдете въ сердцахъ вашихъ прежнюю другъ къ другу привязанность. Мужъ благоразумный, жена добродѣтельная—что почтеннѣе быть можетъ! Надобно, мой другъ, чтобъ мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. Все, что вы ни говорите, трогаетъ сердце мое...

Стародумъ *(съ нѣжнѣйшею горячностію)*. И мое восхищается, видя твою чувствительность. Отъ тебя зависитъ твое счастье. Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты, мой сердечный другъ, ты соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманываетъ, что добродѣтель...

Софья. Ты ею наполнилъ всѣ мои чувства. *(Бросясь цѣловать ему руки).* Гдѣ она?...

Стародумъ *(цѣлуя самъ ея руки).* Она въ твоей душѣ. Благодарю Бога, что въ самой тебѣ нахожу твердое основаніе твоего счастія. Оно не будетъ зависѣть ни отъ знатности ни отъ богатства. Все это прійти къ тебѣ можетъ; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтобъ чувствовать себя достойною всѣхъ благъ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цѣну...

Явленіе III.

Тѣ же и камердинеръ.

(Камердинеръ подаетъ письмо Стародуму).

Стародумъ. Откуда?

Камердинеръ. Изъ Москвы, съ нарочнымъ. *(Отходитъ).*

Стародумъ *(распечатавъ и смотря на подпись).* Графъ Честанъ. А! *(Начиная читать, показываетъ видъ, что глаза разобрать не могутъ).* Софьюшка, очки мои на столѣ, въ книгѣ.

Софья *(отходя).* Тотчасъ, дядюшка.

Явленіе IV.

Стародумъ *(одинъ).* Онъ, конечно, пишетъ ко мнѣ о томъ же, о чемъ въ Москвѣ сдѣлалъ предложеніе. Я не знаю Милона; но когда дядя его, мой истинный другъ, когда вся публика считаетъ его честнымъ и достойнымъ человѣкомъ... если свободно ея сердце...

Явленіе V.

Стародумъ и Софья.

Софья *(подавая очки).* Нашла, дядюшка.

Стародумъ *(читаетъ).* «...Я теперь только узналъ... ведетъ въ Москву свою команду... Онъ съ вами долженъ встрѣтиться. Сердечно буду радъ, если онъ увидится съ вами... Возьмите трудъ узнать образъ мыслей его...» *(Въ сторону).* Конечно, безъ того се не выдамъ... «Вы найдете... Вашъ истинный другъ...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежитъ. Я сказывалъ тебѣ, что молодой человѣкъ, похвальныхъ свойствъ, представленъ... Слова мои тебя смущаютъ, другъ мой сердечный; я это и давеча примѣтилъ и теперь вижу. Довѣренность твоя ко мнѣ...

Софья. Могу ли я имѣть на сердцѣ что-нибудь отъ васъ скрытое? Нѣтъ, дядюшка, я чистосердечно скажу вамъ...

Явленіе VI.

Тѣ же, Милонъ и Правдинъ.

Правдинъ. Позвольте представить вамъ господина Милона, моего истиннаго друга.

Стародумъ *(въ сторону)*. Милонъ!

Милонъ. Я почту за истинное счастіе, если удостоюсь вашего добраго мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей...

Стародумъ. Графъ Честанъ не свойственникъ ли вашъ?

Милонъ. Онъ мнѣ дядя.

Стародумъ. Мнѣ очень пріятно быть знакому съ человѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о васъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливыя достоинства...

Милонъ. Это его ко мнѣ милость. Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи было бы непростительное высокомѣріе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодого человѣка ободряютъ достойные люди.

Правдинъ. Я напередъ увѣренъ, что другъ мой пріобрѣтетъ вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестрицы вашей...

(Стародумъ оглядывается на Софью).

Софья *(тихо Стародуму и въ большой робости)*. И матушка любила его, какъ сына.

Стародумъ *(Софьѣ)*. Мнѣ это очень пріятно. *(Милону)*. Я слышалъ, что вы были въ арміи. Неустрашимость ваша...

Милонъ. Я дѣлалъ мою должность [1]). Ни лѣта мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволили мнѣ показать прямой неустрашимости, буде есть во мнѣ она.

Стародумъ. Какъ! Будучи въ сраженіяхъ и подвергая жизнь свою...

Милонъ. Я подвергалъ ее, какъ прочіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, какое солдату велитъ имѣть начальникъ, а офицеру честь.

Стародумъ. Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милонъ. Если позволите мнѣ сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не въ сердцѣ. У кого она въ душѣ, у того, безъ всякаго сомнѣнія, и храброе сердце. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, неустрашимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью усматриваетъ всѣ сте-

[1]) Галлицизмъ (faire son devoir).

пени опасности, принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни; но что всего болѣе — онъ для пользы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоитъ слѣдственно не въ томъ, чтобы презирать жизнь свою: онъ ее никогда и не отваживаетъ; онъ умѣетъ ею жертвовать.

Стародумъ. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете въ начальникѣ. Свойственна ли же она и другимъ состояніямъ?

Милонъ. Она добродѣтель; слѣдственно нѣтъ состоянія, которое ею не могло бы отличиться. Мнѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни. И какая разница между безстрашіемъ солдата, который на приступѣ отваживаетъ жизнь свою на ряду съ прочими, и между неустрашимостью человѣка государственнаго, который говоритъ правду государю, отваживаясь его прогнѣвать? Судья, который, не убоясь ни мщенія ни угрозъ сильнаго, отдалъ справедливость безпомощному, въ моихъ глазахъ—герой. Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ! Я понимаю неустрашимость такъ...

Стародумъ. Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой! Извини мое простосердечіе: я другъ честныхъ людей. Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ.

Милонъ. Душа благородная... Нѣтъ, не могу скрывать болѣе моего сердечнаго чувства... Нѣтъ. Добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродѣтельно, если стоитъ оно быть счастливо, отъ тебя зависитъ сдѣлать его счастье. Я полагаю его въ томъ, чтобы имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародумъ *(къ Софьѣ, съ радостью)*. Какъ! Сердце твое умѣло отличить того, кого я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародумъ. Вы оба другъ друга достойны. *(Въ восхищеніи соединяя ихъ руки)*. Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

Милонъ *(обнимая Стародума)*. Мое счастье несравненно! } *Вмѣстѣ.*

Софья *(цѣлуя руки Стародумовы)*. Кто можетъ быть счастливѣе меня! }

Правдинъ. Какъ искренно я радъ!

Явленіе VII.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. И я здѣсь.

Стародумъ. Зачѣмъ пожаловалъ?

Скотининъ. За своей нуждой.

Стародумъ. А чѣмъ я могу служить?

Скотининъ. Двумя словами.

Стародумъ. Какими это?

Скотининъ. Обнявъ меня покрѣпче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародумъ. Не пустое ль затѣвать изволишь? Подумай-ка хорошенько.

Скотининъ. Я никогда не думаю и напередъ увѣренъ, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародумъ. Какъ же ты хочешь, чтобъ я отдалъ мою племянницу, за кого, не знаю.

Скотининъ. Не знаешь, такъ скажу. Я Тарасъ Скотининъ, въ родѣ своемъ не послѣдній. Родъ Скотининыхъ великій и старинный. Пращура нашего ни въ какой герольдіи не отыщешь.

Правдинъ *(смѣючись)*. Этакъ вы насъ увѣрите, что онъ старѣе Адама.

Скотининъ. А что ты думаешь? Хоть немногимъ...

Стародумъ *(смѣючись)*. То-есть, пращуръ твой созданъ хоть въ шестой день, да немного попрежде Адама.

Скотининъ. Нѣтъ, право? Такъ ты добраго мнѣнія о старинѣ моего рода?

Стародумъ. О! такого-то добраго, что я удивляюсь, какъ на твоемъ мѣстѣ можно выбирать жену изъ другого рода, какъ изъ Скотининыхъ?

Скотининъ. Разсуди же, какое счастье Софьюшкѣ быть за мною. Она дворянка...

Стародумъ. Экой человѣкъ! Да для того-то ты ей и не женихъ.

Скотининъ. Уже я на то пошелъ. Пусть болтаютъ, что Скотининъ женился на дворяночкѣ; для меня все равно.

Стародумъ. Да для нея не все равно, когда скажутъ, что дворянка вышла за Скотинина.

Милонъ. Такое неравенство сдѣлало бы несчастье вамъ обоимъ.

Скотининъ. Ба! Да этотъ что тутъ равняется? *(Тихо Стародуму)*. А! не отбиваетъ ли?

Стародумъ *(тихо Скотинину)*. Мнѣ такъ кажется.

Скотининъ *(тѣмъ же тономъ)*. Да гдѣ къ черту!

Стародумъ *(тѣмъ же тономъ)*. Тяжело.

Скотининъ *(громко, указывая на Милона)*. Кто жъ изъ насъ смѣшонъ? Ха, ха, ха, ха!

Стародумъ *(смѣется)*. Вижу, кто смѣшонъ.

Софья. Дядюшка, какъ мнѣ мило, что вы веселы.

Скотининъ *(Стародуму)*. Ба! Да ты весельчакъ. Давеча я думалъ, что къ тебѣ приступу нѣтъ. Мнѣ слова не сказалъ, а теперь все со мной смѣешься.

Стародумъ. Таковъ человѣкъ, мой другъ! Часъ на часъ не приходитъ.

Скотининъ. Это и видно. Вѣдь и давеча былъ я тотъ же Скотининъ, а ты сердился.

Стародумъ. Была причина.

Скотининъ. Я ее и знаю. Я и самъ въ этомъ таковъ же. Дома, когда зайду въ хлѣва да найду ихъ не въ порядкѣ,—досада и возьметъ. И ты, не въ проносъ слово, заѣхавъ сюда, нашелъ сестринъ домъ не лучше хлѣвовъ,—тебѣ и досадно.

Стародумъ. Ты меня счастливѣе. Меня трогаютъ люди.

Скотининъ. А меня такъ свиньи.

Явленіе VIII.

Тѣ же, г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(входя)*. Все ли съ тобою, Митрофанушка!

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. Мы пришли, батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну)*. Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. *(Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны)*. Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить!) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я узналъ, кто его и учители. Вижу напередъ, какому грамотею ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(Къ Правдину)*. Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка.
Простаковъ. Всему, мой отецъ.
Митрофанъ. Всему, чему изволишь. } *Вмѣстѣ.*

Правдинъ *(Митрофану)*. Чему жъ бы, напримѣръ?

Митрофанъ *(подаетъ ему книгу)*. Вотъ, грамматикѣ.

Правдинъ *(взявъ книгу)*. Вижу. Это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительна да прилагательна...

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? Котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь! Вотъ эта.

Митрофанъ. Эта? Прилагательна.

Правдинъ. Почему жъ?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ *(Митрофану)*. А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Правдинъ. Да не такъ ли вы знаете и географію? [1]).

---

[1]) Варіантъ (по рукописи Румянцевск. музея и по Бекетовскому изданію 1830 г.):

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомоэ.

Г-жа Простакова *(сыну)*. Слышишь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ *(тихо матери)*. А я почемъ знаю.

Г-жа Простакова *(тихо Митрофану)*. Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофанъ *(тихо матери)*. Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова *(Митрофану)*. Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ. Да что такое? Господи Боже мой! Пристали съ ножомъ къ горлу.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай сгодилось бы и къ тому, что ежели бы случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! Да извозчики-то на что жъ? Это ихъ дѣло. Это-таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда,—свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня, въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! Каково это?

Митрофанъ. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я жо, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли вы учились и географіи?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фаделенча. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была голова!

Правдинъ. Что жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ шоходцѣ разбѣжался онъ хмельной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: забылъ наклониться—какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо [1]) пригнуло дядю къ похвямъ потылицею [2]), и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака [3]) не развалился; а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ *(Милону)*. Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа Простакова. Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ бывало всякій того и смотритъ, что на покой. *(Правдину)*. Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ и теперь, сюда шедши, я видѣла, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Правдинъ. Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ! *(Вставая)*. Я прошу извинить меня, что васъ оставлю. Можетъ быть, есть ко мнѣ какія-нибудь повелѣнія отъ намѣстника.

Стародумъ *(встаетъ, и всѣ встаютъ)*. Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

---

[1]) индо (употребительнѣе инда)—такъ что (народное слово).

[2]) потылица—затылокъ (народное областное слово). Слово похви (употребительнѣе пахви), родит. похвей, зн. ремень съ петлею, въ которую, при запряжкѣ лошади, продѣвается хвостъ ея (Словарь Даля и Академ.).

[3]) тумакъ—1) рыба тунецъ (scomber thynnus); 2) ударъ, преимущественно ударъ кулакомъ.

Правдинъ. Я еще увижусь съ вами. Вы завтра ѣдете поутру?

Стародумъ. Часовъ въ семь. *(Правдинъ отходитъ).*

Милонъ. А я завтра же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду сдѣлать къ тому распоряженіе. *(Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами).*

Явленіе IX.

Г-жи Простакова, Митрофанъ, Простаковъ, Еремѣевна, Стародумъ и Софья.

Г-жа Простакова *(Стародуму).* Ну, мой батюшка, ты довольно видѣлъ, каковъ Митрофанушка?

Скотининъ. Ну, мой другъ сердечный, ты видишь, каковъ я?

Стародумъ. Узналъ обоихъ, нельзя короче.

Скотининъ. Быть ли за мною Софьюшкѣ?

Стародумъ. Не бывать.

Г-жа Простакова. Женихъ ли ей Митрофанушка?

Стародумъ. Не женихъ.

Г-жа Простакова. А что бъ помѣшало?
Скотининъ. За чѣмъ дѣло стало? } *Вмѣстѣ.*

Стародумъ *(сведя обоихъ).* Вамъ однимъ за секретъ сказать можно: она сговорена. *(Отходитъ и даетъ знакъ Софьѣ, чтобъ шла за нимъ).*

Г-жа Простакова. Ахъ, злодѣй!

Скотининъ. Да онъ рехнулся.

Г-жа Простакова *(съ нетерпѣніемъ).* Когда они выѣдутъ?

Скотининъ. Вѣдь ты слышала, поутру въ семь часовъ.

Г-жа Простакова. Въ семь часовъ.

Скотининъ. Завтра и я проснусь съ свѣтомъ вдругъ. Будь онъ уменъ, какъ изволитъ, а и съ Скотининымъ развяжешься не скоро *(отходитъ).*

Г-жа Простакова *(бѣгая по театру въ злобѣ и въ мысляхъ).* Въ семь часовъ!... Мы встанемъ поранѣ... Что захотѣла, поставлю на своемъ... Всѣ ко мнѣ! *(Всѣ подбѣгаютъ).*

Г-жа Простакова *(къ мужу).* Завтра въ шесть часовъ чтобъ карета подвезена была къ заднему крыльцу. Слышишь ли ты! Не проѣвай.

Простаковъ. Слушаю, мать моя.

Г-жа Простакова *(къ Еремѣевнѣ).* Ты во всю ночь не смѣй вздремать у Софьиныхъ дверей. Лишь она проснется, бѣги ко мнѣ.

Еремѣевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова *(сыну)*. Ты, мой другъ сердечный, самъ въ шесть часовъ будь совсѣмъ готовъ и не вели лакеямъ изъ комнатъ отлучаться.

Митрофанъ. Все будетъ сдѣлано.

Г-жа Простакова. Подите жъ съ Богомъ. *(Всѣ отходятъ)*. А я ужъ знаю, что́ дѣлать. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Старикъ погнѣвается, да проститъ и за неволю. А мы свое возьмемъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе I.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

Стародумъ Итакъ имѣешь теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы?

Правдинъ. Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни при первомъ бѣшенствѣ, отъ котораго могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародумъ. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что́ законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно [1]).

. . . . . .

Правдинъ. Чтобы въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи.

Стародумъ. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурного воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ-учителямъ! Сколько дворянъ-отцовъ, которые нравственное воспитаніе

---

[1]) Въ «Наказѣ» сказано: «Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ... государственная вольность во гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью: и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ». (Примѣч. къ изд. подъ ред. Ефремова).

сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька да молодой баринъ [1]).

Правдинъ. Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

Стародумъ. Это все правда: да я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе [2]). Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ ему въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. Надобно дѣйствительно, чтобы всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе: тогда можно быть увѣрену... Что за шумъ?

Стародумъ. Что такое сдѣлалось?

Явленіе II.

Тѣ же, Милонъ, Софья, Еремѣевна.

Милонъ *(отталкивая отъ Софьи Еремѣевну, которая за нее было уцѣпилась, кричитъ къ людямъ, имѣя въ рукѣ обнаженную шпагу)*. Не смѣй никто подойти ко мнѣ!

Софья *(бросаясь къ Стародуму)*. Ахъ, дядюшка, защити меня!

Стародумъ. Другъ мой, что такое?
Правдинъ. Какое злодѣяніе!
Софья. Сердце мое трепещетъ!
Еремѣевна. Пропала моя головушка!
} *Вмѣстѣ.*

Милонъ. Злодѣи! идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее подъ руки, не смотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

[1]) Въ старину часто помѣщики поручали крѣпостнымъ людямъ надзоръ за своими дѣтьми.

[2]) «Опытъ доказалъ — говорится въ докладѣ Бецкаго — что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямого гражданина; напротивъ, онъ (т.-е. разумъ) становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердцѣ добродѣтель... При недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ». (Прим. къ изд. подъ ред. Ефремова).

Софья. Вотъ мой избавитель!

Стародумъ. Другъ мой!

Правдинъ *(Еремѣевнѣ)*. Сейчасъ скажи, куда везти хотѣли, или какъ съ злодѣйкой...

Еремѣевна. Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться!

Г-жа Простакова *(за кулисами)*. Плуты! воры! мошенники! Всѣхъ прибить велю до смерти!

Явленіе III.

Тѣ же, г-жа Простакова, Простаковъ и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа въ домѣ! *(Указывая на Милона)*. Чужой погрозитъ, приказъ мой ни во что!

Правдинъ. Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право вамъ, какъ дядѣ, а вамъ, какъ жениху...

Г-жа Простакова. Жениху!
Простаковъ. Хороши мы! } *Вмѣстѣ.*
Митрофанъ. Все къ черту!

Правдинъ. Требовать отъ правительства, чтобъ сдѣланная ей обида наказана была всею строгостью законовъ. Сейчасъ представлю ее передъ судъ, какъ нарушительницу гражданскаго спокойства.

Г-жа Простакова *(бросясь на колѣни)*. Батюшки! виновата.

Правдинъ. Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи...

Простаковъ. Безъ вины виноватъ. } *Вмѣстѣ, бросясь на*
Митрофанъ. Виноватъ, дядюшка! } *колѣни.*

Г-жа Простакова. Ахъ, я собачья дочь! что я надѣлала!

Явленіе IV.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! что это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Г-жа Простакова *(стоя на колѣняхъ)*. Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечъ не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не погубите меня. *(К Софьѣ)*. Мать ты моя родная, про ти меня, умилосердись надо мною *(указывая на мужа и сына)* и надъ бѣдными сиротами!

Скотининъ. Сестра! о своемъ ли ты умѣ?

Правдинъ. Молчи, Скотининъ.

Г-жа Простакова. Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Софья *(Стародуму)*. Дядюшка, я мое оскорбленіе забываю!

Г-жа Простакова *(поднявъ руки къ Стародуму)*. Батюшка! прости и ты меня грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ.

Стародумъ. Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ, да не надобно быть и чертомъ.

Милонъ. И преступленіе и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

Правдинъ *(Стародуму)*. Ваша малѣйшая жалоба, ваше одно слово предъ правительствомъ... и ужъ спасти ее нельзя.

Стародумъ. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю.

(Всѣ вскочили съ колѣнъ).

Г-жа Простакова. Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ! теперь-то я всѣхъ переберу поодиночкѣ! теперь-то дошыталось, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки.

Правдинъ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка! это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Правдинъ. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

Скотининъ. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

Правдинъ. Когда захочетъ! Да что за охота? Прямой ты Скотининъ. *(Г-жѣ Простаковой)*. Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-жа Простакова. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что жъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства?

Стародумъ. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмѣхаться: а я теперь же всѣхъ съ головы на голову... *(Порывается идти)*.

Правдинъ *(останавливая ее)*. Поостановитесь, сударыня. *(Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову)*. Именемъ правительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Простаковъ. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Какъ! новая бѣда! За что? за что, батюшка? что я въ своемъ домѣ госпожа...

Правдинъ. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. *(Простакову).* Подите.

Простаковъ *(отходитъ, всплеснувъ руками).* Отъ кого это, матушка!

Г-жа Простакова *(тоскуя).* О, горе взяло! О, грустно!

Скотининъ *(въ сторону).* Ба! ба! ба! Да этакъ и до меня доберутся. Да этакъ и всякій Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь же я отсюда подобру, поздорову.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

Скотининъ *(Стародуму).* Я шелъ было къ тебѣ добиться толку. Женихъ...

Стародумъ *(указывая на Милона).* Вотъ онъ.

Скотининъ. Ага! такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кибитку впрячь, да и...

Правдинъ. Да и ступай въ свои хлѣва. Совѣтую однакожъ и тебѣ поостеречься. Я слышалъ, что съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми.

Скотининъ *(отходя съ трудостію).* Государь ты мой милостивый, да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Люди передо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Явленіе V.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья, Еремѣевна.

Г-жа Простакова *(къ Правдину).* Батюшка! не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможно ль какъ-нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

Правдинъ. Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мнѣ сроку хоть на три дня. *(Въ сторону).* Я дала бы себя знать...

Правдинъ. Ни на три часа.

Стародумъ. Да, другъ мой, она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Г-жа Простакова. Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?

Правдинъ. Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ, а...

Г-жа Простакова. А съ долгами-то раздѣлаться? Не доплачено учителямъ...

Правдинъ. Учителямъ? *(Еремѣевнѣ).* Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда.

Еремѣевна. Чай, что прибрели. А нѣмца-то, мой батюшка?..

Правдинъ. Всѣхъ позови. *(Еремѣевна отходитъ).*

Правдинъ. Не заботься ни о чемъ, сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Стародумъ *(видя въ тоскѣ г-жу Простакову).* Сударыня, ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ?

Явленіе VI.

Тѣ же, Еремѣевна, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Еремѣевна *(введя учителей, къ Правдину).* Вотъ тебѣ и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральманъ *(къ Правдину).* Фаше фысоко-и-плахоротіе, исфолили меня къ сепѣ прасить?

Кутейкинъ *(къ Правдину).* Званъ быхъ, и пріидохъ.

Цыфиркинъ *(къ Правдину).* Что приказу будетъ, ваше благородіе?

Стародумъ *(съ прихода Вральмана въ него вглядывается).* Ба! это ты, Вральманъ?

Вральманъ *(узнавъ Стародума).* Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостифый хоспотинъ! *(Цѣлуя полу Стародума).* Старофенька ли, мой отесъ, пошифать исфолишь?

Правдинъ. Какъ! Онъ вамъ знакомъ?

Стародумъ. Какъ не знакомъ: онъ три года былъ у меня кучеромъ. *(Всѣ показываютъ удивленіе).*

Правдинъ. Изрядный учитель!

Стародумъ. А ты здѣсь въ учителяхъ? Вральманъ! я думалъ, право, что ты человѣкъ добрый и не за свое не возьмешься.

Вральманъ. Та што тѣлать, мой патюшка! Не я перфой, не я послѣтній. Три мѣсеса фъ Москфѣ шатался пезъ мѣстъ, кутшеръ нихтѣ не ната. Пришло мнѣ липо съ голотъ мереть, липо ушитель...

Правдинъ *(къ учителямъ).* Но волѣ правительства ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ, я васъ отпускаю.

Цыфиркинъ. Лучше не надо!

Кутейкинъ. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдинъ. А что тебѣ надобно?

Кутейкинъ. Нѣтъ, милостивый господинъ, мой счетецъ зѣло не малъ. За полгода за ученье, за обувь, что истаскалъ въ три года, за простой, что сюда прибредешь бывало попустому, за...

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкинъ! За что это?

Правдинъ. Не мѣшайтесь, сударыня, я васъ прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду: чему ты выучилъ Митрофанушку?

Кутейкинъ. Это его дѣло, не мое.

Правдинъ *(Кутейкину)*. Хорошо, хорошо. *(Цыфиркину)*. Тебѣ много ль заплатить?

Цыфиркинъ. Мнѣ? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полушки не заплачено.

Цыфиркинъ. Такъ: на тѣ десять рублей я износилъ сапоговъ въ два года,—мы и квиты.

Правдинъ. А за ученье?

Цыфиркинъ. Ничего.

Стародумъ. Какъ ничего?

Цыфиркинъ. Не возьму ничего: онъ ничего не перенялъ.

Стародумъ. Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

Цыфиркинъ. Не за что. Я государю служилъ слишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ: попустому не бралъ и не возьму.

Стародумъ. Вотъ прямо добрый человѣкъ! *(Стародумъ и Милонъ вынимаютъ изъ кошельковъ деньги)*.

Правдинъ. Тебѣ не стыдно, Кутейкинъ!

Кутейкинъ *(потупя голову)*. Посрамихся, окаянный.

Стародумъ *(Цыфиркину)*. Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

Цыфиркинъ. Спасибо, ваше высокородіе, благодаренъ. Дарить меня ты воленъ; самъ, не заслужа, вѣкъ не потребую.

Милонъ *(давая ему деньги)*. Вотъ еще тебѣ, другъ мой!

Цыфиркинъ. И еще спасибо. *(Правдинъ даетъ также ему деньги)*.

Цыфиркинъ. Да за что, ваше благородіе, жалуете?

Правдинъ. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркинъ. И, ваше благородіе! Я солдатъ.

Правдинъ *(Цыфиркину)*. Поди жъ мой другъ, съ Богомъ. *(Цыфиркинъ отходитъ)*.

Правдинъ. А ты, Кутейкинъ, пожалуй-ка сюда завтра, да потрудись разсчесться съ самою госпожою.

Кутейкинъ *(выбѣгая)*. Съ самою! Ото всего отступаюсь.

Вральманъ *(Стародуму)*. Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротіе. Фосмите меня апять къ сепѣ.

Стародумъ. Да ты, Вральманъ, я чаю, отсталъ и отъ лошадей?

Вральманъ. Эй. нѣтъ, мой натюшка! Шіучи съ стѣшнимъ хоспотамъ, касалось мнѣ, што я фсе съ лошатками.

Явленіе VII.

Тѣ же и камердинеръ.

Камердинеръ *(Стародуму)*. Карета ваша готова.

Вральманъ. Прикашишь мнѣ дофести сеня?

Стародумъ. Поди садись на козлы. *(Вральманъ отходитъ).*

Явленіе послѣднее.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Милонъ, Софья, Правдинъ, Митрофанъ, Еремѣевна.

Стародумъ *(къ Правдину, держа руки Софьи и Милона)*. Ну, мой другъ, мы ѣдемъ. Пожелай намъ...

Правдинъ. Всего счастья, на которое имѣютъ право честныя сердца.

Г-жа Простакова *(бросясь обнимать сына)*. Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!

Митрофанъ. Да отвяжись, матушка! какъ навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! и ты меня бросаешь! А! неблагодарный! *(Упала въ обморокъ).*

Софья *(подбѣжавъ къ ней)*. Боже мой! она безъ памяти.

Стародумъ *(Софьѣ)*. Помоги ей, помоги *(Софья и Еремѣевна помогаютъ).*

Правдинъ *(Митрофану)*. Негодница! тебѣ ли грубить матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всего больше до несчастія.

Митрофанъ. Да она, какъ будто невѣдомо...

Правдинъ. Грубіянъ!

Стародумъ *(Еремѣевнѣ)*. Что она теперь? Что?

Еремѣевна *(посмотрѣвъ пристально на г-жу Простакову и всплеснувъ руками)*. Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдинъ *(Митрофану)*. Съ тобой, дружокъ, знаю, что дѣлать. Пошелъ-ка служить...

Митрофанъ *(махнувъ рукою)*. По мнѣ, куда велятъ.

Г-жа Простакова *(очнувшись, въ отчаяніи)*. Погибла я совсѣмъ!

Отнята у меня власть! Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

Стародумъ *(указавъ на г-жу Простакову)*. Вотъ злонравія достойные плоды!

Конецъ комедіи.

Выведенныя въ комедіи «Недоросль» лица распадаются на двѣ группы: на одной сторонѣ — идеалы: Софья, Милонъ, Стародумъ и Правдинъ; на другой—отступленіе отъ идеаловъ: Простаковъ, Простакова, Митрофанъ, Скотининъ, Цыфиркинъ, Кутейкинъ, Вральманъ, Еремѣевна и Тришка. Разсмотримъ значеніе лицъ той и другой группы.

Значеніе лицъ, отступающихъ отъ идеаловъ. Педагогическія мѣры Екатерины II, какъ мы уже знаемъ, клонились къ тому, чтобы посредствомъ хорошаго воспитанія создать «новую породу людей», какъ выражался Бецкій въ своихъ докладахъ императрицѣ. Основною чертою идеала человѣка, воспитаннаго на новыхъ началахъ, было *благонравіе*. Люди новой породы, по мнѣнію Екатерины II, должны быть не только свѣдущи въ тѣхъ или другихъ наукахъ, но должны (и это главное) отличаться благонравіемъ и быть въ полномъ смыслѣ слова добрыми гражданами. Вотъ почему нравственный элементъ и имѣлъ первенствующее значеніе въ системѣ того воспитанія, о которомъ заботилась императрица. Поручивъ Бецкому осуществить на дѣлѣ свои идеи новаго воспитанія, Екатерина въ то же время развивала и разъясняла ихъ путемъ литературы. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ отношеніи она и нашла себѣ достойнаго и наилучшаго помощника въ Фонвизинѣ, вполнѣ раздѣлявшемъ взгляды императрицы.

Какимъ же образомъ Фонвизинъ является помощникомъ Екатерины?

Екатерина заботилась о воспитаніи. Фонвизинъ, желая доказать полную необходимость воспитательныхъ мѣръ, принятыхъ Екатериною, обращается къ дѣйствительной современной жизни и въ ней находитъ самыя рѣзкія противорѣчія, самыя крайнія отступленія отъ того идеала, который создала себѣ императрица: находитъ такихъ людей, какъ Простаковы и Скотинины, и выводитъ ихъ на показъ современному обществу, обнаруживая все ихъ «злонравіе», какъ слѣдствіе дурного воспитанія.

Екатерина во всей своей дѣятельности по вопросу о воспитаніи руководилась слѣдующею основною мыслью: *только одно доброе вос-*

питаніе, только одно благонравіе дѣлаетъ людей достойными, и наоборотъ: *отсутствіе добраго воспитанія, отсутствіе благонравія дѣлаетъ людей недостойными, злонравными*. Фонвизинъ, какъ комикъ, остановился главнымъ образомъ на второй, отрицательной половинѣ этой мысли и ее положилъ въ основаніе своего «Недоросля», гдѣ она у него и развивается художественно, посредствомъ изображенія лицъ, отступающихъ отъ идеаловъ.

Крайними отступленіями отъ идеала человѣка «новой породы» являются въ комедіи Фонвизина: Простаковъ, Простакова, Митрофанъ и Скотининъ, въ особенности Простакова и Митрофанъ, въ лицѣ которыхъ авторъ обрисовалъ самыми яркими красками плоды злонравія: грубость, закоренѣлое невѣжество, безмѣрный эгоизмъ, словомъ—все, что̀ бываетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ дурного воспитанія; а потому Простакова и Митрофанъ, по преимуществу служа для выраженія идеи автора, должны быть признаны главными лицами въ этой комедіи.

Такимъ образомъ въ комедіи «Недоросль» лица, отступающія отъ идеаловъ, имѣютъ слѣдующее значеніе:

1) они выведены съ цѣлью показать «достойные плоды злонравія».

2) изображая эти лица, авторъ ясно указываетъ на важность хорошаго воспитанія, такъ какъ отсутствіе его дѣлаетъ людей недостойными, злонравными.

Значеніе лицъ идеальныхъ. Лица комическія, не идеальныя—всѣ взяты изъ жизни, хотя въ изображеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ есть много карикатурнаго. Не таковы лица идеальныя: они не взяты изъ жизни, а придуманы самимъ авторомъ и выведены на сцену съ особою цѣлью. Такъ *Софья* и *Милонъ* выведены Фонвизинымъ, какъ лица нравственныя, какъ образцы «новой породы людей», въ противоположность семейству Простаковыхъ. Въ лицѣ Софьи и Милона автору хотѣлось указать на рѣзкое различіе, зависящее отъ воспитанія, между людьми злонравными и людьми благонравными. *Стародумъ* же и *Правдинъ* — резоперы. «Они прикомандированы къ пьесѣ, а не входятъ въ нее, какъ живые члены драматическаго организма. Грѣша противъ условій драмы, объ роли важны своимъ служебнымъ отношеніемъ къ идеѣ и цѣли комедіи. Стародумъ особенно былъ для того нуженъ: ему авторъ «Недоросля» передалъ свой обличительный голосъ» [1]); его словами Фонвизинъ высказалъ свои собственныя мысли, имѣющія самое близкое отно-

[1]) Исторія Русск. Слов. А. Галахова, т. I, отд. 2, стр. 151 (по 3-му изд.).

шеніе ко многимъ современнымъ вопросамъ, затронутымъ какъ Екатериною въ «Наказѣ», такъ и Бецкимъ въ его докладахъ. Укажемъ на главнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ.

Стародумъ въ своихъ разсужденіяхъ съ большою опредѣленностію рѣшаетъ вопросы: а) относительно *достоинства человѣка*, б) относительно *семейной жизни*, в) *объ обязанностяхъ дворянина*, г) *о воспитаніи*.

а) Относительно *достоинства человѣка* Стародумъ высказываетъ слѣдующія мысли: «Имѣй сердце, имѣй душу — и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы». «Безъ души просвѣщеннѣйшая умница — жалкая тварь». «Съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду». (Д. III, явл. 1). «Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много, и много разныхъ. Умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого-нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели недостаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ». (Д. IV, явл. 2). Совершенно сходное съ этимъ читаемъ и въ докладѣ Бецкаго: «Опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямого гражданина; напротивъ, онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердцѣ добродѣтель». Во многихъ инструкціяхъ и распоряженіяхъ императрицы Екатерины II встрѣчаемъ слѣдующія фразы: «наче всего разсматривать похвальное поведеніе и благонравіе учениковъ: не науки только и художества умножать въ народѣ, но вкоренять въ сердце добронравіе».

б) Относительно *семейной жизни* Стародумъ, разсуждая съ Софьей, замѣчаетъ: «При нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ, знатенъ ли, богатъ ли женихъ? хороша ли, богата ли невѣста? о благонравіи вопроса нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большого чина презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ». Вслѣдствіе этого вотъ что случается: «вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго ти-

рана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость... Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ?» (Д. IV, явл. 2).

в) Относительно *обязанностей дворянина* Стародумъ также высказываетъ свои мнѣнія: «Дворянинъ, говоритъ Стародумъ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить». (Д. IV, явл. 2). Дворянинъ, по словамъ Стародума, только въ одномъ случаѣ можетъ и долженъ оставить службу: «когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ». (Д. III, явл. 1). Согласно съ этимъ въ «Наказѣ» говорится: «Добродѣтель съ заслугами возводитъ людей на степень дворянства. Добродѣтель и честь должны быть, по-моему, правилами, предписывающими любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и вѣрность къ государю и безпрестанно внушающими не дѣлать никакого безчестнаго дѣла».

г) Взгляды Стародума на *воспитаніе* отчасти уже объясняются изъ тѣхъ его мыслей, которыя приведены здѣсь. Прибавимъ къ этому только еще одно его замѣчаніе. «Я желалъ бы, говоритъ Стародумъ, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — *благонравіе*. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія». (Д. V, явл. 1). Эти слова Стародума находятся въ самой тѣсной связи съ словами Бецкаго въ его докладѣ и со словами Екатерины II въ ея «Наказѣ».

Комедія «Недоросль» имѣетъ, конечно, недостатки, какъ и всякая комедія, написанная подъ вліяніемъ ложнаго классицизма: въ ней также соблюдено единство времени, мѣста и дѣйствія; лица раздѣлены на добродѣтельныхъ и порочныхъ, введены резонеры; въ изображеніи нѣкоторыхъ лицъ есть много карикатурнаго. Но всѣ эти недостатки окупаются, во-первыхъ, важностью цѣли и идеи комедіи; во-вторыхъ, мастерскимъ изображеніемъ главныхъ лицъ — Простаковой и Митрофана; въ-третьихъ, ея отношеніемъ къ совре-

менности: въ ней мы находимъ вѣрную картину современныхъ нравовъ. Самыя разсужденія резонеровъ, которыя теперь могутъ казаться намъ утомительными, имѣли для своего времени большое значеніе: устами этихъ резонеровъ, въ особенности устами Стародума, авторъ проводилъ въ общество свѣтлыя идеи императрицы и истолковывалъ мѣры правительства по вопросу о воспитаніи и вообще по вопросу о гражданскомъ благоустройствѣ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о языкѣ «Недоросля». Въ языкѣ этого произведенія Фонвизина легко отличить два элемента: разговорный и книжный. Лица комическія говорятъ языкомъ разговорнымъ, съ примѣсью простонародныхъ словъ и выраженій; рѣчь же лицъ идеальныхъ отличается книжнымъ характеромъ, при чемъ замѣтны слѣды вліянія французскаго языка, что выразилось во многихъ галлицизмахъ [1]).

Сюжетъ комедіи «Бригадиръ» слѣдующій. Два старика — *Бригадиръ* и *Совѣтникъ* влюбляются въ чужихъ женъ: Бригадиръ въ *Совѣтницу*, а Совѣтникъ въ *Бригадиршу*. Рядомъ съ этой комической любовью стоитъ серьезная любовь *Добролюбова* къ *Софьѣ*, дочери Совѣтника. Но Софью прочатъ за сына Бригадира—*Иванушку*, которому однако нравится не Софья, а тоже, какъ и отцу его, Совѣтница. Въ концѣ комедіи всѣ эти запутанныя отношенія раскрываются, и Софья становится невѣстой Добролюбова.

Сюжетъ комедіи, правда, незначителенъ, и въ художественномъ отношеніи она уступаетъ «Недорослю»; но, не смотря на это, комедія «Бригадиръ» также очень важна своимъ отношеніемъ къ современности. Въ ней прежде всего, въ лицѣ Иванушки и Совѣтницы, обнаруживаются послѣдствія ложно понятаго европейскаго образованія. Иванушка—главное дѣйствующее лицо комедіи—баловень невѣжественной матери, получившій воспитаніе въ пансіонѣ, который содержалъ какой-то французъ, бывшій прежде кучеромъ. Начатое такимъ образомъ воспитаніе Иванушка докачиваетъ въ Парижѣ, гдѣ онъ не научился ничему серьезно, а усвоилъ лишь одну внѣшнюю сторону европейской жизни и, вернувшись домой, сталъ относиться съ смѣшнымъ презрѣніемъ ко всему русскому и родному. Отецъ говоритъ о немъ, что онъ «сдѣлался новѣсой». Подъ пару Иванушкѣ выставлена Совѣтница — также образчикъ моднаго воспитанія.

Но, осмѣивая въ этой комедіи главнымъ образомъ ложное по-

[1]) Галлицизмы эти отмѣчены въ примѣчаніяхъ.

ниманіе европеизма, Фонвизинъ осмѣиваетъ и другія темныя стороны жизни, бывшія слѣдствіемъ отсутствія правильнаго и хорошаго воспитанія. Такъ, онъ осмѣиваетъ грубость — въ лицѣ Бригадира, скупость—въ лицѣ Бригадирши, взяточничество—въ лицѣ Совѣтника, и общее всѣмъ этимъ лицамъ невѣжество.

Въ противоположность всѣмъ этимъ комическимъ лицамъ, въ «Бригадирѣ», какъ и въ «Недорослѣ», выставлены лица идеальныя — Добролюбовъ и Софья, люди «новой породы», отличающіеся «благонравіемъ», которое и составляетъ главную цѣль хорошаго воспитанія.

ИЗЪ КОМЕДІИ «БРИГАДИРЪ».

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1-е.

Совѣтникъ *(смотря въ календарь)*. Такъ ежели Богъ благословитъ, то двадцать шестое число быть свадьбѣ.

Сынъ [1]). Hélas.

Бригадиръ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не мѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женой и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша. Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда *(указывая на Совѣтника)* хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ. А чтобъ лучше на Него, Господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ *(вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака)*. Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго: наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядового.

Бригадиръ. Жена, не все ври, что знаешь.

---

[1]) т.-е. сынъ Бригадира—Иванушка.

Совѣтникъ. Полно, сосѣдушка. Не грѣши, ради Бога, не гнѣви Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть коллегіи президентомъ—вотъ какъ премудра Акулина Тимоѳеевна.

Бригадиръ. Премудра! Вотъ-на, сосѣдушка! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишь; а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походитъ. Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, въ глаза и за глаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мужчина и бригадиръ, однако, ей-ей, радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ ея высокородія.

Сынъ. Dieu! сколько прекрасныхъ комплиментовъ: батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умовъ—голова головы лучше!

Совѣтникъ. А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ. Къ какимъ дѣламъ? Что читать?

Бригадиръ. Читать? Артикулъ и Уставъ Военный! Не худо прочесть также Инструкцію Межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ. Паче всего изволь читать Уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша. Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки: лучше плуты люди тебя не обманутъ. Ты тамо не дашь уже пяти копеекъ, гдѣ надобно дать четыре копейки съ денежкой.

Совѣтница. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дурою.

Сынъ. Madame, вы говорите правду. О! vous avez raison. Я самъ, кромѣ романовъ, ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья *(въ сторону)*. Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То, что я о васъ думаю.

Сынъ. А что бы это было? Je vous prie, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ. Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю, о чемъ-то съ ума сходитъ.

Бригадиръ. О, это пройдетъ! У меня жена передъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразуміи здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда-нибудь была умнѣе.

Бригадирша. Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье! Продли Богъ долгіе твои вѣки! А я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

Совѣтникъ. Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя имѣть будетъ такую благоразумную свекровь.

Совѣтница *(вздыхаетъ)*. Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне, мы всѣ равны.

Совѣтникъ. Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно то въ военной службѣ, что я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства распроломали голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ Коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой

кусокъ хлѣба и получше, ежели бы жена моя [не такая была охотница до корсетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

Совѣтница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить [1]) станешь.

Совѣтникъ. Безъ власти Создателя и Святѣйшаго Синода развестись намъ невозможно. Вотъ мое мнѣніе: Богъ сочетаетъ—человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ. Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи Онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ. Да то во Франціи, а не у насъ, православныхъ. Нѣтъ, дорогой зять! Какъ мы, такъ и жены наши, всѣ въ рукѣ Создателя. У Него всѣ власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша. Вѣдь вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то-и-дѣло деньги да деньги считаю. Какъ же это? Самъ Господь волоски наши считать изволитъ, а мы, рабы Его, и деньги считать лѣнимся, — деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосовъ насилу алтынъ за гривдать достать можно.

Бригадиръ. Враки. Я не вѣрю, чтобъ волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены. Я бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ Ему?

Бригадирша. Не грѣши мой батюшка, ради Бога. У Него генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ. Ай, жена! Я тебѣ говорю, не вступайся: или я скоро сдѣлаю то, что и вирямъ на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала побольше, такъ бы ты такой пустоши и не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, Который все знаетъ, не извѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ? Стыдное дѣло.

Совѣтница. Оставьте такіе разговоры. Развѣ нельзя о другомъ дискюрировать [2]). Выбрали такую серьезную матерію, которой я не понимаю.

Бригадиръ. Я и самъ, матушка, не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до баталій, и ничего такого, что бы...

Совѣтникъ. Что бы по крайней мѣрѣ хотя служило къ должности судьи, истца или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, не охотно говорю о томъ, о чемъ, разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на Уложенье.

Бригадирша. Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. *(Къ Совѣтницѣ).* Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй, скажи мнѣ, что у васъ идетъ людямъ: застольное или деньгами. Свой ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленый?

Сынъ. C'est plus intéressant.

Совѣтница. Шутишь, радость! Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина?

Совѣтникъ *(къ женѣ).* Не стыди меня, матушка Акулина Тимоѳеевна.

---

[1]) Скиляжничать, капабельна (способна), шпетить—все модныя слова щеголихъ. Надъ подобными словами не мало смѣялись и тогдашніе сатирическіе журналы.

[2]) Разсуждать.

Люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣтъ: хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бригадирша. Такъ-то у меня мой Игнатій Андреевичъ: ему ни до чего дѣла нѣтъ. Я одна хожу въ амбары.

Совѣтникъ *(въ сторону)*. Сокровище, а не женщина! Какія у нея медоточивыя уста! Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадиръ. Что ты это говоришь, сватъ? *(Въ сторону)*. Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ. Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бригадиръ. Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

Бригадирша. Да какъ же, батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ, — такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадиръ. Слушай, жена! Мнѣ все равно, сдуру ли врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобъ ты больше рта не отворяла. Ей-ей, будетъ худо!

Сынъ. Mon père! не горячитесь.

Бригадиръ. Что не горячитесь?

Сынъ. Mon père! я говорю: не горячитесь.

Бригадиръ. Да перваго-то слова, чортъ те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ. Ха, ха, ха, ха! теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по-французски не знаете.

Бригадиръ. Экъ онъ горло-то распустилъ! Да ты, смысля по-русски, для чего мелешь то, чего здѣсь не разумѣютъ?

Совѣтница. Полно, сударь! Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка Игнатій Андреевичъ, пусть Иванушка говоритъ, какъ хочетъ. По мнѣ все равно. Иное говоритъ онъ, кажется, и по-русски, а я, какъ умереть, ни слова не разумѣю. Что и говорить! Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Совѣтникъ. Конечно, матушка! Кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать Его. Нынѣ, слава Богу, не прежнія времена. Сколько грамотей у насъ развелось! И то-то, вѣдь кому Господь откроетъ. Прежде бывало, кто писывали хорошо по-русски, такъ тѣ знавали грамматику; а нынѣ никто ея не знаетъ, а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики, любо-дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который что когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою вовѣки того разумѣть не можетъ.

Бригадиръ. На что, сватъ, грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до шестидесятя лѣтъ, да и дѣтей взвелъ. Вотъ уже Иванушкѣ гораздо за двадцать, а онъ—въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать—и не слыхивалъ о грамматикѣ.

Бригадирша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь; а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ.

Совѣтница. Чертъ меня возьми, ежели грамматика къ чему-нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты.

Сынъ. J'en suis d'accord: на что грамматика? Я самъ писывалъ тысячу бильеду, и мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu, ma reine—можно сказать, не заглядывая въ грамматику.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе 1-е.

Бригадиръ. Слушай, Иванъ, я рѣдко смолоду краснѣлъ, однако теперь отъ гебя, при старости, сгорѣлъ было.

Сынъ. Mon cher père! или сиссно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на русской?

Бригадиръ. Да ты что за французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.

Бригадиръ. Однако ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ. Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалась.

Бригадиръ. Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ! этакой оселъ!

Сынъ. Этакой оселъ! *(Въ сторону).* Il ne me flatte pas... Я вамъ еще сказываю, батюшка, je vous le répète, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, monsieur.

Бригадиръ. Дурачина! дурачина! Что ты ни скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну кстати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по крайней мѣрѣ ненадобно, что я отъ арміи бригадиръ.

Сынъ. Je m'en moque.

Бригадиръ. Что это за манмокъ?

Сынъ. То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ, я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ...

Бригадиръ. О, ежели бъ это забыть можно было! Да нѣтъ, другъ мой, ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутеномъ.

Сынъ. Батюшка! вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ. Твоя правда, не къ чему; а впередъ, какъ ты что-нибудь соврешь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

Сынъ. Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякій галантомъ, а особливо, кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; слѣдовательно не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ. Этакой уродъ! Отца приравнялъ къ медвѣдю! развѣ я на него похожъ?

Сынъ. Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voilà mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бригадиръ. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, батюшка: не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бригадиръ. Это къ чему? Конечно, всѣ, отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ. Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не поместить себя тутъ же?

Сынъ. Очень хорошо. А когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ,—то должень ли я вамъ хотя маленькимъ респектомъ?

Бригадиръ. Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается, однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣтишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Этакой скосырь выѣхалъ.

Явленіе 2-е.

Бригадирша. Что за шумъ? Что ты, мой батюшка, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушка, какого намъ убытку? Не потерялъ ли ты чего-нибудь?

Бригадиръ. И очень много! пропажа не мала.

Бригадирша *(запыхаясь)*. Что за бѣда? Что такое?

Бригадиръ. Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него былъ.

Бригадирша *(отдыхая)*. Тьфу, какая пропасть! Слава Богу! Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямь не пропало ль что-нибудь.

Бригадиръ. А развѣ умъ-отъ ничто?

Бригадирша. Какъ ничто? Кто тебѣ это сказывалъ, батюшка? Безъ ума жить худо: что ты наживешь безъ него?

Бригадиръ. Безъ него? А безъ него нажила ты вотъ этого урода. Не говаривалъ ли я тебѣ: жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ: пусть онъ, служа въ полку, ума набирается, какъ то я дѣлывалъ; а ты всегда изволила болтать: ахъ, батюшка, нѣтъ, мой батюшка! что ты съ младенцемъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой! Вотъ, мать моя! вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ кобелю: не изволишь ли и ты послушать?

Сынъ *(зѣваетъ)*. Quelles espèces!

Бригадиръ. Вотъ, говори ты съ нимъ пожалуй, а онъ лишь только ротъ деретъ. Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я.

Другія сочиненія Фонвизина.

Кромѣ комедій «Бригадиръ» и «Недоросль», Фонвизинъ написалъ еще нѣсколько другихъ сочиненій, которыя также заслуживаютъ вниманія, такъ какъ авторъ касался въ нихъ задачъ и дѣлъ внутренняго устройства государства и успѣховъ гражданственности.

Изъ этихъ сочиненій наиболѣе замѣчательны:

«Письмо Взяткина», написанное отъ имени вымышленнаго лица, но тѣмъ не менѣе обрисовывающее различныя беззаконія и плутни.

«Разговоръ у княгини Халдиной», въ которомъ идетъ рѣчь о средствахъ приготовить достойныхъ судей и адвокатовъ.

«Вопросы Екатеринѣ II», затрогивающіе важнѣйшіе государственные и общественные интересы.

«Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ», гдѣ Фонвизинъ, описывая свою собственную жизнь, въ то же время характеризуетъ тогдашнее университетское образованіе, даетъ понятіе о замѣчательныхъ современникахъ и свидѣтельствуетъ о томъ, какъ наше общество увлеклось всѣмъ французскимъ.

Наконецъ надо упомянуть и о «Письмахъ изъ Франціи», которыя Фонвизинъ писалъ къ графу П. И. Панину, во время первой своей поѣздки за границу (1777—78). Письма эти, заключая въ себѣ характеристику положенія Франціи незадолго до революціи, замѣчательны, между прочимъ, очень недружелюбнымъ отношеніемъ ихъ автора ко всему французскому. Это недружелюбное отношеніе легко можетъ быть объяснено какъ крайность, вызванная другою крайностью: слишкомъ уже слѣпымъ увлеченіемъ всѣмъ тѣмъ, что исходило изъ Франціи—увлеченіемъ, которымъ было такъ заражено тогдашнее русское общество. Вотъ, для образца, два письма Фонвизина изъ Монпелье.

ИЗЪ «ПИСЕМЪ ИЗЪ ФРАНЦІИ» ФОНВИЗИНА.

Монпелье, $\frac{22 \text{ ноября}}{3 \text{ декабря}}$ 1777 г.

ИзъЛіона пріѣхалъ я сюда въ пять дней. Монпелье городъ небольшой, но имѣющій пріятное мѣстоположеніе; улицы его узки и скверны, но дома есть очень хорошіе. Университетъ здѣшній основанъ въ 1180 году, и медицинскій его факультетъ славенъ въ Европѣ. Внѣ города есть la place du Peyrou, пріятнѣйшее и великолѣпнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ. На немъ прогуливается цѣлый городъ ежедневно. Мѣсто высокое, чистое, усаженное деревьями, украшенное статуею Людовика XIV и удивляющее взоръ славнымъ aqueduc (водопроводъ), длины превеликой и работы, достойной вниманія. Отсюда вода идетъ во весь городъ. Средиземное море видно съ сего мѣста, а при восхожденіи солнца видна, сказываютъ, и Испанія. Сіе прекрасное мѣсто заслуживаетъ и быть въ такомъ климатѣ, каковъ здѣшній, гдѣ гулянье во всѣ времена года составляетъ наилучшую забаву.

Въ разсужденіи общества теперь здѣсь самое наилучшее время. Les Etats de Languedoc собрались сюда по обыкновенію на два мѣсяца. Они состоятъ изъ уполномоченныхъ отъ короля правителей, духовенства и дворянства. Собраніе сего Земскаго Суда имѣетъ предметомъ своимъ распоряженіе дѣлъ Лангедокской провинціи и сборъ для короля подати, называемой don gratuit. Знатнѣйшіе члены суть: первый комендантъ сей провинціи и кавалеръ ордена Святого Духа графъ Перигоръ, архіепископъ нарбонскій, комендантъ графъ Монканъ, комендантъ ви-

контъ де Сентъ-При, первый баронъ и кавалеръ ордена Святого Духа маркизъ де-Кастръ и первый президентъ города Кларисъ; все люди знатные и почтенные. Они имѣютъ открытые домы и чужестранцевъ съ открытою ласкою принимаютъ. Мы, съ своей стороны, весьма довольны ихъ гостепріимствомъ и обыкновенно званы бываемъ во всѣ ихъ общества.

Позвольте, милостивый государь [1]), включить здѣсь то описаніе бывшей здѣсь на сихъ дняхъ церемоніи, называемой l'ouverture des Etats, которое имѣлъ я честь сдѣлать въ письмѣ моемъ къ его сіятельству, братцу вашему [2]). Сіе зрѣлище заслуживало любопытство чужестранцевъ какъ по великолѣпію, съ коимъ сей обрядъ отправлялся, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собраніе было весьма многолюдное, въ залѣ стариннаго дома, называемаго Gouvernement des Etats. Пришедъ въ уреченный часъ и взявъ свои мѣста, ожидали прибытія графа Перигора, какъ представляющаго особу королевскую. Какъ скоро оное возвѣщено было, то все дворянство вышло къ нему на встрѣчу, и онъ, въ кавалерскомъ платьѣ и шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно возвышенное мѣсто, сѣлъ въ кресла подъ балдахиномъ; по правую сторону архіепископъ нарбонскій и двѣнадцать епископовъ, а по лѣвую дворянство въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ и шляпахъ. Засѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго Монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣніе французскихъ государей, сказано въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь, весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподданныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ сего краснорѣчія. Интендантъ читалъ съ своей стороны также рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію, и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати. Послѣ сего архіепископъ нарбонскій говорилъ поучительное слово. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища, и заключилъ тѣмъ, что съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ со сторицею ту сумму, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей сопровождаема была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ. Интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что въ противномъ случаѣ взяли бъ съ нихъ насильно.—Le don gratuit съ капитаціею [3]) состоитъ въ сборѣ съ Лангедокской провинціи на наши деньги 920.000 р.

Монпелье, $^{15}/_{26}$ января 1778 г.

Опытъ показываетъ, что всякій порокъ ищетъ прикрыться наружностію той добродѣтели, которая съ нимъ граничитъ. Скупой, напримѣръ, присвояетъ себѣ бережливость, мотъ—щедрость, а легкомысленные и трусливые люди—вѣжливость.

---

[1]) Обращеніе къ гр. Н. И. Панину.

[2]) Н. И. Панину.

[3]) Capitation—подушный окладъ

И въ самомъ дѣлѣ, кто, слыша ложь или ошибку, не смѣетъ или не смыслитъ противорѣчить, тому всего вѣрнѣе и легче согласиться, тѣмъ больше, что всякая потачка пріятна большей части людей. Сіе правило здѣсь стало всеобщее; оно совершенно отвращаетъ господъ французовъ отъ всякаго человѣческаго размышленія и дѣлаетъ ихъ простымъ эхомъ того человѣка, съ коимъ разговариваютъ. Почти всякій французъ, если спросить его утвердительнымъ образомъ, отвѣчаетъ: *да*; а если отрицательнымъ о той же матеріи, отвѣчаетъ: *нѣтъ*. Сколько разъ, имѣя случай разговаривать съ отличными людьми, напримѣръ, о вольности, начиналъ я рѣчь мою тѣмъ, что, сколько мнѣ кажется, сіе первое право человѣка во Франціи свято сохраняется, на что съ восторгомъ мнѣ отвѣчаютъ, que le Français est né libre; что сіе право составляетъ ихъ истинное счастіе; что они помрутъ прежде, нежели стерпятъ малѣйшее оному нарушеніе. Выслушавъ сіе, завожу я рѣчь о примѣчаемыхъ мною неудобствахъ и нечувствительно открываю имъ мысль мою, что желательно бъ было, если бъ вольность была у нихъ не пустое слово. Повѣрите ли, милостивый государь, что тѣ же самые люди, кои восхищались своею вольностію, тотъ же часъ отвѣчаютъ мнѣ: o monsieur, vous avez raison! le Français est écrasé, le Français est ésclave. Говоря сіе, впадаютъ въ преужасный восторгъ негодованія, и если не унять, то хотя цѣлыя сутки рады бранить правленіе и унижать свое состояніе.

Если такое разнорѣчіе происходитъ отъ вѣжливости, то по крайней мѣрѣ не предполагаетъ большого разума. Можно, кажется, быть вѣжливому и соображать притомъ слова свои и мысли. Вообще надобно отдать справедливость здѣшней націи, что слова сплетаютъ мастерски, и если въ томъ состоитъ разумъ, то всякій здѣшній дуракъ имѣетъ его превеликую долю. Мыслятъ здѣсь мало, да и некогда, потому что говорятъ много и очень скоро. Обыкновенно отворяютъ ротъ, не зная еще, что сказать; а какъ затворить ротъ, не сказавъ ничего, было бы стыдно, то и говорятъ слова, которыя машинально на языкъ попадаются, не заботясь много, есть ли въ нихъ какой-нибудь смыслъ. Притомъ каждый имѣетъ въ запасѣ множество выученныхъ наизусть фразъ, правду сказать, весьма общихъ и ничего не значащихъ, которыми однакожъ отдѣлывается при всякомъ случаѣ. Сіи фразы состоятъ обыкновенно изъ комплиментовъ, часто весьма натянутыхъ и всегда излишнихъ для слушателя, который пустоты слушать не хочетъ.

ГАВРІИЛЪ РОМАНОВИЧЪ ДЕРЖАВИНЪ.

(1743—1816).

Среди писателей Екатерининской эпохи крупнымъ литературнымъ талантомъ, кромѣ Фонвизина, отличался еще Державинъ. Въ его сочиненіяхъ, какъ и въ сочиненіяхъ Фонвизина, также отразился вѣкъ Екатерины, но лишь въ иной формѣ, что зависѣло отъ различнаго характера талантовъ обоихъ писателей: Фонвизинъ былъ комикъ, Державинъ — лирикъ. Отсюда лучшія сочиненія Фонвизина—его комедіи; лучшія сочиненія Державина—его оды.

Біографическія свѣдѣнія о Державинѣ.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ, сынъ бѣднаго дворянина, родился въ Казани, въ 1743 году. Родъ свой Державины вели отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго въ Россію изъ Золотой Орды еще при Василіи Темномъ. Вскорѣ по рожденіи Державина отецъ его былъ переведенъ на службу въ Оренбургъ, и тамъ провелъ Державинъ нѣсколько лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока мать его, по смерти мужа, снова не переселилась въ Казань. Въ Оренбургѣ началось первоначальное воспитаніе Державина. О томъ, каково оно было, мы узнаемъ изъ «Записокъ», оставленныхъ самимъ же Гавріиломъ Романовичемъ. «За неимѣніемъ въ тогдашнее время въ томъ краю [1]) учителей, разсказываетъ Державинъ, наученъ отъ церковниковъ читать и писать. Мать однако, имѣя болѣе времени быть дома, когда отецъ отлучался по должностямъ своимъ на службу, старалась пристрастить къ чтенію книгъ духовныхъ, поощряя къ тому награжденіемъ игрушекъ и конфектовъ... При вступленіи въ отроческія лѣта, т.-е. по седьмому году, по тогдашнимъ законамъ, явленъ былъ на первый смотръ губернатору и отданъ для ученія нѣмецкаго языка, за неимѣніемъ тамъ другихъ учителей, сосланному за какую-то вину въ каторжную работу нѣкоторому Іосифу Розѣ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей въ Оренбургѣ, при должностяхъ находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставникъ, кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными но даже и неблагопристойными штрафами;... былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей твержепію наизусть вокабулъ и разговоровъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, посредствомъ такового ученія разумѣлъ уже здѣсь упомянутый питомецъ по-нѣмецки читать, писать и говорить». Такъ воспитывался Державинъ въ Оренбургѣ. Далѣе Гавріилъ Романовичъ разсказываетъ, какъ продолжалось его воспитаніе въ Казани до поступленія въ гимназію. Онъ говоритъ, что его мать, не смотря на крайнюю бѣдность, въ которой она жила вдовою въ Казани, не переставала заботиться объ образованіи сына, но не могла и тамъ найти лучшихъ учителей, какъ гарнизоннаго школьника Лебедева и артиллеріи штыкъ-юнкера Полстаева, которые сами были мало свѣдущи и учили Державина ариѳметикѣ и геометріи «безъ доказательствъ и правилъ». Въ 1795 г. открылась въ Казани гимназія, и Державинъ поступилъ въ число ея учениковъ. Но и въ гимназіи

[1]) т.-е. въ Оренбургскомъ краю. Въ своихъ «Запискахъ» Державинъ вездѣ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Державинъ, какъ онъ самъ признается въ своихъ «Запискахъ», не многому научился: «Болѣе всего старались, пишетъ онъ, научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каоедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи: также представлять на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ по случаю экзаменовъ, что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило людскость и нѣкоторую розвязь въ обращеніи».

По выходѣ изъ гимназіи (1762) Державинъ, давно уже записанный въ Преображенскій полкъ, поступилъ на службу рядовымъ и, не имѣя въ Петербургѣ ни родныхъ ни знакомыхъ, принужденъ былъ жить въ общей казармѣ. Тутъ Державинъ «долженъ былъ, хотя и не хотѣлъ, выкинуть изъ головы науки. Однако, какъ сильную имѣлъ къ нимъ склонность, то, не могши упражняться, по тѣснотѣ комнаты, ни въ рисованіи ни въ музыкѣ, чтобы другимъ своимъ компаніонамъ не наскучить, по ночамъ, когда всѣ улягутся, читалъ книги, какія гдѣ достать случалось, нѣмецкія и русскія, и маралъ стихи безъ всякихъ правилъ, которые никому не показывалъ, что однако, сколько ни скрывалъ, но не могъ утаить отъ компаніоновъ». Въ числѣ книгъ, которыми зачитывался Державинъ, были между прочимъ и сочиненія Ломоносова, изъ которыхъ особенно понравились ему оды «россійскаго Пиндара». Увлеченіе ими и было первою причиною, вызвавшею въ Державинѣ желаніе писать стихи, которые онъ, какъ самъ говоритъ, и маралъ безъ всякихъ правилъ, пока не познакомился съ «Новымъ способомъ» Тредьяковскаго. Эта книга была первою, по которой онъ научился стихосложенію, а первыми образцами были оды Ломоносова. Такъ старался Державинъ пополнять недостатки своего образованія при самой неблагопріятной обстановкѣ своей десятилѣтней казарменной жизни.

Въ 1772 г. Державинъ былъ произведенъ въ офицеры, принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи Пугачовскаго бунта и вскорѣ затѣмъ, оставивъ военную службу, перешелъ на гражданскую. Эта перемѣна службы имѣла вліяніе и на литературную дѣятельность Державина, такъ какъ она дала возможность ему сблизиться съ извѣстными въ то время литераторами—Львовымъ, Капнистомъ и Хемницеромъ, которые, предугадавъ въ немъ будущаго даровитаго поэта, не оставляли его своими наставленіями и совѣтами. И дѣйствительно, до своего сближенія съ этими лицами, Державинъ только силился подражать Ломоносову, и лишь съ 1779 г. онъ начинаетъ писать «въ новомъ родѣ». Вотъ что объ этомъ говоритъ самъ

Державинъ: сойдясь съ названными выше писателями и выслушавъ ихъ замѣчанія, онъ «всѣхъ прежнихъ своихъ произведеній не одобрялъ, потому что хотѣлъ въ нихъ подражать Ломоносову; но какъ талантъ сего автора не былъ въ немъ внушаемъ одинакимъ геніемъ, то, хотѣвъ парить, не могъ выдержать постоянно красивымъ подборомъ словъ свойственнаго единственно россійскому Пиндару великолѣпія и пышности. А для того съ 1779 года изобрѣлъ онъ совсѣмъ особый путь, будучи предводимъ совѣтами друзей своихъ: Львова, Капниста и Хемницера, подражая наиболѣе Горацію». Это новое направленіе лирики Державина состояло въ томъ, что онъ, отступивъ отъ тѣсной рамки ложноклассической оды, сблизилъ свою поэзію съ дѣйствительною жизнью гораздо болѣе, чѣмъ это допускали такіе строгіе послѣдователи ложнаго классицизма, какимъ былъ, напримѣръ, Ломоносовъ. Это новое направленіе сказалось уже въ одахъ Державина, относящихся еще къ 1779 году, напр. въ одѣ «На смерть князя Мещерскаго»; но со всею ясностію оно обнаружилось впервые лишь въ одѣ «*Фелица*», написанной въ 1782 году. Ода эта доставила Державину громкую извѣстность и обратила на него милостивое вниманіе императрицы. Съ 1782 года наступилъ и продолжался до 1796 года лучшій періодъ литературной дѣятельности Державина, въ теченіе котораго онъ своими одами пріобрѣлъ себѣ славу «пѣвца Фелицы, пѣвца Екатерининскаго времени». Съ этихъ же поръ Державинъ началъ значительно возвышаться и по службѣ: онъ скоро былъ назначенъ олонецкимъ, а потомъ тамбовскимъ губернаторомъ, былъ затѣмъ статсъ-секретаремъ при пріемѣ прошеній, и наконецъ при императорѣ Александрѣ I былъ назначенъ министромъ юстиціи. Въ 1803 году, послѣ 42-лѣтней службы, Державинъ, уволенный въ оставку, поселился въ своемъ имѣніи *Званкѣ*, въ Новгородской губерніи, на лѣвомъ берегу Волхова. По выходѣ въ отставку, Державинъ все еще не оставлялъ занятій литературою. Въ концѣ своихъ «Записокъ» онъ говоритъ: «Привыкши къ безпрестаннымъ трудамъ, не могъ быть безъ упражненія, и для того занимался литературою, писалъ нѣсколько лирическихъ сочиненій, сочинялъ трагедіи, какъ-то: 1) «Ирода и Маріамну», 2) «Евпраксію», 3) «Темиру», да перевелъ «Федру», «Зельмиру». Комическихъ написалъ онеръ бездѣльныхъ двѣ». Въ 1811 г. Державинъ, вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ, основалъ въ Петербургѣ литературное общество подъ названіемъ: «*Бесѣда любителей русскаго слова*».

Въ 1816 г. тихо и спокойно скончался Державинъ въ своемъ помѣстьѣ. Послѣднее произведеніе Державина—начатое имъ стихотвореніе «*На тщетность*» — набросано было на аспидной доскѣ за

три дня до кончины. Глядя на висѣвшую въ кабинетѣ его историческую карту «Рѣка временъ», онъ набросалъ первую строфу:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

Эта аспидная доска съ послѣдними стихами Державина, которые уже почти не видны отъ времени, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

Оды Державина.

Державинъ писалъ въ различныхъ родахъ поэзіи, но литературная его слава основана отнюдь не на тѣхъ произведеніяхъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ концѣ своихъ «Записокъ», а на его одахъ, и притомъ главнѣйшимъ образомъ на тѣхъ лучшихъ его одахъ, которыя написаны имъ въ періодъ времени отъ появленія «Фелицы» до 1796 года.

Лирика Державина, въ своемъ развитіи, представляетъ два періода: первый періодъ — отъ начальныхъ опытовъ до 1779 года; второй начинается появленіемъ «Фелицы» въ 1782 году; промежутокъ же между концомъ перваго періода и появленіемъ «Фелицы» можетъ быть названъ временемъ переходнымъ.

Въ первый періодъ своей литературной дѣятельности Державинъ лишь подражалъ Ломоносову, при чемъ онъ, сперва «марая стихи безъ всякихъ правилъ», а затѣмъ даже и ознакомившись съ правилами стихосложенія по «Новому способу» Тредьяковскаго, никакъ не могъ, сколько ни старался, парить, подобно «россійскому Пиндару».

Съ 1779 г. на Державинѣ начинаетъ сказываться вліяніе Львова, Капниста и Хемницера. Эти писатели совѣтуютъ ему не гоняться за пышными фразами и указываютъ на простоту и естественность, какъ на лучшее украшеніе поэзіи. Капнистъ, кромѣ того, знакомитъ Державина съ одами Горація, которыя Державинъ, не зная латинскаго языка, читалъ или въ нѣмецкомъ переводѣ, или въ русскомъ, при чемъ послѣдній дѣлалъ для него самъ Капнистъ. Слѣдствіемъ этихъ совѣтовъ и наставленій было то, что Державинъ уже съ 1779 г. началъ значительно отступать отъ ложноклассической теоріи, что можно легко видѣть изъ сравненія, напримѣръ,

его оды: «*На смерть князя Мещерскаго*» съ одой Ломоносова: «На восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы». Въ этой одѣ Державина уже нѣтъ той искусственности, какую мы видимъ въ похвальныхъ одахъ Ломоносова: она во всѣхъ отношеніяхъ проще, естественнѣе, хотя въ ней еще не вполнѣ обнаружилось новое направленіе Державинской лирики. Къ этому же году относится и ода: «*На рожденіе на сѣверѣ порфироднаго отрока*».

Правда, Державинъ и послѣ 1779 г. не вовсе еще отрѣшился отъ торжественной лирики въ Ломоносовскомъ духѣ, и отъ времени до времени появлялись такія его оды, какъ, напримѣръ, «На взятіе Измаила» (1790),—но зато съ 1782 г. стали появляться и такія стихотворенія, которыя онъ дѣйствительно былъ въ правѣ назвать одами въ «новомъ родѣ». Отличительными чертами этого «новаго рода» одъ служитъ 1) соединеніе возвышеннаго тона съ *шутливымъ* и 2) допущеніе въ языкѣ оды словъ и выраженій, отличающихся *народностью*. Первою изъ такихъ одъ въ новомъ родѣ была «*Фелица*» (1782), гдѣ шутливый тонъ даже восходитъ на степень сатиры, вслѣдствіе чего стихотвореніе «Фелица», въ цѣломъ своемъ объемѣ, можетъ быть названо *одой-сатирой*. Къ одамъ-сатирамъ надо причислить и стихотворенія: «*Видѣніе Мурзы*» (1783), «*Вельможа*» (1794) и нѣкоторыя другія. Стремленіе къ народности, которая выразилась у Державина и во взглядѣ на предметы и въ выборѣ коренныхъ русскихъ оборотовъ и реченій, составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ многихъ одъ, написанныхъ Державинымъ во второй періодъ его литературной дѣятельности. Въ одахъ «Фелица», «Видѣніе Мурзы» и «Вельможа» мы находимъ много народнаго элемента. Въ одѣ-сатирѣ «На счастіе» встрѣчаемъ цѣлыя строфы, наполненныя образами, употребительными въ простолюдьѣ, напримѣръ:

Стамбулу бороду ерошишь,
На Таврѣ ѣдешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь голландцамъ колбасы.

Въ одѣ «На взятіе Варшавы» Суворовъ представленъ въ гиперболическомъ образѣ народнаго сказочнаго богатыря:

Вихрь полунощный—летитъ богатырь!
Тьма отъ чела его, съ посвиста пыль;
Молніи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.

Ступитъ на горы—горы трещатъ;
Ляжетъ на воды—бездны кипятъ;
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ.

Подобное внесеніе народнаго элемента встрѣчаемъ и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ Державина, относящихся ко второму періоду.

До сихъ поръ мы разсматривали оды Державина лишь относительно тѣхъ пріемовъ лирическаго творчества, которыми пользовался поэтъ въ тотъ и другой періодъ своей литературной дѣятельности. Теперь разсмотримъ оды Державина относительно ихъ содержанія, независимо отъ формы.

По содержанію, большая часть одъ Державина можетъ быть подведена подъ слѣдующія три группы: I) оды, *имѣющія своимъ предметомъ славу Екатерининскаго царствованія*, II) оды *духовныя*, III) *оды нравственно-философскія*.

I) Державина называли и теперь называютъ «пѣвцомъ Екатерины», «пѣвцомъ Фелицы». Дѣйствительно очень многія его оды посвящены прославленію какъ самой Екатерины (напр. «Фелица», «Видѣніе Мурзы» и др.), такъ и ея сподвижниковъ и блестящихъ подвиговъ ея царствованія (напр. оды на побѣды, оды въ честь Потемкина и другихъ великихъ мужей, «Екатерининскихъ орловъ», какъ выразился Пушкинъ). Державинъ и самъ какъ бы считалъ своею задачею провозглашать дѣла великой императрицы. Такъ, заканчивая оду «Видѣніе Мурзы», онъ, обращаясь къ Екатеринѣ, говоритъ:

Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю.
Тобой безсмертенъ буду самъ!

Въ другомъ своемъ стихотвореніи — «Памятникъ» — Державинъ говоритъ, что онъ *возглашалъ о добродѣтеляхъ Фелицы*.

Оды Державина, имѣющія своимъ предметомъ славу императрицы и ея сподвижниковъ, можно назвать поэтическою лѣтописью царствованія Екатерины.

II) Изъ духовныхъ одъ Державина, къ которымъ принадлежатъ переложенія псалмовъ и нѣкоторыя другія стихотворенія, самая замѣчательная—ода «*Богъ*» (1784). Надо замѣтить, что въ вѣкъ Державина духовная поэзія была въ большомъ ходу по всей Европѣ, и почти у каждаго поэта XVIII ст. можно найти одно или нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ прославленію Бога. Естественно, что и Державинъ, увлекаемый общимъ направленіемъ, пытался создать

что-нибудь замѣчательное въ томъ же родѣ [1]) — и успѣлъ вполнѣ, такъ что изъ всѣхъ стихотвореній этого рода ни одно нигдѣ не имѣло такого шумнаго успѣха, какъ ода «Богъ». Она пріобрѣла себѣ европейскую извѣстность и переведена на многіе языки [2]). Эта ода, вмѣстѣ съ «Фелицей», принадлежитъ къ самымъ лучшимъ произведеніямъ Державина.

III) Въ своихъ «Запискахъ» Державинъ говоритъ, что духъ его всегда былъ склоненъ къ морали. Дѣйствительно, моральный элементъ, дидактизмъ, встрѣчается очень часто въ произведеніяхъ Державина: его мы находимъ и въ «Видѣніи Мурзы», и въ «Водопадѣ», и въ «Вельможѣ», и во многихъ другихъ одахъ. Но у Державина есть нѣсколько такихъ одъ, въ которыхъ моральный элементъ является преобладающимъ, и такія оды получили названіе нравственно-философскихъ. Такова, напримѣръ, ода «*На умѣренность*» (1792), гдѣ поэтъ прославляетъ жизнь человѣка, умѣющаго держаться золотой середины, не гонялсь за ложнымъ счастьемъ, а вкушая только тѣ удовольствія, которыя не ведутъ за собою раскаянья. Къ числу нравственно-философскихъ одъ можно отнести и оду «На смерть кн. Мещерскаго».

Своими одами Державинъ оказалъ важныя заслуги, а именно:

А) Державинъ первый поколебалъ у насъ господство ложноклассической оды и «низвелъ ее съ мнимо-олимпійской высоты» [3]), на которой хотѣли ее держать Ломоносовъ и его послѣдователи. Ломоносовъ смотрѣлъ на оду, какъ на такое лирическое произведеніе, въ которомъ поэтъ долженъ касаться лишь *важныхъ матерій* и говорить о нихъ непремѣнно *высокимъ слогомъ*. Державинъ въ первое время своей литературной дѣятельности и самъ слѣдовалъ Ломоносову, но наконецъ началъ писать *въ новомъ родѣ*. Отличительными чертами этого новаго рода были, какъ мы уже знаемъ, допущеніе въ оду *шутливаго тона* и допущеніе словъ и выраженій, отличающихся *народностью*. И то и другое много придаетъ одамъ Державина простоты и естественности, чего лишены слишкомъ искусственныя оды Ломоносова.

Б) Лирика Державина, проникнутая глубокимъ сочувствіемъ всему благородному и возвышенному, имѣла и имѣетъ воспитательное зна-

---

[1]) См. примѣч. Грота къ одѣ «Богъ».

[2]) На нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій. (См. примѣч. Грота).

[3]) Выраженіе, заимствованное изъ «Истор. рус. слов.» А. Галахова.

ченіе: она «пробуждаетъ въ читателѣ возвышенныя чувства и ставитъ передъ нимъ идеалы въ живыхъ примѣрахъ отечественныхъ героевъ, напоминая въ яркихъ образахъ святыя истины, вѣчные законы добра и чести» [1]).

Свои заслуги сознавалъ и самъ Державинъ и заявилъ о нихъ въ своемъ стихотвореніи «*Памятникъ*» (1796), написанномъ въ подражаніе Гораціевой одѣ «Къ Мельпоменѣ». Въ «Памятникѣ», характеризуя содержаніе своей лирики, Державинъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ и о своихъ заслугахъ, говоря:

... изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

Оды Державина, при важныхъ своихъ достоинствахъ, имѣютъ и недостатки. Обладая крупнымъ лирическимъ талантомъ, Державинъ имѣлъ сильное поэтическое воображеніе; но сила его ума, благодаря поверхностному образованію, сравнительно съ силою воображенія была слабѣе. Отсюда и объясняется отсутствіе у него художественной мѣры, вслѣдствіе чего многія оды его растянуты: иногда истинная поэзія перемѣшивается риторизмомъ; встрѣчаются даже неточныя выраженія, мѣшающія ясности пониманія и представленія, каковы напр.:

а) «Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ *звуки*,
Какъ въ небѣ звѣзды *возблестятъ*,
б) *Шепнешь вслухъ* страннику, вдали какъ *тихій громъ*»,

и многія другія.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКАГО [2]) (1779).

Глаголъ временъ! Металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

---

[1]) Слова Грота. (См. въ VIII-мъ т. академическаго изданія сочиненій Державина).

[2]) Кн. Александръ Ив. Мещерскій, дѣйствит. тайн. совѣтникъ, главный судья таможенной канцеляріи, былъ большой хлѣбосолъ и жилъ весьма роскошно.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть.
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы:
Глотаетъ царства алчна смерть.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ:
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился;
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь,
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;

Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики [1]),
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ... [2])

Глядитъ на всѣхъ: и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны—
И точитъ лезвее косы.

Смерть, трепетъ естества и страхъ!
Мы—гордость, съ блѣдностью совмѣстна:
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость;
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ;
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.

---

[1]) Лики—хоры пѣвчихъ; воющіе надгробные клики — вопли и всхлипыванія наемныхъ плакальщицъ. (Такъ объясняетъ Гротъ, 2-ое академ. изд. сочин. Держ. т. I, стр. 60).

[2]) Этотъ стихъ и слѣдующіе четыре напоминаютъ выраженіе Горація: «Pallida Mors aequo pulsat pede pauperum tabernas, regumque turres» (4-я ода 1-й книги).

Подите, счастья, прочь, возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ [1])! должно намъ, конечно;
Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока [2]) (1779).

Съ бѣлыми Борей власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихого старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали нимфы съ скуки

---

[1]) Генералъ-маіоръ Перфильевъ—другъ Мещерскаго.

[2]) Подъ «порфиророднымъ отрокомъ» разумѣется великій князь Александръ Павловичъ, родившійся 12 декабря 1777 г., въ «день, когда солнце», замѣчаетъ Державинъ (объясн. Держ.), «оборачивается на весну». На это событіе онъ тогда же сочинилъ оду въ Ломоносовскомъ вкусѣ; но, находя, что она не соотвѣтствуетъ его собственному дарованію, онъ ее уничтожилъ и потомъ написалъ эти стихи, которые самъ онъ называетъ «аллегорическимъ сочиненіемъ». Пьеса эта своею игривою легкостью, граціею и самою формой рѣзко отличается отъ торжественныхъ одъ. (Примѣч. Грота).

Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время, столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,—
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ,
Родился—и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей:
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ—и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;
Онъ простеръ лишь дѣтски руки—
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки—
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ судебъ чертогъ;
И подумалъ въ изумленьи:
Знать, родился нѣкій богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ—художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ—обиліе, богатство,
Тотъ—сіяніе порфиръ;
Тотъ—утѣхи и пріятство,
Тотъ—спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ—всѣ ему блаженства

И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
«Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!»
Всѣ крылами восплескали;
Каждый геній восклицалъ:
«Се божественный», вѣщали,
«Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!»
«Будетъ»—и судьбы гласили:
«Онъ монархамъ образецъ!»
Лѣсъ и горы повторили:
«Утѣшеніемъ сердецъ!»—
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила,
На колѣни преклоненна
Въ руки отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста.
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ.
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ;
Съ ихъ ты матерью равняясь,
Соравняйся съ Божествомъ!..

ФЕЛИЦА [1]) (1782).

1. Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды [2]),
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.
2. Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ [3]);
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.
3. Мурзамъ твоимъ не подражая,

---

[1]) Назвать свою оду «Фелицей» подало Державину поводъ слѣдующее обстоятельство.

«Въ 1781 г. была напечатана, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, написанная Екатериною сказка о царевичѣ Хлорѣ. Эта сказка подала Державину мысль написать оду Фелицѣ (богинѣ блаженства, по его объясненію этого имени): такъ какъ императрица любила забавныя шутки, говоритъ онъ, то ода эта и была написана во вкусѣ ея, насчетъ ея приближенныхъ. Но Державинъ боялся дать ходъ этимъ стихамъ, въ чемъ съ нимъ согласны были и друзья его, Н. А. Львовъ и В. В. Капнистъ. Ода сдѣлалась извѣстною по нескромности Козодавлева, который, живя въ одномъ домѣ съ поэтомъ, однажды случайно увидѣлъ ее и выпросилъ на короткое время. Вскорѣ послѣ того княгиня Дашкова, въ качествѣ директора Академіи наукъ, предприняла изданіе Собесѣдника любителей россійскаго слова и открыла одою Державина I-ю книжку этого журнала».

«Ода къ Фелицѣ доставила Державину богатый подарокъ отъ императрицы (золотую табакерку съ 500 червонцевъ) и честь представленія ей въ Зимнемъ дворцѣ... Вообще это сочиненіе имѣло рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу поэта». (Примѣч. Грота, см. 1-ое академич. изд. сочин. Державина, т. I, стр. 129).

[2]) Киргизъ-Кайсацкая царевна и есть Фелица, подъ именемъ которой Державинъ разумѣетъ императрицу Екатерину.

[3]) Сынъ Киргизъ-Кайсацкой царевны—Разсудокъ.

Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа своимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь [1]);
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра [2]).
Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Копя парнасска не сѣдлаешь [3]),
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь [4]),
Не ходишь съ тропа на Востокъ [5]);
Но, кроткости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.
А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,

[1]) Державинъ тутъ говоритъ о постоянныхъ трудахъ Екатерины, которые она предпринимала для блага своихъ подданныхъ. Около того времени, когда Державинъ писалъ эту оду, императрица занималась сочиненіемъ разныхъ законовъ, какъ-то: Дворянской грамоты, Устава благочинія и другихъ положеній. є

[2]) Карты составляли при русскомъ дворѣ восемнадцатаго столѣтія ежедневное занятіе.—Державинъ, представляя себя однимъ изъ мурзъ или приближенныхъ киргизской царевны, предполагаетъ въ своемъ лицѣ соединеніе разныхъ недостатковъ, подмѣченныхъ имъ въ тогдашнихъ вельможахъ. Впрочемъ, онъ и въ другихъ случаяхъ любилъ называть себя мурзою, въ знакъ своего происхожденія отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго изъ Золотой Орды въ Россію въ XIV-мъ ст. при Василіи Темномъ. (Прим. Грота).

[3]) Императрица стиховъ писать не умѣла и никогда ихъ не писала. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру она замѣтила о себѣ: «De ma vie je n'ai su faire ni vers ni musique.

[4]) Императрица не жаловала масоновъ и въ ложи къ нимъ не ѣзжала, какъ дѣлали многіе знатные. (Примѣчаніе къ этому стиху сдѣлано самимъ Державинымъ, который оставилъ къ своимъ сочиненіямъ «Объясненія»).

[5]) Державинъ не объяснилъ намъ этого стиха. Вѣроятно, онъ разумѣлъ его такъ: «ты не мечтаешь о несбыточномъ завоеванія Индіи и Персіи», что входило въ планы Потемкина. Это подтверждается 5-мъ стихомъ слѣдующей, 5-й строфы:

«То плѣнъ отъ персовъ похищаю». (Прим. Грота).

Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То, возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ [1]).
6. Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ вестфальскій,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,—
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.
7. . . . . .
8. Или великолѣпнымъ цугомъ [2])
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ или другомъ [3]),
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шишки шить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку набекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ [4]).
9. Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ

---

[1]) Относится, какъ и двѣ слѣдующія строфы, къ прихотливому нраву кн. Потемкина. (Объясн. Державина).

[2]) Графъ Сегюръ, который былъ посломъ при русскомъ дворѣ съ 1785 по 1789 г., говоритъ въ своихъ запискахъ: «Всякій, кто имѣлъ чинъ выше полковничьяго, долженъ былъ ѣздить въ каретѣ, запряженной четверкой или шестеркой лошадей, съ бородатымъ кучеромъ въ кафтанѣ и съ двумя форейторами». (Прим. Грота).

[3]) Сегюръ разсказываетъ: «Въ Россіи были еще нельможи, которые, по старому обычаю, содержали при себѣ шутовъ-любимцевъ. У князя Потемкина былъ такой шутъ, по имени Моссъ (Mosse)». (Прим. Грота).

[4]) Вся эта строфа относится отчасти къ Потемкину же, но болѣе къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, охотнику до конскихъ скачекъ. (Объясн. Держ.).

Или кулачными бойцами [1])
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ [2]);
Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ [3]).
Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся [4]);
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю,
За Библіей, зѣвая, сплю [5]).
Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь [6]).
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.

---

[1]) Тотъ же графъ Орловъ любилъ русскія пѣсни, кулачные бои и вообще всякое молодечество. (Объясн. Держ.).

[2]) Графъ Петръ Иваповичъ Панинъ любилъ псовую охоту. (Объясн. Держ.).

[3]) Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, бывшій тогда оберъ-егермейстеромъ, первый завелъ роговую музыку. (Объясн. Держ.). Шлецеръ въ своей автобіографіи разсказываетъ: «Григорій Орловъ ѣдетъ въ яхтѣ внизъ по Невѣ. За нимъ вереница придворныхъ шлюпокъ, а передъ нимъ лодка, въ которой около 40 человѣкъ: они производили музыку, какой я съ роду не слыхалъ... то была изобрѣтенная чехомъ Марешемъ и оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ русская полевая или охотничья музыка. Хоръ состоитъ изъ 40 молодцовъ, изъ которыхъ каждый трубитъ въ свой рогъ, и у каждаго рога свой особенный тонъ». (Прим. Грота.).

[4]) Въ этихъ стихахъ упоминаются вообще старинные обычаи и забавы русскихъ. (Объясн. Держ.).

[5]) Князь Вяземскій былъ охотникъ до романовъ, и Державинъ, поступивъ къ нему на службу, часто читалъ ему вслухъ подобныя книги. Случалось, что за ними и чтецъ и слушатель дремали. (Объясн. и «Записки» Державина).

[6]) «Но всякій человѣкъ есть ложь»—изреченіе изъ псалма 115, стихъ 2.

Между лѣнтяемъ и брюзгой [1]),
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.
12. Нашелъ; но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды [2]),
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?
13. Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно [3]),
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.
14. Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого.
Дурачества сквозь пальцы видишь,

---

[1]) Въ сказкѣ Екатерины о царевичѣ Хлорѣ являются между другими лицами мурза Лѣнтягъ и султанъ Брюзга. Первый живетъ въ пѣгѣ и роскоши, а второй никогда не смѣется и сердится на другихъ за улыбку. Сколько извѣстно, императрица разумѣла подъ Лѣнтягомъ Потемкина, а подъ Брюзгою — Вяземскаго. (Объясн. Держ.).

[2]) Эта мысль была согласна совершенно со взглядомъ самой Екатерины на ученыхъ. Въ запискахъ Сегюра приведено любопытное сужденіе, высказанное ею по этому предмету во время крымскаго путешествія: «Можно болѣе узнать, разговаривая съ невѣждами объ ихъ собственныхъ дѣлахъ, нежели обращаясь къ ученымъ, у которыхъ однѣ теоріи, и которые стыдятся не отвѣчать вамъ съ смѣшными завѣреніями о вещахъ, положительно имъ неизвѣстныхъ. Какъ жаль мнѣ этихъ бѣдныхъ ученыхъ! Они никогда не смѣютъ произнести двухъ самыхъ простыхъ словъ: не знаю, которыя для насъ, невѣждъ, такъ легки и подчасъ мѣшаютъ намъ предпринять что-нибудь опасное, потому что, когда сомнѣваешься, то лучше ничего не дѣлать, нежели поступать дурно».

[3]) Намекъ на раздѣленіе всей имперіи на отдѣльныя губерніи. (Объясн. Держ.).

Лишь зла не терпишь одного;
Простушки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ [1]).
15. Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
16. Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и Мудрой слыть [2]).
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
17. Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь

---

[1]) Въ этой строфѣ Державинъ говоритъ о гуманныхъ взглядахъ Екатерины II, которые вообще высказывала она и особенно въ своемъ Наказѣ, гдѣ Екатерина, напримѣръ, совѣтуетъ дѣйствовать на преступниковъ не страхомъ наказанія, а страхомъ стыда.

[2]) Намекъ на то, что Екатерина отказалась отъ наименованій Великой, Премудрой, Матери отечества, которыя въ 1767 г. были поднесены ей Сенатомъ и депутатами, созванными для составленія проекта новаго уложенія. (Прим. Грота).

И быль и небыль говорить [1]);
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.
18. Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить [2]).
19. Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку подскоблить [3]),
Или портретъ неосторожно
Ея на землю урошить [4]).
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ [5]),
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ [6]).

---

[1]) Императрица, подобно Траяну, была очень снисходительна къ людямъ, зло рѣчиво отзывавшимся о ея слабостяхъ. (Объясн. Держ.).

[2]) При императрицѣ Аннѣ случалось, что когда двое между собою пошепчутся, то они подозрѣвались въ зломъ умыслѣ и по чьему-либо доносу попадали въ Тайную канцелярію. То же бывало иногда и съ тѣми, которые на публичныхъ пиршествахъ не выпивали большого бокала крѣпкаго вина, подносимаго за здравіе государыни, и потому почитались за недоброжелателей ея. (Объясн. Держ.).

[3]) Тогда же считалось за великое преступленіе, если въ императорскомъ титулѣ что-нибудь было подскоблено или поправлено. (Объясн. Держ.).

[4]) Горе было также тому, кто хотя нечаянно ронялъ изъ рукъ монету съ портретомъ императрицы; клеветнику стоило только донесть, что такой-то бросилъ изображеніе лица ея. По одному крику: «Я знаю за собою слово и дѣло государево», тотъ, на кого это было сказано, былъ забираемъ подъ крѣпкую стражу и отвозимъ къ тайному розыску; домъ же его весь кругомъ запечатывался. (Объясн. Держ.).

[5]) Относится къ бывшей при Аннѣ Іоанновнѣ шутовской свадьбѣ князя Голицына, для которой на Невѣ построенъ былъ особый ледяной домъ съ ледяною банею. (Объясн. Держ.).

[6]) Императрица Анна любила окружать себя шутами, которыхъ въ ея царствованіе было много. Когда она въ придворной церкви слушала обѣдню, эти шуты садились въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей надобно было проходить изъ церкви во внутреннія свои покои, и кудахтали, какъ насѣдки, что, разумѣется, производило общій хохотъ. (Объясн. Держ.).

Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не маранотъ рожъ.
20. Ты вѣдаешь, Фелица, нравы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худого—
И самаго сатира злого
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь» [1]).
21. Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюдимой быть.
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ [2]).
22. Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
23. Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу

[1]) Подобное поученіе есть дѣйствительно въ азбукѣ, составленной Екатериною для внуковъ ея, великихъ кн. Александра и Константина. (Объясн. Держ.).

[2]) Понятіе Державина о кротости Екатерины совершенно согласно съ духомъ ея Наказа, въ которомъ, напримѣръ, говорится: «Искусство (опытъ) научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими. (Прим. Грота).

Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить [1]);

24. Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!

25. Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ, Смирнѣ, Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,—
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя [2])
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

26. Прошу великаго пророка.

---

[1]) Какъ 23-я строфа Фелицы, такъ и предыдущая, относятся къ разнымъ благимъ и человѣколюбивымъ учрежденіямъ, возникшимъ въ тогдашнее мирное время. Между прочимъ Екатерина подтвердила данную дворянству Петромъ III свободу путешествовать по чужимъ краямъ; издала указъ о правѣ землевладѣльцевъ разрабатывать въ собственную пользу золото и серебро въ своихъ участкахъ; дозволила свободное плаваніе по морямъ и рѣкамъ для торговли; распространила право собственности владѣльцевъ на лѣса, въ дачахъ ихъ растущіе; разрѣшила свободное занятіе мануфактурами и торговлею, и проч. (Объясн. Держ.).

[2]) Бешметь, или бешметъ—татарское стеганое полукафтанье. Слово это Державинъ долженъ былъ узнать еще въ дѣтствѣ, живя въ казанскомъ и оренбургскомъ краѣ. Оно извѣстно и на Кавказѣ и встрѣчается нѣсколько разъ у Лермонтова въ Героѣ нашего времени, напр. «Удалецъ, который въ красномъ бешметѣ разъѣзжаетъ шажкомъ подъ нашими выстрѣлами». Бешметъ носятъ и женщины: «Бела сидѣла на кровати въ черномъ шелковомъ бешметѣ». (Прим. Грота).

Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

ВИДѢНІЕ МУРЗЫ [1]) (1783).

На темно-голубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучомъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа, въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
«Блаженъ», воспѣлъ я, «кто доволенъ

[1]) Эту оду Державинъ написалъ для отраженія тѣхъ разнородныхъ обвиненій, которыя взводились на него за Фелицу, оскорбившую самолюбіе многихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудившую противъ него зависть. (Прим. Грота).

Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ,
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира [1])
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды!
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребро-розовыхъ свѣтлицъ [2]),
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ
За росказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ [3])!
Блаженъ!»... Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось;
Раздвинулись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;

---

[1]) Плѣнирою Державинъ обыкновенно называлъ въ стихотвореніяхъ свою первую жену. (Прим. Грота).

[2]) Въ царскосельскомъ дворцѣ находятся донынѣ одна комната, вся убранная янтаремъ; другая была изъ розовой фольги съ серебряною рѣзьбой. (Прим. Грота).

[3]) Намекъ на золотую табакерку съ 500 червонцевъ, пожалованную Державину вскорѣ послѣ появленія оды къ Фелицѣ. Въ старину, когда въ Россіи табаку еще не нюхали и табакерокъ не знали, употреблялись ящички другого рода, или досканцы, въ которыхъ сохранялись мушки, булавки и тому подобныя принадлежности женскаго туалета. (Объясн. Держ.).

Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла—и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась [1])
На ней серебряной волной,
Градская на главѣ корона [2]),
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черно-огненна виссона [3]),
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча десною полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру [4]).
Простертой на алтать рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;

---

[1]) Эти стихи (63—82) содержатъ описаніе портрета, сдѣланнаго, по мысли Н. А. Львова, извѣстнымъ живописцемъ Левицкимъ для графа Безбородко; нынѣ этотъ портретъ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, которой онъ былъ предоставленъ министерствомъ двора по ходатайству бывшаго директора ея, барона М. А. Корфа. Самъ Левицкій такимъ образомъ описалъ этотъ портретъ: «Средина картины представляетъ внутренность храма богини правосудія, передъ которою, въ видѣ законодательницы, е. п. в., сжигая на алтарѣ маковые цвѣты, жертвуетъ своимъ покоемъ для общаго покоя. Вмѣсто обыкновенной императорской короны, увѣнчана она лавровымъ вѣнцомъ, украшающимъ гражданскую корону, возложенную на главѣ ея. Знаки ордена св. Владимира изображаютъ отличность знаменитую за понесенные для пользы отечества труды, коихъ лежащія у ногъ законодательницы книги свидѣтельствуютъ истину. Побѣдоносный орелъ покоится на закопахъ и, вооруженный перуномъ стражъ, рачитъ о цѣлости оныхъ. Вдали видно открытое море, и на развѣвающемся россійскомъ флагѣ изображенный на военномъ щитѣ Меркуріевъ жезлъ означаетъ защищенную торговлю». (Прим. Грота).

[2]) Слово градская употреблено здѣсь вмѣсто гражданская.

[3]) Виссонъ (у грековъ byssos)—тонкая драгоцѣнная ткань у древнихъ, особливо въ Египтѣ, составъ которой объясняется различно. (Прим. Грота).

[4]) Лента Владимирскаго ордена, который императрица, по написаніи ею учрежденія о губерніяхъ, возложила на себя, какъ награду за труды свои, объявивъ себя гроссмейстеромъ этого ордена. (Объясн. Держ.).

Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиро-свѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла [1]).
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!—
«Мурза!» она вѣщала мнѣ:
«Ты быть себя счастливымъ часть,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, мурза несчастный [2]),
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести [3])
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы:
Ядъ лести имъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?...
И ты сиренъ поющихъ грому
Въ вредъ добродѣтели не строй [4]);

[1]) Державинъ вспоминаетъ, какъ онъ былъ представленъ государынѣ за оду къ Фелицѣ. Представленіе было въ воскресенье, въ Кавалергардской комнатѣ Зимняго дворца, при многихъ другихъ лицахъ. Государыня, остановясь поодаль отъ него, нѣсколько разъ окинула его быстрымъ взоромъ съ ногъ до головы и наконецъ подала ему руку. Ея величественнаго вида при этомъ онъ никогда не могъ забыть. (Объясн. Держ.).

[2]) Императрица, какъ бы не догадываясь, что похвалы въ Фелицѣ относятся къ ней, показывала видъ, будто она удивляется смѣлости, съ какою эта ода написана. (Объясн. Держ.).

[3]) Въ этомъ стихѣ недостаетъ одной стопы.

[4]) Т.-е. не пой, какъ сирены, во вредъ добродѣтели. (Прим. Грота).

Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные правы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ».—
«Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? богиня или жрица?»
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: «Я—Фелица!»
Рекла—и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась,
Мой Богъ, мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
«Возможно ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щититься злыхъ [1])!

[1]). Авторъ давалъ чувствовать государынѣ, что и безъ ея строгаго взора довольно ему гнѣва отъ тѣхъ, которымъ она дарила экземпляры Фелицы, подчеркнувъ строки, что до кого относится. (Объясн. Держ.).

Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли,
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не деруть его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ [1]).
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ—тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ;
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ!

[1]) Это въ связи съ 8-мъ стихомъ 19-й строфы Фелицы.

ВЕЛЬМОЖА (1794).

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь муза прославляетъ,
Которое въ очахъ невѣждъ
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали,
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ—
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы перскіе [1]) на васъ
И не бразильски звѣзды ясны;
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны;
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла [2]).

Оселъ останется ослом,
Хотя осыпь его звѣздами;

[1]) Перскіе—отъ слова Перу.
[2]) Извѣстно, что Калигула далъ своей любимой лошади званіе консула.

Гдѣ должно дѣйствовать умомъ.
Онъ только хлопаетъ ушами.
О, тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина.
Безумца рядитъ въ господина
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую [1]) умудриться,—
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ, въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ, супостатовъ—
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ [2])
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный,—
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;

---

[1]) Буй—безумный.

[2]) Чупятовъ — гжатскій купецъ, торговавшій въ Спб. пенькою. Пострадавъ отъ пожара, онъ объявилъ себя банкротомъ и, для избѣжанія преслѣдованій отъ кредиторовъ, притворялся сумасшедшимъ; говорилъ, что будто влюбленная въ него марокская принцесса прислала ему ордена.

Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть—польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія [1]), мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани—
Токай—густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,—
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ—
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ [2])?

Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленыхъ.
. . . . . .

[1]) Мусія—мозаика.
[2]) Предыдущія строфы относятся къ Потемкину.

А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,—
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ грудным младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга [1]);
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу его принесть.

А тамъ—на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медалями украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ, гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,—
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами
Проснися, сибаритъ!—Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;

[1]) Полковникъ Костогоровъ оказывалъ многія услуги Потемкину и былъ изъ числа приближенныхъ къ нему людей. По непріятному стеченію обстоятельствъ, онъ, вступясь за начальника своего, былъ убитъ на дуэли. Вдова его съ грудным ребенкомъ часто ходила къ Потемкину просить помощи.

Жить для себя лишь одного
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ:
Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!»—
Злодѣй... увы!... и грянулъ громъ.

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи—блаженство,
Во правосудіи—равенство,
Свободу—во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи—здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужого не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ,—
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ тропомъ не сгибаться,
Стоять—и правду говорить.

О русскій бодрственный народъ,
Отечески хранящій нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ?
Тотъ храбрымъ былъ средь брашныхъ звуковъ,
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла [1]),
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно,
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желаній мужъ,
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ!
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ!

Пари—и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей,
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще царя;
Простри твой поздній блескъ въ народѣ,
Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна вечера заря.

изъ оды: «водопадъ» [2]) (1791).

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами [3]);
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;

---

[1]) Камиллъ, римскій консулъ и диктаторъ, когда отечество не имѣло въ немъ нужды, слагалъ съ себя это званіе и удалялся въ деревню. Державинъ сравниваетъ съ нимъ Румянцева-Задунайскаго, который, хотя и носилъ въ это время званіе фельдмаршала, но, по дѣйствіямъ своихъ недоброжелателей, ничѣмъ не начальствовалъ и жилъ въ своихъ деревняхъ.

[2]) Ода «Водопадъ» написана Державинымъ на смерть Потемкина, который умеръ въ 1791 г. въ степи, во время переѣзда своего изъ Яссъ въ Николаевъ.

[3]) Ода эта начинается изображеніемъ водопада *Кивача*, на рѣкѣ *Суни*, въ Олонецкой губерніи. Этотъ водопадъ Державинъ посѣщалъ, когда былъ олонецкимъ губернаторомъ. Кивачъ падаетъ съ высотъ, между четырехъ гранитныхъ скалъ.

Отъ брызговъ синій холмъ стопитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Шумитъ—и средь густого бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ [1]).
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами ль сосны пораженны,—
Ломаются въ тебѣ въ куски [2]);
Громами ль камни отторженны,—
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ,—
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ [3]).
Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится;
Огонь горитъ въ его глазахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ востъ, согласясь съ тобой.
Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ,
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ,
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится [4]).

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
При страшной сей красѣ природы,
На утломъ пнѣ, который свисъ
Съ утеса горъ на яры воды,
Я вижу—пѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой [5]).
Копье и мечъ и щитъ великій,
Стѣна отечества всего,
И шлемъ, обвитый повиликой,
Лежатъ во мху у ногъ его:
Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ во зарѣ румяной,—
Сидитъ и, взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ:
«Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
Онъ такъ же благомъ струй своихъ
Поитъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ [6]).
Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?
Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?

---

[1]) Верстахъ въ 20-ти отъ Кивача находится Кончезерскій чугунный заводъ. При сильномъ вѣтрѣ стукъ заводскихъ машинъ доносится до Кивача и сливается съ ревомъ водопада въ какую-то дикую гармонію (см., примѣч. Грота).

[2]) Державинъ приказалъ на вершинѣ порога срубить сосну и бросить ее въ стремленіе воды: черезъ нѣсколько минутъ выплыли изъ жерла одни обломки ея, или щепы. (Объясн. Держ.).

[3]) Кивачъ никогда не замерзаетъ.

[4]) Въ 5, 6 и 7-ой строфахъ олицетворяются свойства совершенно разнородныя: подъ волкомъ разумѣется *злоба*, которая отъ ужаса приходитъ въ ярость; подъ ланью—*кротость*, робкая въ опасности, а подъ конемъ—*гордость*, или *честолюбіе*, которое отъ препятствій раздражается и растетъ. (Объясн. Держ.).

[5]) Подъ старцемъ разумѣется здѣсь Румянцевъ.

[6]) Люди раздѣлены здѣсь на три разряда, по тремъ представленнымъ выше животнымъ. (Примѣч. Грота).

Не слышимъ ли въ бою часовъ [1])
Гласъ смерти, двери скрипъ подземный?
Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ [2])?»

Далѣе Державинъ изображаетъ Румянцева вспоминающимъ о своей прежней славѣ и силѣ и сопоставляющимъ свое прошлое съ годами старости, а затѣмъ переходитъ къ Потемкину и продолжаетъ свою оду такъ:

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища горни?
На темномъ взорѣ и челѣ
Сидитъ глубока дума въ мглѣ!
Какой чудесный духъ крылами
Отъ сѣвера паритъ на югъ?
Вѣтръ медленъ течь его стезями:
Обозрѣваетъ царства вдругъ;
Шумитъ и, какъ звѣзда, блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.
Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи [3]),
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолствуютъ отверсты!
Чей одръ — земля, кровъ — воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ Музъ—другъ Аполлона;
На полѣ Марса—вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ;
Могущъ—хотя и не въ порфирѣ?
Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?
Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ понтъ Черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами [4])?
Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ росской силѣ,
Стихіи самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой [5])?
Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки!
Се ты, о чудный вождь Потемкинъ!
Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искусство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли,
И счастье съ славой слѣдомъ шли.

---

[1]) Сличи съ мѣстомъ въ одѣ «На смерть кн. Мещерскаго», гдѣ говорится тоже о боѣ часовъ, какъ предметѣ, напоминающемъ о смерти.

[2]) Сличи съ изображеніемъ смерти въ одѣ «На смерть кн. Мещерскаго».

[3]) Тѣло Потемкина цѣлую ночь пролежало въ степи, покрытое плащомъ. Гусаръ, бывшій съ Потемкинымъ, положилъ на глаза его двѣ денежки, чтобъ они закрылись. (Объясн. Держ.).

[4]) Тутъ разумѣется: уничтоженіе Запорожской Сѣчи и завоеваніе Крыма; заселеніе губерній Екатеринославской и Таврической; основаніе черноморскаго флота и побѣды надъ турками.—*Среди земли*—Константинополь.

[5]) По взятіи Измаила русскіе солдаты сами удивлялись своей невѣроятной храбрости (Объясн. Держ.). При взятіи же Очакова (6 декабря) былъ такой жестокій морозъ, что текшая изъ ранъ кровь тотчасъ же замерзала. (Объясн. Держ.).

Се ты, небеснаго плодъ дара
Кому едва я посвятилъ;
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила [1]),
Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила!
. . . . . .
Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ:
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.
Иль нѣтъ!—тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И, ахъ! зефиры легки рвутъ.
Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!
Героевъ?—Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ;
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цвѣтутъ;
Напишется Потемкинъ трудъ.
Театръ его—былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя—храмъ;
Рука съ вѣнцомъ—Екатерина;
Гремяща слава—сниміамъ;
Жизнь — жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница—ужаса, любови.
Когда багровая луна
Сквозь мглу блистаетъ темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкаетъ кровью, и сквозь рощи
Вкругъ Измаила вѣтръ шумитъ,
И слышенъ стонъ,—что турокъ мнитъ?
Дрожитъ—и во очахъ сокрытыхъ
Еще ему штыки блестятъ,
Гдѣ сорокъ тысячъ вдругъ убитыхъ
Вкругъ гроба Вейсмана лежатъ [2]).
Мечтаются ему ихъ тѣни,
И россъ въ крови ихъ по колѣни!
Дрожитъ—и обращаетъ взглядъ
Онъ робко на окрестны виды:
Столпы на небесахъ горятъ
По сушѣ, по морямъ Тавриды [3])!
И мнитъ, въ Очаковѣ что вновь
Течетъ его и мерзнетъ кровь [4]).
Но въ ясный день, средь свѣтлой влаги,
Какъ ходятъ рыбы въ небесахъ [5])
И вьются полосаты флаги,
Нашъ флотъ на вздутыхъ парусахъ
Внали бѣлѣетъ на лиманахъ,—
Какое чувство въ россіянахъ?
Восторгъ, восторгъ они—а страхъ
И ужасъ турки ощущаютъ;
Имъ мохъ и терны во очахъ,
Намъ лавръ и розы расцвѣтаютъ
На мавзолеяхъ у вождей,
Властителей земель, морей.
Подъ древомъ, при зарѣ вечерней
Задумчиво любовь сидитъ;

---

[1]) Здѣсь поэтъ разумѣетъ не столько свою оду «*На взятіе Измаила*», сколько «*Хоры*», сочиненные имъ для праздника въ честь этой побѣды. (Объясн. Держ.). Въ этихъ «Хорахъ» Державинъ отчасти подражалъ Пиндару.

[2]) Генералъ Вейсманъ, убитый въ первую турецкую войну за Дунаемъ, погребенъ въ Измаилѣ. При взятіи этой крѣпости Суворовымъ, весь бывшій тутъ сорокатысячный гарнизонъ былъ изрубленъ. (Объясн. Держ.).

[3]) Отъ пожаровъ, при взятіи крѣпостей и при пораженіи турецкаго флота, стояло на небѣ зарево въ видѣ огненныхъ столбовъ.

[4]) См. 5-ю выноску на стр. 249-ой.

[5]) Въ тихій лѣтній день видны въ водѣ облака, отчего и кажется, что рыбы какъ будто плаваютъ по небу. (Примѣч. А. Галахова.).

Отъ цитры вѣтерокъ весенній
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ,
Геройскій образъ оживляетъ.
Поутру солнечнымъ лучомъ
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ вiется,—
Пришедши, старецъ надпись зритъ:
«Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!»
Альцибіадовъ прахъ!—И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Ѳирсъ [1])? Увы!
И плоть и грудь коль истлѣваетъ,
Что жъ нашу славу составляетъ?
Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ!
Услышьте жъ, водопады міра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли только мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту.
Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!
Живи!—и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмевали
Разжженный громъ и черный дымъ;
Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ.
И ты, о водопадовъ мать,
Рѣка на сѣверѣ гремяща,
О Суна [2])! коль съ высотъ блистать
Ты можешь—и, отъ зорь горяща,
Кипишь и сѣешься дождемъ
Сафирнымъ, пурпурнымъ огнемъ,—
То тихое твое теченье,
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ,
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу,
И, безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поя златые въ нивахъ броги,
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги—
Какое зрѣлище очамъ!—
Ты тутъ подобна небесамъ.

БОГЪ [3]) (1784).

1. О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,

---

[1]) Ѳирсъ, или Терситъ, былъ подъ Троей одинъ изъ военачальниковъ, превеликій трусъ, который однако охуждалъ Ахилеса; отношеніе къ кн. Зубову, который, счастіемъ пріобрѣвши власть, охуждалъ иногда дѣла Потемкина, но самъ не имѣлъ великой души. (Объясн. Держ.).

[2]) Названіе матери употреблено по отношенію къ императрицѣ, отъ которой замѣчательные люди могли заимствовать силу и славу, какъ водопадъ Кивачъ отъ рѣки Суны. (Объясн. Держ.).

[3]) Оду «Богъ» началъ Державинъ еще въ 1780 г. по возвращеніи отъ заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенія; но должностныя занятія и столичныя развлеченія долго не давали ему кончить ее. Наконецъ весною 1784 г. онъ отправился въ Нарву и тамъ дописалъ давно занимавшую его оду. (Прим. Грота).

Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!

2. Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

3. Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ;
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!

4. Ты цѣпь существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

5. Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.

Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эоиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ
6. Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія.
И что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ—и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто.
7. Ничто!—Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!—Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ;
Я есмь—конечно, есь и Ты!
8. Ты есь!—Природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
9. Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,

Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь—я рабъ, я червь—я Богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ?—безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться—
И благодарны слезы лить.

ПАМЯТНИКЪ [1]) (1796).

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;

---

[1]) Подражаніе одѣ Горація: «Къ Мельпоменѣ» (кн. III, ода 30-я).

Здѣсь всего яснѣе выразилось сознаніе Державина въ своемъ поэтическомъ достоинствѣ и значеніи, сознаніе, которое уже прежде высказывалось у него, напримѣръ, въ одѣ «*Видѣніе Мурзы*». На такое смѣлое заявленіе о самомъ себѣ, какое мы видимъ въ «*Памятникѣ*», онъ, можетъ быть, не рѣшился бы безъ примѣра Горація, который въ XVIII ст. считался образцомъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Нѣмецкіе поэты, бывшіе въ рукахъ Державина, щедро воздавали римскому лирику дань удивленія, а другъ Державина, Капнистъ, перевелъ оду Горація, послужившую подлинникомъ «*Памятника*», въ стихахъ, которые начинаются такъ:

Ни вихрь его ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ!—весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить [1]),
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь славянов родъ вселенна будетъ чтить [2]).
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О муза! возгордись заслугой справедливой
И, презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Къ Мельпоменѣ [3]).

(Ода Горація въ переводѣ Фета).

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной,
И зданій царственныхъ превыше — пирамидъ;

«Я памятникъ себѣ воздвигнулъ долговѣчный;
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди онъ.
Ни ѣдкіе дожди, ни бурный Аквилонъ,
Ни цѣпь несмѣтныхъ лѣтъ, ни время быстротечно
Не сокрушатъ его.—Не весь умру я; нѣтъ:
Большая часть меня отъ вѣчныхъ Паркъ уйдетъ» и проч.
(Прим. Грота).

[1]) Здѣсь, конечно, рѣчь идетъ не о безсмертіи души въ другомъ мірѣ, а объ отраженіи духа поэта въ его произведеніяхъ. Пушкинъ понялъ это, когда сказалъ точнѣе:

«Нѣтъ! весь я не умру: душа *въ завѣтной лирѣ*
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ».
(Прим. Грота).

[2]) Неправильную форму славянов позволилъ себѣ и Пушкинъ, по примѣру Державина, но не въ «*Памятникѣ*», а въ «*Бородинской годовщинѣ*»:

«Хмельна для нихъ славянов кровь».
(Прим. Грота).

[3]) Горацій въ своей одѣ «Къ Мельпоменѣ» говоритъ о важности своей заслуги и о своемъ безсмертіи. Ода эта помѣщена здѣсь для сравненія съ нею стихотворенія Державина. Вотъ подлинникъ этой оды:

Его ни ѣдкій дождь, ни Аквилонъ полночный,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою верховный ходитъ жрецъ [1]).
Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида [2]) быстраго и до безводныхъ странъ,
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ [3]) народъ трудолюбивый—
Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ
За то, что первый я на голосъ эолійскій [4])
Свелъ пѣснь Италіи. О Мельпомена! свей
Въ награду мнѣ за трудъ сама вѣнецъ дельфійскій,
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Кромѣ Фонвизина и Державина — этихъ двухъ самыхъ крупныхъ и выдающихся литературныхъ дѣятелей Екатерининa вѣка, во второй половинѣ XVIII столѣтія было еще много и другихъ писателей, менѣе важныхъ, чѣмъ Фонвизинъ и Державинъ, писателей второстепенныхъ, но все же имѣющихъ значеніе въ исторіи на-

---

Ad Melpomenen.

Exegi monumentum aere perennius
Regalique situ pyramidum altius,
Quod non imber edax, non Aquilo impotens
Possit diruere, aut innumerabilis
Annorum series et fuga temporum.
Non omnis moriar multaque pars mei
Vitabit Libitinam: usque ego postera
Crescam laude recens, dum Capitolium
Scandet cum tacita virgine pontifex.
Dicar, qua violens obstrepit Aufidus
Et qua pauper aquae Daunus agrestium
Regnavit populorum, ex humili potens
Princeps Aeolium carmen ad Italos
Deduxisse modos. Sume superbiam
Quaesitam meritis et mihi Delphica
Lauro cinge volens, Melpomene, comam.

[1]) Доколь будутъ приноситься жертвы Вестѣ и Юпитеру Капитолійскому, слѣдовательно, по понятію римлянъ, вѣчно.

[2]) Берега Ауфида (нынѣ Офанто, въ Апуліи)—родина Горація.

[3]) Давнъ—первый царь Апуліи.

[4]) Горацій гордился тѣмъ, что первый началъ подражать эолійскимъ пѣвцамъ (Алкею и Сафо).

шей литературы. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: *Херасковъ, Богдановичъ, Хемницеръ, Княжнинъ, Аблесимовъ, Капнистъ.*

Херасковъ.

(1733—1807).

Представителемъ ложноклассической лирики былъ у насъ Ломоносовъ, а представителемъ ложноклассической трагедіи—Сумароковъ. Недоставало еще представителя ложноклассическаго эпоса. Имъ явился Херасковъ [1]).

Біографическія свѣдѣнія о Херасковѣ. *Херасковъ (Михаилъ Матвѣевичъ)* родился въ Полтавской губерніи и происходилъ отъ валахскихъ бояръ *Хераско,* вышедшихъ въ Россію еще при Петрѣ I. Образованіе Херасковъ получилъ тамъ же, гдѣ и Сумароковъ—въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ и развилась въ немъ любовь къ литературѣ, особенно къ писанію стиховъ. По выходѣ изъ корпуса, Херасковъ прослужилъ нѣкоторое время въ военной службѣ, а затѣмъ перешелъ въ гражданскую и поступилъ въ число чиновниковъ при Московскомъ университетѣ. Сперва Херасковъ только завѣдывалъ университетской типографіей, а впослѣдствіи (1778 — 1801) былъ куратором (т.-е. попечителемъ) Московскаго университета.

Помимо своей служебной дѣятельности, Херасковъ занимался изданіемъ журналовъ [2]) и писалъ въ разныхъ родахъ поэзіи; но громкую славу у современниковъ пріобрѣлъ онъ своей поэмой «*Россіяда*», за которую его прозвали «русскимъ Гомеромъ».

Поэма «Россіяда» написана по всѣмъ правиламъ ложнаго классицизма, чѣмъ и объясняется какъ то, почему она такъ высоко цѣнилась у современниковъ, такъ и то, почему она потеряла свою цѣну въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній.

Предметомъ «Россіяды», состоящей изъ 12 пѣсенъ, служитъ покореніе Казани Іоанномъ Грознымъ. Сюжетъ, конечно, историческій, но желаніе слѣдовать правиламъ ложноклассическихъ поэмъ [3]) заставило автора дѣлать крайнія отступленія отъ исторической истины:

1) Въ поэму введенъ чудесный элементъ, какъ въ языческомъ, такъ и въ христіанскомъ смыслѣ: пророческіе сны, явленіе тѣней, небесныя знаменія, чародѣйство и т. п.

2) Многія событія и ихъ обстановка, лица и ихъ положенія скопированы съ Гомера, Виргилія, съ Тассова «Освобожденнаго Іеру-

[1]) Представителемъ ложноклассическаго эпоса нельзя считать Ломоносова, такъ какъ его поэма «Петръ Великій» не окончена: написано всего 2 пѣсни.

[2]) «*Полезное увеселеніе*» (1760—61), «*Свободные часы*» (1763).

[3]) О ложноклассической поэмѣ см. въ изд. мною «Теоріи словесности».

салима», съ Вольтеровой «Генріады». Отсюда понятно, что поэма Хераскова должна была выйти смѣсью самыхъ разнородныхъ элементовъ и не могла не погрѣшить противъ исторической истины. Такъ, напримѣръ, въ Іоаннѣ Грозномъ видимъ то Энея, то Тассова Готфреда, въ Курбскомъ—Тассова Ринальда; татарскій витязь Гидромиръ наблюдаетъ обычаи средневѣковыхъ рыцарей и т. п.

Соблюдены Херасковымъ и всѣ мелкія требованія Буало; такъ, напримѣръ, соблюдено требованіе начинать поэму словомъ *пою*, почему «Россіяда» и начинается такъ:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость низложенну...

Описанія въ поэмѣ Хераскова однообразны и сухи, а слогъ отличается высокопарностью.

Въ наше время произведенія съ крайними погрѣшностями противъ исторической истины, и притомъ написанныя нехудожественно и высокопарнымъ слогомъ—не могутъ нравиться: но въ XVIII ст. на героическую поэму смотрѣли иначе: на нее смотрѣли глазами Буало, и потому «Россіяда», вполнѣ удовлетворяющая всѣмъ требованіямъ ложноклассической теоріи, считалась произведеніемъ замѣчательнымъ. Кромѣ того, были и другія причины, почему современники высоко цѣнили «Россіяду»: 1) появленіе этой поэмы удовлетворило національному самолюбію, такъ какъ до Хераскова у насъ не было искусственной героической поэмы, между тѣмъ какъ этотъ видъ поэзіи почитался тогда самымъ важнымъ, и представителями его уже гордились почти всѣ образованные народы Европы [1]). «Россіяда» пополнила этотъ пробѣлъ. 2) Поэма Хераскова, не смотря на искаженіе въ ней исторіи, нравилась современникамъ, какъ такое произведеніе, въ которомъ изображается торжество *креста* надъ *луною;* а въ вѣкъ Екатерины, какъ извѣстно, Россія вела борьбу съ поклонниками Магомета—съ турками. 3) Наконецъ на теплыя отношенія къ поэмѣ Хераскова имѣлъ вліяніе, конечно, и самый стихъ его: плавный и довольно обработанный, онъ, по своему складу, можетъ назваться стихомъ, для того времени, хорошимъ.

изъ «россіяды» (1779) [2]).

Вступленіе.

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость низложенну,

[1]) У итальянцевъ былъ уже «*Освобожденный Іерусалимъ*» Торквато-Тассо; у португальцевъ—«*Лузіада*» Камоэнса; у англичанъ—«*Потерянный рай*» Мильтона; у нѣмцевъ—«*Мессіада*» Клопштока; у французовъ—«*Генріада*» Вольтера.

[2]) «Россіяда» писалась 8 лѣтъ и была окончена въ 1779 г.

Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Изъ круга сихъ времянъ спокойныхъ лѣтъ начало
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло.
Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитаютъ,
Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ царемъ;
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность, мнѣ, да лирою моей
Вниманье привлеку народовъ и царей.

(Изъ IV-й пѣсни).

IV-ая пѣснь начинается описаніемъ Казанскаго лѣса, въ которомъ были гробницы татарскихъ хановъ. Въ описаніи этого лѣса Херасковъ подражалъ 13-ой пѣсни «Освобожденнаго Іерусалима», гдѣ также изображается очарованный лѣсъ.

Подъ тѣнью горъ крутыхъ Казанскихъ виденъ лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ, кажется, простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ;
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень;
Кустарники дрожатъ, о камень бьется камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополи мастисты;
Повсюду слышатся взыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
Опъ шумомъ ужасу дубравѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ;
Лѣсъ воетъ—адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.

Далѣе поэтъ перечисляетъ гробницы и подробно разсказываетъ *злодѣйства* всѣхъ хановъ, которыхъ прахъ покоится въ тѣхъ гробницахъ. Тамъ же между ними и гробница хана «Сафгирея». Затѣмъ поэма изображаетъ, какъ оставшаяся въ живыхъ жена Сафгирея—ханша Сумбека, приходитъ на могилу мужа и вызываетъ его тѣнь для того, чтобы спросить у покойника, за кого ей теперь выйти

замужъ. Тѣнь даетъ ей совѣтъ выйти за любящаго ее Алея, а затѣмъ начинаетъ пророчествовать:

Увы! я чувствую позоръ магометанства,
И зорю въ сихъ мѣстахъ встрѣчаю христіанства;
Подъ защищеніемъ она грядетъ небесъ,
Освѣтитъ всю Казань и сей дремучій лѣсъ,

и потому, чтобы избавить прахъ всѣхъ казанскихъ царей отъ этого грядущаго для нихъ бѣдствія, тѣнь проситъ Сумбеку сжечь всѣ гробницы. Она исполняетъ волю покойнаго мужа, и лишь только гробницы запылали, души царей стали по огненнымъ ступенямъ спускаться въ адъ. За этимъ слѣдуетъ описаніе ада и мукъ каждаго хана.

Слѣдуетъ замѣтить, что Херасковъ пользовался въ современномъ ему обществѣ не только славою писателя, но и большимъ уваженіемъ какъ человѣкъ, отличавшійся благороднымъ характеромъ и искреннею любовью къ просвѣщенію. Онъ былъ добрымъ покровителемъ даровитыхъ молодыхъ людей, преданныхъ наукѣ и литературѣ. Въ его домѣ собирались всѣ тогдашніе московскіе писатели, и рѣдко кто изъ нихъ пускалъ въ печать свое сочиненіе безъ того, чтобы предварительно не прочесть его Хераскову, который и получилъ прозвище «старосты россійской литературы».

Богдановичъ.

(1743—1803).

Херасковъ, по характеру своихъ произведеній и по своимъ ложноклассическимъ взглядамъ на литературу, принадлежитъ къ той же школѣ писателей, къ которой принадлежали Ломоносовъ и Сумароковъ. Инымъ является Богдановичъ: онъ стоитъ на рубежѣ, отдѣляющемъ въ нашей литературѣ періодъ полнаго господства ложнаго классицизма отъ періода послѣдующаго—Карамзинскаго.

Біографическія свѣдѣнія о Богдановичѣ. *Богдановичъ (Ипполитъ Ѳедоровичъ)* родился въ Малороссіи (въ мѣстечкѣ Переволочномъ) и уже въ раннемъ дѣтствѣ сталъ обнаруживать любовь къ чтенію, рисованію, музыкѣ и поэзіи. На 11-мъ году отвезли его въ Москву, гдѣ скоро опредѣлили въ математическую школу (при Сенатской конторѣ). Богдановичу не пришлась по душѣ математика: его занимала поэзія, и на 15-мъ году онъ уже писалъ стихи. О молодомъ талантѣ узналъ Херасковъ, записалъ Богдановича въ университетъ вольнослушателемъ и поселилъ въ своемъ домѣ. Живя у Хераскова, Богдановичъ, помимо университетскихъ лекцій, пользовался наставленіями творца «Россіяды» и принималъ участіе въ издававшихся имъ журналахъ. Благодаря Хераскову же, Богдановичъ пріобрѣлъ

знакомство съ высокопоставленными въ обществѣ особами, обратилъ на себя вниманіе кн. Дашковой и, при ея содѣйствіи, получилъ въ Петербургѣ мѣсто переводчика при Иностранной коллегіи, а вскорѣ послѣ этого былъ отправленъ въ Дрезденъ, въ качествѣ секретаря при нашемъ посольствѣ, и прожилъ тамъ два года среди блестящей обстановки общества, живописной природы и искусства. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ всѣ свои досуги посвятилъ литературѣ: писалъ стихи, переводилъ, и даже издавалъ журналъ («Петербургскій Вѣстникъ»). Но не этими, окончательно уже забытыми въ потомствѣ, трудами пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность Богдановичъ: въ 1775 г. онъ, какъ выразился одинъ его біографъ, «положилъ на алтарь граціи свою «Душеньку»—дѣйствительно весьма граціозную поэму шутливаго характера — и на ней-то и создалась литературная слава Богдановича. Автора «Душеньки» начали прославлять поэты въ своихъ одахъ и посланіяхъ, и сама императрица, прочитавъ поэму Богдановича, отозвалась о ней съ большою похвалою. Успѣхъ «Душеньки» способствовалъ успѣхамъ ея автора и въ обществѣ и на службѣ. Вся петербургская знать стала искать съ нимъ знакомства, и Богдановичъ, прежде любившій проводить время въ тиши своего кабинета, началъ появляться въ свѣтскихъ салонахъ. Эта разсѣянная жизнь и расточаемыя похвалы оказали неблагопріятное вліяніе на литературную дѣятельность Богдановича: послѣ «Душеньки» онъ писалъ уже мало и не создалъ ничего замѣчательнаго. Подъ конецъ жизни Богдановичъ оставилъ службу (1795), уѣхалъ въ Сумы, въ кружокъ родныхъ, но скоро переселился въ Курскъ, гдѣ и умеръ 1803 г. (6 января).

Поэма «Душенька» не оригинальна: это — подражаніе Лафонтеновой повѣсти «Любовь Психеи и Купидона», которая, въ свою очередь, представляетъ подражаніе тремъ главамъ (IV—VI) изъ обширнаго сатирическаго романа «*Превращенія, или золотой оселъ*», написаннаго римскимъ писателемъ Апулеемъ, жившимъ во II в. по Р. Х.

Апулей, вообще имѣя въ виду подѣйствовать своимъ романомъ на современные нравы, помѣстилъ въ немъ, между прочимъ, прелестную сказочную повѣсть, скомбинировавъ ее изъ различныхъ разсказовъ, относящихся къ циклу миѳовъ объ Эротѣ (=Купидонѣ= Амурѣ [1]). Содержаніе этой сказочной повѣсти слѣдующее:

У одного греческаго царя было три дочери, изъ которыхъ младшая—Психея—отличалась такою красотой, что ей стали воздавать

---

[1]) «Реальный словарь классической древности» Фр. Любкера, въ переводѣ Модестова (см. слово: Eros).

божескія почести. Венера, раздраженная такимъ поклоненіемъ смертной женщинѣ, велѣла сыну своему Эроту строго наказать Психею. Но Эротъ, при первомъ же взглядѣ на красавицу, полюбилъ ее и перенесъ въ одно уединенное мѣсто; тамъ жила она, связанная съ нимъ любовью, и однако ни разу не видала и не знала его. Вопреки запрещенью Эрота, злыя сестры, навѣщавшія Психею, подучили ее заглянуть ему въ лицо, и Эротъ покинулъ ее въ наказанье. Среди тысячи затрудненій отыскивала она его и наконецъ, искупивъ свою вину вынесенными страданіями, снова и навѣки соединилась съ Эротомъ. Ихъ дочь называлась Блаженствомъ.

Апулей придаетъ этому разсказу философскій смыслъ: Эротъ у него—великій демонъ, который ведетъ людей къ добру, а черезъ это—къ блаженству [1]).

Лафонтенъ отнесся къ своему оригиналу свободно: Психею онъ передѣлалъ во француженку и вообще черты античнаго міра смѣшалъ съ чертами современной ему эпохи. Серьезный характеръ Апулеева разсказа замѣненъ у него шутливымъ, при чемъ миѳъ—это поэтическое воплощеніе извѣстной религіозной идеи — въ его глазахъ не болѣе, какъ дѣтская забава. Но зато въ повѣсти Лафонтена много остроумія, веселости и граціозныхъ картинъ.

Подобными же чертами отличается и поэма Богдановича. Какъ у Лафонтена Психея вышла француженкой, такъ у Богдановича она, названная имъ *Душенькой,* является русской дѣвушкой; какъ у Лафонтена античное смѣшано съ французскимъ, такъ и у Богдановича оно смѣшано съ русскимъ. При этомъ и у Богдановича тотъ же взглядъ на миѳологію, тотъ же шутливый тонъ разсказа, и также встрѣчается не мало граціозныхъ картинъ, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи «Душенька» уступаетъ повѣсти Лафонтена.

Произведеніе Богдановича не могло не понравиться современникамъ своимъ забавнымъ разсказомъ и веселымъ тономъ. Не малую прелесть новизны имѣли и вольные стихи, которыми написана «Душенька». Но все же, какъ ни цѣнили поэму Богдановича, «Россіяду» Хераскова ставили выше; и до чего казалась она тогда великой—видно изъ слѣдующаго факта: когда появилась эта поэма, лучшіе представители литературы собрались около Новикова, читали ее и пытались писать разборъ, но пришли къ заключенію, что они не въ силахъ этого выполнить. Съ точки же зрѣнія новѣйшей критики, «Душенька», какъ произведеніе поэтическое, признается болѣе цѣннымъ, чѣмъ «Россіяда», и главнымъ образомъ потому, что авторъ

[1]) См. тамъ же.

въ ней освободился отъ условныхъ формъ ложнаго классицизма и даже какъ бы подсмѣивается надъ ними, употребляя ихъ въ шутливомъ тонѣ, какъ это видно въ самомъ же началѣ поэмы.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ДУШЕНЬКА» (1775).

Изъ первой книги [1]).

Вступленіе.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ и вольности слагаю.
Не лиры громкій звукъ,—услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
Вдохни въ меня твой жаръ, и разумъ мой осмѣль
Коснуться счастія селеній благодатныхъ,
Гдѣ вѣчно ты безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ, безъ скукъ, веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Фебъ туманится и кроется отъ глазъ,
Яви потоки мнѣ чудесной Ипокрены.
Покрытый снѣжными буграми здѣсь Парнасъ
Отъ взора твоего растаивалъ не разъ.
Съ тобою нѣжные присутствуютъ Зефиры,
Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные Сатиры,
Хулы и критики, и грусти, и бѣды;
Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды:
Веселья морщатся, Амуры плачутъ сиры...
О ты, пѣвецъ боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ,
Двойчатыхъ, ровныхъ, стройныхъ
И къ пѣнію пристойныхъ!
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ себя не безпокою,
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю
Черты, безъ равныхъ стопъ, но вольному покрою,
На разный образецъ крою,
И малой мѣры, и большія,
И часто риомы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.
А если отъ того устану,
Безтрудно и отважно стану,
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,

[1]) «Душенька» состоитъ изъ трехъ «книгъ» (т.-е. частей).

Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риѳмъ иль просто въ прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою,
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя
Пріятно разсмѣялась Хлоя.
Издревле Апулей, потомъ де-Лафонтенъ.
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили.
Перомъ ихъ, кажется, что Граціи водили,
Иль сами Граціи писали то одни;
Но если подражать ихъ слогу невозможно,
Потщусь за ними вслѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,
Тому подобну тѣнь представить осторожно,
И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ.

Плаваніе Венеры [1]).

Богиня, учредивъ старинный свой парадъ,
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ па двухъ большихъ дельфинахъ.
Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней, веселъемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ подвергнуть ей къ стопамъ.
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Вожжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,

[1]) Венера, принеся жалобу на Душеньку своему сыну, возвращается въ свой храмъ, на островъ Цитеру.

Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И, чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральный громко трубитъ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
Намѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
— О, если бъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!—
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ сей призракъ, какъ сонъ:
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
Пуская кверху водный ключъ.
Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь:
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякій трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другія жъ, на струяхъ несясь,
Пышатъ въ трудахъ по почтѣ скорой,
И отъ луговъ, любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать;
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать.

Изъ второй книги.

Чертоги Душенькѣ.

...Душенька отъ сна не прежде пробудилась,
Какъ полдень ужъ прошелъ, и послѣ полдня часъ
Тогда служащія дѣвицы, всѣмъ соборомъ.
Царевну вновь одѣть пришли
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всѣмъ къ тому приборомъ.

Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,
Который былъ простѣе,
Затѣмъ что Душенька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я, въ томъ послѣдуя царевнину уставу,
Сей домъ представить поспѣшу
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей тамъ принесть забаву
Вначалѣ Душенька по комнатамъ пошла
И тамо бѣгая, нигдѣ не пробѣжала
Покоя, ни угла,
Въ которомъ бы она на часъ не побывала;
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ—и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала;
Зефиры лишь одни ей слѣдовать могли
И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
Чтобъ какъ ни есть она, бѣжавши, не упала.
Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей архитектуры
И всяки рѣдкости натуры,
Которы Душенька, оглядывая вкругъ,
Желала видѣть вдругъ,
И что смотрѣть, не знала;
Одна передъ другой со споромъ взоръ плѣняла,
И Душенька бъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
Когда бъ отъ бѣгу тамъ
Впослѣдокъ не устала.
Во отдыхѣ она, отъ сихъ тогда трудовъ,
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:
То были образцы красавицъ безподобныхъ,
Которыхъ имена, и въ прозѣ и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ, и краткихъ и подробныхъ,
Безсмертно царствуютъ въ народахъ и вѣкахъ.
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Фринея
И множество другихъ богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,
Во всей красѣ, наливо,
Стояли тамъ у стѣнъ.
По по срединѣ ихъ, въ началѣ,
На нѣкомъ высшемъ пьедесталѣ,
Самой царевны ликъ стоялъ
И болѣ красотой другіе превышалъ.
Смотря на образъ свой, она сама дивилась
И внѣ себя остановилась:

Другая статуя казалась въ ней тогда,
Какой вовѣки свѣтъ не видѣлъ никогда.
Конечно, Душенька и долѣ бъ такъ осталась
Смотрѣть на образъ сей,
Которымъ обольщалась;
Но слуги, бывшіе при ней,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей,
Для новой глазъ ея забавы,
Другіе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронзы иль изъ стали,
И головы ея, и бюсты, и медали;
А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.
Въ другихъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,
Который кисть его водилъ своей рукою,
Представилъ Душеньку со всею красотою,
Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.
Желаетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?
Въ иной—Фауны къ ней несутъ Помонинъ рогъ,
И вяжутъ ей вѣнки, и рвутъ цвѣты въ долинахъ;
И пѣсни ей дудятъ, и скачутъ въ круговинахъ;
Въ другой—она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой парядясь, грозитъ на лошади,
И болѣ, чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ
Разитъ сердца пріятнымъ моромъ.
А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ:
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудрѣтъ оставшіе волосъ своихъ клочки
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
А тамъ она видна, подобяся царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ:
Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету,
Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечьми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очьми,
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихій нравъ:
Полей не обагряетъ кровью
И, наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.
А тамъ является она средн Утѣхъ,
Которы ей вездѣ предходятъ
И вымыслами игръ повсюду производятъ
Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.

А индѣ Граціи царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вкругъ ея летающій Зефиръ
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить міръ;
Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ,
Иль будто бы странясь отъ критикъ злокрамольныхъ,
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;
И многія изъ нихъ, конечно, чудесами,
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
Вездѣ въ чертогахъ тамъ
Царевниным очамъ
Торжественны ей въ честь встрѣчалися предметы:
Вездѣ ея портреты
Являлись по стѣнамъ,
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.
Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.

Изъ третьей книги.

Змѣй-Горынычъ [1]).

Не знаю, въ первый день, иль лучше, въ перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня, въ мщеніи, послала царску дочь
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Отъ первой кто попьетъ—здоровье получаетъ,
А отъ другой попьетъ—здоровье потеряетъ;
Но въ семъ пути никто не оставался живъ.
Царевна, къ службѣ сей, какъ должно, приступивъ
Подъ плечи два кувшина,
Пошла безъ дальня чина,
Пошла на всѣ труды—
Искать такой воды.
Куда? и кто съ въ пути ей будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ

[1]) Венера, чтобы погубить Душеньку, посылаетъ ее въ разныя мѣста и задаетъ ей неисполнимыя задачи. Между прочимъ приказываетъ ей достать живой и мертвой воды, которую сторожитъ Змѣй-Горынычъ.

Поднять и перенесть царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,
Царевнѣ на ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстый змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ кто его забавитъ питьецомъ.
Притомъ снабдилъ ее большою съ пойломъ флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой
И змѣю рѣчь сказавъ, въ гортань ему воткнуть.
Когда же пасть свою при пойлѣ змѣй разинетъ,
И голову съ хвостомъ въ то время разодвинетъ,
То Душенька найдетъ себѣ свободный путь—
Живую ль, мертвую ль водицу почерпнуть.
Зефиръ лишь то сказалъ, царевна путь скончала:
Явилася у водъ
И, змѣю поклонясь, умильну рѣчь сказала,
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:
«О змѣй-Горынычъ, Чудо-Юда!
Ты сытъ во всяки времена;
Ты ростомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
Блестишь златыми чешуями,
И смѣло разѣваешь пасть,
И можешь всѣхъ давить когтями.
Содѣлай край моимъ бѣдамъ:
Пусти меня, пусти къ водамъ».
Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши,
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Притомъ склоняяся ко сласти питьеца,
Горынычъ пасть разинулъ,
И голову съ хвостомъ при пойлѣ разодвинулъ.
Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды,
И разны къ нимъ слѣды.
Прислужливый Зефиръ, пока сей часъ не минулъ,
Конечно, Душеньку въ дорогахъ не покинулъ;
Она, въ свободѣ, тамъ попивъ живой воды,
Забыла всѣ свои дорожные труды
И вдругъ здоровѣй стала.
Писатели гласятъ,
Что Душенька тогда, съ водой явясь назадъ,
Въ отмѣнной красотѣ, какъ роза процвѣтала,
И предъ Венерою, какъ солнце, возблистала,
И будто бы тогда богиня умышляла
Заставить Душеньку мнимую воду пить;

Но просто случаемъ иль чудомъ, можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился,
И умыслъ въ дѣло не годился.

Душенька въ Аду.

Къ успѣху мщенья, пришло во умъ богинѣ
Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ,
Велѣвъ искать самой во Адъ себѣ пути
И нѣкакій оттоль горшечекъ принести.
Притомъ нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала.
Царевнинъ ревностный служитель давнихъ лѣтъ,
Зефиръ, скорѣй стрѣлы спустился паки въ свѣтъ
И ей полезный далъ совѣтъ—
Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ.
Въ лѣсу, онъ ей сказалъ, представится избушка,
А въ той избушкѣ ей представится старушка;
Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ,
Покажетъ впослѣди въ избушкѣ уголокъ,
Оттоль покажетъ внизъ ступени,
По коимъ въ Адъ нисходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
А, къ безопасности отъ страховъ, тотъ же часъ
Откроетъ напоказъ
Свою прекрасну ногу:
И можетъ впослѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
Письмо вручить,
Горшечекъ получить,
И службу надлежащимъ рядомъ
Исправно совершить.—
Послѣдуя сему закону,
Пошла царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ,
Нашла подземный сходъ, ступила девять кратъ,
Сошла тотчасъ во Адъ,
Явилась ко Плутону.
Возволновался мрачный край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры:
Тризѣвны въ Тартарѣ Церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь:
Церберы перестали лаять;
Замерзлый Тартаръ началъ таять;
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ съ надеждою на слугъ,

Смутился тишиною вдругъ,
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ... начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду первый разъ
Въ то время улыбнулся.
Узрѣвъ толь сильную посольску полну мочь,
Какую при письмѣ казала царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска трона
Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь,
И, по письму вручивъ горшечекъ ей приватно,
Ее, безъ дальнихъ словъ, отправила обратно.

Хемницеръ.

(1745—1784).

Первымъ нашимъ баснописцемъ былъ Сумароковъ. Но басни его, замѣчательныя своею рѣзкою сатирою, съ художественной стороны—представляютъ собою еще грубые образцы этого вида поэзіи. Притомъ же многія изъ нихъ даже не имѣютъ одного изъ существенныхъ признаковъ басни — аллегоріи, такъ что, строго говоря, не могутъ и называться баснями [1]). Несравненно бо́льшей художественной обработки достигла у насъ басня подъ перомъ Хемницера.

Біографическія свѣдѣнія о Хемницерѣ. *Хемницеръ (Иванъ Ивановичъ)* по происхожденію былъ нѣмецъ. Отецъ его при Петрѣ Великомъ выѣхалъ изъ Саксоніи, изъ города Хемница [2]) и въ 40-хъ годахъ занималъ должность военнаго врача въ Астраханской губерніи, гдѣ (въ Енотаевскѣ) и родился нашъ баснописецъ. Впослѣдствіи отецъ Хемницера переѣхалъ на службу въ Петербургъ и былъ надзирателемъ при Сухопутномъ госпиталѣ. Будучи самъ врачомъ, отецъ и сына готовилъ къ медицинской дѣятельности; но Хемницеръ не могъ выносить работы надъ трупами — и поступилъ въ военную службу простымъ солдатомъ. Въ военной службѣ онъ пробылъ 12 лѣтъ, принималъ участіе въ семилѣтней войнѣ и въ началѣ турецкой, и наконецъ, въ чинѣ поручика, вышелъ въ отставку и получилъ мѣсто при Горномъ корпусѣ. Получая ничтожное жалованье, на которое, по смерти отца, онъ долженъ былъ содержать себя,

[1]) См. выше статью о баснях Сумарокова, стр. 101.

[2]) Отъ города *Хемница (Chemnitz)* и произошла фамилія *Хемницеръ*.

мать и двухъ сестеръ, Хемницеръ жилъ въ большой нуждѣ. Нужда, а отчасти и собственная охота, побудила его взяться за перо. Онъ началъ серьезно изучать русскій языкъ, и съ 1770 г. стали появляться его труды — оригинальные и переводные, въ стихахъ и прозѣ. Къ этимъ трудамъ Хемницера относятся: 1) переводы съ нѣмецкаго нѣсколькихъ сочиненій по минералогіи; 2) разныя поэтическія произведенія, изъ которыхъ самыя замѣчательныя — басни.

Хемницеру удалось побывать и за границей—въ Германіи, Голландіи и Франціи, куда онъ ѣздилъ (въ 1776 г.), сопровождая своего начальника (директора Горнаго корпуса Соймонова). Послѣдніе годы жизни (1782 — 84) Хемницеръ прожилъ въ Смирнѣ, въ качествѣ нашего генеральнаго консула. Тамъ онъ и умеръ, не перенесши рѣзкой перемѣны климата и тяжелыхъ трудовъ. Тѣло его было перевезено въ Россію и погребено въ Николаевѣ. На его надгробномъ камнѣ вырѣзана имъ же самимъ сочиненная эпитафія:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Хемницеръ, какъ нравственная личность, былъ въ высшей степени симпатиченъ. «Се истинный Израиль, въ немъ же льсти нѣсть» — выразился о немъ Державинъ. Честный труженикъ, всю жизнь боровшійся съ нуждою, онъ до того былъ скроменъ, что рѣшился на изданіе своихъ басенъ только по убѣжденію друзей — Львова и Капниста, и то безъ обозначенія своего имени. Благодаря Львову же и Капнисту, Хемницеръ сошелся съ Державинымъ и, какъ извѣстно, имѣлъ на него не малое вліяніе [1]).

Басни Хемницера одни оригинальныя, другія переводныя. Переводилъ Хемницеръ не только Лафонтена, но и нѣмецкихъ баснописцевъ, особенно Геллерта. По своему содержанію, басни Хемницера довольно разнообразны, но всего болѣе любилъ онъ изображать печальную долю умнаго бѣдняка и противополагать ей счастливое житье богатства и глупости. Лучшею представительницею этой группы его басенъ можетъ служить басня «*Богачъ и бѣднякъ*». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что басни на эту тему оттого именно и встрѣчаются часто у Хемницера, что онъ самъ былъ знакомъ съ нуждою и со всѣмъ тѣмъ, что обыкновенно выпадаетъ на ея долю. Отсюда и понятно, почему такія басни, какъ «Богачъ и бѣднякъ» проникнуты элегическимъ чувствомъ.

Къ баснямъ этой группы близко подходятъ тѣ, въ которыхъ изображается спесь и зависть глупцовъ. Таковы, напримѣръ, басни: «*Часовая стрѣлка*» и «*Медвѣдь-плясунъ*».

[1]) См. выше статью: «Біографическія свѣдѣнія о Державинѣ».

Любя во всемъ простоту и естественность, Хемницеръ не терпѣлъ хитрыхъ умствованій и діалектическихъ тонкостей и осмѣивалъ ихъ въ своихъ баснях. Лучшія басни этой группы: «*Лисица и сорока*» и «*Метафизикъ*».

Хемницеръ, конечно, уступаетъ нашему знаменитому баснописцу Крылову, но, во всякомъ случаѣ, его басни выше басенъ Сумарокова: онъ, вполнѣ удовлетворяя нашему понятію о баснѣ, отличаются простотою изложенія, живостью языка (хотя и не всегда правильнаго), и многія изъ нихъ настолько художественны, что не забыты и теперь еще, не смотря на громкую славу и популярность басенъ Крылова.

Если Крылова называютъ соперникомъ Лафонтена, спорящимъ съ нимъ о первенствѣ, то Хемницера можно назвать достойнымъ ученикомъ славнаго французскаго баснописца, хорошо усвоившимъ себѣ его пріемы. Дѣйствительно, Лафонтенъ былъ любимымъ писателемъ Хемницера, и до какой степени имѣлъ онъ на него вліяніе, видно уже изъ того, что Хемницеръ, даже переводя Геллерта—писателя, еще смотрѣвшаго на басню, какъ на такое произведеніе, въ которомъ главное мѣсто принадлежитъ элементу дидактическому,—частію опускалъ, частію сокращалъ многорѣчивыя нравоученія нѣмецкаго моралиста [1]).

ИЗЪ БАСЕНЪ ХЕМНИЦЕРА

Богачъ и бѣднякъ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
Тотъ каждому и другъ и братъ;
Хоть не имѣй заслугъ ни чина...
Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
Дѣтина будешь какъ дѣтина;
А бѣдный будь хоть изъ князей,
Хоть разумъ ангельскій имѣй
И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,—
Того почтенья не дождется,
Какое богачу всегда ужъ воздается.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ;
Но бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
Ниже никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое: иль *да*, иль *нѣтъ*.
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.

---

[1]) См. въ изд. мною «Теоріи словесности» статью: «Исторія развитія басни», а также и образецъ Геллертовскихъ басенъ.

Потомъ
За бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
И не имѣлъ богачъ сей ни заслугъ ни чина,
И былъ прямая онъ скотина.
Что жъ? богачу—сказать нельзя, какой пріемъ!
Всѣ встали передъ богачомъ.
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ;
Те тутъ.
То тамъ его сажаютъ,
Поклоны тутъ ему земные не кладутъ,
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
«Возможно ль,—говоритъ ему,—
Что такъ людей богатство ослѣпляетъ,
Достоинства того, кто бѣденъ, получаетъ,
А кто богатъ, того пороки прикрываетъ?
Куда какъ это огорчаетъ!»—
Дивишься ты чему!
Другой на это отвѣчаетъ:
Достоинствъ вѣдь взаймы не ищутъ никогда,
А денегъ завсегда.

Стрѣлка часовая.

Когда-то стрѣлка часовая
На башнѣ городской,
Свои достоинства счисляя,
Расхвасталась собой.
И прочимъ часовымъ частямъ въ пренебреженье:
«Не должно ль», говоритъ: «имѣть ко мнѣ почтенье?
Всему я городу служу, какъ бы въ законъ;
Все, что ни дѣлаютъ, по мнѣ располагаютъ:
По мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ;
По мнѣ съѣзжаются въ суды и выѣзжаютъ;
По мнѣ чрезъ колокольный звонъ
Къ молитвѣ даже созываютъ;
И словомъ только часъ я нужный покажу,
Такъ точно—будто прикажу.
Да я жъ стою домовъ всѣхъ выше,
Такъ что весь городъ подо мной;
Всѣмъ видима и все я вижу подъ собой!
А вы что значите? Кто видитъ васъ?» —
«Постой,
Нельзя ли какъ-нибудь потише,
И слово дать
И намъ сказать?»
Другія части отвѣчали:
«Знай, если бы не мы тобою управляли,
Тебя бы собственно ни во что не считали.
Ты хвастаешь собой,
Какъ часто хвастаетъ и человѣкъ иной,
Который за себя работать заставляетъ,
А тамъ себя другихъ трудами величаетъ».

Медвѣдь-плясунъ.

Плясать медвѣдя научили,
И долго на цѣпи водили;
Однако какъ-то онъ ушелъ,
И въ родину назадъ пришелъ.
Медвѣди земляка лишь только что узнали,
Всѣмъ по лѣсу объ немъ, что тутъ онъ, промычали;
И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
Что всякъ другъ другу говорилъ:
«Вѣдь Мишка къ намъ опять явился».
Откуда кто пустился,
И къ Мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ.
Другъ передъ другомъ Мишку тутъ
Встрѣчаютъ,

Поздравляютъ,
Цѣлуютъ, обнимаютъ;
Не знаютъ съ радости, что съ Мишкою
начать.

Чѣмъ угостить и какъ принять.
Гдѣ! развѣ торжество такое,
Какое
Ни разсказать,
Ни описать!
И Мишку всѣ кругомъ обстали.
Потомъ просить всѣ Мишку стали.
Чтобъ похожденье онъ свое имъ разсказать.

Тутъ все, что только Мишка зналъ,
Разсказывать имъ сталъ;
И между прочимъ показалъ,
Какъ на цѣпи бывало онъ плясалъ.
Медвѣди плясуна искусство всѣ хвалили,
Которы зрителями были,
И каждый силы всѣ свои употреблялъ,
Чтобъ такъ же проплясать, какъ и плясунъ плясалъ.

Однако всѣ они хоть сколько ни старались,
И сколько всѣ ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,—
Не только чтобъ плясать,
Насилу такъ, какъ онъ, могли на лапы
встать.

Иной такъ со всѣхъ ногъ тутъ о́ землю
хватился,
Когда плясать было пустился;
А Мишка, видя то,
И вдвое тутъ потѣшился,
И зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ
ничто.

Тогда на Мишку напустили.
И ненависть и злость искусство все
затмили.
На Мишку окрикъ всѣ: «Прочь, прочь
отсель сейчасъ!
Скотина эдака умнѣй быть хочетъ
насъ!»

И все на Мишку нападали,
Нигдѣ проходу не давали;
И столько Мишку стали гнать,
Что Мишка принужденъ бѣжать.

Лисица и сорока.

Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
Что-таки ты весь день изволишь говорить?
Съ сорокой свидѣвшись, лисица ей
сказала:
«Я чаю, что тебя послушать разсуждать,
Есть подлинно, что перенять».
—Все, что я говорю, сорока отвѣчала:
Относится къ тому, чтобъ, истину всякой
Открывъ, другихъ наставить въ ней;
И я большимъ моимъ стараньемъ въ
томъ успѣла,
Что я, кого бы ни взяла,
Предъ всѣми прочими найти ее умѣла,
Съ летучей мыши до орла. —
«Большое, говоритъ лисица, одолженье
Твое услышать наставленье.
Когда бы ты не въ трудъ сочла».
Какъ на каѳедрѣ врачъ глубокоизученный,
И знаньемъ и своей особой зараженный,
Когда готовится преподавать урокъ,
Сперва впередъ и взадъ каѳедры пошагаетъ,
Съ осанкой въ посовой свой шелковый
платокъ
Утрется, и потомъ ужъ слово начинаетъ:
Такъ точно, на суку сорока находясь
И поученіе давать расположась,
Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выступала,
И справа посъ объ сукъ и слѣва подчищала;
Потомъ, принявъ лица ученѣйшаго
видъ—
«Я рада всѣмъ служить, что знаю,
говоритъ:
Я не люблю своимъ таиться дарованьемъ:
Пусть пользуются всѣ, открытымъ мнѣ
познаньемъ.

Не такъ ли? Ты вѣдь у себя
Четыре все ноги считала?
И не четыре ихъ! Хоть странно для тебя,
Однако должно знать: что бъ я ни
сказала.
Безъ доказательства еще не оставила.
Послушай, и сама признаешься тогда:
Примѣтила ли ты когда:
Какъ скоро ступишь ты, нога твоя
не тяжела:
Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
То и нога твоя покоится тогда?
Да полно, этимъ я не все еще сказала;
А слушай, что теперь я стану говорить,
Чего большимъ трудомъ недавно я
узнала:
Всегда, когда тебѣ случается ходить,
То ты не иначе, какъ по землѣ ступаешь.
Примѣть же ты свой хвостъ—и ты тогда
узнаешь,
Что всякій разъ, когда нога твоя шагнетъ,
То съ нею тожъ и хвостъ подастся твой
впередъ;
И какъ нога твоя то тутъ, то тамъ бываетъ,
Точехонько и хвостъ твой также выступаетъ,
Когда на ловлю куръ изволишь ты ходить.
Изъ этого теперь выходитъ заключенье,
Что хвостъ твой пятою ногою долженъ
быть.
И вотъ, сударыня, на ваше предложенье
Вамъ съ доказательствомъ рѣшенье».
Какъ, право, веселитъ, что даже межъ
скотовъ
Способности большихъ умовъ,
Дающихъ всѣмъ вещамъ и толкъ и объясненье!
Мнѣ это важное сороки разсужденье
Лисица разсказавъ заподлинно сама,
Примолвила при томъ отъ хитрости
ума:
«Чѣмъ меньше свѣдущи скоты и чѣмъ
глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе».

Метафизикъ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что вобще того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго отмѣнно почитаютъ,
Затѣмъ что съ знаніемъ такихъ людей
считаютъ:
И, смотря на другихъ, онъ сына тожъ
послать
Учиться за море рѣшился:
Онъ отъ людей любилъ не отставать,
Затѣмъ что былъ богатъ. Сынъ сколько-то
учился,
Да сколько ни былъ глупъ, глупѣе возвратился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ
вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ.
И малаго не научили,
А навѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало глупости онъ попросту болталъ;
Теперь ученостью онъ толковать ихъ
сталъ.
Бывало лишь глупцы его не понимали,
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ
его скучалъ.
Въ метафизическомъ бѣспутьѣ размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ —
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, вдругъ онъ въ ямѣ
очутился,
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести.
А думалъ, между тѣмъ, дитяти,

Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
«Какая быть могла паденія причина?
Что оступился я, ученый заключалъ,
Причиною землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье
Могло произвести воздушное давленье,
Съ землей и съ ямою семи планетъ
сношенье...»

Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ» — говоритъ — «тебѣ веревка:
ухватися.
Я потащу тебя; смотри, не оборвися».
—«Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ:
Веревка вещь какая?» —
Отецъ его хоть былъ и не ученъ,
Да отъ природы былъ уменъ;
Вопросъ дурацкій оставляя,
«Веревка—вещь», сказалъ, «такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ».—
«На это бъ выдумать оруліе другое;
А это слишкомъ ужъ простое.»
— «Да время надобно», отецъ ему на то:
«А это, благо, ужъ готово».—
«А время что?»
— «А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди — сказалъ отецъ — пока приду
опять».
Что, если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
Да яма надобна большая!

Княжнинъ.

(1742—1791).

Сумароковъ, какъ трагикъ, стяжавъ себѣ громкую славу у современниковъ, не остался безъ подражателей: непосредственнымъ преемникомъ «россійскаго Расина» былъ зять его—Княжнинъ.

Біографическія свѣдѣнія о Княжнинѣ. *Княжнинъ (Яковъ Борисовичъ)* родился во Псковѣ, до 15-ти лѣтъ учился дома, а затѣмъ былъ отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ и завершилъ свое образованіе у профессора Академіи Наукъ Модераха. Прекрасно образованный для своего времени, знакомый со словесностью, съ языками французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ, Княжнинъ, по окончаніи ученія, началъ свою служебную карьеру, при чемъ особенно полезна была его дѣятельность, какъ помощника Бецкаго, при которомъ онъ состоялъ (съ 1779 г.) секретаремъ по дѣламъ о новомъ воспитаніи. Кромѣ того, Княжнинъ занимался еще преподаваніемъ словесности въ Кадетскомъ корпусѣ. Однако служебныя занятія не мѣшали ему удѣлять время и на литературу: онъ составлялъ статьи для современныхъ журналовъ, писалъ комедіи, но болѣе всего прославился своими трагедіями. Уже первая изъ нихъ — «*Дидона*» (1769) — доставила ему извѣстность и сблизила его съ Сумароковымъ, на дочери котораго онъ и женился; «*Росславъ*» (1784) и «*Титово милосердіе*» (1785), эти двѣ лучшія трагедіи Княжнина, окончательно закрѣпили за нимъ славу его предшественника—Сумарокова.

Трагедіи Княжнина [1]) совершенно такого же ложноклассическаго характера, какъ и трагедіи Сумарокова: но, сходясь во всѣхъ существенныхъ признакахъ ложноклассической трагедіи, произведенія Княжнина тѣмъ не менѣе отличаются отъ произведеній Сумарокова въ нѣкоторыхъ частностяхъ, а именно:

1) Заимствованія изъ иностранныхъ авторовъ встрѣчаются въ трагедіяхъ Княжнина [2]) въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ у Сумарокова. Такъ, напр., его «Титово милосердіе» есть почти повтореніе пьесы того же имени, принадлежащей Метастазію: его «Дидона» есть не что иное, какъ заимствованіе изъ «Дидоны» Лефрана Помпиньяна. Мѣста изъ Корнеля, Расина и Вольтера у Княжнина встрѣчаются очень часто. Пушкинъ былъ правъ, назвавъ Княжнина «переимчивымъ».

2) Погрѣшности противъ общечеловѣческой правды доведены въ трагедіяхъ Княжнина до крайняго предѣла: выведенныя въ нихъ лица уже окончательно представляютъ собою олицетвореніе той или другой отвлеченной идеи: въ нихъ исчезаютъ *люди* — и остаются только *герои*.

3) Въ діалогахъ Княжнина меньше движенія, меньше жизни, чѣмъ у Сумарокова.

Все это вмѣстѣ взятое ставитъ трагедіи Княжнина въ художественномъ отношеніи, даже не смотря на превосходство ихъ языка и стиха, ниже трагедій Сумарокова, что однако нисколько не умаляетъ ихъ историческаго значенія, которое заключается въ слѣдующемъ: герои Княжнина, какъ и герои Сумарокова, и даже еще больше и чаще, высказываютъ тѣ идеи о человѣколюбіи, гражданскомъ долгѣ, истинной чести, высокомъ патріотизмѣ, которыя составляли, такъ сказать, нравственный катехизисъ каждаго, кто причислялъ себя къ русскимъ европейцамъ XVIII вѣка. Это соотвѣтствіе нравственнымъ идеаламъ времени и было главною причиною, почему трагедіи Княжнина такъ нравились современникамъ, особенно трагедія «Титово милосердіе», такъ какъ въ гуманныхъ поступкахъ и мысляхъ выведеннаго въ ней римскаго императора они не могли не видѣть Екатерины и не вспоминать о ея «Наказѣ».

---

[1]) «*Дидона*» (1769), «*Владимиръ и Ярополкъ*» (1772), «*Росславъ*» (1784), «*Титово милосердіе*» (1785), «*Софонизба*» (1786), «*Владисанъ*» (1786) и «*Вадимъ*» (1789).

[2]) За исключеніемъ «Росслава» и «Вадима».

Аблесимовъ и Капнистъ.

(1742—1783) (1757—1824)

Изъ второстепенныхъ писателей во вторую половину XVIII ст. лѣтія Херасковъ, Богдановичъ и Хемницеръ славились главнымъ образомъ какъ поэты эпическіе, а Княжнинъ какъ трагикъ; въ области же комедіи заслѣчательны Аблесимовъ и Капнистъ: первый — своей комической оперетной «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ», второй—своей комедіей «Ябеда».

Аблесимовъ (*Александръ Онисимовичъ*) служилъ сперва чиновникомъ при Сумароковѣ, а потомъ въ военной службѣ. Въ первые годы своей гражданской службы переписывалъ набѣло стихотворенія Сумарокова, что и возбудило въ немъ самомъ охоту къ стихотворству. Онъ сочинилъ нѣсколько театральныхъ пьесъ, изъ которыхъ лучшая — комическая оперетка «*Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ*» (1779). Сюжетъ этой пьесы взятъ изъ русскаго простонароднаго быта. Анюта, дочь богатаго крестьянина, влюбляется въ однодворца Филимона, но на бракъ съ нимъ не получаетъ согласія своихъ родителей: отецъ Анюты хочетъ выдать ее непремѣнно за мужика, а мать — за дворянина. Филимонъ обращается къ мельнику, слывущему въ народѣ колдуномъ, и проситъ помочь ему жениться на Анютѣ. Мельникъ беретъ съ Филимона деньги и доказываетъ несговорчивымъ родителямъ невѣсты, что однодворецъ въ одно и то же время и мужикъ и дворянинъ, и что, стало-быть, онъ удовлетворяетъ требованію какъ отца, такъ и матери. Пьеса эта, не важная по содержанію, чрезвычайно нравилась публикѣ своимъ веселымъ комизмомъ, чисто народными сценами, живой народной рѣчью и, наконецъ, пѣснями, отличающимися народностью своихъ мотивовъ. Она выдержала 27 представленій съ ряду, и театръ всегда былъ полонъ.

Капнистъ (*Василій Васильевичъ*), уроженецъ Полтавской губерніи, былъ прекрасно образованъ, зналъ древніе языки и переводилъ Горація, а французскимъ владѣлъ такъ свободно, что даже писалъ на немъ стихи. Сперва онъ былъ офицеромъ, потомъ гражданскимъ чиновникомъ, наконецъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Капнистъ написалъ много лирическихъ стихотвореній, но онъ болѣе извѣстенъ какъ авторъ комедіи «*Ябеда*» (1796), написанной стихами и осмѣивающей ябеду и мздоимство. Сюжетъ ея слѣдующій. Ябедникъ Праволовъ хочетъ оттягать у полковника Прямикова его отцовское наслѣдство и, для болѣе вѣрнаго успѣха въ своемъ намѣреніи, сватается за дочь предсѣдателя гражданской

палаты Кривосудова, которую любилъ Прямиковъ. Кривосудовъ и подкупленные взятками чиновники берутъ сторону Праволова; но сенатъ узнаетъ о проискахъ этого ябедника и предписываетъ посадить его въ тюрьму, а членовъ палаты отдать подъ судъ. Комедія эта есть рѣзкая сатира, направленная противъ того общественнаго зла, противъ котораго возставалъ и Сумароковъ и сатирическіе журналы Екатерининскаго времени.

ИЗЪ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЕТКИ АБЛЕСИМОВА:

«Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ».

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляетъ съ одной стороны лѣсъ, вдали по холмамъ малыя деревеньки, съ другой стороны мельницу и при ней телѣги съ мѣшками. Напереди жъ всего дерево.

Явленіе 1-е.

Мельникъ *(одинъ).*

(Онъ, стругая доску, поетъ, только тонъ пѣсни безъ рѣчей и музыки. Потомъ говоритъ):

Какая бишь это пѣсня?.. Да: «Какъ вечоръ у насъ со полуночи»... такъ... *(начинаетъ пѣть на этотъ тонъ пѣсню, продолжая самъ свою работу).*

Какъ вечоръ у насъ со полуночи,
Со полуночи, до бѣла свѣта...

Какой проливной было пошелъ дождикъ, да пересталъ скоро. *(Такъ же поетъ и продолжаетъ работу).*

На зарѣ-то было да на утренней,
На закатѣ вѣдь свѣтлаго мѣсяца...

Ну, ужъ былъ вѣтеръ! то-то, слышь ты, дулъ сильно, что чуть было и мельницу-то мою совсѣмъ не спрорушилъ; въ пень бы я сталъ, да спасибо хоть исковеркалъ, да не много; а хоть и не много, да надѣлалъ дѣла *(приноравливаетъ доску).* Ну, будетъ ладно, пойдетъ опять заново. *(Подошедъ къ оркестру).* Смѣшно, право, какъ я вздумаю: говорятъ, будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ, и ужъ де мельникъ всякій не простъ: они де знаются съ домовыми, и домовые-то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ... ха! ха! ха!... какой сумбуръ мелютъ! а я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарился на мельницѣ, а ни одного домового съ роду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ... Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ; а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ;
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.
И колдовки-колотовки

Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду:
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ,
И живутъ такимъ обманомъ.

Какъ и азъ грѣшный!

Явленіе 2-е.

Филимонъ и прежній.

Мельникъ *(его увидя)*.

А!... это ко мнѣ гость. На сей день будетъ поживка. *(Къ Филимону)*. Путь-дорога доброму молодцу.

Филимонъ.

Челомъ бью, старинушка.

Мельникъ.

Издалеча ль бредешь, куда путь держишь?

Филимонъ.

Не пуще дальное дѣло.

Мельникъ.

Да волею, или неволею?

Филимонъ.

Коней ищу: савраско да гнѣдко вдвоемъ куда-то запропастились; а кони-то, кони-то какіе добрые были. *(Особливо)*. Это онъ-то, ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. *(Къ мельнику)*. Што, старинушка, хочу спросить тебя...

Мельникъ.

О чемъ поволишь? изволь-ста, мы ваши работники.

Филимонъ.

Доброе дѣло... и мы вамъ плательщики... Итакъ поворожи мнѣ: найдутся ли мои кони?

Мельникъ.

Найдутся ли кони?...

Филимонъ.

Такъ, старинушка: мнѣ объ нихъ очень хочется свѣдать.

Мельникъ.

А вотъ, эдакъ, напримѣръ, какъ будетъ ли отъ тебя што? *(Подставляетъ руку)*.

Филимонъ.

Напередъ угадай, дѣдушка, а тамъ мы посмотримъ.

Мельникъ *(отворачивается, сердится и начинаетъ пѣть)*:

Угадать—
Не устать;
Да какъ дѣло плоховато,
Такъ и платятъ торовато,

Филимонъ.

Да я тебѣ, старинушка, плательщикъ буду.

Мельникъ

На посулѣ,
Какъ на стулѣ,
Посидя да не поѣшь,
Такъ животъ не будетъ свѣжъ.

Филимонъ.

Ни изъ чего не солгу, повѣрь пожалуй.

Мельникъ.

Въ тотъ чередъ,
Напередъ,
Эти басни не подъ нужу,
Вынь-ка мошну-то наружу,
И пустого не болтай,
Да намъ денежки считай.
(Подставляетъ руку, смотря ему въ глаза).

Филимонъ.

Ну, коли такъ, изволь пожалуй: мы вамъ и напередъ дадимъ посильно мѣсто копеекъ.

Мельникъ.

Это только-то?

Филимонъ.

Будетъ покамѣстъ, чего больше?

Мельникъ *(особо).*

Ладно, ты безъ полтинки-то отъ меня не отъѣдешь.

Филимонъ.

Што жъ ты мнѣ скажешь?

Мельникъ.

А какъ теперь на дворѣ—рано?

Филимонъ.

Не больно еще поздно, и солнце за лѣсъ не сѣло.

Мельникъ.

Переверпись же три раза по солнцу.

Филимонъ.

Што бы такъ?

Мельникъ.

Што бы такъ!... въ ворожбѣ это надо... Ну, дѣлай, што велятъ!..

Филимонъ.

Во твою угоду мы и повернемся. *(Вертится одинъ разъ).*

Мельникъ.

Еще противъ солнца.

Филимонъ *(вертясь).*

Еще-таки и противъ солнца.

Мельникъ.

Теперь стань вотъ къ этому дереву. *(Филимонъ хочетъ идти, а мельникъ говоритъ).* Нѣтъ, нѣтъ, постой... есть ли у тебя платъ?

Филимонъ *(вынимаетъ платокъ).*

Есть, вотъ.

Мельникъ.

Зажми же глаза плотно... завяжи платкомъ крѣпче... еще крѣпче... ну! ладно... теперь слушай же: стой да пишкни, съ мѣста не двигайся и никому не аукайся; а я пойду къ старшому...

Филимонъ *(исполняя все, что мельникъ ему ни приказывалъ).*

А буде кто безъ тебя ко мнѣ придетъ и станетъ меня спрашивать: зачѣмъ де ты стоишь такъ, добрый молодецъ, ясныя твои очи завязаны?

Мельникъ.

Ни съ кѣмъ ни словечка; а ворчи, коли хочешь, про себя.

Филимонъ.

А пѣсню спѣть въ потребу ли будетъ?

Мельникъ.

Всполошишь всѣхъ; не надо.

Филимонъ *(про себя).*

Эдакая причина!

Мельникъ.

Стой же плотно.

Филимонъ.

Ннъ добро быть такъ.

(Мельникъ, отходя отъ Филимона, примѣчаетъ его движенія; а онъ покушается глаза немного открыть, Мельникъ, воротясь, подходитъ крадучись и говоритъ съ сердцемъ).

Мельникъ.

Тютъ!... тютъ!... што ты это чудесишь?... эдакой рахманный, вѣдь испужаешься... *(взявъ его за руку)* поди за мною... стой, ухватись вотъ за это дерево *(потомъ очерчиваетъ его мѣломъ).* Ну, стой же, слышь ли ты, плотно; не трожься и за черту ни ногою, а то быть худу... *(Отходитъ).*

Явленіе 3-е.

Филимонъ *(одинъ).*

(Онъ, приклоняя голову въ ту сторону, куда мельникъ ушелъ, слушаетъ).

Слышится, колдунъ ушелъ... такъ, ушелъ теперь. Што-то онъ мнѣ скажетъ? Ну, да што ни будетъ, то будетъ!... *(Открываетъ немного глаза).* Да... нѣтъ... ужъ меня, ничего не видя, отъ страху какъ будто морозъ по кожѣ подираетъ... што жъ мнѣ дѣлать? ничего иного, какъ орать что есть мочи; нѣтъ!... стану курнякать помаленьку, только штобъ не такъ страшно-то мнѣ было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кликнемся, не аукнемся.
Спою пѣсню: да какую жъ я спою?...
А! любимую свою...

(Музыка начинаетъ, а въ это время какъ Филимонъ готовится пѣть).

Явленіе 4-е.

Мельникъ и прежній.

(Мельникъ выноситъ жернова, ставитъ ихъ у мельницы).

Филимонъ *(продолжаетъ пѣть на голосъ: «Какъ ходилъ, гулялъ молодчикъ»).*

Вотъ спою какую пѣсню:
Ходилъ молодецъ на Прѣсню,
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ.
Ходилъ молодецъ на Прѣсню
Изъ Сесвяцкова села,
Подъ вечерокъ,
Путь недалекъ.
Изъ Сесвяцкова села,
Красна дѣвка тамъ жила,
Дѣвка душа,
Тамъ хороша.
Красна дѣвка тамъ жила,
Молодца съ ума свела.

(Мельникъ вертитъ жерновомъ и симъ дѣлаетъ шумъ; а Филимонъ, продолжая пѣть, пугается)

Дѣвка... ду... ша...
Тамъ хо... ро... ша... *(Оканчиваетъ дикимъ голосомъ).*

Мельникъ.

Разступись вода!.. растворись мельница!.. явись ко мнѣ сѣдой демонъ!.. *(Вертитъ опять жерновомъ сильнѣе и производитъ шумъ).*

Филимонъ *(дрожитъ).*

Чуръ меня!.. чуръ меня!.. съ нами невидимая сила!..

Мельникъ *(подбѣгая къ Филимону).*

Ухватись за дерево плотнѣя.

Филимонъ *(хватясь за дерево, самъ дрожитъ).*

Мельникъ *(обходя его кругомъ).*

Будутъ кони?... будутъ кони?.. Таки будутъ?... *(Сиповатымъ голосомъ).* Нѣтъ, не будутъ. *(Обходитъ другой разъ).* Придутъ кони?... таки придутъ ли кони?... *(Такъ же сиповато).* Нѣтъ, не придутъ. Што за дьявольщина! *(Обходитъ третій разъ).* Найдутся ли кони?... да найдутся ли кони? *(Притворнымъ голосомъ съ сердцемъ).* Хоть найдутся, да не скоро... *(Своимъ голосомъ).* Исчезни жъ, окаянный!.. *(Самъ подбѣгаетъ опять къ жернову и вертитъ оный; потомъ, подошедъ къ Филимону).* Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

Филимонъ *(развязавъ глаза).*

У!.. *(дрожа поетъ).*

О ты, дѣдушка Ѳаддей!
И ты сильный ворожища!
Ты могучій чародѣй!

Мельникъ.

Кабы ковшъ теперь пивища,
Я въ него бы поглядѣлъ,—
То падѣлалъ бы ужъ дѣлъ.

Филимонъ.

Ты намъ, дѣдушка, помога,
У кого кручины много.

Мельникъ *(особо)*.

Я тѣмъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Оба.

Фил. Ты намъ, дѣдушка, } помога.
Мел. Я вамъ, дѣтушки, }

Фил. { У кого } кручины } много.
Мел. { } есть денегъ }

Филимонъ.

Итакъ, дѣдушка, пропали мои кони?

Мельникъ *(поетъ)*.

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ.

Што жъ ты мнѣ скажешь?

Мельникъ *(еще поетъ)*.

Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много.

Филимонъ.

Да вотъ, пожалуй, я и еще дамъ тебѣ денегъ, только отгадай мнѣ. *(Даетъ ему денегъ)*.

Мельникъ *(заикаясь)*.

А!.. а кармливалъ ты ихъ овсомъ?

Филимонъ.

О, нѣтъ, они съ роду зерна не видали.

Мельникъ.

Ну, такъ вѣкъ не найдутся.

Филимонъ.

Эдакое мое горе!

Мельникъ.

Постой еще; подай-ка мнѣ свою руку! *(Филимонъ кажетъ руку, а мельникъ водитъ по лодони пальцемъ)*. Такъ, въ твоей рукѣ ихъ нѣту; только корысть будетъ, лихихъ людей переможешь; а на сердце кручина пала...

Филимонъ *(особливо)*.

Какъ сказали объ немъ, такъ и подлинно, што онъ все подноготное узнаваетъ!

Мельникъ.

Погляди-ка сюда прямехонько!... што-то есть у тебя на мысли?..

Филимонъ.

Охъ! старинушка, есть... да боюсь молвить.

Мельникъ.

Не боясь, не боясь, повѣдай мнѣ свою крѣпкую думу: авось-либо въ чемъ и пособить можно.

Филимонъ.

Нѣтъ, дѣдушка, кажется, несбыточное дѣло, и статца-то этому не можно.

Мельникъ.

Не болтай пустова.

Филимонъ (*поетъ на голосъ: «Западала путь-дороженька моя»*).

Я повѣдаю тоску-печаль ему,
Отчего такъ больно сердцу моему;
Вѣдь онъ сильный ворожица,
И мнѣ стался быть дружица:
Такъ я думушку свою
Передъ нимъ не потаю...

Мельникъ.

Не утай, не утай ничего; а мы посмотримъ, какъ пособить будетъ можно.

Филимонъ.

Ну, ниъ быть такъ, правду молвить: я прибрелъ было къ тебѣ кручину свою размыкать; придумай, пригадай мнѣ. Я задумалъ, добрый молодецъ, жениться, и пришла мнѣ одна красная дѣвица по обычью; да вотъ бѣда моя: отецъ и мать ея другъ съ другомъ не согласны; старухѣ какъ-то изстари случилось быть дворянскаго отродья, а выдана въ крестьянство поневолѣ; старикъ-атъ вѣдь и хочетъ дочку выдать за дѣтину-хлѣбопашца, а старуха-хлопотунья за дворянскаго сыночка... и за то-то мужъ съ женою и хлопочутъ.

Мельникъ.

О! о! это плевое дѣло; я смекнулъ, какъ быть этому: дѣвка будетъ наша! что за работу?

Филимонъ.

Четверть доброй ржи старинушкѣ челомъ бью.

Мельникъ.

Ну-тка, по рукамъ... ладно!.. (*Поетъ на голосъ: «Вы, рученьки, рученьки»*).

Не кручинься, молодецъ,
Горю сдѣлаемъ конецъ;
Назову тебя я братомъ
И пойду къ невѣстѣ сватомъ;
Ты объ этомъ не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.

Филимонъ.

О томъ, дѣдушка, ни слова,
Будетъ рожь тебѣ готова;
О дарахъ ты не тужи,
Дѣломъ самъ лишь не держи.

Мельникъ.

Я тебѣ жену добуду,
Иль я мельникъ ввѣкъ не буду!...

Филимонъ.

Чудеса ты все творишь:
Какъ рублемъ меня даришь.

Мельникъ.

Мы пойдемъ приготовляться,
Какъ съ невѣстой повидаться.

Филимонъ.

Пойдемъ къ дѣлу поспѣвать.

Мельникъ.

Пойдемъ свадьбу затѣвать.

Оба.

А чтобъ быть намъ посмѣлѣя
И придтить повеселѣя,
Такъ зайдемъ мы въ кабачокъ:
Тяпнемъ тамъ винца крючокъ.

ИЗЪ КОМЕДІИ КАПНИСТА: «ЯБЕДА».

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1-е.

Прямиковъ и Добровъ [1]).

Прямиковъ.

Я радъ, мой другъ, что мы съ тобою здѣсь столкнулись.

Добровъ.

Да вы, сударь, зачѣмъ въ домъ этотъ завернулись?
Неужли за грѣхи какая васъ напасть
Иль тяжба, Богъ храни! втащила въ эту пасть?

Прямиковъ.

Такъ именно: процессъ на шею навязался;
Я отъ него уйти хоть всячески старался,
Мирился, уступалъ, но потерялъ весь трудъ.
Итакъ, уѣздный ужъ и верхній земскій судъ
Прошедъ, гдѣ моему не льстили суностату,
Вступило дѣло къ вамъ въ гражданскую палату.

Добровъ.

Боюсь я, чтобъ оно не оступилось здѣсь.
Да съ кѣмъ же вы, сударь, имѣете процессъ?

Прямиковъ.

Сосѣдъ мой Праволовъ не вѣдь съ чего вцѣпился...

Добровъ.

Кто? Праволовъ?

Прямиковъ.

Да онъ. Чему же ты удивился?

---

[1]) Добровъ—повытчикъ гражданской палаты.

Добровъ.

Дивлюся, право я, какъ съ умной головой
Могли связаться вы съ такой, сударь, чумой?

Прямиковъ.

Сутяга хитрый онъ, однакожъ не опасенъ.

Добровъ.

Кто? онъ?

Прямиковъ.

Ужъ въ двухъ судахъ былъ трудъ его напрасенъ.

Добровъ.

Не знаете сего, сударь, вы молодца.
Другого въ свѣтѣ нѣтъ такого удальца.
Напрасенъ въ двухъ судахъ! да тамъ лишь разбираютъ,
А вѣдь въ гражданской вдругъ рѣшатъ и исполняютъ.
Что за бѣда ему, что въ тѣхъ его винятъ:
Лишь только для него въ палатѣ былъ бы ладъ,—
То онъ получитъ вдругъ и право и имѣнье.
Вамъ съ Праволовымъ въ судъ? какое дерзновенье!

Прямиковъ.

Да чѣмъ же страшенъ такъ онъ мнѣ? прошу сказать.
Я, въ арміи служа, не могъ сосѣдей знать.
По замиреніи я въ отпускъ отпросился:
Лишь въ домъ—онъ на меня съ процессомъ и взвалился;
И тутъ-то я узналъ ужъ не отъ одного,
Что онъ злой ябедникъ; да только и всего.

Добровъ.

Да только и всего! такъ этого и мало?
Вы добрый человѣкъ; мнѣ жаль, сударь, васъ стало.
Покойный вашъ отецъ мнѣ благодѣтель былъ;
Я милости его отнюдь не позабылъ:
Я помню, что его хлѣбъ-соль ѣдалъ довольно.
Въ сѣтяхъ сихъ видѣть васъ мнѣ, право, очень больно.
Коль пуженъ въ чемъ, готовъ для вашихъ я услугъ.

Прямиковъ.

Чувствительно тебя благодарю, мой другъ!
Я долженъ искренно теперь тебѣ признаться,
Что я не знаю, какъ за дѣло мнѣ приняться.
Во-первыхъ, мнѣ скажи, чѣмъ такъ соперникъ мой
Мнѣ страшенъ?

Добровъ.

Господи! что за вопросъ такой!
Онъ ябедникъ: вотъ все ужъ этимъ вамъ сказали.
Но чтобъ его, сударь, получше вы узнали,
То я здѣсь коротко его вамъ очерчу:
Въ дѣлахъ, сударь, ему самъ чертъ не по плечу.
Въ гражданской ужъ давно веду я протоколы:

Такъ видны всѣ его тутъ шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представъ, невинности явили въ немъ черты.
А сверхъ того еще: гласъ Божій—гласъ народа.
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядныя, уступки, векселя.
Тамъ отмежевана вдругъ выросла земля;
Тутъ верхни мельницы всѣ нижни потопили.
Тамъ двѣсти десятинъ два борова изрыли;
Здѣсь выморочныхъ селъ наслѣдничекъ воскресъ;
Тамъ, на гумнѣ, его дремучій срубленъ лѣсъ;
На брата искъ за брань и за безчестье взноситъ,
А ножилыхъ [1]) съ того и за умершихъ проситъ;
Тамъ люди, пойманы его на воровствѣ,
Окраденнымъ купцамъ сыскалися въ родствѣ,
И брали то, что имъ лишь по наслѣдству должно.
Но всѣхъ его проказъ пересказать не можно:
Довольно и того, что вамъ слегка сказалъ.
Притомъ, какъ знаетъ онъ всѣхъ стрянчихъ наповалъ!
Какъ регламентъ загнуть, какъ вывернуть указы!
Какъ всѣ подьячески онъ вѣдаетъ пролазы!
Какъ забѣжать къ судьѣ, съ котораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ сребреца;
Шестерку проиграть, четверку гдѣ, иль тройку;
Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку;
И словомъ—дивное онъ знаетъ ремесло:
Неправду мрачную такъ чистить, какъ стекло.
Такъ вамъ возможно ли съ симъ молодцомъ тягаться?

Прямиковъ.

И подлинно его мнѣ должно опасаться.
Но дѣло вѣдь мое такъ право, ясно такъ!...

Добровъ.

Какъ солнце ясно будь, то будетъ—аки мракъ.

Прямиковъ.

Но на судей ужли не можно положиться?
Хозяинъ здѣшній?...

Добровъ *(осматриваясь кругомъ)*.

Ахъ! боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышитъ насъ никто.
Извольте жъ про себя, сударь, вы вѣдать то,
Что дому господинъ, гражданскій предсѣдатель,
Есть сущій истины Іуда и предатель;
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ;
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ
(показывая, будто считаетъ деньги)

[1]) Т.-е. денегъ.

И безъ наличнаго довода дѣлъ не судитъ.
Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,
Но вящшую его супруга дань деретъ:
Съѣстное, питьецо—предъ нею нѣтъ чужого;
И только что твердитъ: даянье всяко благо.

Прямиковъ.

Вотъ на! возможно ль быть? А члены?

Добровъ.

Все одно:

У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено.
Одинъ членъ вѣчно пьянъ, и протрезвленья нѣту;
Такъ тутъ какому быть ужъ путному совѣту?
Товарищъ же его до травли русаковъ
Охотникъ страстный: съ нимъ, со сворой добрыхъ псовъ,
И сшедшую съ небесъ доѣхать правду можно.

Прямиковъ.

А засѣдатели?

Добровъ.

Когда сказать не ложно,
Въ одномъ изъ нихъ души хотя немножко знать,—
Такъ что жъ? лихъ та бѣда, что не гораздъ читать,
Писать и поготовь, а на словахъ заика:
Итакъ, хотя бъ и радъ,—помѣха лихъ велика.
Другой себя къ игрѣ такъ страстно пристрастилъ,
Что душу бы свою на карту посадилъ.
Въ судѣ по Чермному съ нимъ Фараонъ гуляетъ,
И у журналовъ онъ углы лишь загибаетъ.

Прямиковъ.

А прокуроръ? ужли и онъ...

Добровъ.

О! прокуроръ,
Чтобъ въ риему мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зритъ онъ далеко.
Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.
За праведный доносъ, за ложный онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздній въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

Прямиковъ.

А о секретарѣ?..

Добровъ.

Дуракъ, кто слово тратитъ.
Хоть голъ будь, какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцевъ пять своихъ.
Экстрактецъ сочинить безъ точекъ, запятыхъ,
Подчистить протоколъ, иль листъ прибавить смѣло,

Пль стибрить документъ—его все это дѣло;
И съ Праволовымъ онъ—запазушны друзья.
Онъ вамъ накаверзитъ, весьма увѣренъ я.
И дѣльце, знать, къ себѣ онъ прибралъ по секрету:
По крайности, его въ моемъ повытѣ нѣту.

Прямиковъ.

Изрядно эту ты мнѣ шайку описалъ!
Какая сволочь!

Добровъ.

Я вамъ истину сказалъ;
Но ради Бога!..

Прямиковъ.

Будь, пожалуй, будь спокоенъ.
Но чѣмъ же мнѣ начать? я, право, такъ разстроенъ...

Добровъ.

Изъ словъ, сударь, моихъ могли вы то понять.
Что нечѣмъ тутъ начать, какъ тѣмъ, что дать да дать.

Книги, составленныя П. Смирновскимъ и продающіяся у книгопродавца А. Я. Папафидина (Москва, Покровка, Лялинъ пер., собствен. д., № 11—13).

I. **Приготовительный курсъ русской грамматики.** Учебникъ для приготовительнаго класса и вообще для начинающихъ. Изд. 5-е. Ц. въ перепл. 25 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. одобренъ въ качествѣ руководства въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

II. **Учебникъ русской грамматики** для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Часть I. — Этимологія, изд. 14-е 1898 г. Ц. въ переплетѣ 55 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобренъ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Часть II. — Синтаксисъ, изд. 10-е 1898 г. Ц. въ переплетѣ 65 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобренъ какъ руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

III. **Грамматика древняго ц.-славянскаго языка, изложенная сравнительно съ русскою.** Изданіе 12-е 1897 г. Ц. въ переплетѣ 75 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена какъ учебное пособіе для III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

IV. **Сборникъ періодовъ,** выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей (1789—1880 г.). Ц. въ перепл. 30 коп.

V. **Русская хрестоматія** въ двухъ частяхъ: часть I (для 1-го и 2-го кл.,) изд. 13-е 1898 г. Ц. въ переплетѣ 85 коп.; часть II, изданіе 13-е 1898 г. (для 3-го и 4-го кл.). Ц. въ переплетѣ 1 р. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрена какъ учебное пособіе для 1-го, 2-го, 3-го и 4-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

VI. **Маленькая русская хрестоматія для дѣтей,** проходящихъ курсъ русскаго языка, соотвѣтствующій приготовительному классу при гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 112 страницъ и 8 стр. предисловія, съ 32 рисунками. 1897 г. Изд. 4-е, исправл. Ц. 15 к. Допущена въ приготовительные классы гимназій и прогимназій.

VII. **О курсѣ чтенія въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій, основанномъ на задачахъ общеобразовательной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки къ обѣимъ частямъ Русской хрестоматіи.** Цѣна въ перепл. 45 к.

VIII. **Теорія словесности,** съ приложеніемъ статей: 1) Поэзія, какъ изящное искусство, 2) Элементарныя свѣдѣнія изъ логики, 3) Элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи. Издан. 10-е 1898 г. Ц. въ перепл. 90 коп. Одобрено Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній—мужскихъ и женскихъ.

IX. **Сборникъ статей, какъ приложеніе къ учебнику теоріи словесности.** Изд. 3-е Ч. I. Ц. въ перепл. 75 к Ч. II. Ц. въ перепл. 75 к.

X. **Пособіе при изученіи исторіи русской словесности.** Часть I (народная словесность и литература отъ начала письменности до Ломоносова). Ц. 1 р. 40 коп. Часть II (отъ Ломоносова до Карамзина). Ц. 1 р. 15 к. Часть III (отъ Карамзина до Пушкина). Ц. 1 р. 50 коп. Часть IV (отъ Пушкина до новѣйшаго времени). Ц. 1 р.

XI. **Курсы систематическаго диктанта.** Ч. I (для 1 и 2 кл.), изд. 14-е 1898 г. Ц. 75 к. Часть II (для 3-го и 4-го кл.). Изд. 6-е 1897. Ц. въ перепл. 55 к. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія какъ учебное пособіе для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Дозволено цензурою. Москва, 11 августа 1898 года.

Типо-Литографія П. Я. Полякова. Покровка, Лялинъ пер., д. № 13.

тическаго порядка. — Г. Петровъ, авторъ сборника „Звѣздочка“, повидимому, въ нѣкоторой степени постарался восполнить этотъ пробѣлъ; этого онъ достигъ тѣмъ, недостающимъ остроумія, способомъ, что размѣстилъ, напримѣръ, образчики поэзіи сообразно временамъ года. Во всякомъ случаѣ, сборникъ статей г. Петрова представляетъ собою весьма счастливую и довольно удачно выполненную мысль. „Звѣздочка“ стоитъ недорого, всего 40 коп. „Новости“, 1884 г., № 93.

Полонскаго, Я. П. Поэзія. Критическій этюдъ. Спб., ц. 20 к.

Его же. Три поэмы (А. Н. Майкова, гр. А. А. Голенищева-Кутузова и К. Р.). Критическій этюдъ. Спб., ц. 20 к.

Пособіе къ рѣшенію задачъ алгебраич., геометр. и тригоном., ц. 25 к.

Практическое руководство для изученія спряженія латинскаго глагола (съ таблицей спряженія), ц. 40 к.

Прилежаевъ. Фабричная инспекція во Франціи, ц. 1 р.

Пушкинъ. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ, съ картинками, ц. 10 к.

Пэнъ. За другого. Романъ. Перев. съ англ., съ карт., ц. 1 р. 50 к.

Пэре. Перв. три года жизни ребенка, ц. 50 к.

Раевскій, Н. И. Собираніе растеній и составленіе гербарія, ц. 40 к.

Рамбосонъ, Ж. Материнское воспитаніе. Спб., ц. 40 к.

Рейнботъ. О. А. Словарь нѣмецко-русскихъ техническихъ словъ по фабричнымъ, мануфактурнымъ и заводскимъ производствамъ, постройкамъ желѣзныхъ дорогъ, химіи и минералогіи. Спб., 1885, ц. 3 р.

Рѣке. Открытіе Америки Христофоромъ Колумбомъ, книга для юношества, съ рис. и картой, въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

Розельонъ-Сошальская. Цвѣты. Разсказы для дѣтей, съ рис., 2-е изд. Спб., 1889 г. ц. 1 р.

Ростиславлевъ. Опытъ изслѣдованія объ имуществ. и доход. наш. монаст., ц. 2 р. 50 к.

Савельевъ. Здоровье. О сбереженіи здоровья на долгое время, до глубокой старости и о подачи первой помощи въ болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ до прихода врача. Нравственно-гигіеническое чтеніе для солдатъ и народа. Спб., ц. 40 к.

Его же. Полезныя свѣдѣнія о лошади и другихъ домашнихъ животныхъ и птицахъ, съ краткими наставленіями о выборѣ, сбереженіи здоровья домашнихъ животныхъ и птицъ и о подачѣ имъ помощи въ болѣзняхъ. Издан. 6-е значительно исправлен. и дополненное, ц. 40 к.

Сборникъ Государственныхъ знаній, подъ редакціей В. П. Безобразова, цѣна вмѣсто 26 руб., за 8 руб. Всего 2588 стран. Критика и библіографія 1127 стран. Обозрѣніе движ. законод. и госуд. управленія 314 стр., а всего въ 8-ми томахъ 5029 стр. **Пересылка:** отъ Москвы до 500 верстъ 1 руб., свыше до 1000 верстъ 2 руб. и далѣе 3 руб.

Семья и Школа (за 11 лѣтъ), 1871—81. Семейное чтеніе для дѣтей, занятія, игры, работы и рукодѣлія, безъ премій, въ годъ по 3 р.

Сеницовъ, Н. Предметовѣденіе. Ч. I. Бесѣды и темы по описанію и сравненію предметовъ, ц. 20 к.

Симашко, Ю. Травникъ или гербарій. Содержаніе: Собираніе растеній. Укладка и сушеніе растеній. Споровыя растенія. Распредѣленіе растеній. Коллекція плодовъ и сѣмянъ. Дендрологическая коллекція. Зимнія ботаническія занятія. Дихотомическая таблица для опредѣленія деревъ по почкамъ, съ 21 рисункомъ въ текстѣ, ц. 40 к.

Его же. Руководство къ собиранію, храненію и наблюденію надъ насѣкомыми и другими низшими животн. и скелетиров. млекопитающ. Съ 81 рис. ц. 50 к.

Книги, составлен. П. Смирновскимъ.

Всѣ эти 11 изданій Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрены въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

I. ***Приготовительный курсъ русской грамматики.*** Учебникъ для приготовительнаго класса и вообще для начинающихъ. Изд. 5-е, 1897 г., ц. въ перепл. 25 к.

II. ***Учебникъ русской грамматики*** для младшихъ классовъ средн. учебн. заведеній.

Часть I—***Этимологія,*** изд. 13, 1897 г., ц. въ переплетѣ 55 к.

Часть II—***Синтаксисъ,*** изд. 8-е, 1897 г., ц. въ переплетѣ 65 к.

Всѣ наиболѣе выдающіеся учебныя курсы грамматики позднѣйшаго времени имѣютъ своею отличительною, и притомъ весьма похвальною особенностью то, что въ основу теоріи въ нихъ положено изслѣдованіе языка и слога крупнѣйшихъ отечественныхъ писателей, такъ что изучающій грамматику неизбѣжно приходитъ къ убѣжденію, что не авторы примѣняются къ грамматикѣ въ своемъ творчествѣ, а, напротивъ, грамматическія теоріи невольно выясняются, создаются изъ образцоваго языка, устанавливающаго собою общіе законы. Такая постановка вопроса оживляетъ сухія грамматическія формы и правила устанавливаетъ связь между отрывочными формами и живою рѣчью, придаетъ имъ смыслъ въ глазахъ учащагося и пріохочиваетъ его къ изученію языка и его законовъ. Три курса учебника русской грамматики г. Смирновскаго построены именно на этой почвѣ. Въ приготовительномъ курсѣ изложена вся грамматика. Въ этой части учебника г. Смирновскаго большое достоинство, благодаря которому книжка можетъ быть съ успѣхомъ введена и въ народной школѣ. Считаемъ очень умѣстнымъ и полезнымъ то, что составителемъ, попутно съ курсомъ расположены задачи и упражненія (всѣхъ 127), такъ что грамматическія свѣдѣнія должны усвоиваться при разборѣ, и учителю не представляется надобности трудиться надъ подъисканіемъ и составленіемъ примѣровъ, когда они есть тутъ же предъ глазами ученика. Что касается собственно учебника грамматики г. Смирновскаго, то онъ при всей сжатости изложенія, однако такъ подробенъ, заключаетъ въ себѣ такое множество грамматическихъ свѣдѣній, подтвержденныхъ примѣрами, взятыми изъ литературной рѣчи, что учителю, въ крайности, можно и ограничиться знаніемъ этого курса, дающаго обширныя и отлично обоснованныя свѣдѣнія.

Извлеченіе изъ „Систематъ. обзоръ русской литературы“, изд. 2-е, 1895 г., Спб., стр. 135.

III. ***Грамматика*** древне-ц.-славянскаго языка, изложенная сравнител. съ русскою. Изд. 11-е, 1897 г., ц. въ переплетѣ 75 к.

IV. ***Сборникъ періодовъ,*** выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей (1789—1880 г.), ц. 20 к.

V. ***Русская хрестоматія*** въ двухъ частяхъ, часть I (для 1-го и 2-го кл.), изд. 13-е, 1898 г., ц. въ перепл. 85 к.; часть II, изд. 13-е, 1898 г. (для 3-го и 4-го кл.), ц. въ перепл. 1 р.

VI. ***Маленькая русская хрестоматія для дѣтей,*** проходящихъ курсъ русскаго языка, соотвѣтствующій приготовительному классу при гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 112 страницъ и 8 стр. предисловія, съ 32 рисунками. 1896 г. Изд. 4-е, исправл., ц. 15 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 25 к. Допущена въ приготовительные классы гимназій и прогимназій.

VII. ***О курсѣ чтенія*** въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій, основанномъ на задачахъ общеобразовательной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки къ объимъ частямъ Русской хрестоматіи, ц. въ перепл. 45 к.

VIII. ***Теорія словесности,*** съ приложеніемъ статей: 1) Поэзія, какъ изящное искусство, 2) Элементарныя свѣдѣнія изъ логики, 3) Элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи. Изд. 9-е, 1897 г., ц. въ перепл. 90 к.

У г. Смирновскаго теорія словесности разработана очень хорошо и самостоятельно. Не торопясь разграничить строго, по примѣру другихъ теоретиковъ, всѣ произведенія свои на три рода, авторъ основываетъ выясненіе ихъ происхожденія и дѣленіе на ученіе объ элементахъ лирическомъ описательномъ, повѣствовательномъ и разсужденіи при этомъ учащемуся по книгѣ г. Смирновскаго становится ясно, что собственно нѣтъ общепринятаго дѣленія произведеній, и что произведенія относятся къ тому или иному роду и виду по преобладающему въ нихъ элементу, такъ что, напр., даже въ чисто прозаическомъ произведеніи можетъ быть усмотрѣнъ элементъ поэтическій, но только въ меньшемъ примѣненіи и развитіи, чѣмъ прозаическій, въ лирическомъ—эпическій и наоборотъ, а драматическій родъ являетъ собою совокупность всѣхъ основныхъ элементовъ. Такая разработка теоріи словесности представляетъ новый и вѣрный шагъ въ постановкѣ вопроса о разборѣ поэтическихъ произведеній и устраняетъ многія недоразумѣнія, возникающія при ихъ разсмотрѣніи на основаніи прежняго узкаго дѣленія. При разработкѣ каждаго рода и вида литературныхъ произведеній (балладъ, басенъ, одъ, сатиръ и пр.), авторъ сообщаетъ обстоятельную исторію ихъ возникновеній и развитія до нашихъ дней. Неменьшаго вниманія заслуживаетъ и первая часть книги г. Смирновскаго—стилистика, гдѣ сжато, но съ соблюденіемъ всего необходимаго разсмотрѣны достоинства и недостатки слога, съ весьма вразумительнымъ подкрѣпленіемъ обильными примѣрами, прекрасно подобранными изъ лучшихъ авторовъ.

„Систем. обзоръ русск. литер.“. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., стр. 164, статья 189.

IX. ***Сборникъ статей***, какъ приложеніе къ учебнику теоріи словесности. Изд. 3-е, ч. 1, ц. въ перепл. 75 к., ч. II, ц. въ перепл. 75 коп.

X. ***Пособіе*** при изученіи исторіи русской словесности. Ч. I (народная словесность, литература отъ начала письменности до Ломоносова), ц. 1 р. 40 к. Часть II (отъ Ломоносова до Карамзина), ц. 1 р. 15 к. Часть III (отъ Карамзина до Пушкина), ц. 1 р. 50 к. Часть IV (отъ Пушкина до новѣйшаго времени), ц. 1 р.

Это весьма удачное соединеніе исторіи русской литературы съ хрестоматіей. Составленное чрезвычайно добросовѣстно и съ глубокимъ знаніемъ дѣла, пособіе г. Смирновскаго охватываетъ всю нашу словесность, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ и является вполнѣ цѣннымъ руководствомъ для каждаго, кто не имѣетъ возможности пріобрѣтать въ отдѣльности многія книги, рекомендуемыя имъ въ виду ихъ достоинствъ. Разбираемые образцы литературы введены авторомъ въ текстъ исторіи и такимъ образомъ постоянно иллюстрируютъ его собою.

Обильныя толковыя примѣчанія поясняютъ непонятныя слова и выраженія, которыхъ особенно въ произведеніяхъ древней литературы, а также въ XVIII вѣкѣ, встрѣчается очень много. При всемъ этомъ пособіе г. Смирновскаго отличается живостью и доступностью изложенія.

„Систематъ. обзоръ. русск. литерат.“. Изд. 2-е. Спб., 1895 г., стр. 173, статья 264.

XI. ***Курсы систематическаго диктанта.*** Ч. I (для 1 и 2 кл.). Изд. 13-е, 1897 г., ц. въ перепл. 75 к., ч. II (для 3 и 4 кл.). Изд. 6-е, 1897 г., ц. въ перепл. 55 к.

Примѣнительно къ своему курсу грамматики г. Смирновскій составилъ систематическіе диктанты, которые среди такого рода пособій занимаютъ выдающееся мѣсто. Первое ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они, дѣйствительно, строго систематичны, идутъ послѣдовательно, постепенно, рука объ руку съ грамматикою. Г. Смирновскій предпочелъ составить свой диктантъ, особенно первую его часть, изъ отдѣльныхъ фразъ, преслѣдуя исключительно ореографическія цѣли, чѣмъ и сдѣлалъ свое пособіе вполнѣ цѣлесообразнымъ. Связныя-же статейки, важности которыхъ для диктовки составитель и не отрицаетъ вообще, помѣщены у него послѣ каждаго отдѣла, для повторенія пройденнаго. Съ особеннымъ одобреніемъ слѣдуетъ отнестись еще и къ тому, что составителемъ не упущено изъ виду развитіе зрительныхъ навыковъ у дѣтей: всѣ тѣ формы, которыя являются предметомъ изслѣдованія, отпечатаны особымъ шрифтомъ, такъ что можно пользоваться этимъ диктантомъ и для упражненія въ списываніи съ книги. Матеріалъ въ книжкахъ этихъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: часть первая: звуки и буквы, окончаніе частей рѣчи, флексіи, суффиксы, сложныя слова, корни съ буквою ѣ, знаки препинанія; часть вторая: знаки препинанія, но уже въ большемъ развитіи, чѣмъ въ первой части, и періоды; въ концѣ приложенъ сводъ правилъ объ употребленіи знаковъ препинанія. Связныя статейки выбраны составителемъ изъ произведеній лучшихъ нашихъ писателей (такъ, періоды взяты у Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, С. Аксакова, Тургенева); отдѣльныя-же фразы хотъ и есть изъ писателей, но въ большинствѣ составлены самимъ г. Смирновскимъ примѣнительно къ системѣ и цѣлямъ диктанта. Что касается отдѣла періодовъ, то для интересующихся разстановкою знаковъ препинанія въ сложной періодической рѣчи можетъ указать, что эта часть диктанта издана составителемъ и отдѣльно, но съ значительно большимъ количествомъ примѣровъ и съ приложеніемъ теоретической статьи о періодахъ. (Сборникъ періодовъ выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей, (1789—1880) П. Смирновскимъ).

„Систематическ. обзоръ русской литерат.“. Изд. 2-е, Спб., 1895 года, стр. 132, статья 136.

Соколовскій. Законы о договорѣ найма купеческихъ приказчиковъ, лавочныхъ сидѣльцевъ и ихъ отвѣтственности, о торговыхъ довѣренност. и товариществ. Спб., ц. 75 к.

Его же. Практическое объясненіе: 1) о предохраненіи имущества послѣ умершаго и о вызовѣ наслѣдниковъ; 2) о порядкѣ наслѣдованія по закону съ указаніемъ, какіе документы должны быть представлены для утвержд. въ правахъ наслѣдства, ц. 50 к.

Его же. Руководство для составленія домашнихъ духовныхъ завѣщаній и представленія таковыхъ къ утвержденію, ц. 15 к.

Соколовъ, А. О. Методика начальнаго обученія церковно-славянск. языку. 1896 г., ц. 75 к.

Его же. Практическая грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. 1896 г., ц. 40 к.

Его же. Краткій курсъ грамматики церковно-славянскаго языка для двухклассныхъ сельскихъ училищъ и др. низшихъ учебныхъ заведеній. М. 1897 г., ц. 20 к.

Сокращенный повторительный курсъ по физіологіи, ц. 75 к.

Стрекаловъ, В. Теоретическая ариѳметика. Спб., 1890 г., ц. 1 р. 25 к.

Сфинксъ. Сборникъ шарадъ, загадокъ, ребус. и проч. Занимательное время-провожденіе для всѣхъ возрастовъ. Спб., 1889 г., ц. 1 р. 25 к. (болѣе 100 рисунковъ).

Счетный Самоучитель, ц. 6 к.

Томасъ. Открытія: морскаго пути въ Индію, Америки, Австраліи и Океаніи сѣверныхъ и южныхъ поляр. странъ. Съ полит., ц. 1 р. 50 к.

Трофимовъ. Драматическія арабески, сцены, монологи, ц. 75 к.

Его же. Руковод. коммер. ариѳметики. Спб., ц. 75 к.

Уэвеллъ, Б. Исторія Индуктивныхъ Наукъ, 3 тома, ц. 8 р. 50 к.

Уильямсъ, В. С. Лучшія тепличныя и оранжерейныя растенія. Книга 1-я: растенія лиственъ, съ 16 рис. Книга 2-я: растенія цвѣточн. Книга 3-я. папортн. и плауны. Спб., ц. по 50 к. каждая.

Успенскій, Г. Изъ Стараго и Новаго. (Отрывки, очерки, наброски), ц. 1 р.

Ухова. Руководство къ педагогической и гигіенической гимнастикѣ, ч. 1-я: О вольныхъ движеніяхъ, съ 207 ф., ц. 2 р. 50 к.

Фальке. Новый способъ обученія началамъ геометріи, ц. 70 к.

ПКМ
2196 N
12555 | 371

20 к.

Фишеръ. Силы природы и ихъ соотношеніе, ц. 75 к.

Философ. этюды. Смыслъ истор. ц. 65 к.

Флавицкій. Результаты изслѣдованія причинъ вреднаго вліянія внутренняго воздуха въ зданіяхъ. Спб., ц. 1 р.

Фонъ-Детъ-Борнъ, М. Рыбоводство. Съ 64-мя полит., ц. 2 р. 50 к.

Форъ. Основы операт. хирургіи, ц. 50 к.

Фридрихъ. Дифтеритъ и его лечен., ц. 60 к.

Хвостекъ. Болѣз. поджелуд. желѣз., ц. 60 к.

Хмѣлева, О. М. Каменные насыпи каменной мачехи. (Очерки Финляндіи). М., 1898 г., ц. 15 к., съ картинкой на обложкѣ.

Цвѣтковъ, В. Ключъ ко второй пѣсни Энеиды Виргилія. М., 1896 г., ц. 30 к.

Его же. Руководство къ изученію русскаго правописанія на примѣрахъ, изд. 2-е исправл. М., 1895 г., ц. 30 к.

Цебрикова. Мысль и трудъ. Разсказы. Съ рис. въ текстѣ, въ красивой папкѣ, ц. 2 р.

Цюнъ. Сердце и мозгъ. Рѣчь, ц. 30 к.

Его же. Основы электротерапіи, ц. 1 р. 25 к.

Рѣчь М. Т. Цицерона къ римскому народу о назначеніи Кнея-Помпея полководцемъ. Подстрочный переводъ съ примѣчаніями и объясненіями В. Абрамова. М., 1897 г., ц. 30 к.

Шардинъ, А. Историческіе разсказы, ц. 1 р.

Шарловскій. Воспитан. и нач. обуч., ц. 60 к.

Шелонскій, Н. Владѣнія русскаго Царя. Гдѣ живетъ русскій народъ. Съ картой Европейской и Азіатской Россіи. Ц. 20 к.

Его же. Уральскія горы и какъ онѣ раздѣляются. М., 1898 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Его же. Амурскій край и рѣка Амуръ. (Привольныя мѣста Русской земли). М., 1897 года., ц, 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Его же. Золотая Сибирь. Что такое золото и гдѣ его добываютъ. М., 1898 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Его же. Императоръ Николай I, черты и анекдоты изъ его жизни. Съ портретомъ Императ. Николая I. М., 1897 г., ц. 15 к.

Школа конькобѣжца. Искусство бѣгать на конькахъ. Съ 47 черт., ц. 60 к.

Школьная гимнастика въ Голландіи, Даніи, Швейцаріи и Германіи, со мног. рис. Спб. ц. 1 р.

Шмидтъ. Зоологія, подъ ред. Кирпотенко. ц. 50 к.

Щенсновичъ, М. Руководство къ изученію оспопрививанія, изд. 2-е, ц. 30 к.

Щепанскій, И. Опытъ крит. разбора ученія объ отрицательныхъ количеств., ц. 25 к.

Ясинскій, І. Искра Божія. Ром., ц. 50 к.

Его же. Великій человѣкъ. Ром., ц. 25 к.

Его же. Добрая фея. Ром., ц. 75 к.

Козырева. В. Краткая Священная Исторія Ветхаго Завѣта Составленная по программѣ для гимназій и ***рекомендована*** Святѣйшимъ Синодомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства, какъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ Министерства Народн. Просвѣщенія, такъ и вообще во всѣхъ среднихъ и низшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изданіе 7-е. Москва, 1898 г., ц. 20 к.

Извлеченіе изъ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ выписки изъ журнала Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

„Составительница не вдается въ подробности, но она не упускаетъ также изъ виду и ни одного важнаго факта, о которомъ необходимо знать всякому, изучающему Священную Исторію. У ней замѣтенъ нѣкоторый выборъ фактовъ, опредѣляемый тонкимъ женскимъ чутьемъ и педагогическими соображеніями. Она видимо заботилась о томъ, чтобы останавливать вниманіе дѣтей на такихъ по преимуществу сторонахъ историческаго разсказа, которыя могутъ дать наиболѣе назиданія дѣтскому уму и сердцу, и въ то же время упускать такіе подробности, о которыхъ неудобно распространяться въ дѣтской книгѣ. Разсказъ ея вездѣ отличается простотою, живостью, ясностью, вполнѣ доступною для дѣтскаго пониманія. Что касается до внутренняго содержанія разсматриваемой рукописи, то и въ этомъ отношеніи она можетъ быть названа безукоризненною. Священно-историческія событія изложены въ ней вѣрно, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ и согласно съ библейскими сказаніями".

Ея же. Краткая священная Исторія Новаго Завѣта составленная по программѣ для гимназій и ***рекомендована*** Святѣйшимъ Синодомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства, какъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и вообще во всѣхъ среднихъ и низшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изданіе седьмое. Москва, 1898 г. ц. 25 к.

Извлеченіе изъ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ выписки изъ журнала Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

„Первая часть сочиненія г-жи Козыревой, заключающая въ себѣ Священную исторію Ветхаго Завѣта, была уже на разсмотрѣніи Учебнаго Комитета и одобрена имъ какъ весьма хорошее руководство по Закону Божію для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вторая часть съ изложеніемъ новозавѣтной священной исторіи, по достоинствамъ своимъ, нисколько не уступаетъ первой. Здѣсь, какъ и тамъ замѣчается та же полнота священно-историческихъ событій, тотъ же разумный выборъ библейскихъ фактовъ, опредѣляемыхъ тонкимъ женскимъ чувствомъ и педагогическими соображеніями, та же отчетливость, естественность и легкость разсказа, наконецъ, тотъ же благоговѣйный тонъ и даже умиленіе при изображеніи священныхъ лицъ и событій. Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа изложены авторомъ съ такою неподражаемою простотою и такимъ благоговѣніемъ, какія не встрѣчаются рѣшительно ни въ одномъ учебникѣ. Видно, что г-жа Козырева глубоко сама прочувствовала то, что писала. Вообще вся ея новозавѣтная исторія отъ начала до конца носитъ отпечатокъ глубокаго религіознаго чувства, которое исходитъ изъ сердца и трогаетъ сердце. Г-жа Козырева не прибѣгаетъ ни къ какимъ риторическимъ украшеніямъ, ни къ какимъ поддѣлкамъ, расчитаннымъ на возбужденіе чувствительности; во всей ея рукописи не встрѣчается ни патетическихъ мѣстъ, ни искусственно-приставленныхъ нравоученій; она имѣетъ дѣло съ однимъ библейскимъ фактомъ, но изложеніе и направленіе этого факта дѣйствительно таково, что возбуждаетъ глубокое религіозное чувство въ душѣ читателя. Въ этомъ отношеніи, сочиненіе г-жи Козыревой стоитъ едва ли не выше всѣхъ существующихъ нынѣ учебниковъ по Священной исторіи для свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Оно сообщаетъ учащимся не только необходимыя религіозныя знанія, но и воспитываетъ въ нихъ духъ благоговѣнія къ лицу Спасителя и Его дѣламъ. Всѣ разсказы автора запечатлѣны дѣтскою вѣрою и изложены съ замѣчательнымъ тактомъ. При чтеніи этихъ разсказовъ, въ умѣ ученика не возбуждается ни одного нескромнаго вопроса, не возникаетъ никакихъ сомнѣній и недоразумѣній.

Кромѣ всѣхъ этихъ достоинствъ, въ разсматриваемомъ сочиненіи есть и другія, весьма важныя въ учебникѣ: Священная Исторія г-жи Козыревой вполнѣ приспособлена къ послѣдней гимназической программѣ, одобренной Св. Синодомъ въ 1872 году для гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Всѣ священныя событія, притчи и бесѣды Іисуса Христа распредѣлены въ ней въ томъ самомъ порядкѣ и даже подъ тѣми самыми заглавіями, какія указаны въ программѣ. Каждый пунктъ программы находитъ здѣсь полный и обстоятельный отвѣтъ. Затѣмъ, что касается собственно внѣшняго, литературнаго изложенія рукописи, то она вездѣ отличается безукоризненной чистотою и правильностію, живостію и точностію. Языкъ ея до такой степени простъ и ясенъ, что безъ труда можетъ быть понимаемъ даже малолѣтними дѣтьми.

При всѣхъ вышеуказанныхъ достоинствахъ „Краткая Священная Исторія" г-жи Козыревой займетъ весьма почетное мѣсто въ нашей учебной литературѣ